
ТУРКЕСТАНСКІЙ
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
СБОРНИКЪ
въ пользу
прокаженныхъ

нк- ск-1 об-1 кол- д-

801-14
2702

ТУРКЕСТАНСКІЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ

ВЪ ПОЛЬЗУ ПРОКАЖЕННЫХЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

на средства Туркестанскаго Окружнаго Управленія Россійскаго Общества Краснаго Креста.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія А. Бенке, Новый переулокъ 2.
1900.

Дозволено цензурою 15 Апрѣля 1900 г. С.-Петербургъ.

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА
1107-41
2007

Проказа въ Китаѣ.

Человѣческая культура выражается всего полнѣе конечно не въ парѣ, не въ электричествѣ, не въ фонографахъ и телефонахъ, а въ борьбѣ съ болѣзнями за жизнь человѣка. Если мечты объ элексирѣ безсмертія на всегда или на долго останутся мечтами, то охрана и продолженіе жизни дѣлаются все болѣе и болѣе осуществимыми. Противъ болѣзней борятся одинаково энергично и разумъ человѣка и его безсознательныя молекулы, дѣйствующія особымъ инстинктомъ независимо отъ нашего сознанія и воли. Врачи говорятъ, что болѣзни слабѣютъ, что человѣческій организмъ къ нимъ привыкаетъ. Эпидеміи черной оспы, чумы, холеры, истреблявшія въ средніе вѣка населенія цѣлыхъ областей, сдѣлались какъ будто добрѣе къ человѣку. Человѣческій организмъ привыкъ бороться съ тѣми безконечно малыми существами, которыя вносятъ въ него болѣзнетворный ядъ, извѣстный подъ именемъ зараженія. Но есть болѣзнь, противъ которой повидимому еще нѣтъ лекарства кромѣ чуда, болѣзнь извѣстная въ древности и съ древности внушающая ужасъ человѣку, потому что ни его безсознательныя клѣтки, ни его разумъ не нашли средствъ съ ней бороться. Болѣзнь эта проказа. Наука знаетъ объ ней, что причиною проказы является особая бацилла и что человѣкъ есть единственный носитель этой бациллы. Точно сила зла нарочно придумала для высшаго созданія Божія самую ужасную, самую гнусную болѣзнь, превращающую его въ живой гніющій трупъ.

Я помню, въ дѣтствѣ я видѣлъ въ деревнѣ старую нищую, лицо которой представляло собою маленькій фіолетовый комочекъ и у ко-

торой не было кистей рукъ, а руки оканчивались красными обрубками. Я встрѣтилъ ее на дорогѣ въ лѣсу, катаясь верхомъ, она смотрѣла на меня своими узкими какъ щели глазами и просила подаянія шамкающимъ, глухимъ, еле слышнымъ голосомъ. Меня охватило чувство ужаса. Я ударилъ лошадь и помчался вскачь отъ несчастной старухи и долго не могъ освободиться отъ дрожи, которая проходила по мнѣ всякій разъ, какъ я вспоминалъ о ней. Я думалъ, что это не человѣкъ, а какое то страшное навожденіе. А кучеръ на мои распросы сказалъ мнѣ, что эта нищая больна «дурною болѣзнею» и что къ ней нельзя подходить близко. Потомъ, встрѣчая прокаженныхъ въ Китаѣ, я вспомнилъ о старой нищей и мнѣ сдѣлалось ясно, что ея «дурная болѣзнь» была проказа.

По счастію для Сѣверной Россіи, благодаря заботамъ покойнаго Государя, въ Ямбургскомъ уѣздѣ Петербургской губ. съ 1894 года существуетъ убѣжище для прокаженныхъ. Въ немъ, говорятъ, живутъ 42 человѣка больныхъ. А сколько прокаженныхъ ходятъ еще по городамъ и селамъ, разносятъ болѣзнь и заражаютъ здоровыхъ. И въ Россіи ничего еще не сдѣлано для борьбы съ проказой ни въ законодательномъ, ни въ общественномъ отношеніи. Ниже вы увидите описаніе ужасной жизни ташкентскихъ прокаженныхъ, на устройство убѣжища для которыхъ пойдутъ средства отъ продажи этого сборника. Дай Богъ чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ сборникъ напомнилъ жителямъ Европейской Россіи, что проказа уже пришла къ намъ и что пора, наконецъ, начать борьбу съ этимъ ужасомъ и позоромъ человѣческаго рода.

Въ Китаѣ съ незапамятныхъ временъ устраиваются убѣжища для прокаженныхъ въ каждомъ городѣ, и я приведу разсказъ одного изъ серіознѣйшихъ знатоковъ общественной жизни Китая, американскаго миссіонера Джона Дэвиса, объ убѣжищахъ для прокаженныхъ въ Фучжоу, главномъ городѣ Фуцзянской провинціи въ южномъ Китаѣ *). Въ 1859 году, когда Дэвисъ жилъ въ Фучжоу, у города было два лепрозорія, каждый съ населеніемъ въ 200 или 300 прокаженныхъ. Въ каждомъ убѣжищѣ было по нѣскольку казенныхъ пансіонеровъ. Въ случаѣ смерти одного изъ нихъ, его пенсія переходитъ къ другому. Разумѣется, большая часть денегъ, ассигнуемыхъ на прокаженныхъ, поступаетъ въ карманы чиновниковъ, но всетаки во время Дэвиса императорскіе пансіонеры получали на руки въ лепрозоріяхъ отъ 8 до 12 руб. въ годъ.

*) John Davis. Chinese Social life. New-York 1865, vol. II 254 — 259.

Во главѣ каждаго убѣжища стоитъ староста, живущій въ самомъ убѣжищѣ и выбираемый изъ числа прокаженныхъ. Онъ обязанъ докладывать уѣздному судьѣ о числѣ смертныхъ случаевъ, о числѣ вновь поступившихъ, и завѣдывать дѣлами убѣжища. За постоянное неповиновеніе прокаженныхъ онъ можетъ присуждать ихъ къ наказанію бамбуками и неподвергается взысканію, если прокаженный умретъ отъ наказанія. Старосты прокаженныхъ обыкновенно бываютъ богаты и даютъ деньги въ ростъ.

Въ убѣжищахъ мужчины и женщины живутъ въ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ, но мужья могутъ жить съ женами. Мужья, зараженные проказой, не имѣютъ права принуждать женъ слѣдовать за ними въ убѣжище, жены обыкновенно идутъ туда добровольно. Убѣжища предоставляютъ собою обыкновенныя китайскія деревни, обнесенныя глинобитными стѣнами, съ нѣсколькими улицами, лавками и школой. Богатый прокаженный можетъ нанять цѣлую усадьбу, платя особую плату за разныя угодья. Прокаженные могутъ вступать въ браки въ убѣжищахъ. Китайцы говорятъ, что если мужъ или жена заражены проказой, то болѣзнь не перейдетъ на другого супруга, что прокаженный не можетъ заразить проказой женщину, но прокаженная женщина можетъ передать проказу всякому постороннему мужчинѣ.

Китайцы различаютъ два рода проказы, «мокрую» и «сухую». Сухая есть та форма или степень болѣзни, когда кожа больного суха и на ней нѣтъ мокнущихъ ранъ. При «мокрой» проказѣ кожа мокнетъ и все тѣло или часть его покрывается гноеточивыми ранами. «Сухіе» прокаженные держатся въ убѣжищахъ отдѣльно отъ «мокрыхъ» и не могутъ спать и ѣсть вмѣстѣ. Благодаря строгой діэтѣ и успѣшному лѣченію «мокрые» прокаженные иногда превращаются въ «сухихъ». Положеніе «мокрыхъ» прокаженныхъ ужасно, они покрыты гнойными отвратительными ранами и если у нихъ нѣтъ друзей или близкихъ, которые бы имъ помогали, ихъ жизнь въ убѣжищахъ незавидна.

Китайскій обычай требуетъ, чтобы каждый прокаженный, какъ бы высоко не было его общественное или экономическое положеніе, былъ

отправленъ въ убѣжище, какъ только у него открылась проказа, внесенъ въ списокъ прокаженныхъ и оставался въ убѣжищѣ болѣе или менѣе продолжительное время. Если сосѣди заболѣвшаго узнаютъ о его болѣзни, они не позволятъ ему оставаться дома. Вступая въ убѣжище прокаженный обязанъ внести, сообразно своему достатку, извѣстную сумму денегъ старостѣ. За бѣднаго всегда вносятъ деньги его сосѣди. Иногда взносъ этотъ доходитъ, для богатыхъ, до 30—40 рублей. Богатымъ удается, правда весьма рѣдко, при помощи взятокъ избавиться отъ обязанности идти въ убѣжище, но они должны платить большія деньги старостѣ прокаженныхъ и не показываться на глаза сосѣдямъ.

У китайцевъ существуетъ убѣжденіе, что если прокаженный не вступаетъ въ убѣжище, то болѣзнь поражаетъ и его ближайшихъ сосѣдей. Въ то время, когда больного отправляютъ въ убѣжище, на дверяхъ сосѣднихъ домовъ староста ближайшаго убѣжища ставитъ вѣтки съ зелеными листьями. По народному вѣрованію проказа разносится летучими насѣкомыми, которыхъ и отгоняютъ отъ дверей зеленыя вѣтки. Другіе говорятъ, что насѣкомыя садятся на эти вѣтки и не залетаютъ въ дома. Вѣтки остаются на дверяхъ втеченіи трехъ дней, и эти три дня сосѣди заболѣвшаго проводятъ въ сильнѣйшемъ страхѣ. Жители сосѣднихъ домовъ втеченіи этихъ трехъ дней не разводятъ огня, такъ какъ жаръ и дымъ привлекаютъ будто бы насѣкомыхъ. По истеченіи трехъ дней староста прокаженныхъ или его уполномоченный снимаетъ вѣтки, жители освобождаются отъ страха и дѣлаютъ старостѣ небольшіе денежные подарки. Существуетъ вѣрованіе, что старосты прокаженныхъ знаютъ такія лѣкарства, которые дѣлаютъ больного незаразительнымъ для окружающихъ, но изъ чего состоятъ эти лѣкарства, остается тайной для обыкновенныхъ смертныхъ. За свои лекарства старосты получаютъ съ больныхъ хорошія деньги. Народъ не боится тѣхъ прокаженныхъ, которые пробыли нѣкоторое время въ убѣжищѣ, они навѣщаютъ своихъ родственниковъ и знакомыхъ и здоровые безнаказанно ѣдятъ и спятъ съ ними. Больные, пробывъ опредѣленное время въ убѣжищахъ и излѣчившись отъ «мокрой» проказы, иногда возвращаются домой и продолжаютъ образъ жизни, который они вели до болѣзни. Бѣдняки, больные проказой, обыкновенно просятъ милостыню. При убѣжищахъ состоятъ врачи, живущіе внѣ его стѣнъ, но они даютъ совѣты за деньги, и бѣднякамъ недоступно ихъ

лѣченіе. Тѣла умершихъ прокаженныхъ не погребаются, а сожигаются, такъ какъ, по мнѣнію китайцевъ, огонь разрушаетъ насѣкомыхъ приносящихъ проказу, которыя, въ случаѣ погребенія, заразили бы сосѣдей или прохожихъ.

Строить убѣжища для прокаженныхъ и снабжать ихъ съѣстными припасами считается въ Китаѣ дѣломъ благочестивымъ и богатые часто являются созидателями и покровителями такихъ убѣжищъ. Въ нѣкоторыхъ округахъ существуетъ обычай собирать съ богатыхъ крестьянъ извѣстное количество рису на лепрозоріи послѣ жатвы. Рисъ этотъ поступаетъ къ старостамъ. Иногда старосты входятъ съ богатыми купцами въ сдѣлки относительно уплаты выкупа за не входъ въ ихъ лавки прокаженныхъ. Я самъ видѣлъ въ Пекинѣ, около дворца, какъ хозяинъ богатаго магазина откупался отъ прокаженнаго, который вошелъ въ его лавку и разогналъ своимъ присутствіемъ всѣхъ покупателей. Очевидно, это было наказаніе купца за скупость по отношенію къ старшинѣ лепрозорія. Прокаженнымъ разрѣшаютъ выходить изъ убѣжища и производить сборы во время похоронъ, свадьбъ и при постановкѣ памятниковъ добродѣтельнымъ вдовамъ, если ранѣе того не было заключено противоположнаго условія со старостою.

Въ китайскихъ убѣжищахъ въ разное время года совершаются на счетъ общины различныя церемоніи и празднества. Въ седьмой мѣсяцъ совершается «Всеобщее искупленіе», т. е. поминаются души усопшихъ прокаженныхъ. Въ третій мѣсяцъ празднуютъ «Праздники Могилъ» и совершаютъ «Приношеніе пищи» какъ у насъ въ Радоницу.

Дэвисъ посѣтилъ въ 1859 г. одинъ изъ лепрозоріевъ Фучжоу и нашелъ тамъ болѣе 400 обитателей, изъ которыхъ четвертая часть были женщины. Онъ насчиталъ 30—40 дѣтей обоего пола, рожденныхъ въ убѣжищѣ. Часть болѣе взрослыхъ мальчиковъ и дѣвочекъ были посланы сбирать милостыню. Ему разсказывали, что иногда проказа не переходитъ на дѣтей прокаженныхъ въ раннемъ возрастѣ и что родственники берутъ иногда такихъ дѣтей домой на воспитаніе. Одинъ старикъ сказалъ ему, что онъ былъ взятъ въ убѣжище 18-ти лѣтъ и живетъ въ немъ 54 года.

Вотъ тѣ свѣденія о прокаженныхъ въ Китаѣ, которыя сообщаетъ серіозный и образованный наблюдатель. Въ моихъ поѣздкахъ по Китаю, я встрѣчалъ тамъ много людей съ различными накожными бо-

лѣзнями, элефантіазисомъ и проказой, на югѣ гораздо больше чѣмъ на сѣверѣ. Но не будучи врачемъ, я не могъ опредѣлить характера болѣзни. Я видѣлъ также и дома въ городахъ, двери которыхъ были украшены зелеными вѣтками, вселявшими ужасъ въ прохожихъ.

Какъ бы то ни было, а въ Китаѣ почти въ каждомъ городѣ есть лепрозорій, въ Россіи же есть покамѣсть одинъ на всю Имперію. Какъ бы то ни было, но китайцы думаютъ, что они умѣютъ дѣлать проказу незаразительной. Мнѣ кажется, что въ такихъ вопросахъ не слѣдуетъ пренебрегать опытомъ шеститысячелѣтней цивилизаціи. Я полагаю, что было бы полезно перевести на русскій языкъ китайскіе медицинскіе трактаты о проказѣ. А это можно бы было сдѣлать черезъ врача русской дипломатической миссіи въ Пекинѣ и при содѣйствіи ученыхъ отцовъ миссіонеровъ католическаго монастыря Сикавей, что около Шанхая. Мнѣ кажется, что вопросъ о проказѣ заслуживаетъ серіознаго вниманія какъ врачей, такъ и законодателей и общественныхъ дѣятелей. И я радъ, что могу вложить лепту моего небольшого опыта въ сборникъ, который изданъ съ цѣлью помочь постройкѣ убѣжища для прокаженныхъ жителей Туркестана.

Мы, русскіе, не должны забывать, что на насъ лежитъ обязанность просвѣтителей Азіи и что мы должны быть защитниками ея темныхъ туземцевъ. Но пусть читатели этого сборника въ Европейской Россіи не забываютъ также, что вокругъ нихъ ихъ братья по крови и вѣрѣ болѣютъ уже этой ужасной болѣзнію и нуждаются въ заботахъ, лѣченіи, убѣжищахъ. Глубокая житейская мудрость подсказала древнимъ сознаніе, что всѣмъ необходимо приносить искупительныя жертвы за великій даръ здоровья. А какъ мы обязаны относиться къ прокаженнымъ — научилъ насъ Христосъ.

С. Н. Сыромятниковъ (Сигма).

Спб., Апрѣль 1900 г.

На помощь прокаженнымъ.

Посвящается Варварѣ Федоровнѣ Духовской.

Въ мірѣ отверженныхъ, въ мірѣ забытыхъ,
Тамъ, гдѣ ни счастья, ни радостей нѣтъ,
Голосъ услышали твой благородный
Сотни несчастныхъ, рожденныхъ на свѣтъ;

Голосъ печали объ участи горькой
Женъ прокаженныхъ, мужчинъ и дѣтей,
Вырванныхъ страшной болѣзнью изъ ряда
Дышащихъ счастьемъ здоровыхъ людей;

Голосъ призыва къ обласканнымъ жизнью
Вспомнить объ участи ихъ роковой,
Дать обездоленнымъ все, что возможно
Дать обойденнымъ такъ страшно судьбой!

Имъ недоступны восторги земные,
Жизнь имъ услады своей не даритъ,
Въ мірѣ отверженныхъ, въ мірѣ забытыхъ,
Только лишь холодъ могильный царитъ..

Смѣло-жъ на подвигъ живого участья!
Господа ради и этихъ людей —
Все, что возможно, для добраго дѣла
Не пожалѣйте, отдайте скорѣй!...

А. К. Федоровъ.

Отрывокъ изъ моихъ воспоминаній.

Черезъ Великій Океанъ.
Изъ Санъ-франциско въ Японію.

10-го Іюня 1893 года назначенъ былъ день нашего выѣзда изъ Америки на пароходѣ «Peru» линіи «The Pacific Mail», избранной нами изъ числа нѣсколькихъ линій, совершающихъ рейсы черезъ Тихій Океанъ.

Позавтракавъ въ этотъ день раньше обыкновеннаго, мы отправились на пристань. Дорогою намъ попалась навстрѣчу живая реклама индійскаго цирка; — множество cow-boys, амазонокъ и фермеровъ; — одного только Buffaloe-Bill не доставало между ними. Наткнулись мы и на другой курьезъ: посреди одной улицы стояла огромная повозка, или платформа, на которой перевозится съ одного мѣста на другое трехъэтажный деревянный домъ. Подъѣхавъ къ пристани, я съ ужасомъ замѣтила на одномъ заборѣ надпись: «Sure death» (вѣрная смерть); но взглянувъ дальше, успокоилась: оказалось, что это лишь реклама новаго средства для истребленія насѣкомыхъ.

На пароходѣ «Peru» — нашей плавучей квартирѣ на 18 дней — мы встрѣчены были русскимъ консуломъ, Арцимовичемъ, и вице-консуломъ, родомъ американцемъ, который поднесъ мнѣ букетъ изъ никогда не виданныхъ мною розовыхъ цвѣтовъ, носящихъ названіе «American Beauties» (американскія красавицы). Начальникъ мѣстной сыскной полиціи все время ходилъ около насъ съ двумя своими помощниками, рослыми дѣтинами; они явились по распоряженію правительства, на случай, если-бы пришлось оградить мужа отъ американскихъ анархистовъ. Два репортера американскихъ газетъ протискались-таки къ намъ, и пришлось имѣть съ ними цѣлое interview. Пока я пошла въ каюту, чтобы достать имъ мою фотографическую карточку, китаецъ «boy» — на

востокѣ называютъ «boy» (мальчикъ) всю китайскую и японскую прислугу, безъ различія возраста — сталъ бѣгать по палубѣ, ударяя въ «гонгъ» (мѣдный дискъ), указывая этимъ всѣмъ провожающимъ, что имъ пора уходить. Реморкеръ съ трудомъ вытащилъ «Peru» изъ множества окружавшихъ его пароходовъ и мы двинулись въ дальнее плаваніе.

Какъ только мы вышли изъ залива, стало немилосердно качать. Въ половину шестого гонгъ позвалъ насъ къ обѣду, за которымъ я съ трудомъ досидѣла до конца. Послѣ обѣда, покачиваясь во всѣ стороны добрела я до каюты и легла на узкую койку. Всю ночь я не могла уснуть отъ качки и духоты, такъ какъ иллюминаторъ приказано было затворить; вода съ шумомъ въ него стучала. Утромъ, съ помощью пароходной горничной, я перебралась въ другую каюту, на нижней палубѣ, гдѣ, говорятъ, меньше качаетъ. Весь день я не вставала и чувствовала себя очень скверно; — а въ перспективѣ были еще двѣ недѣли подобнаго мученья! Горничная, мистрисъ Бургеръ, жившая долго въ Панамѣ, старательно ухаживала за мною и принесла мнѣ утромъ отвратительный «beaf tea» и чай съ коньякомъ, но я въ ротъ ничего не могла взять. Вся наша компанія была также больна.

Пароходъ «Peru» построенъ собственно для линіи, поддерживающей сообщеніе съ Панамой. Въ предыдущій рейсъ онъ заходилъ въ Гонолулу на Сандвичевыхъ островахъ; на этотъ же разъ онъ, совершенно случайно, пошелъ въ Японію. На немъ всего лишь сто каютъ. Пассажировъ 1-го класса, вмѣстѣ съ нами, 25 человѣкъ; 3-й классъ наполненъ преимущественно китайцами, играющими весь день въ кости. Вся прислуга на пароходѣ, въ томъ числѣ и поваръ, китайцы, но maitre d'hôtel мулатъ. Китайцы плохо понимаютъ по англійски и всѣмъ, даже дамамъ, говорятъ «Sir» (сударь). Прислуживаютъ они, однако, весьма хорошо и за столомъ стараются примѣчать привычки каждаго пассажира и приноравливаются къ нимъ. Какая разница съ грубой американской прислугой! Во время обѣда они одѣваютъ сверхъ синяго балахона бѣлые рукава. Въ $3^1/_2$ часа утра начинается уже чистка парохода. «Boy'и», убирая каюты, закручиваютъ свои косы вокругъ головы; косы ихъ, удлиненныя еще черными тесемками, висятъ до самыхъ пятъ. Во время обѣда они прячутъ кончики въ карманъ, дабы они не путались между ногами.

Въ 11 часовъ происходитъ «Inspection» (осмотръ). Капитанъ, а за нимъ гуськомъ пароходный докторъ и мулатъ обходятъ всѣ каюты и строго осматриваютъ, все ли въ порядкѣ. «Boy'и» видимо боятся этого грознаго тріумвирата, старательно все прибираютъ и ищутъ, нѣтъ ли гдѣ пыли или крошки на полу. Въ 8 часовъ вечера Inspection снова, безъ всякой церемоніи, входитъ въ каюты и, если гдѣ-

нибудь найдена пылинка, то виновнаго boy ставятъ въ наказаніе на 4 часа на палубу. Когда Inspection удаляется, лица китайцевъ такъ и сіяютъ.

Въ моей каютѣ сняли верхнюю койку; какъ будто больше воздуха теперь; но меня все преслѣдуетъ противный китайскій специфическій запахъ и таракановъ въ моей каютѣ цѣлые легіоны. Ложась спать, я охочусь за ними и бросаю ихъ въ бумажкѣ въ корридоръ (немного эгоистично!).

Ужасно бездѣльная жизнь на пароходѣ: только ѣдятъ, пьютъ и спятъ. Утромъ приносятъ мнѣ чай съ лимономъ, ягоды и блины, любимое блюдо американцевъ. Когда чувствую себя сносно, сижу до завтрака въ салонѣ на нижней палубѣ, а до обѣда опять иду къ себѣ въ каюту, читаю, играю на мандолинѣ. Нашъ boy, Хассанъ, долго недоумѣвалъ, откуда раздаются струнные звуки, подошелъ разъ къ моей двери, сѣлъ на корточки, хохочетъ отъ восторга, зоветъ товарища, и оба эти сына Небесной имперіи всплескиваютъ руками, приговаривая «very nice» (очень хорошо). По вечерамъ пассажиры сходятся въ салонѣ, гдѣ заставляютъ нашего спутника, М. І. Шанявскаго, играть на роялѣ.

Ежедневно мы передвигаемъ часы на полъ часа назадъ. Когда въ Петербургѣ полдень, то здѣсь 12 часовъ ночи, и еслибъ прорѣзать земной шаръ, то жители Петербурга очутились бы къ намъ вверхъ ногами. Въ 12 часовъ происходитъ измѣреніе пространства, пройденнаго за сутки; дѣлаемъ мы въ часъ $11^1/_2$ узловъ.

Въ каютѣ вывѣшены пароходныя правила «Rules and regulations»: 1) не зажигать спичекъ, 2) въ случаѣ несчастія не бросаться къ лодкамъ, 3) не пугаться, если забьютъ пожарную тревогу («fire alarm»); — это дѣлается разъ въ недѣлю для обученія матросовъ. Начинается эта процедура съ рева сирены, потомъ раздаются съ разныхъ концовъ парохода крики: «fire!» (пожаръ). Матросы-китайцы, сломя голову, летятъ на палубу, открываютъ трубы, выливаютъ воду въ океанъ и при этомъ громко хохочатъ.

Ѣдетъ съ нами компанія великосвѣтскихъ нѣмцевъ-туристовъ, изъ Берлина, со старикомъ барономъ Корфъ во главѣ. Между ними есть пѣвецъ, сентиментально распѣвающій романсъ: «Mit einer Rose in der Hand bist du geboren» (Съ розою въ рукѣ ты родилась). Другіе пассажиры ничего особеннаго изъ себя не представляютъ: — капитанъ американскаго торговаго паруснаго судна, съ толстой, довольно вульгарной супругой; молодой мексиканецъ, attaché посольства въ Токіо; американскій миссіонеръ-методистъ, возвращающійся въ Корею съ больной женой и цѣлою ватагою крикливыхъ чадъ. Въ воскресенье на зеркалѣ въ салонѣ было приклеено объявленіе о томъ, что въ 11 часовъ мис-

сіонеръ будетъ служить обѣдню въ нижнемъ салонѣ, такъ какъ въ верхнемъ качка слишкомъ чувствительна. Начало обѣдни boy возвѣщаетъ ударами въ tam-tam. Миссіонеръ читаетъ молитвы и поетъ гимны вмѣстѣ съ женою; всѣ пассажиры, въ томъ числѣ и окрещенный китаецъ-машинистъ, ему подпѣваютъ.

Становится все холоднѣе; въ каютѣ всего 13 градусовъ, просимъ пустить сильнѣе паровое отопленіе. Наступили пасмурные, дождливые дни.

Наша спутница, А. К. Серебрякова, совсѣмъ расхандрилась, все плачетъ, всего боится и по ночамъ постоянно будитъ мистрисъ Бургеръ; ей все кажется, что мы сейчасъ пойдемъ ко дну. Море ей такъ опротивѣло, что она рѣшила никогда болѣе не писать картинъ, изображающихъ эту бурную стихію. Мужъ ея совсѣмъ посѣдѣлъ за это морское путешествіе; онъ, также какъ и я, очень плохой морякъ. Пѣвецъ-нѣмецъ ужъ не мурлыкаетъ «Die Rose»; — у него, бѣднаго, разлилась желчь и онъ безпомощно лежитъ весь день на палубѣ въ chaise longue, желтѣе шафрана. Но m^e^ Beurgier и морю не поддается, все воюетъ на пароходѣ, командуетъ китайцами, которые ее зѣло боятся. Благодаря ей, boy тише колотитъ въ гонгъ, когда проходитъ мимо нашихъ каютъ, сзывая пассажировъ къ обѣду.

17-го. Ночью качка была сильнѣе обыкновеннаго, вода съ шумомъ вливалась въ трюмы, матросы съ криками бѣгали по палубѣ, взбирались на мачты, — чистый адъ! — Утромъ океанъ немного успокоился; но качка продолжается; вѣтеръ намъ противный и къ тому-же сильный туманъ. Сирена поминутно заунывно реветъ. Пароходъ бросаетъ немилосердно въ разныя стороны и кряхтитъ онъ, точно его всего ломаетъ. «Peru» слишкомъ малъ для этого рейса и громадныя океанскія волны подбрасываютъ его какъ скорлупу. Сегодня мы на самомъ сѣверномъ пунктѣ нашего путешествія, близь Алеутскихъ острововъ. Къ намъ на мачту сѣла ласточка, прилетѣвшая изъ Камчатки; — Корфъ поздравилъ меня съ первою вѣсточкой изъ нашего новаго края. Съ нами почти что съ самого Санъ-Франциско летятъ большіе альбатросы; вѣроятно по ночамъ они отдыхаютъ на мачтахъ.

Вотъ ужъ недѣлю плывемъ мы, а не встрѣтили еще ни одного судна. Сегодня въ первый разъ показались вдали бѣлые паруса; всѣ пассажиры и матросы всполошились, раздались радостные крики: «a sail, a sail!» (парусъ, парусъ!). Это, вѣроятно, какой-нибудь хищникъ, занимающійся ловлей котиковъ.

18-го. — Сегодня прошли мы половину пути. По этому случаю выпили за обѣдомъ бутылку шампанскаго. Провизія становится все хуже

и хуже; цыплята, коими насъ пичкали безъ конца, испортились и теперь насъ все угощаютъ устрицами: супъ изъ устрицъ, vol-au-vent изъ устрицъ и т. п. Я питаюсь однимъ лишь рисомъ.

Такъ скучно намъ безъ газетъ; вотъ уже сколько дней мы не знаемъ, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ!

20-го. Если это возможно, то еще больше качаетъ. Изъ буфета доносится звукъ разбиваемой посуды. Докторъ Покровскій упалъ съ кресла на палубѣ. Кругомъ насъ густой молочнаго цвѣта туманъ; неумолкающая сирена еще болѣе разстраиваетъ мои донельзя взвинченные нервы. Къ вечеру мы прошли 180 меридіанъ и пропустили цѣлый день: завтра будетъ прямо 22-е число; сегодня понедѣльникъ, а завтра будетъ среда.

22-го. Всю ночь была страшная качка; никто не ложился. Я пошла въ каюту мужа, одной слишкомъ ужъ жутко было. Вода съ верхней палубы течетъ на нижнюю, матросы все возятся съ парусами.

23-го. Немного спокойнѣе. Идемъ скоро, съ попутнымъ вѣтромъ, буквально летимъ на всѣхъ парусахъ, не смотря на туманъ. Если капитанъ не придетъ къ сроку въ Іокогаму, то долженъ заплатить 500 долларовъ штрафа; — тутъ и жизнь пассажировъ ему ни почемъ, — мчится себѣ въ туманѣ, знать ничего не хочетъ! — Проходимъ близь Камчатки и Курильскихъ острововъ.

24-го. Океанъ совсѣмъ успокоился и цвѣтъ воды измѣнился, изъ темно-сѣраго превратился въ ярко-синій. Насъ окружаютъ цѣлыя стаи летающихъ рыбъ; недалеко брызнуло два фонтана, пущенные китами.

25-го. Сегодня проводимъ мы третье воскресенье на океанѣ. Въ верхней каютъ-компаніи миссіонеръ читалъ молитвы, стоя все время на колѣняхъ. Сказалъ онъ намъ проповѣдь на ту тему, что всѣ мы изъ разныхъ частей свѣта собрались здѣсь, чтобы въ послѣдній разъ вмѣстѣ помолиться, — говорилъ, что на океанѣ онъ переживаетъ то-же ощущеніе, что и въ дѣтствѣ; ребенкомъ онъ безпомощно опирался на руку своего отца, теперь же онъ чувствуетъ себя безопаснымъ въ рукахъ Бога, нашего общаго Всевышняго Отца; молился онъ за благополучное окончаніе нашего путешествія, за здравіе Президента Соединенныхъ Штатовъ, Королевы Викторіи, нашего Государя и Германскаго Императора.

Днемъ стало совсѣмъ жарко. Китайцы переоблачились въ бѣлые балахоны. Чувствуется приближеніе къ Японіи. Океанъ какъ зеркало. Пассажиры-китайцы лежатъ въ трюмѣ на цыновкахъ, въ чемъ мать-природа родила, и обмахиваются бумажными вѣерами; прекрасный полъ ихъ наводитъ на себя красоту. Китаянки причесываются на цѣлую недѣлю, смазывая волосы какою-то мазью, отъ которой они слипаются и принимаютъ видъ склеенной массы; — спятъ онѣ, положа

голову въ деревянный треугольникъ, дабы шиньонъ не дотронулся до подушки.

Теперь только узнала я, что на третій день нашего путешествія по Великому океану умеръ на «Peru» старикъ-китаецъ и его тотчасъ же набальзамировали; тѣло его везутъ на родину, въ Китай. Тогда я почувствовала запахъ разныхъ спецій; мнѣ сказали, что это китайцы жгутъ священную бумагу.

27-го. Въ 8 часовъ утра показалась земля, островъ Нипонъ съ крутыми вулканическими берегами. Вершина потухшаго вулкана Фузіама точно виситъ въ воздухѣ, выше облаковъ; — почти рядомъ, изъ другого вулкана идетъ дымъ. Въ Японіи въ настоящее время пять дѣйствующихъ вулкановъ; вѣроятно вслѣдствіе этого страна эта подвержена столь частымъ землетрясеніямъ. Я весь день сижу на палубѣ, — такъ все интересно и необычайно! Даже нестерпимая жара не можетъ согнать меня въ каюту.

Флагами дали знать на телеграфную станцію о приближеніи «Peru» къ Іокогамѣ. Вотъ попадаемъ мы въ цѣлую флотилію рыболовныхъ японскихъ джонокъ; темно-бронзовыя тѣла аборигеновъ прикрыты слабымъ намекомъ на одежду. Въ 5 часовъ мы вошли въ Іокогамскую бухту. Заливъ этотъ совершенно закрытый и въ немъ всегда полный штиль; поэтому мы обошлись безъ услугъ лоцмана. Проходимъ мимо двухъ грозныхъ англійскихъ крейсеровъ и приближаемся къ пристани, гдѣ поджидаютъ насъ Васильевъ, состоящій при русской Миссіи въ Токіо, японецъ Омаіо, изъ японской Миссіи въ Петербургѣ, которому предписано быть нашимъ чичероне, и посыльный отъ Іокогамскаго губернатора, для перевозки нашего багажа.

У пристани для насъ былъ приготовленъ губернаторскій паровой катеръ, на которомъ мы и доѣхали до города. На берегу насъ встрѣтилъ русскій консулъ, князь Лобановъ-Ростовскій. До гостинницы Grand-Hôtel я доѣхала съ мужемъ въ каретѣ губернатора, запряженной парочкой прелестныхъ пони. Японецъ-лакей примостился гдѣ-то сзади экипажа и поминутно соскакивалъ и забѣгалъ впередъ, крича, чтобы намъ давали дорогу. Ѣдемъ европейскими кварталами. Поразила меня масса маленькихъ колясокъ на двухъ колесахъ съ впряженными въ нихъ людьми: — это джинрикша, японскіе извощики, почти совершенно голые: на головѣ у нихъ большая грибообразная шляпа съ номеромъ и именемъ возницы, черезъ плечо перекинутъ платокъ, которымъ они вытираютъ струящійся по всему тѣлу потъ.

Grand-Hôtel стоитъ на самомъ опасномъ для землетрясеній мѣстѣ,— на широкой набережной. Мы заняли большой номеръ за 4 мексиканскихъ доллара съ персоны въ сутки, со столомъ. Окно наше выходитъ на оживленную набережную. Жара ужасная, хорошо еще, что въ отелѣ

устроенъ сквознякъ: надъ окномъ всегда раскрыто длинное стекло, такое же стекло имѣется надъ дверью, а черезъ корридоръ та-же вентиляція проходитъ на другую сторону отеля.

Не успѣли мы войти въ номеръ, какъ стали появляться китайцы-купцы, сапожники, портные, которые суютъ намъ въ руки свои карточки-рекламы. Не устояла я противъ соблазна и заказала китайскому дамскому портному блузку изъ шелковой японской матеріи и киримонъ,—родъ халата съ длинными, широкими рукавами.

Къ обѣду мы сошли въ dining-room (столовую); публика очень элегантная, дамы разодѣты, точно на балъ, кавалеры въ смокингахъ, а мы попросту по дорожному. Обѣдъ очень обильный и вкусный; «boy'и»—японцы одѣты въ киримоны и хорошо говорятъ по англійски, maitre d'hôtel — объяпонившійся китаецъ съ обрѣзанной косой; онъ говоритъ, что съ него за это въ Китаѣ голову бы сняли.

Весь вечеръ просидѣли мы на большой верандѣ, въ обществѣ обитателей отеля; англичанъ сейчасъ-же можно узнать по ихъ непринужденнымъ позамъ: лежатъ они, развалившись въ большихъ соломенныхъ креслахъ, странной конструкціи, ноги вытянуты во всю длину и, при томъ, не на креслѣ, а на ручкахъ, такъ что нога отъ ноги находится въ полъ верстѣ разстоянія. Странствующіе японскіе акробаты задали намъ передъ верандой цѣлое представленіе; скоро смѣнилъ ихъ японскій Петрушка.

Спать легли рано. Ночью проснулась я отъ сильнаго сердцебіенія: я забыла, что у насъ, наконецъ, есть почва подъ ногами и испугалась того, что мы стоимъ на мѣстѣ. Я разбудила мужа съ крикомъ: «отчего машина остановилась?»—Когда я удостовѣрилась, что мы на сушѣ, то съ облегченнымъ сердцемъ опять заснула.

Въ 5 часовъ утра меня разбудила зоря, сыгранная горнистомъ на англійскомъ крейсерѣ; слышно также, какъ на этомъ крейсерѣ отбиваются склянки (часы). Днемъ на крейсерѣ военный хоръ игралъ англійскій гимнъ «God save the Queen» и салютовали съ него орудіями, по случаю дня рожденія японскаго императора. Два американскихъ крейсера также совсѣмъ оглушили насъ пальбой. Ихъ адмиралъ живетъ съ семьею въ нашемъ отелѣ и часто требуетъ хоръ музыки съ своихъ судовъ во время table-d'hôte (общаго стола).

Вся наша компанія поѣхала на джинрикша осматривать Іокогаму, а я прохлаждалась у себя въ номерѣ. Черезъ спущенную штору мнѣ видно, все, что происходитъ на улицѣ. Перенеслась я воображеніемъ въ древній Римъ, японцы такъ похожи на миніатюрныхъ гладіаторовъ, руки и ноги голыя, сандаліи придерживаются на ступнѣ ремнемъ, продѣтымъ между большимъ пальцемъ; ходятъ они съ перевальцемъ; стуча деревянными подошвами. Выглядываютъ они замѣчательно добродушными, а на самомъ дѣлѣ безконечно хитры; съ земли ихъ едва видно, а за себя всегда съумѣютъ постоять. Японки надѣваютъ киримонъ прямо на голое тѣло, обтягиваетъ онъ ихъ очень не граціозно, безобразнѣе всего — широкій кушакъ, въ который сзади для толщины подкладывается подушка (какъ въ армякахъ московскихъ купеческихъ кучеровъ); чѣмъ важнѣе японка, тѣмъ турнюръ ея объемистѣе. Замужнія женщины красятъ себѣ зубы въ черную краску, въ знакъ того, что бабій вѣкъ ихъ кончился и что имъ нечего болѣе прельщать чужихъ мущинъ, коль скоро есть свой собственный властелинъ.

Мимо моего окна все мчатся джинрикша; упряжныхъ лошадей здѣсь мало, на головахъ ихъ прикрѣплены губки, смоченныя водою, для предохраненія отъ солнечнаго удара. Какъ разъ напротивъ помѣщается биржа джинрикша, около которой примастилась походная кухня. Сидятъ джинрикша на корточкахъ и палочками ловко подбрасываютъ себѣ въ ротъ макароны съ разными приправами; порціи всѣ микроскопическія, какъ и все остальное въ этой маріонеточной странѣ.

Вечеромъ рѣшилась я испробовать ѣзду на людяхъ, хотя это очень совѣстно и обидно за человѣческое достоинство. Привели намъ десять джинрикша съ зажженными китайскими фонарями. Повезли они насъ гуськомъ по японскому и китайскому кварталамъ; — чистое здѣсь Вавилонское столпотвореніе: улицы ужасно узки и грязны и погружены въ кромѣшную тьму; каждый туземецъ несетъ свой собственный ручной фонарь. Джинрикша наши бѣгутъ, обливаясь потомъ, но совсѣмъ не запыхиваются. Возница мнѣ попался норовистый: мчится, держа голову къ низу, стороны никакой не держится и только встрѣтившись носъ съ носомъ съ другимъ джинрикша, круто бросается въ сторону. Проѣзжая мимо одного колодца, наши джинрикша самовольно остановились и состоящій при колодцѣ японецъ сталъ поить ихъ, какъ лошадей; послѣ этого прыти у нихъ еще прибавилось и у меня нѣсколько разъ являлось поползновеніе выскочить. Примчали они насъ къ японскому народному театру, гдѣ о стульяхъ нѣтъ и помину. Полуголая публика сидитъ на полу, на цыновкахъ, скорчившись на корточкахъ, какъ макаки (обезьяны). Представленіе заключалось здѣсь въ акробатахъ, ходящихъ на каучуковыхъ шарахъ. Зашли мы и въ другой театръ, тутъ-же по близости, гдѣ разыгрывалась комедія, — пародія на древнихъ владѣтелей Японіи, грязь и вонь здѣсь убійственныя. Довершили мы наши скитанія посѣщеніемъ японскаго чайнаго дома. При входѣ встрѣтили насъ нѣсколько мусме (дѣвушекъ) и, разрѣшивъ не снимать ботинокъ, повели насъ по крутой деревянной лѣсенкѣ въ большую комнату, всю застланную цыновками, съ разбросанными на полу подушками, на которыя мы, европейцы, и усѣлись; мусме-же

расположились на полу и въ молчаливомъ созерцаніи другъ друга стали мы ждать появленія обѣщанныхъ намъ гейшъ — танцовщицъ. Оказалось однако, что послѣднія были заняты другою партіей иностранцевъ. Мусме, черезъ Омаіо, насъ все увѣряли, что онѣ скоро придутъ, и усердно подчивали насъ горькимъ зеленымъ чаемъ безъ сахара, отзывавшимся ромашкою, сахарными коврижками, солеными стручками и разными подобными мерзостями. Я умудрилась выкинуть всю эту гадость изъ окна, на крышу сосѣдняго дома. Любопытство мое не было удовлетворено: такъ и не дождались мы гейшъ—по случаю поздняго часа пришлось вернуться въ отель.

29-го. Мужъ съѣздилъ въ столицу Японіи, Токіо (всего 40 минутъ ѣзды по желѣзной дорогѣ) съ визитомъ къ нашему посланнику, Хитрово, и вернулся оттуда къ обѣду вмѣстѣ съ посланникомъ, консуломъ и безрукимъ княземъ Голицынымъ, всемірнымъ путешественникомъ, который возвращается теперь черезъ Сибирь въ Россію. Мужъ пригласилъ ихъ всѣхъ пообѣдать съ нами; столъ былъ роскошно разукрашенъ цвѣтами.

30-го выѣхали мы въ Токіо, чтобы почти безостановочно слѣдовать дальше во Владивостокъ и Хабаровку, наше новое, дальнее мѣстожительство.

В. Духовская.

Исцѣленіе прокаженнаго.

Посвящается Варварѣ Федоровнѣ Духовской.

Евангѣ. Матѳея гл. 8, ст. 1—3.

Отвергнутъ Богомъ и людьми,
Недугомъ страшнымъ пораженный,
Скитался онъ отъ всѣхъ вдали,
Съ позорной кличкой «прокаженный».

Живой мертвецъ,—онъ осужденъ
Заживо гнить и разрушаться,
Всѣхъ жизни радостей лишенъ,
Ни съ кѣмъ не смѣетъ онъ сближаться.

Ему доступно лишь одно
Общенье съ равными больными —
И такъ онъ жизнь влачилъ давно,
Забытый близкими, родными.

Но вотъ пронесся дивный слухъ —
Христосъ явился въ Галилеи,
На Немъ почилъ Всевышній Духъ,
Предъ Нимъ трепещутъ фарисеи.

Любовь святую Онъ принесъ
Ко всѣмъ несчастнымъ, униженнымъ,—
И много горя, мукъ и слезъ
Смягчилъ Онъ словомъ убѣжденнымъ.

И всѣхъ недужныхъ Онъ цѣлитъ
Единымъ словомъ отпущенья,
Чудесъ такъ много Онъ творитъ,
Какъ Богъ любви и всепрощенья.

Вотъ Онъ идетъ теперь, Святой,
Съ горы, народомъ окруженный,—
И, движимъ вѣрою живой,
Пошелъ на встрѣчу прокаженный.

И павъ на землю передъ Нимъ,
Слезами вѣры обливаясь,
Глубокимъ чувствомъ одержимъ,
Едва промолвилъ, задыхаясь:

«Господь и Богъ мой! если Ты
Захочешь,—дашь мнѣ очищенье»...
И вотъ раздался съ высоты
Священный голосъ всепрощенья:

«Хочу, очистись!» въ тотъ же мигъ
Проказа страшная слетѣла,—
Безсиленъ выразить языкъ
Такой любви святое дѣло...

У насъ въ краю, какъ въ дни Христа,
Живетъ не мало прокаженныхъ,
И съ насъ забота не снята
Объ этихъ братьяхъ униженныхъ.

Судьба ихъ тяжкая,—едва ль
Кто можетъ съ ними въ томъ сравниться,—
О! неужель намъ будетъ жаль
Съ несчастнымъ лептой подѣлиться!

Ужель у насъ, у христіанъ,
Различье въ помощи найдется,
И на призывъ для мусульманъ
Ничья душа не отзовется!

С. Мушрубъ-Шавердовъ.

Берлинская конференція по вопросу о проказѣ.

Въ октябрѣ 1897 года въ Берлинѣ, какъ извѣстно, состоялась конференція для обсужденія проказы (lepra). Инициатива этой конференціи была подана Германіей, такъ какъ въ теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ нѣмецкіе врачи занимались изслѣдованіемъ лепрозной болѣзни болѣе настойчиво, чѣмъ когда-либо прежде, а первымъ поводомъ къ этому послужилъ установленный фактъ нахожденія внутри Германіи, на восточной границѣ Германской имперіи, мѣста зарожденія лепрозной болѣзни. Восточно-прусскіе врачи уже раньше столкнулись съ нѣсколькими мѣстными случаями заболѣванія проказою, особенно въ обществахъ врачей въ Кенигсбергѣ часто докладывалось о такихъ заболѣваніяхъ. Д-ръ мед. Пиндиковскій въ Мемелѣ обратилъ вниманіе всѣхъ на мемельскій уѣздъ, какъ на мѣсто зарожденія лепрозной болѣзни. Онъ издалъ списокъ умершихъ и живыхъ прокаженныхъ въ мемельскомъ уѣздѣ и настойчиво требовалъ, чтобъ изъ общественныхъ средствъ что-нибудь было сдѣлано для прокаженныхъ. Странно то обстоятельство, что всѣ прокаженные въ мемельскомъ уѣздѣ принадлежали къ литовскому племени. Спрашивается: какимъ образомъ завелась лепрозная болѣзнь въ мемельскомъ уѣздѣ? Прежде полагали, что проказа могла быть мѣстнаго происхожденія, какъ послѣдствіе плохихъ условій питанія и жилищъ и потому проказу причислили къ соціальнымъ болѣзнямъ. Фактъ, что прибрежные жители часто страдаютъ проказою, приводилъ къ предположенію, что употребляемая ими рыбная пища причиняла происхожденіе лепрозной болѣзни, но это предположеніе при дальнѣйшемъ изслѣдованіи не подтвердилось. Опытъ показалъ, напротивъ, что лепрозная болѣзнь встрѣчается и въ такихъ странахъ, гдѣ рыбная пища не въ употребленіи. Кромѣ соціальныхъ условій считалась причиною происхожденія болѣзни и наслѣдственная

передача; но постепенно было отвергнуто и это предположеніе. Разслѣдованія доказали именно, что причина заболѣванія проказою родныхъ въ нисходящей линіи не находится просто въ наслѣдственной передачѣ недуга, но скорѣе и естественнѣе объясняется близкимъ обращеніемъ прокаженныхъ родителей со своими дѣтьми.

Бактеріологическія изысканія бросили свѣтъ на вопросъ о причинѣ болѣзни. Первая и главная заслуга по изслѣдованію бактерій проказы принадлежитъ Армауэру Ганзену, госпитальному врачу въ Бергенѣ. Онъ первый предпринималъ микроскопическія изслѣдованія тканей, болѣзненнымъ образомъ измѣненныхъ проказою, и при продолжившихся въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ изслѣдованіяхъ своихъ наткнулся на палочкообразные организмы. Въ 1880 году онъ писалъ о своемъ открытіи въ «Archiw» Вирхова. Между тѣмъ Робертъ Кохъ установилъ новую методу изслѣдованія бактерій. Запасшись новою коховскою техникою, Альбертъ Нейссеръ, нынѣшній директоръ клиники для накожныхъ болѣзней, отправился въ Бергенъ къ Армауэру Ганзену. Благодаря техникѣ окрашиванія бактерій, онъ былъ въ состояніи подтвердить и усовершенствовать результаты изслѣдованій Ганзена. Онъ удостовѣрилъ до тѣхъ поръ еще не совсѣмъ опредѣленную этіологію бактерій лепрозной болѣзни. Бациллы лепрозной болѣзни находятся въ прокаженныхъ новообразованіяхъ, а именно обыкновенно внутри клѣтокъ тканей. Онѣ по своимъ признакамъ весьма похожи на туберкулезныя бациллы, только короче послѣднихъ и не имѣютъ самодвиженія. Важную роль при опредѣленіи бациллъ играетъ отношеніе послѣднихъ къ красящимъ веществамъ. Бацилла проказы всасываетъ употребительныя, влажныя, анилиновыя, красящія вещества и въ этомъ отношеніи она занимаетъ среднее мѣсто между туберкулезными и другими бациллами; она принимаетъ цвѣтъ легче, чѣмъ туберкулезныя бациллы, но труднѣе, чѣмъ остальныя; также она отдаетъ краску обезцвѣчивающимъ средствамъ легче, чѣмъ туберкулезныя бациллы.

Отличительнымъ признакомъ между туберкулезными бациллами и бациллами проказы считается различное отношеніе тѣхъ и другихъ къ простымъ, влажнымъ, фуксиннымъ растворамъ. Бациллы лепрозной болѣзни окрашиваются въ короткое время при комнатной температурѣ, между тѣмъ какъ бациллы туберкулезной болѣзни при такомъ условіи не принимаютъ цвѣта. Опыты разведенія лепрозныхъ бациллъ до сихъ поръ оставались безрезультатными. Культура бациллъ лепрозной болѣзни еще не удалась, но заслуживаютъ вниманія опыты по переносу проказы. Сперва старались искусственно привить животнымъ лепрозную болѣзнь, а въ одномъ случаѣ испробовали передачу болѣзни и человѣку. Д-ръ Арнингъ въ Гамбургѣ, по порученію прусской академіи наукъ, былъ отправленъ на Сандвичевы острова для изученія проказы.

Тамъ въ тюрьмѣ гор. Гонолулу находился тогда присужденный къ смерти преступникъ. Вслѣдствіе ходатайства д-ра Арнинга, онъ былъ помилованъ подъ условіемъ привитія ему лепрозной болѣзни. Тюремный узникъ согласился на это, прививка совершилась, и онъ дѣйствительно заболѣлъ проказою; но послѣ выяснилось, что въ его семьѣ уже ранѣе была лепрозная болѣзнь. Поэтому можно было сдѣлать возраженіе, что заключенный въ тюрьму еще до прививки болѣлъ проказою, но только болѣзнь не обнаруживалась у него въ явныхъ признакахъ. 1897 года 11-го октября въ Берлинѣ, въ Имперскомъ санитарномъ управленіи (Gesundheitsamt) состоялась международная конференція для обсужденія лепрозной болѣзни, въ присутствіи представителей разныхъ вѣдомствъ; на конференціи присутствовали около 150 врачей и представители всѣхъ культурныхъ государствъ. Главнымъ предсѣдателемъ былъ выбранъ профессоръ д-ръ Вирховъ, а вице-президентами профессоръ д-ръ Лассаръ въ Берлинѣ и д-ръ Ганзенъ изъ Бергена. Рѣчь при открытіи говорилъ профессоръ д-ръ Лассаръ. Затѣмъ слѣдовали привѣтственныя рѣчи государственнаго секретаря графа фонъ-Позадовскаго и министра народнаго просвѣщенія д-ра Боссе. Послѣдній сообщилъ, что съ 1870 года въ мемельскомъ уѣздѣ были 34 случая заболѣванія проказою и въ томъ числѣ 17 случаевъ съ смертельнымъ исходомъ, которые распредѣлились по 17 мѣстностямъ. Внѣ мемельскаго уѣзда были указаны 7 случаевъ. Къ этимъ сообщеніямъ присоединились рѣчи иностранныхъ и нѣмецкихъ представителей. На конференцію были представлены также нѣсколько больныхъ проказою. Засѣданію отъ 12-го октября предшествовалъ рядъ научныхъ демонстрацій преимущественно микроскопическаго характера; затѣмъ приступлено было къ совѣщаніямъ о значеніи лепрозной бациллы и о путяхъ перенесенія возбудителя болѣзни. Заключительное засѣданіе состоялось 16-го октября. Въ окончательномъ результатѣ на конференціи были установлены слѣдующія положенія:

1. Причиною проказы (lepra) является особая бацилла.
2. Человѣкъ — единственный носитель (Träger) этой бациллы.
3. Проказа болѣзнь заразительная, но *не наслѣдственная*.
4. Изолированіе прокаженныхъ желательно, при чемъ рекомендуются даже принудительныя мѣры, если въ томъ окажется надобность.

Собраніе приняло соотвѣтствующія послѣднему пункту предложенія д-ра Ганзена, и въ 1899 году въ Мемелѣ былъ уже открытъ пріютъ для прокаженныхъ.

Баронъ Г. Р. фонъ Штемпель.

Изъ исторіи и быта прокаженныхъ.

Для цѣли настоящаго очерка нѣтъ надобности излагать всѣ историческія указанія относительно прокаженныхъ; авторъ имѣетъ въ виду отмѣтить только нѣкоторые пропуски въ спеціальной литературѣ, касающіеся этого вопроса и пополнить ихъ. Въ медицинскихъ очеркахъ исторіи проказы обыкновенно совсѣмъ не упоминается о церковныхъ писателяхъ первыхъ вѣковъ христіанства, оставившихъ намъ несомнѣнно достовѣрныя свидѣтельства относительно этой болѣзни, а въ справочныхъ изданіяхъ иногда отрицается вообще значеніе библейскихъ указаній на эту болѣзнь, которыя между тѣмъ подтверждаются другими древними писателями. Такъ, напримѣръ, въ русскомъ энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза (подъ словомъ «проказа») сказано, что *первыя достовѣрныя свѣдѣнія* о проказѣ сообщаетъ Цельсъ, современникъ Іисуса Христа [1]). Авторъ статьи, напечатанной въ этомъ словарѣ, очевидно, считаетъ недостовѣрными свидѣтельства Библіи, Геродота и другихъ писателей древней исторіи о проказѣ и прокаженныхъ; между тѣмъ несомнѣнно, что проказа была извѣстна у египтянъ еще до Моисея (за 1600 л. до Р. Хр.) и была занесена въ Палестину евреями, долго жившими въ Египтѣ. У І. Флавія записанъ разсказъ Манеѳона о томъ, что евреи, выведенные Моисеемъ изъ Египта, представляли собою толпы прокаженныхъ, изгнанныхъ изъ Египта вслѣдствіе этой болѣзни. Флавій, естественно, опровергаетъ этотъ разсказъ, а Діодоръ Сицилійскій (кн. II, гл. IX) снова повторилъ ту-же легенду. И. Г. Властовъ считаетъ вѣроятнымъ, что въ разсказѣ Манеѳона была нѣкоторая доля правды. Въ самомъ дѣлѣ, еврейскій законодатель, всего

[1]) Подразумѣвается, очевидно, Авлъ Корнелій Цельсъ, римскій писатель временъ Августа и Тиверія, написавшій книгу «De medicina», изд. въ Лейденѣ въ 1785 г. При этомъ заслуживаетъ вниманія, что въ нѣмецкихъ энциклопедіяхъ Брокгауза и Майера авторитетъ Моисеева свидѣтельства о прокаженныхъ не отрицается.

черезъ нѣсколько недѣль по выступленіи евреевъ изъ Египта, уже находилъ нужнымъ предписать подробные законы, касающіеся проказы, при чемъ рекомендовалъ левитамъ большую осмотрительность какъ при распознаваніи этой болѣзни, такъ и при заключеніи объ исцѣленіи отъ нея. Очень вѣроятно, что проказа временъ Моисея имѣла нѣсколько видовъ, и нѣкоторые толковники кн. Левитъ понимаютъ еврейское выраженіе «*цараатъ*», какъ одно изъ *названій* элефантіазиса [1]).

Далѣе, въ книгѣ Іова описывается скоротечный случай этой болѣзни, сопровождавшійся формами, встрѣчающимися и въ нашемъ Туркестанскомъ краѣ, а случай съ Нееманомъ, военачальникомъ царя Сирійскаго, можетъ указывать на существованіе этой болѣзни въ Сиріи также до Р. Хр. [2]). Въ Зендавестѣ, по словамъ Роулинсона (Ancient Monarchies), проказа также упоминается и считается проявленіемъ гнѣва злого Аримана. Греческій историкъ второй половины V вѣка до Р. Хр. Геродотъ упоминаетъ о существованіи проказы въ его время въ Персіи и говоритъ, что заболѣвавшій проказой не допускался въ городъ и съ остальными персами не имѣлъ сношеній, и что всякаго иностранца, заболѣвшаго проказой, персы изгоняли вонъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ отгоняли также бѣлыхъ голубей, которыхъ считали виновниками проказы [3]). Кларкъ, на основаніи Эсхила и Аретея, упоминаетъ, что древніе греки считали проказу посланною на людей Фебомъ, и прокаженный удалялся въ пустыню, такъ какъ его чуждались даже ближайшіе родственники [4]). Въ Китаѣ проказа извѣстна была также съ давнихъ поръ и считалась наказаніемъ Божіимъ за грѣхъ, при чемъ прокаженные исключались изъ общества людей здоровыхъ, вслѣдствіе отвращенія послѣднихъ къ этой болѣзни и изъ страха заразиться ею. Отчужденные отъ человѣческаго общества прокаженные въ Китаѣ нерѣдко прибѣгали къ самоубійству... На островѣ Цейлонѣ до нашихъ дней сохранилась древняя легенда «о прокаженномъ царѣ», исцѣлившемся отъ проказы послѣ трехмѣсячнаго питанія плодами кокосоваго дерева [5]).

[1]) Священная лѣтопись, Г. Властова. С.-Петербургъ, 1877 г. Томъ II, кн. Левитъ, стр. 82 и слѣд.

[2]) Въ опытѣ библейскаго словаря П. Солярскаго (Томъ III) указаны другія мѣста Библіи, въ которыхъ говорится о проказѣ.

[3]) Геродотъ. Исторія въ девяти книгахъ. Переводъ съ греческаго Ѳ. Мищенка. Томъ I, кн. 1, 138 стр. 73 (Москва, 1885 г.). Странно, что историкъ не упоминаетъ о проказѣ среди египтянъ и другихъ древнихъ народовъ, нравы и обычаи которыхъ онъ подробно описываетъ.

[4]) Англ. коментар. Библіи.

[5]) И. П. Минаевъ. Очерки Цейлона и Индіи. Спб. 1878 г., стр. 18 — 19. Можетъ быть, въ этой легендѣ заключается указаніе на излѣчимость проказы... Въ послѣднее время д-ръ Шапиръ примѣнялъ съ успѣхомъ Oleum Chaulmoograe къ лѣченію проказы.

Легенда эта соединяется въ воображеніи населенія острова съ гигантской, высѣченной въ гранитной скалѣ статуей въ коронѣ и царскомъ одѣяніи, которую будто бы воздвигъ «прокаженный царь» въ память своего избавленія отъ проказы. Вполнѣ естественно, что отъ древнихъ восточныхъ народовъ проказа распространилась также среди грековъ и римлянъ [1]). У Плинія встрѣчается указаніе на распространеніе этой болѣзни въ самомъ Римѣ при Тиверіи и при томъ среди богатыхъ и всадниковъ. Во времена Іисуса Христа прокаженные несомнѣнно были среди евреевъ [2]).

На урокахъ Закона Божія мы еще въ дѣтствѣ заучивали разсказы Библіи о томъ, какъ Моисей превращалъ свою здоровую руку въ прокаженную, какъ пророкъ Елисей исцѣлилъ отъ проказы Неемана сиріянина, и какъ Іисусъ Христосъ исцѣлялъ прокаженныхъ; но едва ли кто изъ насъ думалъ тогда и представлялъ себѣ страшную дѣйствительность относительно этой ужасной болѣзни. Къ счастью всего человѣчества и нашего отечества въ частности, проказа встрѣчается въ настоящее время только въ рѣдкихъ сравнительно мѣстахъ. Мы, жители Туркестанскаго края, поставлены въ этомъ случаѣ въ иныя условія, такъ какъ можемъ видѣть прокаженныхъ своими глазами и по нимъ судить о тѣхъ несчастныхъ современникахъ Іисуса Христа, которые обращались къ Нему за исцѣленіемъ; но и мы не всѣ имѣемъ вѣрное представленіе о нихъ...

Въ наукѣ долгое время держалось убѣжденіе, что проказа — болѣзнь странъ Востока и въ Западной Европѣ была неизвѣстна до крестовыхъ походовъ; но историческія изслѣдованія послѣдняго времени доказали совершенную ошибочность такого мнѣнія. Проказа съ первыхъ вѣковъ христіанской эры была извѣстна и въ христіанскихъ странахъ, что подтверждается церковными актами и сочиненіями христіанскихъ писателей первыхъ вѣковъ. Изъ этихъ свидѣтельствъ мы узнаемъ прежде всего, что прокаженные у евреевъ и христіанъ находились подъ покровительствомъ религіи. По законамъ Моисея за прокаженными обязаны были наблюдать священники, къ которымъ и Іисусъ Христосъ отсылалъ исцѣленныхъ Имъ прокаженныхъ [3]). И въ слѣдующую затѣмъ христіанскую эпоху прокаженные находились подъ покровительствомъ церкви и духовныхъ властей почти до временъ французской революціи. Папа Сикстъ IV (1471 — 1484 г.) увѣковѣчилъ въ па-

[1]) См. указанія въ томѣ третьемъ латинскаго лексикона «Totius latinitatis lexicon. Opera et studio Aegidii Forcellini...» 1865 г. Vox «Lepra», pag. 734.

[2]) См. Библейскій словарь П. Солярскаго «Проказа». Объ исцѣленіи прокаженныхъ повѣствуется въ Евангеліи.

[3]) «Пойдите, покажитесь священникамъ...» Луки 17 11 — 19 и параллельныя мѣста.

мяти католиковъ представленіе о библейскихъ прокаженныхъ, приказавъ художнику Ботицелли изобразить на фрескѣ очистительную жертву прокаженнаго, какую онъ долженъ былъ принести въ знакъ своего очищенія отъ проказы. Фреска Ботицелли, единственная по сюжету, занимаетъ всю переднюю стѣну Сикстинской Капеллы въ Ватиканѣ и изображаетъ религіозный обрядъ очищенія прокаженнаго по закону Моисея. — На фрескѣ изображенъ громадный жертвенникъ, за которымъ красуется блестящій фасадъ храма. Предъ жертвенникомъ одѣтый въ бѣлую одежду левитъ подноситъ первосвященнику золотое блюдо, наполненное кровью жертваннаго животнаго, и первосвященникъ погружаетъ въ кровь пукъ зеленыхъ прутьевъ, обвитыхъ красною шерстяною прядью. Съ правой стороны приближается къ жертвеннику прокаженный въ сопровожденіи двухъ своихъ друзей. Одинъ изъ нихъ, нагнувшись къ прокаженному, хочетъ раскрыть грудь прокаженнаго, чтобы удостовѣриться, очистился ли онъ на самомъ дѣлѣ отъ проказы. Съ лѣвой стороны изображена женщина, несущая на головѣ огромное глиняное блюдо съ двумя курицами. Она стремится къ протекающему на правой сторонѣ источнику, чтобы выпустить тамъ одну птицу, а другую заколоть, какъ повелѣлъ Моисей. Левитъ подноситъ на блюдѣ кровь этой птицы первосвященнику, который погружаетъ въ нее иссопъ, чтобы окропить исцѣлившагося отъ проказы въ знакъ очищенія и возвращенія его въ общество. Внутри жертвенника пылаетъ благовонное кедровое дерево, какъ послѣдній заключительный моментъ священнаго обряда. Картина эта получаетъ еще большее значеніе отъ того, что кардиналы и прелаты (одинъ съ жезломъ, а другой въ кардинальскомъ облаченіи) принимаютъ участіе въ этомъ священнодѣйствіи. Такою необыкновенною по своему сюжету картиною папа Сикстъ IV хотѣлъ сохранить въ памяти римскихъ католиковъ представленіе о построенномъ имъ госпиталѣ въ честь Св. Духа, гдѣ больные его времени могли находить присмотръ и лѣченіе. На выборъ сюжета для этой замѣчательной картины, безъ сомнѣнія, оказалъ вліяніе орденъ францисканцевъ, такъ какъ св. Францискъ извѣстенъ въ исторіи своимъ самоотверженнымъ подвигомъ, выражавшимся въ уходѣ за прокаженными, которыхъ онъ не гнушался обнимать и даже цѣловать. Вліяніемъ францисканскаго ордена объясняется и то, что на картинѣ, въ великолѣпной пирамидальной композиціи, изображены многія знатныя лица, которыя съ благоговѣйнымъ чувствомъ окружаютъ символическое ветхозавѣтное жертвоприношеніе, имѣвшее отношеніе къ прокаженнымъ, заботу о которыхъ приняли на себя члены братства при основанномъ папою Сикстомъ IV госпиталѣ въ честь Св. Духа [1]).

[1]) См. Rom in der Renaissance von Nicolaus V bis auf Julius II. Von Ernst Steinmann. Berühmte Kunststätten. № 3. Leipzig, 1899. Указаніемъ на описанную фреску

Изъ исторіи христіанской церкви несомнѣнно извѣстно, что прокаженные находились и въ числѣ первыхъ христіанъ Іерусалимской церкви. Въ собраніи апостольскихъ и соборныхъ правилъ семнадцатое правило помѣстнаго Анкирскаго собора предписываетъ прокаженнымъ молиться «*съ обуреваемыми*», т. е. *внѣ церкви*, на открытомъ мѣстѣ, не защищенномъ отъ вѣтра и дождя, гдѣ стояли также и бѣсноватые во время богослуженія [1]). Въ IV вѣкѣ по Р. Хр. проказа была распространена въ Малой Азіи, и честь устройства *перваго* пріюта для прокаженныхъ принадлежитъ архіепископу Кесаріи Каппадокійской св. Василію Великому († 379), который вообще извѣстенъ въ исторіи христіанской церкви своею благотворительною попечительностью о бѣдныхъ и больныхъ обоего пола, всякаго возраста и состоянія. Современникъ и другъ св. Василія, св. Григорій Богословъ († 389) посѣтилъ въ 373 году этотъ пріютъ [2]) для прокаженныхъ и, въ видахъ поддержанія сочувствія мѣстнаго общества къ этому высоко-гуманному учрежденію, произнесъ столь замѣчательное по силѣ чувства и краснорѣчія слово о любви къ бѣднымъ, что оно и для насъ, живущихъ наканунѣ XX столѣтія и заботящихся объ улучшеніи быта прокаженныхъ, не утратило своего значенія. «Вы сами свидѣтели ихъ страданія», — говорилъ знаменитый церковный ораторъ.... «Предъ вашими глазами поразительное зрѣлище, которому едва ли кто повѣритъ, кромѣ очевидцевъ: люди — *живые мертвецы*, у которыхъ конечности большей части тѣлесныхъ членовъ отгнили; люди, которыхъ нельзя почти узнать, кто они были прежде и откуда, или лучше — несчастные остатки живши́хъ нѣкогда людей, которые, чтобы дать знать о себѣ, сказываютъ о своихъ отцахъ, матеряхъ, братьяхъ, мѣстахъ жительства: «*я сынъ такого-то отца, мать у меня такая-то, да и ты нѣкогда былъ мнѣ другомъ и знакомымъ*». Это говорятъ прокаженные потому, что не имѣютъ уже прежняго вида, по которому бы можно было узнать ихъ. Эти люди — *обсѣченные* [3]), у которыхъ нѣтъ ни имущества, ни родства, ни друзей, ни даже тѣла; люди, которые одни изъ всѣхъ и жалѣютъ о себѣ и вмѣстѣ ненавидятъ себя, которые не знаютъ, о чемъ больше плакать, — о тѣхъ ли частяхъ тѣла, коихъ уже нѣтъ, или объ оставшихся, о тѣхъ ли, которыя преждевременно истребила болѣзнь, или о тѣхъ, которыя еще сберегаются на жертву болѣзни: ибо тѣ

въ Сикстинской капеллѣ авторъ обязанъ Ф. Р. Дукмейру, который лѣтомъ 1899 г. былъ въ Римѣ и разсматривалъ эту картину.

[1]) См. славянскій текстъ правилъ св. Помѣстнаго Анкирскаго собора (Москва, 1854 г.)

[2]) Въ предмѣстьѣ Кесаріи.

[3]) Въ смыслѣ «отрѣзанныхъ» отъ общества, родныхъ и друзей, и даже лишенныхъ нѣкоторыхъ частей тѣла, отгнившихъ и отвалившихся. *Авт.*

несчастно погибли, а эти уцѣлѣли для большаго несчастія; тѣ сотлѣли прежде гроба, а эти некому и въ гробъ положить... И самый добрый и мягкосердечный человѣкъ бываетъ крайне нечувствителенъ къ бѣдствіямъ сихъ страдальцевъ....»

«Отъ этихъ несчастныхъ мы, сколько есть силъ, бѣжимъ прочь и — какое безчеловѣчіе! — негодуемъ почти и на то, что дышемъ однимъ съ ними воздухомъ...»

«Кто нѣжнѣе отца? Кто сердобольнѣе матери?» спрашиваетъ затѣмъ св. Отецъ. — Но для этихъ отверженныхъ заперто и родительское сердце... И отецъ своего собственнаго сына, котораго родилъ, котораго воспиталъ, въ которомъ одномъ чаялъ имѣть око своей жизни, за котораго такъ много и такъ часто молился Богу, — этого самого сына, хотя оплакиваетъ, но гонитъ отъ себя — оплакиваетъ отъ сердца, гонитъ поневолѣ... А мать, вспоминая муки рожденія, съ разрывающимся сердцемъ испускаетъ жалобнѣйшіе вопли и вслухъ рыдаетъ надъ живымъ, какъ надъ мертвымъ, говоря: «несчастное чадо злополучной матери, отнимаемое у меня лютою болѣзнію, чадо жалости достойное! чадо мое милое, котораго и узнать не могу, чадо мое, которое воспитала я для утесовъ, горъ и пустынь!.. Зачѣмъ, вышедши изъ чрева, не погибъ ты въ тоже мгновеніе, такъ чтобъ смерть сочеталась съ рожденіемъ? Зачѣмъ ты не умеръ преждевременно, пока еще не вкусилъ золъ жизни?.. Выговаривая это, мать проливаетъ источники слезъ, и хотѣла бы несчастная заключить въ объятія свое дѣтище, но боится тѣла его, какъ непріятеля!

«А въ народѣ поднимаются повсюду ропотъ и гоненія — не противъ злодѣевъ, но противъ несчастныхъ... Ихъ гонятъ изъ городовъ, гонятъ изъ домовъ, съ площади, съ дорогъ, изъ бесѣдъ, изъ народныхъ собраній и пировъ, и — о горькая участь! — ихъ отгоняютъ и отъ самой воды. Для прокаженныхъ не текутъ источники, напояющіе всѣхъ другихъ; невѣроятнымъ почитаютъ даже то, чтобы и рѣки не могли отъ нихъ заразиться... А что всего страннѣе: тѣхъ, коихъ, какъ нечистыхъ, мы отгоняемъ отъ себя, тѣхъ самыхъ мы же заставляемъ опять возвращаться къ намъ, потому что не даемъ имъ ни жилища, ни нужной пищи, ни врачества для ранъ, ни одежды, которою могли бы прикрыть, по нашимъ силамъ, ихъ недугъ. Потому-то они и скитаются день и ночь... Помогая другъ другу употребленіемъ членовъ, которыхъ у другого нѣтъ, слагая жалобныя пѣсни, чтобы выпросить кусочекъ хлѣба, или малѣйшую часть чего-нибудь варенаго, или какое-нибудь раздранное рубище для прикрытія себя отъ стыда, или для облегченія боли отъ ранъ... Одни изъ нихъ втѣсняются въ общество людей, желая услышать голосъ человѣческій; другіе, чтобы взглянуть на людей; иные, чтобы у роскошныхъ богачей

собрать хотя скудное подаяніе для поддержанія жизни; всѣ же, чтобы обнаружить свою скорбь и тѣмъ хотя нѣсколько облегчить себя. — Кто не сокрушится, внимая ихъ стонамъ, сливающимся въ одну жалобную пѣснь? Какое ухо можетъ переносить эти звуки? Чьи глаза могутъ спокойно смотрѣть на такое зрѣлище?..[1]).

Такіе же несчастные и отверженные несомнѣнно существовали въ Западной Европѣ уже въ V и VI вѣкахъ и также пользовались исключительнымъ покровительствомъ церкви. Св. Кириллъ Александрійскій и Блаж. Августинъ считали эту болѣзнь неизлѣчимою. Орлеанскій соборъ 549 г., между прочимъ, предписывалъ епископамъ заботиться о призрѣніи прокаженныхъ, насколько позволяли церковныя средства; Ліонскій соборъ 583 г. также предписывалъ епископамъ кормить и одѣвать прокаженныхъ, чтобы они не скитались. Согласно этимъ постановленіямъ, во Франціи устраивались для прокаженныхъ особые загородные пріюты, о которыхъ упоминаетъ Григорій, епископъ Турскій, жившій во второй половинѣ VI вѣка. Въ началѣ VII вѣка такіе пріюты были въ нынѣшней Лотарингіи. Но прокаженные, очевидно, продолжали скитаться по населеннымъ мѣстамъ, что и понудило Карла Великаго издать въ 789 г. указъ, воспрещавшій прокаженнымъ появляться въ общественныхъ мѣстахъ. Кампіенскій соборъ въ 759 г. постановилъ, что проказа можетъ служить законнымъ основаніемъ къ разводу, но въ 1180 г. папа Александръ III примѣнилъ правило собора только къ обрученнымъ, оставивъ нерасторженность брака и при проказѣ[2]).

Считая проказу заразительною и неизлѣчимою болѣзнью, средневѣковые правители Франціи принимали мѣры къ тому, чтобы совершенно изолировать прокаженныхъ и такимъ образомъ предупредить распространеніе этой ужасной болѣзни среди здоровыхъ; поэтому каждый, у кого появлялись признаки проказы, устранялся отъ всякаго общенія со здоровыми и какъ бы умиралъ для своего общества[3]). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Франціи прокаженные подвергались даже значительнымъ ограниченіямъ въ своихъ гражданскихъ правахъ, какъ напримѣръ, въ правѣ наслѣдовать ближайшимъ родственникамъ и въ правѣ распоряжаться своимъ имуществомъ, а также являться въ ка-

[1]) Въ исторіи проказы совсѣмъ не упоминаются ни св. Василій Великій, ни авторъ приведеннаго слова, св. Григорій Богословъ.

[2]) См. спеціальную ст. В. Ѳ. Дерюжинскаго: *«Призрѣніе прокаженныхъ во Франціи»*, напечат. въ журнадѣ Министерства Нар. Пр. за 1889 г. (сентябрь). Въ этой статьѣ приводятся подлинныя мѣста изъ первоисточниковъ. Ср. соч. Георгія Властова «Свящ. Лѣтопись» СПБ. Т. II, ст. «Проказа».

[3]) Нѣкоторые средневѣковые врачи рекомендовали даже примѣнять къ прокаженнымъ кастрацію.

чествѣ свидѣтелей. Въ одномъ городѣ было въ обычаѣ не принимать въ составъ гражданъ такихъ лицъ, въ родствѣ которыхъ былъ прокаженный. Проказа считалась также одною изъ причинъ, препятствующихъ вступленію въ клиръ, а если она появлялась у лица уже посвященнаго, то служила поводомъ къ удаленію его отъ служенія (Migne). На третьемъ Латеранскомъ соборѣ (1179 г.) было постановлено, чтобы тамъ, гдѣ прокаженные были многочисленны, для нихъ устраивались особыя церкви съ особымъ священникомъ и кладбищемъ. Такое же правило постановлено было Вестминстерскимъ синодомъ въ 1200 г. (Каноны, собранные Джонсономъ II, р. 90). Вообще съ древнѣйшихъ временъ о признаніи кого-либо прокаженнымъ объявлялось въ церкви съ амвона. Прокаженныхъ нельзя было вызывать къ гражданскому суду по правилу, постановленному мѣстнымъ соборомъ въ Арманьякѣ въ 1290 г. (Fleury, Hist. eccles).

Но возвратимся снова къ Востоку. Въ Сиріи съ незапамятныхъ временъ существовали дома для прокаженныхъ, и въ этомъ нѣкоторые авторы видятъ вліяніе законовъ Моисея, указанія и правила которыхъ распространились съ теченіемъ времени на страны, сосѣднія съ Палестиной. Чтобы доказать, что для прокаженныхъ было и особое мѣсто, нѣкоторые толкователи Библіи ссылаются на книгу Іереміи XXXI, 39—40, гдѣ упоминается «Холмъ Гарива и долина труповъ и тепла». Этотъ участокъ считается отведеннымъ для жительства прокаженныхъ. Что-же касается до совершеннаго отдѣленія ихъ, согласно закона Моисеева, отъ общества, то разительный примѣръ этого видятъ на царѣ Озіи, пораженномъ проказою въ храмѣ[1]). И въ наши дни существуютъ въ Палестинѣ дома для прокаженныхъ, именно: въ Іерусалимѣ, Дамаскѣ, Наблусѣ (Сихемѣ) и Рамле.

Въ Аравіи, во время Мухаммеда, проказа также несомнѣнно существовала, какъ это видно изъ сохранившихся по преданію нѣсколькихъ изреченій, изъ которыхъ въ одномъ Мухаммедъ совѣтуетъ своимъ послѣдователямъ убѣгать отъ прокаженныхъ, подобно тому, какъ люди спасаются бѣгствомъ отъ льва; въ другомъ изреченіи онъ разрѣшаетъ вѣрующимъ разговаривать съ зараженнымъ проказой только на разстояніи одного арабскаго копья (немного длиннѣе трехъ аршинъ), или же на разстояніи двухъ копій; въ третьемъ изреченіи Мухаммедъ не совѣтуетъ своимъ послѣдователямъ даже смотрѣть постоянно на прокаженныхъ изъ опасенія заразиться отъ нихъ черезъ воздухъ... Но странно, что въ Коранѣ, вѣщающемъ о себѣ, что въ немъ дано

[1]) «И былъ Озія царь прокаженнымъ до дня смерти своей и жилъ въ домѣ больничномъ для прокаженныхъ, ибо отлученъ былъ отъ дома Господня» 2 Паралип. XXVI, 21.

объясненіе всему [1]), не только нѣтъ никакихъ положительныхъ узаконеній относительно прокаженныхъ, но даже нѣтъ упоминанія объ этой болѣзни: въ гл. 3 ст. 43 Корана говорится, что Іисусъ Христосъ исцѣлялъ прокаженныхъ *(абрасъ)*, но по мѣстному толкованію подъ этимъ словомъ разумѣется зараженный *песью*, а не проказой *(джузамъ* [2]*)*. Въ еврейскомъ Талмудѣ есть цѣлый трактатъ о проказѣ и прокаженныхъ, а въ мусульманскомъ шаріатѣ опять таки только упоминается о прокаженныхъ въ главѣ о разводѣ. Авторъ Хидаи, уроженецъ Ферганы, излагаетъ удивительное положеніе мусульманскаго брачнаго права: «если заразится проказой мужъ, то жена не имѣетъ права просить развода; но, наоборотъ, если жена подвергнется этой заразѣ, то мужъ имѣетъ право дать ей разводъ, ибо въ противномъ случаѣ были бы уничтожены *въ основаніи* права мужа на жену... Такой существенный пробѣлъ въ Коранѣ и шаріатѣ восполняется медицинскими трактами о проказѣ, входящими въ распространенные среди туркестанскихъ мусульманъ медицинскіе сборники. Такъ, напримѣръ, въ 4 томѣ обширнаго сборника «Иксири-агзамъ» (на стр. 457—475 in 4^0) подробно говорится о проказѣ, и намъ думается, что, въ интересахъ мѣстной болѣзни и самой науки — медицины, было бы полезно имѣть въ русскомъ переводѣ этотъ трактатъ, по содержанію котораго Общество туркестанскихъ врачей дало бы свое авторитетное заключеніе.

Трудно сказать съ точностью, когда и при какихъ условіяхъ возникъ близъ Ташкента кишлакъ *Махау*: ташкентскіе сарты никогда не имѣли интереса къ исторіи своего города, а прокаженные и до сихъ поръ не вызываютъ у нихъ осмысленнаго сочувствія къ себѣ. Но несомнѣнно, что прокаженные существовали въ Средней Азіи вообще и въ теперешнемъ Русскомъ Туркестанѣ съ давнихъ временъ. По крайней мѣрѣ современные намъ сарты не запомнятъ того періода, когда бы не было среди нихъ прокаженныхъ. Не имѣя опредѣленныхъ указаній въ Коранѣ и шаріатѣ, мусульманскіе правители Средней Азіи, вообще не отличавшіеся мудрыми внутренними распоряженіями относительно населенія, не заботились и о прокаженныхъ, которые, однако, не могли оставаться среди здоровыхъ своихъ согражданъ, въ городской чертѣ, и потому скитались по загороднымъ уединеннымъ закоулкамъ. Наконецъ, уже въ первой четверти настоящаго столѣтія, при кокандскомъ ханѣ Мадали, когда Ташкентомъ управлялъ таджикъ Раджабъ-Кушбеги, прокаженные воспользовались пріѣздомъ самого хана въ Ташкентъ и подали ему прошеніе объ отводѣ для

[1]) Гл. 12, ст. III; гл. 16, ст. 91; ср. гл. 6, ст. 38.

[2]) По словамъ Пальгрэва, арабы южнаго и восточнаго берега Аравіи этимъ словомъ обозначаютъ элефантіазисъ.

нихъ какого-нибудь участка земли за городомъ, гдѣ бы они могли имѣть постоянное мѣсто жительства. Мадали-ханъ принялъ прошеніе и приказалъ Кушбеги исполнить просьбу прокаженныхъ. Раджабъ-Кушбеги нашелъ такое мѣсто за Бишагачскими воротами гор. Ташкента, недалеко отъ рѣки Салара. Участокъ этотъ состоялъ большею частью изъ *мертвыхъ* (не орошенныхъ) земель, по которымъ послѣ были проведены арыки, а затѣмъ на этомъ участкѣ появились посадки тала и клеверное поле и были построены сартскія хижины. И такъ, около 75 лѣтъ назадъ, несчастные прокаженные гор. Ташкента поселились въ опредѣленномъ и постоянномъ мѣстѣ, въ такъ называемомъ кишлакѣ *Махау*, гдѣ живутъ и въ наши дни. Что касается полицейскихъ мѣръ, принимавшихся относительно прокаженныхъ, то древняя исторія не сохранила такихъ свидѣтельствъ, да и трудно было бы искать такихъ указаній въ странахъ и государствахъ, носившихъ характеръ теократическихъ общинъ. Въ средневѣковой Франціи заболѣвшій проказой прежде всего подвергался врачебному осмотру, посредствомъ котораго въ однихъ случаяхъ констатировался фактъ дѣйствительнаго зараженія проказой, а въ другихъ случаяхъ устранялся обманъ со стороны лицъ, умышленно выдававшихъ себя за прокаженныхъ. Иногда появлялись такіе субъекты, которые, соблазняясь беззаботнымъ существованіемъ въ даровомъ помѣщеніи и даровымъ продовольствіемъ въ лепрозоріи, натирали свое тѣло разъѣдающими травами, вызывали язвы на тѣлѣ и эти язвы выдавали за признаки проказы. Но такіе факты были, конечно, нечасты: насильственное разъединеніе съ обществомъ, сопровождавшееся разлукой съ родными и лишеніемъ нѣкоторыхъ личныхъ правъ, побуждало, наоборотъ, не только самого прокаженнаго, но и его семейныхъ и друзей скрывать страшную болѣзнь... И нужны были строгія мѣры, чтобы предотвращать подобныя укрывательства: если въ какомъ-нибудь приходѣ умиралъ прокаженный, о которомъ жители прихода своевременно не заявили, въ такомъ случаѣ весь скотъ прихода конфисковался въ пользу мѣстнаго сеньера. Въ 1579 г. жители Прованса поспѣшили заколоть въ одинъ день всѣхъ своихъ свиней, а остальныхъ домашнихъ животныхъ отогнали отъ города и не возвращали ихъ домой въ теченіе двухъ сутокъ, чтобы охранить ихъ отъ конфискаціи въ пользу короля, такъ какъ въ приходѣ умеръ одинъ прокаженный, о которомъ при жизни его жители прихода не заявили подлежащимъ властямъ.

Послѣ осмотра отдѣляли прокаженнаго отъ общества и помѣщали въ лепрозоріи, въ которыя допускались лишь мѣстные жители [1]).

[1]) Въ Туркестанскомъ краѣ кишлаки Махау также существуютъ для жителей данной мѣстности, и потому предположеніе образовать въ Туркестанскомъ краѣ

Если же прокаженный не принадлежалъ къ мѣстному обществу, то его препровождали на мѣсто его родины и постояннаго жительства для водворенія въ тамошній лепрозорій. При этомъ мѣстный средневѣковой обычай требовалъ, чтобы прокаженный былъ одѣтъ въ особый, установленный для такихъ больныхъ, костюмъ и чтобы по немъ была отслужена особая церковная служба.

Заслуживаетъ вниманія слѣдующая особенность средневѣковыхъ обычаевъ относительно прокаженныхъ: въ средніе вѣка прокаженнымъ изъ высшихъ классовъ общества разрѣшалось оставаться у себя дома, не поступать въ лепрозорій, но при этомъ имъ воспрещалось отлучаться изъ дома. Иногда, по чувству человѣческаго чванства, знатные и богатые люди, зараженные проказой, отдавали свое имущество монастырямъ съ тѣмъ, чтобы въ послѣднихъ имъ было отведено особое помѣщеніе. Такимъ образомъ, прокаженные изъ знати избѣгали сообщества съ прокаженными изъ низшихъ классовъ въ одномъ убѣжищѣ, и въ средневѣковыхъ лепрозоріяхъ имѣли пріютъ исключительно бѣднѣйшіе люди, среди которыхъ проказа была наиболѣе распространена. Тоже самое наблюдается и въ Русскомъ Туркестанѣ въ наше время: въ Ташкентѣ, напримѣръ, сохраняетъ до сихъ поръ свою силу обычай, по которому въ кишлакъ Махау отправляются только бѣднѣйшіе жители города, а прокаженные изъ семей богатыхъ и вліятельныхъ остаются у себя дома; но прокаженные являются къ нимъ въ мѣсяцъ или въ два мѣсяца разъ и получаютъ отъ нихъ денежный выкупъ. Замѣчательно также, что мужчины могутъ откупиться отъ необходимости жить среди прокаженныхъ въ общемъ кишлакѣ, а несчастныя женщины лишены этого права. Причина такого неодинаковаго отношенія прокаженныхъ ко вновь зараженнымъ проказой заключается въ томъ, что живущіе въ кишлакѣ Махау наиболѣе нуждаются въ женщинахъ даже для хозяйственныхъ нуждъ своихъ, а также и въ томъ, что здоровый мужъ не дорожитъ своей несчастной женой, коль скоро у нея появилась проказа, и, на основаніи шаріата, безъ особыхъ затрудненій разводится съ нею, послѣ чего она отправляется въ кишлакъ Махау. Въ этомъ мѣстѣ злополучнаго существованія прокаженные могутъ продолжать брачное сожительство, подобно тому какъ въ Китаѣ и Японіи, на Мадагаскарѣ и въ Новой Зеландіи браки между прокаженными допускаются (Г. Властовъ, Свящ. Лѣтопись).

одинъ центральный кишлакъ для прокаженныхъ всего края не согласовалось бы съ мѣстными нравами. А въ мѣстномъ обычаѣ есть свой резонъ: родственники прокаженныхъ не забываютъ ихъ, иногда навѣщаютъ и приносятъ пищевые продукты.

Бывали, говорятъ туземцы, случаи, когда заразившіеся проказой морили себя голодомъ или же принимали медленно дѣйствующія ядовитыя лѣкарства и такимъ образомъ избѣгали горькой участи жить въ кишлакѣ прокаженныхъ и ожидать тамъ медленно наступающей смерти. Среди нашихъ туземцевъ не было извѣстно никакихъ особыхъ обрядовъ, сопровождавшихъ отправленіе больнаго въ кишлакъ Махау, но сцены и здѣсь бываютъ трогательныя: больной прощается съ родными навсегда, считаетъ себя какъ бы умершимъ, горько плачетъ и въ послѣдній разъ обнимаетъ своихъ ближнихъ родственниковъ. Все это естественно, но не можетъ идти въ сравненіе съ религіознымъ обрядомъ, какой съ изысканною печальною торжественностью совершался въ средніе вѣка надъ прокаженными предъ отправленіемъ ихъ въ лепрозорій. Въ заранѣе назначенный день мѣстный священникъ, въ траурномъ облаченіи, предшествуемый крестомъ и сопровождаемый причтомъ, являлся въ мѣстожительство новаго прокаженнаго, который также въ траурной одеждѣ ожидалъ священника у входа въ домъ. Здѣсь священникъ обращался къ больному съ словами увѣщанія и утѣшенія, говоря, что, будучи удаленъ отъ общества, прокаженный совершенно умираетъ для міра, что поэтому Богъ и церковь запрещаютъ ему всякое общеніе съ здоровыми людьми, что онъ долженъ смотрѣть на себя, *какъ на трупъ*, который провожаютъ въ могилу, но которому Богъ соблаговолилъ даровать остатокъ жизни, чтобы имѣть возможность въ страданіяхъ искупить грѣхи свои... Послѣ этихъ увѣщаній, сопровождавшихся крестнымъ знаменіемъ и окропленіемъ прокаженнаго святою водою, совершалось торжественное шествіе въ церковь съ крестомъ во главѣ процессіи, при пѣніи заупокойной молитвы. Прокаженный, покрытый чернымъ сукномъ, слѣдовалъ непосредственно за священникомъ. По прибытіи въ церковь, духовенство совершало богослуженіе. Въ XIII и XIV вѣкахъ совершалась заупокойная служба, но позднѣе,— очевидно, чтобы сгладить ужасное впечатлѣніе, какое долженъ былъ производить на прокаженныхъ обрядъ отлученія, напоминающій собою погребеніе, — вмѣсто заупокойной службы священникъ совершалъ или обыкновенную обѣдню, или же особую службу, составленную изъ различныхъ молитвъ, долженствовавшихъ вселять въ прокаженнаго мужество и покорность волѣ Божіей. Въ теченіе долгаго времени въ средніе вѣка существовалъ также обычай помѣщать прокаженнаго на особаго рода катафалкъ или на подмостки, на которыхъ прокаженный, покрытый чернымъ сукномъ, лежалъ во все время совершенія этой заупокойной службы. По окончаніи богослуженія, во время котораго прокаженный получалъ причастіе, печальное шествіе въ томъ же порядкѣ направлялось въ лепрозорій или,

если не было послѣдняго, — въ особо устроенную хижину для прокаженнаго. По выходѣ изъ церкви, священникъ бралъ лопату земли съ кладбища и трижды посыпалъ ею голову прокаженнаго, со словами: «*Другъ мой! Это — знакъ, что ты умеръ для міра, и посему имѣй терпѣніе*». — Шествіе сопровождалось пѣніемъ и другихъ молитвъ, употребляемыхъ при погребеніи.

По прибытіи процессіи къ «послѣднему жилищу» прокаженнаго, священникъ снова обращался къ нему со словами утѣшенія, давалъ ему рядъ наставленій относительно обязанностей, которыя налагаютъ на него интересы общества здоровыхъ людей. Прокаженному предписывалось не входить въ церковь, не показываться на площадяхъ, не ходить на мельницу и вообще туда, гдѣ собирается народъ; не мыть своихъ рукъ и употребляемыхъ имъ вещей въ родникахъ и ручьяхъ; не выходить иначе, какъ въ особой одеждѣ прокаженнаго, чтобы всѣ могли сторониться его; не прикасаться къ предметамъ, которые прокаженный желаетъ купить, а указывать на нихъ своею палочкой; не приближаться ни къ какой женщинѣ, кромѣ жены своей; при встрѣчѣ съ кѣмъ бы-то ни было отвѣчать на вопросы не иначе, какъ отойдя въ сторону и ставъ противъ вѣтра; въ узкомъ мѣстѣ избѣгать столкновенія съ здоровыми; отнюдь не прикасаться къ дѣтямъ, не давать имъ ничего, а также не ѣсть и не пить иначе, какъ въ обществѣ прокаженныхъ... Намъ теперь должно быть понятно, почему и евангельскіе десять прокаженныхъ, увидѣвъ Іисуса Христа, не осмѣлились приблизиться къ Нему, а остановились вдали и кричали о помилованіи, т. е. объ исцѣленіи ихъ отъ проказы...

Отлученіе прокаженнаго отъ міра и водвореніе его въ лепрозоріи совершалось врученіемъ ему особаго костюма, который онъ обязанъ былъ одѣвать для того, чтобы всѣ могли легко узнавать его, а также нѣкоторыхъ другихъ предметовъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ особое назначеніе: а) *трещетки*, посредствомъ, которой прокаженный долженъ былъ извѣщать о своемъ приближеніи [1]); б) *боченочка*, въ который должно было вливать покупаемое прокаженнымъ или подаваемое ему вино; в) *сумы для подаяній*; г) *перчатокъ*, которыя онъ долженъ былъ надѣвать, чтобы не прикасаться ни къ чему голыми руками; д) *палочки*, которою онъ долженъ былъ указывать на покупаемые имъ предметы. Сверхъ того, прокаженному давали кровать съ постелью, столъ, стулъ и пр.

Въ средневѣковой, Франціи лепрозоріи носили характеръ небольшихъ госпиталей и богадѣленъ, учреждавшихся въ честь св. Лазаря,

[1]) По Моисееву закону (кн. Левитъ, XIII, 45) прокаженный долженъ былъ завязать одежду свою, открыть голову, а лицо закрыть до рта и кричать при встрѣчѣ съ здоровыми: Я нечистъ, я нечистъ. Жилище его было внѣ стана еврейскаго.

св. Георгія или св. Магдалины. Въ эти госпитали—богадѣльни прокаженные вступали по принужденію и при томъ навсегда, такъ какъ не имѣли уже надежды на выздоровленіе. Лепрозоріи были смѣшанные для лицъ обоего пола, спеціальные для мужчинъ и женщинъ, а иногда особые для духовенства. Но всѣ они были мѣстами *невольнаго* заключенія, имѣли цѣлью предупрежденіе заразы среди здоровыхъ и устраивались обыкновенно за чертой населеннаго мѣста, не далеко отъ дороги, иногда даже на перекресткѣ нѣсколькихъ дорогъ, чтобы прокаженные могли пользоваться милостыней отъ проходящихъ и проѣзжающихъ по этимъ дорогамъ. Въ Туркестанскомъ краѣ спеціальныхъ для каждаго пола прокаженныхъ кишлаковъ нѣтъ; въ нашихъ махаузарахъ живутъ смѣшанно мужчины, женщины и дѣти; но средневѣковый обычай размѣщенія этихъ пріютовъ за городомъ и вблизи отъ дорогъ сохранился и въ нашемъ краѣ. Иначе прокаженнымъ было бы трудно выходить за сборомъ подаяній, на счетъ которыхъ они живутъ [1]). Главнымъ источникомъ содержанія прокаженныхъ и въ средніе вѣка служила частная благотворительность. Сначала попеченіе о прокаженныхъ лежало на церкви,— на епископахъ; въ XII и XIII вв. многія владѣтельныя и частныя лица по благочестивымъ побужденіямъ, въ заботахъ о спасеніи души своей, жаловали лепрозоріямъ или ежегодную ренту, или землю и луга, или же предоставляли имъ право дарового пользованія мельницей, лѣсомъ для сбора топлива и т. д. Въ слѣдующіе вѣка городовые цехи принимали обязательное участіе въ содержаніи лепрозоріевъ. Такъ въ одномъ городѣ мясники обязаны были доставлять разъ въ годъ въ лепрозорій повозку съ 20—30 тушами дородныхъ свиней; въ XV в. этомъ обычай былъ замѣненъ ежегодною доставкою дюжины ложекъ чистаго серебра опредѣленнаго вѣса, а во время революціи 1789 г. приношенія эти были совсѣмъ отмѣнены. Въ мусульманскихъ обществахъ ничего подобнаго не было; частная благотворительность никѣмъ и ничѣмъ не регламентировалась, и прокаженные всегда снискивали себѣ пропитаніе, выпрашивая его отъ проходящихъ по дорогѣ.

На ряду съ заботами о матеріальномъ обезпеченіи лепрозоріевъ,— владѣвшихъ въ средневѣковой Франціи пахотной землей или садами, разбитыми на участки и воздѣлываемыми самими прокаженными, — не забывались и духовныя потребности ихъ: для совершенія богослуженій въ каждомъ лепрозоріи были свои часовни и свой капелланъ, такъ какъ прокаженные не имѣли права входить въ городскія церкви, за исключеніемъ перваго дня Пасхи и еще нѣсколькихъ дней въ году, при-

[1]) Поэтому наши прокаженные рѣшительно заявляютъ, что скорѣе умрутъ, чѣмъ рѣшатся выселиться въ другое мѣсто, по указанію начальства.

чемъ больные проказой должны были стоять на паперти. — Обособленіе прокаженныхъ простиралось даже до того, что у нихъ были и свои кладбища, какъ сказано выше.

Подобно попеченію о пріютахъ прокаженныхъ, и управленіе ими сосредоточивалось сначала въ рукахъ епископовъ и духовенства вообще, а въ XIV — XVI вв. отъ городовъ назначались въ эти пріюты особые ректоры или прокуроры, избиравшіеся на опредѣленный срокъ. Они завѣдывали имуществами лепрозоріевъ, распоряжались обработкой полей прокаженныхъ и наблюдали за внутренними порядками. Капелланы отправляли богослуженіе въ часовняхъ прокаженныхъ и наблюдали за поведеніемъ послѣднихъ. Городское управленіе старалось регламентировать и самое распредѣленіе жизни прокаженныхъ въ лепрозоріяхъ, назначая для нихъ часы вставанія, закрытія воротъ и т. д. Прокаженные обязывались посѣщать богослуженіе, избѣгать клятвы, лжи, взаимныхъ обидъ и дракъ, не играть въ запрещенныя игры; выходъ изъ лепрозорія опредѣлялся извѣстными днями; въ другіе дни городскіе стражи должны были удалять ихъ въ мѣсто ихъ мрачнаго заключенія. Для собиранія милостыни отъ проходящихъ имъ указывались извѣстныя ворота даннаго города, при чемъ они обязаны были соблюдать вышеприведенныя правила относительно одежды и другихъ принадлежностей своихъ, предупреждающихъ здоровыхъ при случайной встрѣчѣ съ ними (трещетки, палочки и проч.). Для ухода за больными въ лепрозоріяхъ находились особыя служанки, которыя должны были имѣть почтенный возрастъ и отличаться хорошей репутаціей; за дурное поведеніе эти служанки подвергались тѣлесному наказанію. Но и угрозы наказаній не всегда сдерживали этихъ женщинъ отъ дурного поведенія. Присутствіе такихъ служанокъ въ лепрозоріи еще болѣе заражало нравственную его атмосферу, для очищенія которой не принималось особыхъ положительныхъ мѣръ, въ родѣ чтенія и духовныхъ бесѣдъ, а были только карательныя мѣры за нарушеніе порядка и благоповеденія.

Какъ въ каждомъ общежитіи, имѣющемъ продолжительную исторію существованія, и въ пріютахъ прокаженныхъ вырабатывались особые нравы и обычаи, съ которыми приходилось считаться администраціи этихъ пріютовъ. Живя въ праздности и не имѣя духовныхъ развлеченій, прокаженные разнообразили свою скучную и безотрадную жизнь не только вышеупомянутыми играми, но и устраивали спеціальныя *поздравки*, въ которыхъ принимали участіе всѣ обитатели даннаго лепрозорія. Поздравки эти обыкновенно устраивались вынужденно вновь прибывающими прокаженными, и отъ этого поздравительнаго угощенія зависѣли дальнѣйшія отношенія старожиловъ пріюта къ новымъ сотоварищамъ по несчастной судьбѣ. Кто не дѣлалъ поздравительнаго

угощенія, того на каждомъ шагу преслѣдовали постоянныя обиды и оскорбленія. Поэтому администрація пріюта прокаженныхъ ограничивала размѣръ расхода, потребнаго для укоренившихся поздравокъ, и принимала мѣры къ устраненію насилія и вымогательства со стороны старожиловъ пріюта.

Прокаженные, живущіе близъ Ташкента въ кишлакѣ *Махау*, никакихъ опредѣленныхъ порядковъ въ своей внутренней жизни не знаютъ, и никто не контролируетъ ихъ взаимныхъ отношеній. При нихъ находится *аксакалъ* (старшина), какъ называютъ его прокаженные, но это не начальникъ и не распорядитель въ кишлакѣ Махау; онъ является наемнымъ слугой, получаетъ плату отъ самихъ прокаженныхъ (12 руб. въ мѣсяцъ) и говоритъ, что посвятилъ себя услугамъ прокаженныхъ ради спасенія своей души (*савабъ учунъ*). Это — андижанскій сартъ по происхожденію и живетъ безбоязненно среди прокаженныхъ уже болѣе 10 лѣтъ, вопреки наставленій своего пророка, что при встрѣчѣ съ прокаженными нужно бѣжать отъ нихъ, какъ отъ льва, и что разговаривать съ ними въ случаѣ нужды можно только на разстояніи двухъ копій или, по крайней мѣрѣ, на разстояніи одного арабскаго копья.

Этотъ аксакалъ увѣряетъ также, что прокаженные ведутъ самую однообразную жизнь. Большинство ихъ настолько слабы, что едва держатся на ногахъ и никакихъ работъ исполнять не могутъ. Объ играхъ и развлеченіяхъ въ мѣстномъ лепрозоріи не можетъ быть и рѣчи. Нѣкоторые впрочемъ выпиваютъ иногда кукнаръ [1]) и забываются, лежа на землѣ. Мечеть свою больные посѣщаютъ, но капелланъ ихъ, къ сожалѣнію, самъ ничего не понимаетъ въ вопросахъ религіи и даже неграмотный. Ссоръ и дракъ среди прокаженныхъ кишлака Махау обыкновенно не бываетъ, какъ заявилъ мнѣ аксакалъ, но когда дѣло коснется куска насущнаго хлѣба, тогда и у прокаженныхъ, относящихся съ полнѣйшимъ равнодушіемъ къ внѣшнему міру, проявляется возбужденіе, переходящее въ злобу. Когда въ 1896 г. полиціймейстеръ Н. С. Лыкошинъ пріѣхалъ въ кишлакъ Махау, по порученію баронессы Врангель, для раздачи одежды и нѣкоторыхъ другихъ вещей прокаженнымъ, старухи съ открытыми ужасными лицами выли и причитали, жалобно взывая о хлѣбѣ. «*Эта одежда* — кричали онѣ — *хороша; но отчего вы не подумаете прежде накормить насъ? теперь, въдь, лѣто, и безъ одежды можно обойтись; намъ нужнье ѣда*». Особенно задорно причитала одна изъ нихъ, о которой тотъ же г. Лыкошинъ разсказываетъ: во время мусульманскаго праздника въ Ташкентѣ старикъ и старуха, вынуждаемые голодомъ, ушли ночью изъ кишлака

[1]) Опіумъ въ жидкомъ видѣ; приготовляется изъ сока недозрѣвшихъ головокъ мака.

Махау и прибыли въ самый центръ города, чтобы собирать отъ молящихся мусульманъ милостыню (маленькія лепешки). Мѣстный полицейскій приставъ приказалъ прокаженнымъ удалиться. Тогда старикъ сталъ собираться, но старуха объявила приставу, что не двинется съ мѣста даже подъ угрозою смерти. Приставъ приказалъ городовому отвести прокаженныхъ въ «Махау-кишлакъ», а старуха осыпала городоваго отборными ругательствами, проклятіями и пожеланіями городовому поскорѣе сдѣлатся обитателемъ ихъ кишлака. Городовой и смотрѣвшіе на эту сцену попятились въ ужасѣ назадъ изъ суевѣрнаго опасенія, чтобы злобныя пожеланія прокаженной старухи не исполнились и надъ ними. Городовой, оправившись отъ смущенія, сдѣлалъ было попытку снова приблизиться къ старухѣ и взять ее, но та сама перешла въ наступленіе съ угрозой исцарапать или, по крайней мѣрѣ, помазать городовому лицо своимъ грязнымъ покрываломъ,—и городовой благоразумно отступилъ отъ старухи... Тогда старикъ, оказавшійся мужемъ этой старухи, воспользовался своею супружескою властью и увелъ жену, которая, удаляясь, долго еще посылала свои проклятія городовому, помѣшавшему собрать обильную по случаю большаго мусульманскаго праздника милостыню [1]).

Такимъ образомъ, предъ нашими глазами, близъ Ташкента, продолжаетъ жалкое существованіе бѣдная община несчастныхъ страдальцевъ, не имѣющая постояннаго обезпеченія и житейскихъ удобствъ, *община живыхъ мертвецовъ*, въ жизни которыхъ ни мусульмане, ни представители города, ни русскія власти не принимаютъ участія.

Только немногіе изъ русскихъ рѣшались посѣтить живущихъ близъ Ташкента прокаженныхъ и видѣть ихъ своими глазами. Внѣшній обликъ этихъ «живыхъ мертвецовъ», какъ мѣтко выразился о нихъ еще св. Григорій Богословъ, превосходитъ всякое описаніе. Мы видѣли (въ іюнѣ 1899 г.) въ кишлакѣ Махау прокаженныхъ разнаго возраста и разныхъ половъ въ рубищѣ, у которыхъ болѣзнь проявлялась въ разныхъ формахъ. Такъ у однихъ было очень непріятное на видъ, маслянистое, опухшее лицо синеватаго или багроваго цвѣта, у другихъ тѣло покрыто бѣловатыми пятнами; иные казались намъ живыми призраками людей безъ бровей, безъ рѣсницъ, безъ усовъ и бороды, безъ волосъ на головѣ, съ многочисленными складками на лбу, съ воспаленными глазами, съ оттопыренными опухшими и маслянистыми ушами, съ хриплымъ голосомъ и зловоннымъ затрудненнымъ дыханіемъ; у нѣкоторыхъ не было уже носа, у другихъ были изъязвлены губы, а у одного вся голень была покрыта сплошнымъ струпомъ. Большинство

[1]) Средне-азіатскій Вѣстникъ, августъ 1896 г. ст. Н. Лыкошина «Прокаженные въ Туркестанѣ и необходимость реформы въ ихъ призрѣніи».

этихъ несчастныхъ страдальцевъ едва передвигаютъ свои ноги и скорченными пальцами не могутъ выполнять даже легкой работы [1])... Такъ какъ никто не заботится объ этихъ несчастныхъ страдальцахъ, то женщины, сохранившія еще силу держаться на своихъ слабыхъ ногахъ, выходятъ, особенно въ базарные дни, изъ мѣста жалкаго своего обитанія, садятся при дорогахъ и, протягивая руку съ чашкой, жалобнымъ голосомъ выпрашиваютъ у проходящихъ и проѣзжающихъ мусульманъ и русскихъ подаянія *(садака)*. Поистинѣ, это самые несчастные люди! У современныхъ нашему Милосердному Спасителю прокаженныхъ Палестины была еще надежда на исцѣленіе, а современные намъ обитатели злополучнаго кишлака Махау уже не обращаются къ Аллаху и пророку своему за исцѣленіемъ, ибо они твердо знаютъ, что не будетъ имъ исцѣленія и что они обречены Божіимъ опредѣленіемъ *(такдиръ кысметъ)* на мучительную медленную смерть...

И какое это жалкое убѣжище?! Это не селеніе, а скученныя въ безпорядкѣ, еле держащіяся на землѣ грязныя лачужки, которыя трудно назвать человѣческимъ жилищемъ. Около этихъ построекъ находятся ямы съ сухимъ и жидкимъ навозомъ; тутъ же жалкая сакля, которую никакъ нельзя признать за мечеть. Кое-гдѣ въ безпорядкѣ растутъ корявыя деревья, почти не дающія тѣни. У нашихъ бѣдныхъ прокаженныхъ нѣтъ даже обыкновеннаго земляного возвышенія (супа), на которомъ больные могли бы посидѣть и отдохнуть во время душной лѣтней жары подъ тѣнью деревъ и подышать при освѣжающей прохладѣ небольшого пруда (хаузъ), къ чему такъ привыкли наши неприхотливые и нетребовательные туземцы. Мы не замѣтили около ихъ хижинъ даже обыкновенныхъ цвѣточковъ, какіе любятъ разводить у себя на дворахъ наши сарты... Мы подумали послѣ всего видѣннаго, что лишенные радостей семейныхъ и развлеченій физическихъ, прокаженные пользуются *духовнымъ* утѣшеніемъ со словъ своего имама, но увидѣли въ этомъ званіи такого же жалкаго страдальца—киргиза, который даже и грамоты не знаетъ... Словомъ, намъ стоило разъ побывать въ этомъ ужасномъ обиталищѣ подобныхъ намъ людей и увидѣть своими глазами всю неприглядность ихъ жилищъ и всю тягость ихъ страданій, и мы долго не могли забыть и освободиться отъ глубокаго горькаго чувства... Подъ вліяніемъ вынесеннаго отъ прокаженныхъ впечатлѣнія, мы рѣшили написать для издаваемаго въ пользу ихъ «Сборника» настоящую замѣтку, которая бы напомнила читателямъ этого Сборника нѣсколько историческихъ и бытовыхъ

[1]) Ничто не можетъ остановить развитія этой ужасной болѣзни, и единственное счастіе больнаго, по словамъ д-ра Томсона, въ смерти. При нечувствительности пораженныхъ проказой частей тѣла, ихъ объѣдали крысы во время сна больныхъ, которые не чувствовали этого. См. у Г. Властова въ Свящ. Лѣтописи, томъ второй.

чертъ изъ жизни лепрозныхъ больныхъ и тѣмъ вызвала бы у добрыхъ людей нашего просвѣщеннаго и гуманнаго вѣка состраданіе къ нимъ. Въ этихъ видахъ мы привели изъ статьи г. Дерюжинскаго нѣсколько интересныхъ данныхъ, касающихся быта прокаженныхъ въ средневѣковой Франціи, съ которыми сравнили современное положеніе туркестанскихъ прокаженныхъ. Изъ сопоставленія этихъ данныхъ оказывается, что туркестанскіе прокаженные конца XIX в. менѣе обезпечены въ матеріальномъ и духовномъ отношеніяхъ, чѣмъ прокаженные *темныхъ* среднихъ вѣковъ, когда, повторяемъ, по просвѣщенному почину знаменитаго отца Восточной церкви св. Василія Великаго, въ Европѣ начали устраивать для прокаженныхъ пріюты (лепрозоріи) и богадѣльни. О первой богадѣльнѣ для прокаженныхъ, устроенной св. Василіемъ Великимъ, извѣстно, что это было обширное зданіе въ предмѣстьѣ гор. Кесаріи съ особыми отдѣленіями для разныхъ больныхъ, для врачей и для принявшихъ на себя попеченіе о больныхъ. Для удовлетворенія всѣхъ нуждъ призрѣваемыхъ при богадѣльнѣ находились разныя мастерскія и ремесленныя заведенія. Больные находили тамъ не только тѣлесное успокоеніе, но и душевное утѣшеніе. Добродѣтельные люди имѣли удобный случай не только дѣлать посильныя приношенія, но и лично служить больнымъ. Въ этомъ же предмѣстьѣ жилъ самъ архіепископъ, была великолѣпная церковь и помѣщенія для временнаго пребыванія высшихъ начальниковъ, посѣщавшихъ Кесарію [1]). Въ туркестанскихъ кишлакахъ для прокаженныхъ нѣтъ никакого устава, никакихъ опредѣленныхъ порядковъ; живутъ прокаженные безъ надзора, безъ медицинской помощи и безъ духовнаго утѣшенія. Нѣтъ надъ ними попечителя и не видятъ они сердобольнаго утѣшителя, какихъ видѣли прокаженные Восточной церкви въ лицѣ св. Василія и Григорія, и какіе были при средневѣковыхъ лепрозоріяхъ во Франціи и вообще въ Западной Европѣ. О нашихъ прокаженныхъ до послѣдняго времени никто не заботился...

Г. Дерюжинскій, заканчивая свою интересную статью «о призрѣніи прокаженныхъ во Франціи» и обобщая собранные имъ документальные факты, говоритъ, что призрѣніе прокаженныхъ во Франціи въ средніе вѣка лежало всецѣло на попеченіи мѣстныхъ властей: сначала оно находилось въ рукахъ духовенства, а съ теченіемъ времени преобладающая роль въ этомъ отношеніи перешла въ руки городской администраціи. Что же касается отсутствія въ феодальной Франціи общихъ законодательныхъ мѣръ относительно прокаженныхъ, то

[1]) См. Жизнь св. Василія Великаго. Арх. Агапита. Спб. 1873 г. стр. 398—399.

авторъ приписываетъ это отсутствію сильной центральной власти и говоритъ, что къ этому именно времени относится періодъ наибольшаго развитія проказы во Франціи. По изслѣдованію Dabourt'a въ предѣлахъ средневѣковой Франціи XIII вѣка было до 4000 лепрозоріевъ, а Matthieu de Paris полагаетъ, что во всей Европѣ въ его время, т. е. въ XIII вѣкѣ было до 19000 лепрозоріевъ... И въ наше время проказа извѣстна не только въ Азіи, но и въ Европѣ (въ Норвегіи, Исландіи, Испаніи, Германіи, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ Европейской Россіи [1]), въ Сибири и на Кавказѣ, въ Африкѣ, Америкѣ [2]) и Австраліи [3]).

Изъ всего этого слѣдуетъ, что проказа не есть исключительно болѣзнь восточныхъ и южныхъ, теплыхъ странъ, но что и мы, уроженцы Европейской Россіи, живя въ Средней Азіи, едва ли совершенно застрахованы отъ этой болѣзни своимъ сѣвернымъ происхожденіемъ. А потому здѣсь, въ Туркестанскомъ краѣ, именно на насъ русскихъ лежитъ двойной долгъ — безотлагательно принять необходимыя мѣры противъ проказы, чтобы сколько можно облегчить жестокую участь прокаженныхъ туземцевъ и чтобы въ то же время обезпечить самихъ себя отъ зараженія проказой. Частная благотворительность не можетъ обезпечить существованіе прокаженныхъ, мѣстное городское управленіе принять прокаженныхъ на свое попеченіе также не въ состояніи... Остается желать изданія общаго государственнаго закона относительно прокаженныхъ, а пока будемъ привѣтствовать Туркестанскій отдѣлъ общества Краснаго Креста за его гуманный починъ въ улучшеніи быта мѣстныхъ прокаженныхъ... И частной благотворительности остается при этомъ широкое поле. Современнымъ благотворителямъ должны быть извѣстны высокіе образцы беззавѣтной любви къ прокаженнымъ, какую проявиля въ своей подвижнической жизни св. Василій Великій (IV вѣкъ), негнушавшійся лично обнимать прокаженныхъ, и Францискъ Ассизскій (XIII вѣкъ), который не брезговалъ даже цѣловать ихъ раны... Всѣ мы обязаны и можемъ принять къ сердцу высокое наставленіе св. Григорія Богослова, который увѣщевалъ своихъ современниковъ не презирать прокаженныхъ, не бѣжать отъ нихъ, не оставлять ихъ, какъ мертвецовъ, какъ гнусныя страшилища, какъ самыхъ злыхъ звѣрей и пресмыкающихся... — Нѣтъ, не тому учитъ насъ Іисусъ Христосъ; не то внушаетъ намъ природа человѣческая, которая вложила въ насъ чувства состраданія

[1]) См. Изслѣдов. проф. Минха.

[2]) Въ Англо-Индійскихъ владѣніяхъ прокаженные считаются сотнями тысячъ; въ Африкѣ эти больные встрѣчаются повсемѣстно; даже по ту сторону океана, въ Соединенныхъ Штатахъ прокаженные считаются десятками тысячъ.

[3]) См. въ слов. Mayer'a подъ сл. Aussatz.

къ ближнимъ; — не тому учитъ насъ и современная гуманная наука о человѣкѣ и человѣческомъ обществѣ... И мы видимъ осуществленіе на дѣлѣ гуманныхъ принциповъ христіанства въ примѣненіи къ прокаженнымъ: въ Берлинѣ 11-го октября 1897 года была созвана особая конференція, на которой, подъ предсѣдательствомъ знаменитаго д-ра Вирхова, былъ подвергнутъ спеціальному обсужденію вопросъ какъ о заразительности проказы, такъ и о способахъ борьбы съ этою страшною болѣзнью. Главнѣйшимъ и надежнѣйшимъ средствомъ къ ограниченію распространенія проказы было признано безусловное изолированіе прокаженныхъ въ особыхъ пріютахъ (Leprakrankheim), образцомъ которыхъ можетъ служить пріютъ, устроенный въ Мемелѣ (сѣв. Германіи) и посвященный св. Георгію. Пріютъ этотъ торжественно открытъ 19 іюля 1899 г. Это — благоустроенный и помѣстительный, окруженный рощей, домъ съ особыми отдѣленіями для мужчинъ, женщинъ и администраціи. Внутреннее устройство этихъ отдѣленій даетъ возможность больнымъ пользоваться не только чистымъ и во всѣхъ отношеніяхъ гигіеничнымъ помѣщеніемъ, но и заниматься днемъ въ особой комнатѣ работами, доступными умѣнью и силамъ прокаженныхъ (См. Illustrirte Zeitung отъ 17 августа 1899 г. № 2929). И въ Европейской Россіи не безучастно относятся къ судьбѣ прокаженныхъ. Въ Петербургской губерніи, въ Ямбургскомъ уѣздѣ для нихъ еще въ 1894 г. была устроена особая колонія. Колонія расположена въ густомъ сосновомъ лѣсу, въ 20-ти верстахъ отъ станціи Молосковицы Балтійской желѣзной дороги и въ 3-хъ верстахъ отъ деревни Юрки Ямбургскаго уѣзда. Когда въ 1893 г. въ Ямбургскомъ уѣздѣ появилось много больныхъ проказой и мѣстный земскій врачъ заявилъ объ этомъ въ газетахъ, тогда Петербургскій губернаторъ графъ Толь принялъ энергичныя мѣры къ устраненію опасности отъ распространенія этой болѣзни въ губерніи. Подъ предсѣдательствомъ его супруги образовалось общество для борьбы съ проказой, которое вскорѣ было принято подъ Августѣйшее покровительство Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, а Императоръ Александръ III даровалъ обществу 280 десятинъ удѣльной земли съ прекраснымъ сосновымъ лѣсомъ. На приглашеніе Общества появились пожертвованія, продолжающіяся и доселѣ. Въ 1898 г. графиня Стенбокъ-Ферморъ оставила обществу по духовному завѣщанію 30 тысячъ рублей, съ которыми весь капиталъ общества составляетъ 60 тысячъ рублей. Въ колоніи въ настоящее время проживаютъ 42 прокаженныхъ, но и изъ другихъ губерній притокъ больныхъ въ эту колонію продолжается. Больные Петербургской губерніи принимаются въ колонію безплатно, а съ больныхъ изъ другихъ губерній взимается по 90 рублей въ годъ.

Вотъ какъ описываетъ эту колонію современный корреспондентъ «Новаго Времени» [1]):

«Колонія раскинулась на пяти десятинахъ, въ центрѣ владѣній общества. Всѣ зданія построены экономически, изъ собственнаго лѣсного матеріала, подъ наблюденіемъ архитектора, члена общества. Въ самой срединѣ колоніи стоитъ общій баракъ, раздѣленный на двѣ половины: мужскую и женскую. При немъ аптека. По обѣ стороны барака выстроены четыре домика, каждый изъ нихъ раздѣленъ на двѣ части, заключающихъ въ себѣ переднюю и двѣ комнаты. Въ этихъ квартиркахъ живутъ болѣе интелигентные больные, въ числѣ которыхъ находятся священникъ, прибывшій изъ Симферополя, акушерка и воспитанникъ одного изъ высшихъ учебныхъ заведеній, юноша 17-ти лѣтъ. Одно изъ этихъ помѣщеній занимаетъ семья: отецъ, сынъ 11-ти лѣтъ, оба прокаженные, и мать, совершенно здоровая женщина. Она не пожелала бросить семьи и пріютилась въ качествѣ сидѣлки. Есть и супруги, познакомившіеся уже въ колоніи и тамъ вступившіе въ бракъ. Видѣлъ я жениха и невѣсту; свадьба ихъ должна состояться въ скоромъ времени.

«Разрѣшеніе браковъ между прокаженными, по словамъ доктора, мотивируется желаніемъ, насколько возможно, усладить жизнь этихъ несчастныхъ, можно сказать, заживо погребенныхъ, какъ и смотрѣли на нихъ въ древнія времена. Такъ въ XIII и XIV вѣкахъ, когда проказа съ особенною силою распространилась во Франціи и Германіи, обрядъ отдѣленія прокаженныхъ отъ здороваго населенія сопровождался такимъ церемоніаломъ: прокаженнаго одѣвали въ черное платье, а голову покрывали чернымъ сукномъ; онъ, въ сопровожденіи священника, въ траурномъ облаченіи, шелъ въ церковь и выслушивалъ обращенную къ нему рѣчь, въ которой говорилось, что онъ умираетъ для всѣхъ здоровыхъ людей, церковь запрещаетъ ему всякое общеніе съ ними, а самъ онъ — трупъ, провожаемый въ могилу. Затѣмъ служилась заупокойная обѣдня, послѣ которой священникъ посыпалъ голову отверженнаго землею съ кладбища.

«Небольшая часовня, въ русскомъ стилѣ, построена противъ главнаго барака; служба въ ней до сихъ поръ совершалась разъ въ двѣ недѣли, по воскресеньямъ, священникомъ о. Николаемъ Лавровымъ, пріѣзжавшимъ изъ Ямбурга. Теперь же священникъ-паціентъ служитъ еженедѣльно, кромѣ такъ называемой обѣдницы, по воскресеньямъ и всенощную въ субботу. Хорошо устроенное кладбище находится въ отдѣленіи, на пригоркѣ, обнесенномъ высокимъ заборомъ. Оно успѣло уже пріютить у себя восемь человѣкъ, погибшихъ въ

[1]) № 8459 отъ 15 сентября 1899 года.

колоніи отъ разрушительнаго дѣйствія проказы, въ томъ числѣ и воспитанника одного изъ среднихъ учебныхъ заведеній. На его могилѣ стоитъ чугунный крестъ, купленный на деньги, которыя покойный самъ вручилъ о. Николаю. На свои же средства онъ еще при жизни заказалъ себѣ гробъ столяру, товарищу по колоніи.

Прекрасно устроенный домъ, въ восемь комнатъ, для помѣщенія доктора, стоитъ въ трехстахъ саженяхъ отъ главнаго барака. На противоположной сторонѣ живутъ два фельдшера и другіе служащіе тоже въ отдѣльномъ зданіи. Баня со всѣми необходимыми приспособленіями для больныхъ находится близъ общаго барака.

«Всѣ живущіе въ колоніи питаются собственными продуктами, исключая мяса, доставляемаго подрядчикомъ по цѣнамъ, установленнымъ на круглый годъ. Нѣсколько собственныхъ коровъ даютъ достаточное количество молока. Всѣ овощи въ изобиліи получаются съ огородовъ, распланированныхъ въ разныхъ мѣстахъ колоніи. Сорокъ десятинъ покоса даютъ сѣна въ такомъ количествѣ, что остатокъ его отъ домашняго употребленія поступаетъ въ продажу. При дальнѣйшей разработкѣ лѣса подъ луга эта статья хозяйства будетъ очень прибыльной. Есть нѣсколько и пчелиныхъ ульевъ, за которыми ухаживаютъ любители-больные.

«Во всемъ хозяйствѣ замѣтенъ большой порядокъ. Поля, луга и огороды за малыми исключеніями обрабатываются руками больныхъ, которые имѣютъ еще для этого силы, и трудъ ихъ оплачивается. Хотя больные, безплатно содержимые, и могли бы работать для себя даромъ, но, по словамъ доктора, достигнуть этого нельзя, такъ какъ желающихъ работать безъ платы не найдешь, а принуждать больныхъ невозможно.

«Степень развитія болѣзни у паціентовъ колоніи различна. У нѣкоторыхъ она въ такомъ періодѣ, что они не встаютъ съ постели, но это — меньшинство. Другіе настолько уже слабы, что работать не могутъ, и лишь ненадолго выходятъ на воздухъ. Остальные, и ихъ большинство, сохранили полную силу, цѣлый день гуляютъ, собираютъ грибы и ягоды.

«Проказу не сопровождаетъ никакая болѣзненность; организмъ слабѣетъ незадолго до смерти и болѣзнь проявляется главнымъ образомъ наружно, но зато проявленіе это ужасно. Осматривающій колонію долженъ сдѣлать надъ собою огромное усиліе, чтобы сразу не убѣжать отъ этихъ обезображенныхъ лицъ. Видъ у больныхъ настолько старческій, что трудно опредѣлить лѣта больного: семнадцатилѣтній юноша смотритъ лѣтъ пятидесяти. Цвѣтъ лица сине-багровый, а у нѣкоторыхъ совсѣмъ темно-синій. Глаза у всѣхъ безъ исключенія потеряли рѣсницы, брови и сузились въ щелочки. Лица опухшія, въ бороздахъ, рытвинахъ, покрыты узлами и различной формы возвышенностями. Уплотненная кожа на лбу и у переносья. Сильно воспаленные глаза, которые, по словамъ доктора, часто требуютъ медицинской помощи. Уши толстыя, съ отвисшими мочками. Носы распухшіе, напоминающіе форму груши, у нѣкоторыхъ съ трещинами. Руки за малымъ исключеніемъ покрыты язвами, которыми, при исходѣ болѣзни, покрывается и лицо, и все тѣло, а въ концѣ-концовъ человѣкъ подвергается гніенію. Глаза при этомъ часто вытекаютъ. Голосъ у всѣхъ очень тихій и отчасти хриплый».

Въ Туркестанскомъ краѣ мы не можемъ расчитывать на очень щедрыя и крупныя пожертвованія со стороны туземнаго населенія; едва ли также можно будетъ устроить для туземныхъ прокаженныхъ колонію въ родѣ Ямбургской или Мемельской; но во всякомъ случаѣ улучшить, на сколько возможно, бытъ этихъ несчастныхъ и почти безпріютныхъ страдальцевъ мы обязаны. И необходимыя средства для неширокаго по плану помѣщенія прокаженныхъ уже собираются.

Н. Остроумовъ.

Осень.

Посвящается Э. А. Вигура.

Я ѣду пустынными нивами:—
Какъ унылы, безмолвны поля!
Какъ прудъ съ обнаженными ивами
Безотрадно глядитъ на меня!

Мнѣ вспомнилось время минувшее;
Встрѣчи давно позабытыя,
И чувства на вѣки уснувшія,
Горе слезами омытое!

И юности грёзы далекія;
Счастія жажда тревожная,
И жизни укоры жестокіе;
Страсти стремленія ложныя.

Все прошлое мнѣ вспоминается;—
Темнѣй все становится даль;
И сердце больнѣе сжимается,
И взоры туманитъ печаль.

И. Лодыженекій.

Сказка.

Старое, сѣдое, неутѣшное Горе тихо бродитъ по бѣлому свѣту. Треплетъ холодный вѣтеръ его косматыя кудри, жалобно напѣваетъ ему о быломъ счастьи и несбывшихся мечтахъ, съ злымъ хохотомъ вьется вокругъ поникшей сѣдой головы. И плачетъ горькими слезами неутѣшное Горе, тихой неслышной поступью обходитъ поля и лѣса, горы и долины, деревни и города, бѣдныхъ и богатыхъ, малыхъ и большихъ... Не растетъ трава тамъ, гдѣ ступитъ его тяжелая нога—меркнетъ свѣтлое солнышко, блекнутъ душистые цвѣты и тихо стонетъ и рыдаетъ мать сыра-земля; а старое Горе идетъ себѣ впередъ и впередъ, не зная отдыха ни днемъ, ни ночью. Оно заглядываетъ и въ богатыя хоромы и въ бѣдныя лачуги, неслышно присутствуетъ на пирахъ богачей, подливая желчь въ сладкое вино и работаетъ вмѣстѣ съ бѣднякомъ, смачивая горючей слезой его трудовой хлѣбъ. А за Горемъ длинной нескончаемой вереницей ползутъ людскія страсти и пороки, лживыя обѣщанья и клятвы, обманутыя мечты, женскія слезы, поруганная любовь, мелкое честолюбіе и холодный, ужасный эгоизмъ.

О, велика мрачная свита стараго неутѣшнаго Горя, нѣтъ конца краю его чернымъ угрюмымъ витязямъ!

Но не всегда казалось Горе такимъ ужаснымъ и мрачнымъ. И у него были свои свѣтлые, молодые дни, когда оно лежало у ногъ принцессы Фантазіи. Она, заплетая свои тяжелыя, золотистыя косы, пѣла ему нескончаемыя поэмы о счастьи и любви; Горе аккомпанировало ей на серебряной лютнѣ и тихіе аккорды сливались нѣжной мелодіей съ ея чудной волшебной пѣсней; а передъ ними рѣзвилось и играло ихъ единственное дитя, златокудрая веселая Сказка. Иногда Горе забывшись брало слишкомъ громкій аккордъ на своей лютнѣ — маленькая Сказка задумывалась и темныя тѣни скользили по ея свѣт-

Всесоюзная библиотека имени В. И. Ленина

лому личику... Но тише звенѣли золотыя струны, — замиралъ тонкій звукъ и снова веселилось и рѣзвилось дитя Фантазіи и Горя, — маленькая златокудрая Сказка.

Да, хорошее времячко переживалось въ замкѣ стараго короля Вымысла, гдѣ пышно цвѣли роскошныя, алыя розы, нѣжно благоухала скромная Фіалка и пѣлъ свои вдохновенныя пѣсни сѣрый соловей!

Но всему бываетъ конецъ. Умеръ добрый, старый Вымыселъ, а чуднымъ замкомъ завладѣлъ суровый дядя Фантазіи злой и безсердечный Разумъ. Онъ обрѣзалъ золотыя косы Фантазіи, одѣлъ ее въ рубище и засадилъ за тридевять земель, заставивъ искать жемчугъ въ старой мусорной ямѣ, которая называлась Наукой. Онъ прогналъ бѣдное Горе, находя, что оно должно идти учить людей, а не сидѣть сложа руки у ногъ Фантазіи. А маленькую бѣдную Сказку онъ заковалъ въ тяжелыя цѣпи и замкнулъ ее въ гадкій сырой подвалъ, рѣшивъ уморить голодомъ. И не стало въ этой странѣ ни пѣсень, ни радости, — замолкли веселыя птички, увяли роскошные цвѣты, а синее небо почернѣло и нахмурилось и заплакало холодными слезами, жалѣя маленькую веселую Сказку, погибавшую отъ холода и голода въ сырой тюрьмѣ.

Однажды къ мрачному дворцу Разума пришелъ поэтъ. Онъ спросилъ солнце, отчего оно не свѣтитъ темному замку? Солнце разсказало ему о маленькой Сказкѣ. Онъ спросилъ соловья, отчего онъ не поетъ въ чащѣ зеленаго лѣса? Соловей разсказалъ ему о бѣдной Фантазіи. Онъ спросилъ небо, отчего оно такое хмурое и невеселое? Небо разсказало ему о зломъ Разумѣ.

И загорѣлось сердце у поэта отвагой и рѣшимостью. Онъ смѣло вошелъ въ старый замокъ и вызвалъ хозяина на смертный бой, а пока Разумъ искалъ свои тяжелые доспѣхи, поэтъ выпустилъ на волю маленькую поблѣднѣвшую и похудѣвшую Сказку.

Снова засіяло солнце, весело защебетали птички, защелкалъ соловей и прояснилось синее небо, а златокудрая Сказка далеко ушла отъ угрюмаго замка, гдѣ до сихъ поръ еще сражаются холодный Разумъ и пылкій поэтъ. Никто не знаетъ, за кѣмъ останется побѣда; народъ той страны все еще благоговѣетъ передъ своимъ властелиномъ, но невольно вырывается вздохъ облегченія и радости у толпы, когда тяжелый бердышъ Разума со звономъ отскакиваетъ отъ неуязвимаго блестящаго панцыря поэта.

А маленькая златокудрая Сказка съ веселой улыбкой разгуливаетъ себѣ среди озабоченнаго и занятаго земного люда. Она посылаетъ золотые сны крохотному ребенку, тихо напѣвая колыбельную пѣсню надъ его маленькой постелью. Она разсказываетъ бѣдняку про богатыя палаты королей, превращая его лохмотья въ бархатъ, парчу и

брилліянты. Она вплетаетъ розы и лиліи въ пышную косу молодой дѣвушки, нашептывая ей на розовое ушко про добрыхъ фей и волшебницъ, стерегущихъ покой ея милаго. И если-бъ не она, эта маленькая, веселая Сказка, что дѣлали бы тѣ небольшіе человѣчки, которые сидятъ въ школѣ и возятся съ толстыми, страшными и скучными книгами? Они навѣрно сошли бы съ ума.

Она, эта маленькая, чудная Сказка вышиваетъ пестрые и фантастическіе узоры на сѣромъ фонѣ нашей будничной жизни: свѣтлѣетъ морщинистое лице угрюмаго мудреца, когда слетаетъ она беззаботная и радостная съ улыбающихся губокъ розоваго мальчугана, прогоняя мертвящую скуку ученыхъ дней и само старое, сѣдое неутѣшное Горе улыбается сквозь слезы, встрѣчаясь съ свѣтлой дочкой далекой и чудной фантазіи, а его мрачная свита боязливо прячется въ туманной дали...

Не гоните же прочь эту маленькую златокудрую принцессу; пусть почаще гоститъ она у изголовья вашего ложа, — потому, что она свѣтлая дочь Горя, которое никого не минуетъ, и Фантазіи, которая скрашиваетъ намъ это горе, не гоните ее отъ себя, потому что тамъ, гдѣ она — нѣтъ мѣста его черной и угрюмой свитѣ.

В. Гейманъ.

Старый Ятаганъ.

Ну да», сказала старая бронзовая чернильница. «Пора, давно пора, покончить все это, я очень рада за людей, — очень, очень рада!... Пусть лучше проливаютъ чернила, чѣмъ человѣческую кровь... Да».

И такъ какъ это говорила бронзовая чернильница, то всѣ вещи въ кабинетѣ стараго генерала сразу насторожились. Да и не мудрено она была очень внушительна,—это признавалъ даже ея заклятый врагъ карандашъ, и стоила очень дорого. Въ одной изъ ея склянокъ былъ насыпанъ самый лучшій, самый мелкій рѣчной песокъ; въ другой заключались самыя лучшія чернила Лапидусзона и К°, а между ними гордо возвышался бюстъ великаго человѣка.

Ея слова пользовались большимъ вѣсомъ среди вещей въ кабинетѣ... Ну, да она и сама за то была очень вѣсская: въ ней было цѣлыхъ шесть фунтовъ, а вѣдь это не шутка и что нибудь да значитъ!

Когда чернильница хотѣла говорить, все замирало; даже болтливый пенковый мундштукъ и тотъ никогда не спорилъ съ нею, хотя навѣрное видѣлъ на своемъ вѣку гораздо больше, чѣмъ она. И только одинъ заслуженный штандартъ продолжалъ мирно дремать въ своемъ углу подъ образами, не обращая никакого вниманія на подчасъ задорную и дерзкую болтовню бронзовой чернильницы.

«Мнѣ не жаль моихъ чернилъ, продолжала старуха, потому что сами по себѣ онѣ ничего изъ себя не представляютъ, особенно пока онѣ въ чернильницѣ... Но стоитъ имъ только попасть на бумагу, — ну тогда это совсѣмъ другое дѣло. Тамъ онѣ — сила. Теперь эта сила покоряетъ, кажется, войну, — люди поняли, наконецъ, какъ отвратительно и гадко убивать другъ друга... Вѣдь это же ужасное звѣрство, эти раны, кровь, изнуреніе, голодъ, болѣзни и всюду смерть, смерть и смерть! Это чистое безуміе,—война... Не угодно ли: я помню, когда

я еще была въ магазинѣ, маленькій мальчишка нечаянно разбилъ одну изъ моихъ склянокъ; такъ что изъ этого вышло, страшно вспомнить даже: брань, крики, просто ужасъ, что такое... А потомъ маленькаго мальчика побили и ему было ужасно больно, такъ больно, что крупныя слезъ падали изъ его глазъ на острые осколки стекла... Ну вотъ и судите, какъ глупы люди: всей склянкѣ-то была грошъ цѣна, а мальчишкѣ сколько слезъ и горя досталось на долю? А на войнѣ самую жизнь человѣческую ни въ грошъ не ставятъ... Не странно ли это, въ самомъ дѣлѣ? Мнѣ кажется, жизнь человѣка, нашего господина и царя, очень драгоцѣнна»...

— А что въ ней драгоцѣннаго? проворчалъ турецкій ятаганъ, висѣвшій на стѣнѣ какъ разъ противъ письменнаго стола, на которомъ стояла чернильница... «Вы, почтеннѣйшая чернильница, говорите такъ потому, что не знаете нѣкоторыхъ наслажденій. Если бы вы знали, какъ пріятно убивать, если бы вы знали, сколько въ этомъ наслажденія, вы бы поняли, что есть удовольствія, которыя стоятъ гораздо дороже жизни... Да вотъ я вамъ сейчасъ разскажу исторію, въ которой я самъ участвовалъ».

Старый мундштукъ сказалъ что-то; но такъ какъ никто никогда не обращалъ на него вниманія, то такъ и осталось неизвѣстнымъ, что онъ сказалъ.

— «Я помню, началъ свой разсказъ ятаганъ, какъ въ первый разъ увидѣлъ по волѣ Аллаха, свѣтъ Божій... Уфъ, какъ мнѣ было больно подъ ударами молота стараго Мустафы! Я злился, злился до того, что сталъ краснымъ, какъ рубинъ и выбрасывалъ милліоны искръ, извиваясь, какъ змѣя. Ну, со всѣмъ этимъ можно было еще примириться, — я понималъ, что изъ меня выйдетъ прекрасная и красивая вещь; но когда, послѣ всѣхъ этихъ удовольствій, меня стали точить о твердый и острый камень, — когда я увидѣлъ, что дѣлаюсь все тоньше и тоньше,— вотъ ужъ этого я не могъ вынести и рѣшилъ отмстить. О, да и отмстилъ же я старому Мустафѣ! Отмстилъ такъ, какъ только можетъ мстить порядочный, уважающій себя ятаганъ: когда глупый старикъ сталъ пробовать своей морщинистой обезьяньей лапой мою свѣтлую, какъ зеркало, сталь, — я впился ему въ руку и перерѣзалъ жилу. Старикъ закричалъ, какъ помѣшанный: дѣло въ томъ, что онъ не могъ больше работать. Темная горячая кровь лилась изъ порѣзанной руки, скоро образовалась большущая красная лужа, а кровь все капала, да капала и ничѣмъ нельзя было ее остановить; я прекрасно помню блѣдное лицо Мустафы, и его стоны, и плачъ его жены, и все кап... кап...кап... кап.... да кап... Онъ скоро умеръ, мой старый мастеръ, я очень удачно его порѣзалъ. А меня продали армянину, который въ свою очередь продалъ меня важному пашѣ.

Ну теперь я совсѣмъ попалъ въ почетъ: мнѣ сдѣлали алыя бархатныя ножны, расшитыя золотомъ, и такой я сталъ красивый, что просто заглядѣнье. Только одного мнѣ не доставало: въ ножнахъ было темно, какъ въ аду и я ничего не могъ видѣть изъ того, что дѣлалось на бѣломъ свѣтѣ.

Какъ то разъ мой паша сидѣлъ у себя на оттоманкѣ и курилъ свой наргиле, а я мирно дремалъ себѣ въ ножнахъ, привѣшенныхъ у него на боку... Вдругъ паша вскочилъ, какъ ужаленный; я проснулся и негодуя на грубость своего господина, сталъ прислушиваться, что творилось вокругъ.

«Ты лжешь, собака, гяуръ! гремѣлъ голосъ стараго паши. Клянусь бородой пророка, я прикажу вырвать твой лживый языкъ... Аллахъ, Аллахъ! Моя Фатьма, — моя нѣжная жемчужина, моя чудная пташка, роза моего гарема... Нѣтъ, ты лжешь, армянская собака»...

— Господинъ, господинъ, отвѣчалъ ему вкрадчивый дрожащій голосъ, не сердись на меня, господинъ! Я твой рабъ, твоя собака, — я не достоинъ цѣловать прахъ твоихъ ногъ; но да поразитъ меня Всемогущій, если я сказалъ неправду... Пусть господинъ пойдетъ со мной, — господинъ самъ все сейчасъ увидитъ...

«Молчи».

Паша задумался и кругомъ стало тихо, тихо... Но я чувствовалъ сквозь свои ножны, какъ дрожалъ мой старый хозяинъ.

«Идемъ!» вдругъ сказалъ паша и быстро пошелъ впередъ, сжимая мою рукоятку.

Я такъ и замеръ отъ радости: я чувствовалъ, что скоро снова попробую крови. А какъ давно я ее не пилъ!

Куда и зачѣмъ шелъ паша? Я ничего не видѣлъ изъ своихъ ноженъ. Его шаги все замедлялись и замедлялись, и подъ ногами тихо скрипѣлъ песокъ...

— Вотъ здѣсь, господинъ... Отсюда видно, и слышно... Вотъ они — шепчетъ вкрадчивый голосъ.

«Молчи, собака», прошипѣлъ паша сквозь зубы и остановился. Онъ судорожно вынулъ меня на половину изъ ноженъ, точно для того, чтобы я могъ все видѣть.

Ахъ, какъ тихо и какъ хорошо было въ саду! Даже мое стальное сердце, сердце хорошо закаленнаго, славнаго ятагана затрепетало отъ радости и счастья... И мнѣ захотѣлось любить, любить до безумія, до самозабвенія. Но кого могъ я любить, я, хорошій турецкій ятаганъ? Конечно, человѣческую кровь... Ахъ, если бы вы знали, какъ она хороша, какъ она тепла, какъ она вкусна, эта человѣческая кровь! И я жаждалъ упиться ею, упиться до безумія, до безчувствія, жаждалъ согрѣть свою холодную и свѣтлую сталь.

Да, хорошо было въ саду стараго паши... Большая желтая луна ласково освѣщала густыя деревья и отъ нихъ ползли черезъ дорожки черныя причудливыя тѣни; сильнѣй благоухали сладкимъ ароматомъ обрызганныя ночной росой цвѣты и благовонный вѣтерокъ лѣниво колыхалъ сонныя деревья, тихо засыпая въ ихъ густой листвѣ...

Прямо передъ нами, вся залитая луннымъ свѣтомъ сидѣла на мраморной скамейкѣ красавица Фатьма. Нѣтъ, это была не Фатьма, это была свѣтлая райская гурія, — такой прекрасной показалась мнѣ эта чудная женщина. И тотъ же благовонный вѣтеръ игралъ ея кудрями, нѣжно лаская легкой газовой фатой ея бѣлую шею. Но прекрасное лицо красавицы было задумчиво; ея большіе темные глаза съ грустью глядѣли на молодого франка, — при ясномъ лунномъ свѣтѣ было очень хорошо видно, какъ грустны эти бархатные, темные, какъ ночь, очи. А молодой франкъ стоялъ на колѣняхъ передъ прекрасной Фатьмой, закрывъ свое лицо въ душистыхъ складкахъ ея платья, и бѣлая, словно точеная изъ слоновой кости, рука молодой женщины тихо гладила его олотыя кудри...

«Слушай, мой дорогой, слушай, мой возлюбленный, мой властелинъ, тихо говорила Фатьма, и ея толосъ звучалъ, точно далекая, далекая свирѣль.

«Тамъ, — далеко, далеко, на моей родинѣ, въ дикихъ горахъ прекраснаго Кавказа мнѣ приходилось видѣть много гяуровъ... Они были молоды и прекрасны, они были могущественны и богаты. Что предъ ними мой родной аулъ? Я видѣла, какъ унижалась передъ ними вся моя родня. И я не хотѣла смотрѣть на нихъ, я ненавидѣла ихъ отъ всей души; я мечтала о гаремѣ съ его роскошью и нѣгой, гдѣ я не видѣла бы ихъ противныхъ ненавистныхъ мнѣ лицъ. Ну что же, я въ гаремѣ, меня до безумія любитъ мой старый паша, — я его любимая жена. Но что мнѣ въ его ласкахъ, что мнѣ теперь этотъ старикъ? Онъ смѣшенъ мнѣ съ своей сѣдой страстью, съ его огнемъ, который давно уже потухъ... Точно старая жаровня, изъ которой давнымъ давно повывалились послѣдніе угли. — И вотъ теперь ты пришелъ и побѣдилъ меня, ты, невѣрный франкъ и гяуръ... О, что мнѣ моя вѣра, что мнѣ суровый пророкъ! Пускай онъ наслаждается себѣ на седьмомъ небѣ съ своими гуріями... Возьми же меня, возьми меня всю, съ моей вѣрой и душой, возьми свою Фатьму, — свою рабу... Любовь сильнѣе вѣры, — что мнѣ Магометъ, когда я тебя люблю»!..

...Смерть... Смерть сильнѣе любви..., захрипѣлъ паша, бросаясь впередъ; онъ съ быстротой молніи выхватилъ меня изъ ноженъ.

Аллахъ! Какъ ловко отдѣлилъ я чудную головку Фатьмы отъ ея прекраснаго тѣла! Она очень далеко откатилась по дорожкѣ,—прямо

къ тому кусту, у котораго мы раньше стояли, — и песокъ заалѣлъ отъ свѣжей крови. Ну, а гяуру досталось иначе, я разрубилъ ему голову ровно на двѣ половинки, словно спѣлый арбузъ. Фатьма умерла сразу; а гяуръ еще помучился немножко и все обнималъ холодѣющими руками трупъ любимой женщины. Уфъ! Да и напился же я крови въ эту ночь... Паша все рубилъ и рубилъ мертвую Фатьму, — гяуру тоже доставались хорошіе удары... Рука старика уже ослабѣла, — а онъ все рубилъ и рычалъ, какъ дикій звѣрь; а я купался въ крови и съ каждымъ взмахомъ все глубже и глубже проникалъ въ нѣжное и бѣлое тѣло»...

«Это ужасно», не выдержала хорошенькая фотографическая карточка въ изящной рамкѣ.

Ятаганъ хотѣлъ возразить. Но старый штандартъ зашевелился въ своемъ углу, и ятаганъ промолчалъ, понимая, что штандартъ сейчасъ заговоритъ.

«Да, — тихо, но властно сказалъ штандартъ, «это ужасно. И не такъ ужасно, какъ отвратительно. Но развѣ для того человѣкъ дѣлаетъ оружіе, чтобы оно безсмысленно купалось въ крови?.. Ну да, — ятаганъ разсказалъ намъ какъ жестоко мстилъ старый паша за свою обиду; но если бы мы послушали дальше, мы можетъ быть услышали бы другое. Онъ разсказалъ бы намъ, какъ звенѣла его сталь подъ ударами мечей въ честномъ и открытомъ бою; онъ еще больше купался въ крови, — но то была славянская кровь, отъ которой быстро затупился острый ятаганъ и стала никуда негодной его свѣтлая сталь».

«Аллахъ, Аллахъ», тихо прошепталъ ятаганъ. Эта невѣрная кровь, могуча, — ее не одолѣешь... И бѣдному падишаху остаются только пружины своего стараго дивана, съ котораго гяуры давнымъ давно сняли послѣднія подушки»...

Да, — много, много разъ широкой рѣкой текла человѣческая кровь, — продолжалъ свою рѣчь старый штандартъ. Я видалъ ее на своемъ вѣку, — посмотрите какъ избито саблями и пробито пулями мое старое, потемнѣвшее въ пороховомъ дыму полотнище. И тяжко охъ, какъ тяжко было мнѣ видѣть смерть и мученія тѣхъ, кто защищали меня, кто умирали за меня, какъ за святыню, потому что видѣли за мной свою родину, Царя и вѣру. Много людей покорно и безмолвно безъ громкихъ фразъ, — безъ шума и блеска, сложили свои кости на моихъ глазахъ, — а за ними остались осиротѣлыя семьи, вдовы и маленькія дѣти, голодъ и нужда, и слезы, тяжелыя, какъ свинецъ, жгучія слезы... Но на этихъ костяхъ, какъ на крѣпкомъ фундаментѣ, растетъ чудное крѣпкое зданіе, — а когда оно выростетъ, не будетъ въ немъ ни злобы, ни зависти, ни войны»...

И вдругъ... бумъ! Толстая книга упала откуда то на самую середину стола, какъ разъ около чернильницы. Она ничего не сказала; она только раскрылась на самой серединѣ на минутку, и снова закрылась. И никто такъ и не успѣлъ прочесть того, что было написано на средней страницѣ.

«Позвольте узнать, кого я имѣю честь видѣть въ столь близкомъ сосѣдствѣ»? вѣжливо спросилъ пенковый мундштукъ, задыхаясь подъ тяжестью книги, которая его придавила, но книга ничего не отвѣтила. Да и не къ чему было отвѣчать: на ея корешкѣ красовалась надпись золотыми буквами: «Исторія». Но бѣдный мундштукъ никакъ не могъ прочесть надписи, потому что лежалъ подъ книгой. И никто ему не помогъ, потому что уже наступилъ часъ, когда все въ кабинетѣ принимало свой обычный видъ.

Утромъ пришелъ человѣкъ и сталъ лѣниво прибирать кабинетъ. Подойдя со щёткой въ рукѣ къ письменному столу, онъ увидѣлъ, что пыль на толстой книгѣ легла прихотливыми узорами; обладая фантазіей, можно было бы прочесть въ узорахъ пыли слово «Истина». Но человѣкъ не обладалъ фантазіей и смахнулъ пыль съ книги точно такъ же, какъ смахивалъ ее и съ другихъ вещей, а самую книгу поставилъ въ шкафъ, на полку.

И вотъ почему, съ тѣхъ поръ, ни въ одной исторіи нѣтъ ни на крупинку истины.

В. Гейманъ.

Ніагарскій водопадъ.

Пусть не покажется нескромностью съ моей стороны попытка подѣлиться своими впечатлѣніями о Ніагарскомъ водопадѣ — этомъ ошеломляющемъ явленіи природы на нашей планетѣ, превосходящемъ по своему величію почти все, что на землѣ доступно наблюденію. Особенно поражаетъ Ніагарскій водопадъ воображеніе жителей равнинныхъ мѣстностей и тѣмъ болѣе жителей Туркестана, которымъ отъ картинъ степей и песчаныхъ барханов трудно сдѣлать мысленный переходъ къ такому необыкновенному контрасту.

Еще издали, на растояніи 20 — 25 миль отъ водопада, доносится стихійный, неумолкаемый гулъ; въ воздухѣ распространяется ощутительная сырость. Природа всей окружающей мѣстности живо напоминаетъ намъ сѣверъ Россіи: тѣ же хвойныя, та же лиственница, тотъ же равнинный характеръ ландшафта; — даже та же тишина и мирное спокойствіе, какъ въ какомъ нибудь средней руки нашемъ губернскомъ городѣ, царятъ и на улицахъ города Ніагары, куда мы прибыли раннимъ утромъ, въ срединѣ октября. Но люди, — люди сейчасъ-же выказали всю свойственную лишь янки предпріимчивость. Уже въ вагонѣ къ намъ приставали юркіе агенты со всевозможными предложеніями показать водопадъ съ разныхъ сторонъ, доказывая невозможность обойтись безъ ихъ услугъ. Здѣсь снова пришлось намъ испытать то, что уже неоднократно встрѣчалось во время нашего путешествія: гдѣ силами природы или слабыми руками людей создано что-либо достойное вниманіе туриста, тамъ непремѣнно прилѣпились назойливые чичероне, способные отравить ваше существованіе. Вы стоите иногда пораженные чуднымъ произведеніемъ человѣческаго творчества или дивнымъ явленіемъ природы, вамъ хочется забыть хоть на мигъ житейскія невзгоды, стать ближе къ великому художнику или Божественному Творцу,

отдаться наплыву поэтическаго чувства, какъ вдругъ, точно грозный memento mori — вамъ надъ самымъ ухомъ вкрадчивымъ голосомъ навязываетъ свои услуги неотвязчивый гидъ. Иной разъ кажется, что онъ задался спеціальной цѣлью изводить васъ, не дать возвыситься надъ будничными чувствами. Отклоните вы его услугу, онъ все же будетъ преслѣдовать васъ, какъ тѣнь; заплатите ему — онъ уже по обязанности неотступно сопровождаетъ васъ, какъ хозяинъ.

Вотъ такими чичероне переполнено 50 тысячное населеніе города Ніагары. Все кругомъ живетъ, такъ сказать, брызгами водопада: въ одномъ мѣстѣ предлагаютъ смотрѣть на него съ висячаго моста, въ другомъ мѣстѣ показываютъ водопадъ съ американской стороны, въ третьемъ — съ Канадской стороны; тамъ, говорятъ — и только тамъ, а не въ иномъ мѣстѣ, — должно смотрѣть на водопадъ при солнечномъ закатѣ; а тамъ опять, на Канадской сторонѣ, стоитъ двухъэтажный домъ, съ вышки котораго обѣщаютъ показать Ніагару съ птичьяго полета; наконецъ, соблазняютъ васъ возможностью полюбоваться водопадомъ и снизу. Въ окнахъ многочисленныхъ магазиновъ выставлены сувениры, виды и множество фотографій, предназначенные для того, чтобы запечатлѣть въ памяти туриста водопадъ съ различныхъ «точекъ зрѣнія». Въ близкомъ сосѣдствѣ съ Ніагарой пріютился рядъ большихъ заводовъ и фабрикъ, пользующихся осколками его живой силы.

Первый восхитительный видъ на водопадъ открывается со станціи Falls view. Поѣздъ останавливается въ глубокой выемкѣ; лишь въ одномъ мѣстѣ, на разстояніи нѣсколькихъ сотъ шаговъ, тянется высокій парапетъ, съ котораго открывается грандіозная панорама водопада со всѣми «rapids», «whirlpool» [1]), безчисленными зелеными островками и всѣмъ плѣнительнымъ ландшафтомъ. Всѣ пассажиры express'a съ видимымъ нетерпѣніемъ высыпали изъ вагоновъ, чтобы полюбоваться дивнымъ зрѣлищемъ. Многимъ американцамъ картина эта была знакома; но и они изъ чувства національной гордости явились нашими добровольными гидами, чувствуя себя польщенными нашимъ восторгомъ, для выраженія котораго не находилось словъ. Кондукторамъ приходилось повторять приглашеніе занять мѣста, что на американскихъ дорогахъ бываетъ рѣдко. Наши россійскіе безконечные звонки и свистки замѣняются лаконическими словами «ready», «all right», и поѣздъ трогается.

Переѣхавъ великолѣпный мостъ, перекинутый черезъ рѣку Ніагару, мы короткое время спустя были у цѣли путешествія, въ г. Ніагарѣ.

Прежде всего мы направились на Great Island. Это большой островъ, представляющій собою прекрасно разбитый паркъ, съ хорошими аллеями и изящными мостиками; островъ отдѣляетъ американскій водо-

[1]) Стремнины, водовороты.

падъ отъ такъ называемаго «водопада-подковы» (Horse-Shoe Fall). Предусмотрительные американцы устроили такъ, что можно вполнѣ безопасно помѣститься на самомъ краю обрыва, съ котораго съ стихійной силой и всепокрывающимъ гуломъ низвергается непосредственно у вашихъ ногъ цѣлое море воды, поднимая непроницаемыя облака водяной пыли и устремляясь дальше огромнымъ клокочущимъ потокомъ, съ дикимъ шумомъ и ревомъ несущимся по широкому скалистому руслу, — то бѣшенно вздымаясь на огромные обломки скалъ, то срываясь внизъ каскадами по уступамъ капризнаго дна. А въ кипящей безднѣ, куда съ чудовищной силой била эта падающая масса воды, на обширномъ пространствѣ, едва охватываемомъ глазомъ, клокотало и бурлило цѣлое море бѣлой пѣны, поднимая высокіе, далеко распространяющіеся клубы водяной пыли, въ которой такъ картинно и мирно купались лучи солнца, поражая глазъ чудными переливами красокъ. Кругомъ ничего не слышно. Все покрывается демоническимъ гуломъ, о которомъ не можетъ дать понятія никакое пылкое воображеніе. Голосъ человѣческій, даже при сильномъ напряженіи, совершенно исчезаетъ въ этомъ грозномъ дикомъ рокотѣ, который точно гипнотизируетъ, точно отрываетъ васъ отъ окружающаго міра. Вы видите тутъ Вѣчность собственными глазами, и въ конкретной формѣ; и она говоритъ вамъ о себѣ своимъ мощнымъ языкомъ. Невольно всѣмъ существомъ отдаешься этому чудному ощущенію, сознавая всю слабость и ничтожество своего маленькаго «я». Въ душѣ водворяется миръ и спокойствіе; глохнутъ будничныя мелочи, умолкаетъ неугомонное бурленіе нашей суетливой жизни,—все расплывается и тонетъ въ этомъ всепокрывающемъ шумѣ, въ этой всесокрушающей силѣ, точно мелкій ручеекъ, исчезающій въ бездонномъ океанѣ. Стоя лицомъ къ лицу съ этимъ величественнымъ, единственнымъ въ своемъ родѣ, явленіемъ, человѣкъ невольно цѣпенѣетъ всѣми чувствами. Какъ непохоже это впечатлѣніе на то, которое выносишь при созерцаніи художественныхъ произведеній, или даже дивныхъ, но молчаливыхъ красотъ природы. Здѣсь мы одновременно подавлены и приласканы всесильной рукой Великаго Творца, создавшаго изъ воды — и только изъ одной воды — картину, изобилующую такой могучей силой и красотой.

Съ Great Island мы направились въ прекрасный паркъ на американской сторонѣ. Здѣсь, въ особыхъ вагонахъ, по такъ называемой Inclined railway, спускаютъ васъ внизъ, къ самому водопаду. Субъектамъ съ крѣпкими нервами предлагаютъ при помощи проводника пройти въ непромокаемомъ плащѣ подъ самымъ водопадомъ, т. е. непосредственно подъ всей массой падающей сверху воды. Это возможно благодаря тому, что скалистый обрывъ выдвигается небольшимъ карнизомъ впередъ; вода падаетъ подъ нѣкоторымъ угломъ къ отвѣсной линіи;

вслѣдствіе этого внизу, подъ водопадомъ получается узенькая тропа, тянущаяся между скалистой стѣной съ одной стороны и кипучей бездной съ другой, а сверху — надъ вами высится какъ арка, крутой водяной сводъ водопада... Намъ не пришлось испытать наши нервы этимъ променадомъ, такъ какъ при нашемъ посѣщеніи, въ виду наступившихъ заморозковъ, этотъ опасный путь сталъ еще болѣе опаснымъ и былъ закрытъ даже для любителей сильныхъ ощущеній. Да и какая цѣль такой дикой прогулки? Наврядъ-ли она прибавитъ что либо къ красотамъ Ніагары. Здѣсь просто сказывается одинъ изъ многихъ психопатическихъ капризовъ, свойственныхъ нашему вѣку: хочется вездѣ идти наперекоръ тому, что намъ даетъ природа; гонясь за выгодой, люди стараются плыть на пароходѣ тамъ, гдѣ находится перешеекъ; напрягаются всѣ усилія, чтобы перекинуть мосты черезъ проливы и проѣхаться въ экипажѣ. Такъ и Ніагарскій водопадъ явился праздной помѣхой для нервныхъ людей нашего нервознаго вѣка: — засуетились и заволновались около водопада, какъ скаковая лошадь около барьера, и успокоились лишь тогда, когда взяли и это препятствіе на разные лады: одни переходили черезъ водопадъ по натянутому канату, другіе довольствуются болѣе безопасной прогулкой *подъ* водопадомъ. Дѣлалась попытка и переплывать эту клокочущую пучину: извѣстный капитанъ Веббъ, переплывавшій свободно Ла-Маншъ, гонясь за славой, погибъ въ 1889 году за свою дерзкую затѣю, переплывая рѣку Ніагару въ 2 — 3-хъ верстахъ ниже водопада. Мѣсто это расширяется, образуя довольно большую бухту, называемую «чортовой дырой». Названіе это мѣтко и правдиво характеризуетъ бѣшенные водовороты, ставшіе могилой отважнаго плавца. Высокіе скалистые утесы образуютъ ущелье въ нѣсколько сотъ шаговъ, черезъ которое несется все огромное количество воды, приносимое рѣкой Ніагарой изъ озера Эри. Насколька дерзка была безумная попытка капитана Вебба можно судить по тому, что въ этомъ же мѣстѣ *погибъ пароходъ*, пытавшійся одолѣть эти кипучія стремнины. Вообще, съ этимъ мрачнымъ суровымъ ущельемъ связано много кровавыхъ преданій. Здѣсь краснокожіе сбросили въ пучину 90 человѣкъ и цѣлый обозъ англичанъ, застигнутыхъ врасплохъ въ 1763 году...

Вернемся, однако, къ водопаду. Осмотрѣвъ всѣ достопримѣчательности на американской сторонѣ, мы отправились по красивому висячему мосту, перекинутому черезъ Ніагару на высотѣ 57 метровъ, на Канадскую сторону. Здѣсь также разбитъ прекрасный паркъ, названный въ честь англійской королевы Victoria Park. Въ вагонахъ наклонной гидравлической дороги мы спускаемся со скалистаго берега къ подошвѣ водопада; здѣсь, стоя около воды, мы молча любуемся этой грандіозной картиной. Передъ нашими глазами обрушивается съ

высоты 158 фут. около 15-ти милліоновъ куб. фут. воды въ минуту... Огромные величественные каскады кажутся точно застывшими, представляя собой громадные изумрудные устои, въ которыхъ солнечные лучи переливаются всѣми цвѣтами радуги. Всматриваясь долго, вы открываете все новыя и новыя красоты. Не хочется уходить. Такъ и манитъ слушать безъ конца этотъ неумолкаемый рокотъ водопада, который, по словамъ Державина, намъ нашу жизнь изображаетъ: «подобно пучинѣ водъ кипитъ стремленіе страстей, честь блещетъ, громъ славы раздается; подобно брызгамъ мелькаетъ счастье нашихъ дней а красоту и радость нашу мрачатъ печаль, скорбь, старость...

Цѣлый день мы провели около Ніагары, любуясь этимъ чуднымъ явленіемъ съ разныхъ сторонъ. Лишь поздно ночью поѣздъ умчалъ насъ на встрѣчу родинѣ. Но въ душѣ на всю жизнь осталось живое воспоминаніе объ этомъ днѣ, проведенномъ на Ніагарскомъ водопадѣ...

Н. Грулева.

Двѣ Розы.

Двѣ розы храню я, — одна мнѣ досталась
Отъ дѣвушки чистой, невинной, простой.
Давая ту розу, она мнѣ призналась
Въ любви безграничной, глубокой, святой.
Другую же розу я властной рукою
Сорвалъ у красавицы съ пышной груди,
Когда, съ поцѣлуемъ прощаясь со мною,
Она мнѣ шепнула: сегодня приди.
Которая роза милѣе — не знаю,
Но обѣ увяли и жизни въ нихъ нѣтъ,
И тщетно теперь я съ тоской вспоминаю
Ихъ пышный когда-то, но краткій разцвѣтъ.

Сергѣй Недолинъ.

* * *

Едва лишь затихнетъ дневное движенье,
Въ каморкѣ своей я зажгу огонекъ,
И жду не дождуся, когда вдохновенье
Заглянетъ въ мой скромный, простой уголокъ,—
Когда лучъ отрадный мнѣ въ душу проникнетъ
И тайнымъ восторгомъ ее озаритъ,
И вновь предо мною мгновенно возникнетъ
Божественно-чудный, таинственный видъ.
Раздвинутся стѣны каморки холодной,
Она превратится въ волшебный дворецъ.
И самъ я не прежній мечтатель безплодный,
Я — магъ и волшебникъ, — я царь и творецъ.
Но въ эти мгновенья всегда предо мною
Твой образъ прекрасный, мой другъ, возстаетъ—
И голосъ твой чудный, какъ прежней порою,
Меня и волнуетъ и къ счастью зоветъ.
Знакомые звуки, отрадныя грёзы
Въ душѣ прежній трепетъ вселяютъ опять,
И вновь закипаютъ счастливыя слезы —
И снова хочу я любить и страдать.

Сергѣй Недолинъ.

„Сладкая царевна".

Беговадская сказка.

Записана со словъ жителей аула Беговадъ въ Голодной Степи, у пороговъ Дарьи въ лѣто 7401-е отъ сотворенія міра.

Капля воды, поданная жаждующему въ пустынѣ, смываетъ грѣхи за сто лѣтъ... Кто ороситъ мертвую землю, тотъ какъ бы вдохнетъ душу въ мертваго человѣка... Зеленѣющая нива молитъ Господа о прощеніи грѣховъ сѣятеля...

Изъ вѣрованій Туркменъ Курдовъ и Арабовъ.

«Я заставила рѣки течь туда, куда я пожелала, а я желала, чтобы онѣ текли только тамъ, гдѣ это полезно. Я превратила безплодную землю въ плодородную, оросивъ ее изъ моихъ рѣкъ».

Надпись временъ Царицы Семирамиды.

«L'Orient attend un homme... Il ne se fait rien de grand, que dans l'Orient».

«Востокъ ждетъ человѣка... Все великое творится только на Востокѣ».

Слова Императора Наполеона I-го.

I.

Царевна Ширинъ.

Въ пустынныхъ степяхъ Харезмійской страны,
У мрачныхъ пороговъ воротъ Ферганы,
Гдѣ вѣчно бушуетъ Дарьи водопадъ,
Жила дочь царя во дворцѣ Беговадъ.

По всѣмъ Ховарезма холмамъ и доламъ,
По селамъ, ауламъ, большимъ городамъ,
Молва шла о райской «Ширинъ» добротѣ
О «Сладкой Царевны» умѣ, красотѣ.

И съ разныхъ Востока сторонъ женихи
Стремились, стекались къ порогамъ рѣки.
Рѣзвились ихъ кони, какъ стаи жаръ-птицъ,
Минуя чертоги другихъ царь-дѣвицъ.

При сѣдлахъ червонныхъ ларцы съ янтаремъ
И яхонтовъ червчатыхъ алымъ зерномъ,
Унизана жемчугомъ чернымъ фанза,
Чтобъ ярче сверкала Царевны краса.

Напрасны желанья бояръ и князей,
И тщетны надежды свѣтлѣйшихъ гостей,
Печаленъ и сумраченъ свадебный пиръ,
Отвѣта ждутъ всѣ и забыли весь міръ.

Задумчивъ бухарскій сановникъ Хосрой,
Питомецъ дворцовъ и среды городской.
Угрюмъ степной витязь хивинскій Фархатъ,
Могучій и грозный, какъ грома раскатъ.

Но вотъ, съ лучезарнымъ сіяньемъ въ очахъ,
Съ улыбкою ясной на нѣжныхъ устахъ;
Явилась Ширинъ и вельможнымъ рабамъ
Велѣла внимать своимъ дивнымъ рѣчамъ.

II.

Дѣла добра.

Князья Золотой Харезмъ-Шаховъ Орды,
Поклонники царской моей красоты!
Безсмертный мудрецъ Зароастръ указалъ,
Въ святой Зендавестѣ намъ такъ завѣщалъ:

«Всѣ тѣ, кому власть суждена надъ людьми,
«За правды побѣду да лягутъ костьми,
«А добрыя мысли, слова и дѣла
«Спасутъ бѣлый свѣтъ отъ тьмы ада и зла.

Я съ дѣтства привыкла къ священнымъ словамъ,
Мечтала служить благодатнымъ дѣламъ,
Чтобъ край — Высочайшій мой родъ обожалъ,
Къ униженнымъ Дворъ-милосерднымъ призналъ.

Ошибки Харезма верховныхъ вождей,
И казни свободы отважныхъ друзей,
Смиреньемъ, трудомъ я должна искупить,
Заставлю народъ санъ «Княжны» мнѣ простить.

Богъ рѣкъ вдохновляетъ весну моихъ дней,
Богъ бурныхъ потоковъ, стремнинъ и ключей,
Вникая въ ихъ тайну, на счастье людей
Оазисъ созламъ я средь знойныхъ степей.

Тамъ царская кровь чудеса совершитъ,
Въ груди она пламенной лавой кипитъ.
Но гдѣ мой союзникъ — мой другъ удалой,
Достойный и злобы духъ вызвать на бой?

Тотъ воинъ Ормузда, пустынь чародѣй,
Рукой молодецкой взявъ въ степь водолей,
Столкнетъ Аримана въ пучину, въ моря,
А слава добра — выше горъ и царя.

III.

Даръ Дарьи.

Кто жъ будетъ, бояре, владыкой степей?
Съ кѣмъ выпью я нѣгу любви и страстей?
Въ раздумьи, съ молитвой, къ Дарьѣ я пришла,
Вѣнецъ заповѣдный снимая съ чела:

«Прими, о Дарья-рѣка, мой дастарханъ,
«Сей царственныхъ предковъ моихъ талисманъ.
«Пустынѣ Харезма ты даръ свой пошли,
«Ручей съ горъ Небесныхъ Китайской земли.

Я грезы лелѣю о радужномъ днѣ,
Когда, распростертая въ мертвенномъ снѣ,
Красавица степь, облитая водой,
Очнется, сіяя алмазной росой.....

Покрывшись цвѣтами, душистой травой,
Свой жаръ остудивъ животворной струей,
Степь ласково приметъ въ объятьи свои
Всѣхъ младшихъ дѣтей Харезмійской семьи.

Придутъ бѣлопашцы, толпы пастуховъ,
Равнинъ карабли — караваны купцовъ,
А странникъ усталый, въ прохладѣ садовъ,
Помянетъ творца новыхъ нивъ и луговъ.

Вотъ добрыя мысли, слова и дѣла,
Которымъ я въ жертву себя принесла.
Погибну — иль бѣднымъ отчизны родной
Открою богатства Орды Золотой.

Тому я, князья, свое сердце отдамъ,
Кто ключъ отъ Дарьи мнѣ положитъ къ ногамъ,
Кто жажду безводныхъ степей утолитъ
И спящія земли водой ороситъ.

IV.

Фархатъ и Хосрой.

И вздрогнулъ дворецъ, и воспрянулъ Фархатъ,
Внезапнымъ волненьемъ и страстью объятъ.
Схвативъ чудодѣйный топоръ Громобой,
Помчалъ онъ къ порогамъ на водоразбой.

Ворота Дарьи онъ рѣшилъ затворить,
Порогъ Беговадскій скалой завалить,
Плотину громадой камней увѣнчать,
И стремь водопада надъ степью поднять.

Гремѣлъ Громобой въ Запорожскихъ горахъ,
Тонули утесы въ Дарьинскихъ водахъ,
Хваталъ и глоталъ ненасытный порогъ,
Ревѣлъ и рычалъ разъяренный потокъ.

Хосрой-же къ колдуньямъ пошелъ на совѣтъ:
«Могу ли исполнить Царевны завѣтъ?»
Лукавъ и чуденъ былъ кудесницъ отвѣтъ,
Но милъ онъ искателю легкихъ побѣдъ.

Царевнѣ, при свѣтѣ полночной луны,
Почудился блескъ набѣгавшей волны....
То ловкій Хосрой постелилъ полотномъ
Блестящій камышъ, заплетенный ковромъ,

А вѣдьмы - ехидны прошли Беговадъ,
Злорадно шипя, гдѣ работалъ Фархатъ:
«Не на смѣхъ ли трудится, князь молодой,
«Пока у Царевны пируетъ Хосрой?!»

Какъ молнья взвился къ облакамъ Громобой,
Подброшенный, въ гнѣвѣ, Фархата рукой;
Топоръ богатырскій сверкнулъ съ синевы....
И палъ обезглавленный витязь Хивы.

V.

Ширинъ и Фархатъ.

Бѣда во дворецъ прилетѣла стрѣлой,
Изъ замка былъ изгнанъ коварный Хосрой;
Проклятый жрецами, поверженный въ прахъ,
Покрытый позоромъ, онъ скрылся въ горахъ.

На небѣ Востока померкла звѣзда —
Угасла Царевны святая мечта.
Скончалась Ширинъ на кровавой травѣ,
Устами прильнувъ къ отсѣченной главѣ.

Княженъ и Царевень подобныхъ Ширинъ,
Не знаютъ пѣвцы харезмійскихъ былинъ,
Богатство и роскошь дворцовъ не любя,
За бѣдныхъ она погубила себя.

Семь тысячъ годовъ протекло съ той поры,
Издавна забыты Хосроя ковры,
Исчезли слѣды вѣроломныхъ затѣй,
Ихъ вѣтеръ разнесъ по раздолью степей,

Но помнитъ народъ, гдѣ Царевна жила,
И молится тамъ, гдѣ она умерла,
А думы Ширинъ и Фархата дѣла,
Съ ихъ кровью Дарья въ свои нѣдра взяла....

И катятся волны безплодно въ Аралъ,
Напрасно шумятъ водопады у скалъ;
Пустыня, какъ прежде, мрачна и мертва,
Но жители вѣрятъ въ пророка слова:

«Въ семь тысячъ четыреста первыхъ годахъ,
«Дарья разольетъ свои воды въ степяхъ.
«Воскреснетъ Ширинъ, а за ней вся страна,
«Проснется пустыня отъ тяжкаго сна».

VI.

Степной караванъ.

Идетъ караванъ по горячимъ пескамъ,
По голымъ, безводнымъ, сыпучимъ тропамъ,
Усталъ, истомился степной караванъ,
И страхомъ объяты сердца мусульманъ.

Лишь кости да змѣи имъ видны кругомъ,
Купцы подвигаются тихо, съ трудомъ,
Сквозь марево, мглу и палящій туманъ
Имъ кажется, — близокъ песчаный буранъ.

Но вдругъ, за барханомъ блеснула струя...
То даръ свой пустынѣ прислала Дарья.
Всѣ путники жадно прильнули къ водѣ.
И, вставъ, они снова склонились къ землѣ.

Весельемъ, восторгомъ полна ихъ душа,
Толпа восклицаетъ «Алла» и «Падша»,
Съ молитвою, данной пророкомъ самимъ,
Стихомъ «Бисмиля ирахманирахимъ».

Прилегъ караванъ возлѣ новыхъ озеръ,
Раскинулся мигомъ походный шатеръ,
И пѣсни, и бубны, и пляски баччей
Привѣтствуютъ шумно студеный ручей:

«Возстали изъ гроба Ширинъ и Фархатъ,
«Ихъ тѣни парятъ надъ скалой Беговадъ,
«Для витязя спала невѣсты фата,
«Исполнилась «Сладкой Царевны» мечта.

Идетъ караванъ по холоднымъ пескамъ,
По сочнымъ, пушистымъ, цвѣтущимъ тропамъ.
Вздохнулъ, освѣжился степной караванъ,
И радостны, свѣтлы слова мусульманъ.

VII.

Хвала Царю.

О день незабвенный: по волѣ Царя,
Зажглась для Турана блаженства заря.
Былъ мракъ на Востокѣ, а свѣтъ надъ Москвой,
Чарующій насъ, оскорбленныхъ судьбой.

Войска посылая Хиву усмирить,
Самъ Царь Государь повелѣлъ объявить
Желанье свое, чтобъ за русскимъ мечемъ
Намъ лучше жилось, чѣмъ подъ ханскимъ ярмомъ.

Съ тѣхъ поръ, въ Запорожьѣ, гремятъ кетмени,
Какъ бердыши въ сѣчѣ рубили они.
Стѣснились пороги, Дарья поднялась...
И вширь, по Голоднымъ степямъ полилась.

Вглубь страшной пустыни прошелъ водолей,
Въ пески, въ солонцы, на равнины степей,
Прекрасенъ ихъ яркій, весенній разцвѣтъ,
Роскошный, какъ «Дѣвы-Сладчайшей» привѣтъ.

Земля одѣваетъ свой пышный нарядъ,
Ликуя, что адъ люди въ рай обратятъ.
А солнце, любуясь въ разливыхъ воды.
Цѣлуетъ и нѣжитъ хлѣба и сады.

Прошли базвозвратно всѣ тѣ времена,
Когда здѣсь царили Туркменъ племена.
Водою покрылись разбоевъ слѣды,
Надменной и хищной Хивинской Орды.

Да будетъ же счастливъ весь Русскій народъ
И Царскій Державный Романовскій Родъ,
Забыли мы битвы, и кровь и штыки,
На вѣки насъ сблизили воды рѣки!»

Н. Волынекой.

Раскаяніе.

(Очеркъ).

Въ приводимыхъ ниже разсказахъ нѣтъ вымысла. Я обѣщалъ дать для сборника въ пользу прокаженныхъ очеркъ и ради этого написалъ теперь на память то, что слышалъ тому назадъ два слишкомъ года и что въ свое время произвело на меня сильное впечатлѣніе. Я остановился именно на этой темѣ для моего очерка въ виду всеобщаго интереса, возбужденнаго вышедшимъ нынѣ романомъ гр. Л. Толстого «Воскресеніе». Лица, на которыхъ я ссылаюсь подъ весьма прозрачными для нихъ и для многихъ псевдонимами, надѣюсь, великодушно простятъ мнѣ, если я что либо перезабылъ, или неточно изложилъ, — хотя бы во вниманіе той цѣли, съ которой издается сборникъ.

Года два съ половиною тому назадъ въ уютной гостинной моихъ давнихъ и хорошихъ знакомыхъ Нащокиныхъ, въ Царскомъ селѣ, собралось небольшое общество. Нащокинъ служилъ членомъ П-ской судебной Палаты, но его совершенно неожиданно разбилъ параличъ и онъ доживалъ свой вѣкъ на покоѣ въ Царскомъ, окруженный заботами и теплымъ попеченіемъ своей жены, самой лучшей, умной и логичной женщины, которую мнѣ доводилось когда-либо хорошо узнать. Нащокинъ въ свое время также былъ способнѣйшимъ, умнѣйшимъ и интереснѣйшимъ человѣкомъ, но болѣзнь, которая нынѣ уже свела его въ могилу, не могла, разумѣется, на немъ не отразиться весьма тяжело. Кромѣ меня къ Нащокинымъ въ этотъ день изъ Петербурга пріѣхали ихъ также старинные друзья баронесса Вестенъ-Гаузенъ, выдающаяся музыкантша и поэтесса и извѣстный криминалистъ Рэни. Всѣ какъ то сразу почувствовали себя хорошо, какъ это всегда бываетъ, когда соберутся въ тѣсномъ кружкѣ люди другъ другу сим-

патичные, когда среди ихъ есть безусловно интересные и, когда у каждаго является расчетъ и крѣпнетъ сознаніе, что вечеръ пройдетъ пріятно и не безслѣдно. Заговорили о женщинахъ и, такъ какъ разговоръ этотъ начался по поводу хозяйки дома, которая ради больного мужа отказалась отъ всякой личной жизни, кто то сказалъ, что на такіе подвиги способны только женщины. Я возразилъ, что все это такъ, но что вообще на женщину можетъ разсчитывать, только тотъ, кого она любитъ, да и то не всегда; нерѣдки случаи, когда и любимому, повидимому, человѣку женщина причиняетъ зря невыносимыя страданія и даже разбиваетъ ему всю жизнь. При этомъ рѣшительно становишься втупикъ, ради чего, ради какихъ серьезныхъ побужденій, это дѣлается. Дамы мнѣ возразили, что я фантазирую, что ничего подобнаго не бываетъ и просили пояснить мою мысль какимъ нибудь примѣромъ.

«Къ вашимъ услугамъ. Вотъ вамъ примѣръ. Въ жизни бываетъ все. Развѣ не бываетъ и того, что-бы и любящая женщина измѣнила мужу, или случайно, или подъ давленіемъ тѣхъ, или другихъ обстоятельствъ? Въ такомъ разѣ семейная жизнь держится только на сохраненіи женою своей тайны. Открой она ее и спокойствіе, счастье навсегда погибли для обоихъ. Мало того, если есть дѣти, и они, ни въ чемъ неповинныя, жестоко пострадаютъ. Развѣ при такихъ обстоятельствахъ не преступленіе нарушать эту тайну? Развѣ не человѣчнѣе молча нести свой крестъ и сохранить такимъ путемъ цѣлость семьи, спокойствіе и счастіе близкаго человѣка, который ни въ чемъ не виноватъ, вмѣсто того, чтобы разбивать ему жизнь? А между тѣмъ сплошь и рядомъ мы видимъ такіе случаи: ни съ того ни съ сего, какъ говорится — здорово живешь, жена, бравируя, открываетъ на себя глаза мужу, какъ будто ей обидно, что онъ можетъ быть счастливъ и спокоенъ; и, не задумываясь, подъ впечатлѣніемъ минуты, она губитъ это спокойствіе, отнимаетъ это счастье».

Въ вашихъ словахъ много вѣрнаго, сказалъ доселѣ не принимавшій участія въ спорѣ Рэни, но вы ошибаетесь въ одномъ: психологическія причины такихъ явленій всегда есть и почти всегда онѣ серьезны, но иногда ихъ очень трудно уловить, и еще труднѣе понять со стороны. Да вотъ позвольте я вамъ разскажу случай изъ моей судебной практики. Дѣло это въ свое время получило громкую огласку и надѣлало много шума, но это было давно и, я думаю, вы о немъ, или успѣли позабыть, или же вовсе его не знаете. Въ первомъ случаѣ вы простите меня, надѣюсь. Всѣ мы усѣлись по удобнѣе и съ удовольствіемъ приготовились слушать. «Въ одной изъ среднихъ губерній, началъ свой разсказъ Рэни, въ своемъ имѣніи каждое лѣто жилъ очень богатый, пожилой баринъ, имѣвшій весьма

видное общественное положеніе и... хорошенькую воспитанницу. Какъ, при какихъ обстоятельствахъ и по какимъ причинамъ это произошло, я не знаю, или, лучше сказать, забылъ эти подробности, но между попечителемъ и воспитанницей возникли близкія отношенія, бывшія однако тайною для всѣхъ. Насколько помню, отношенія эти имѣли извѣстнаго рода послѣдствія. Между тѣмъ въ уѣздѣ появился молодой человѣкъ, только что кончившій университетъ, который и сталъ бывать въ домѣ упомянутаго барина, а затѣмъ и замѣтно увлекаться его воспитанницей. Насколько помнится, тутъ были и прогулки по саду въ лунныя ночи, и соловьинныя пѣсни и наконецъ горячія объясненія и увѣренія въ вѣчной любви. Увлеклась ли сама барышня, или просто ей понравилась перспектива, какъ говорятъ, прикрыть свой грѣхъ, неизвѣстно, но дѣло кончилось бракомъ, по взаимной любви, какъ о томъ гласила молва. Молодые уѣхали въ уѣздный городъ, гдѣ и поселились, такъ какъ мужъ сталъ служить по земству. Прошло нѣсколько лѣтъ. Семья увеличилась двумя дѣтьми. Семейный миръ не нарушался. Жена, очевидно, привязалась къ мужу, оцѣнила и полюбила его. Мужъ въ свою очередь въ ней души не чаялъ. Дѣти росли. Обладая страстнымъ темпераментомъ, любовью къ дѣлу и труду, искреннимъ желаніемъ принести пользу, мужъ, какъ и всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, нажилъ себѣ много враговъ и еще больше непріятностей разнаго рода. Враги не разбирали средствъ въ борьбѣ, и молодому земскому дѣятелю подчасъ приходилось плохо, а подчасъ было и вовсе не вмоготу. Однажды, во время обычной весенней прогулки супруговъ на берегъ протекавшей черезъ городъ широкой и многоводной рѣки, мужъ, горько жалуясь на свои невзгоды, въ самыхъ искреннихъ и горячихъ выраженіяхъ высказалъ, что часто ему не достаетъ силъ къ борьбѣ, что давно, быть можетъ, онъ изнемогъ бы въ ней и потерялъ бы вѣру въ себя и въ лучшія времена, если-бъ не она, его любимая и любящая жена, его жизнь, его святыня, поддержка въ тяжелыя минуты, единственный человѣкъ, въ котораго онъ беззавѣтно и безусловно вѣритъ. И вотъ тутъ то и произошло совершенно неожиданно то, что имѣло такія страшныя, такія дикія послѣдствія. Жена горячо протестовала противъ возведенія ея въ «святыни» и мгновенно и безповоротно убила послѣднія и самыя дорогія иллюзіи мужа, покаявшись ему подробно въ своемъ давнемъ дѣвичьемъ грѣхѣ. То, что произошло дальше уже не поддается послѣдовательному разсказу. Это былъ бредъ, кошмаръ, мука—все, что хотите, но не жизнь въ ея обычныхъ рамкахъ. Мужъ бросилъ дѣтей, домъ, службу и захвативъ съ собою, какъ вещь, обезумѣвшую жену, пустился въ путь. Узнавши, что воспитатель и бывшій любовникъ его жены за границей, онъ полетѣлъ туда. Обстоятельства сложились такъ,

что преслѣдователь не настигъ своего врага за границей. Послѣдній выѣхалъ обратно въ Россію изъ того куррорта, гдѣ лѣчился, за нѣсколько дней до его пріѣзда туда. Преслѣдованіе продолжается. Подумайте, что должны были переживать эти несчастные, въ пути, въ долгія безсонныя ночи, всегда глазъ на глазъ другъ съ другомъ, съ своимъ горемъ и безуміемъ! Мужъ и жена пріѣзжаютъ въ Петербургъ. Ничего не подозрѣвающая прислуга безпрекословно впускаетъ ихъ къ барину въ кабинетъ. Раздается выстрѣлъ — и старикъ умираетъ сраженный пулею когда-то обольщенной имъ воспитанницы, которую мужъ заставилъ совершить это злодѣяніе. Потомъ было слѣдствіе, потомъ судъ, которые и выяснили все это несчастное дѣло; наконецъ ссылка въ далекую Сибирь. Теперь, благодаря Высочайшей милости, чета эта прощена и живетъ въ С-ой губерніи. Мужъ служитъ опять, если не ошибаюсь, въ земствѣ. Семья увеличилась еще двоими дѣтьми. По моему въ данномъ случаѣ, закончилъ Рэни, женщина не выдержала тяжести незаслуженнаго довѣрія, незаслуженной идеализаціи ея любимымъ человѣкомъ, и нахлынувшей подъ этимъ впечатлѣніемъ волны раскаянія, что весьма понятно, если глубже вникнуть въ ея душевный міръ. Я не могъ не согласиться съ Рэни, но возразилъ, что вопросъ этотъ можно разсматривать и съ другой стороны. Развѣ этотъ случай не былъ проявленіемъ самого высокаго эгоизма? Ради того, что меня мучаетъ совѣсть за мои прошлые проступки, я отнимаю у другого, неповиннаго послѣднее счастье, спокойствіе, вѣру; коверкаю жизнь мужу, дѣтямъ, заставляю совершать и совершаю преступленіе. Воля ваша, это чисто женская черта, которую можно объяснить развѣ тѣмъ, что большинство женщинъ привыкло подчиняться безпрекословно минутѣ впечатлѣнія: но въ такихъ вопросахъ это не можетъ служить оправданіемъ. Впрочемъ, закончилъ я свое возраженіе Рэни, вамъ и книги въ руки, особенно въ вопросахъ психологіи. Дамы опять напали на меня, а Рени, со свойственной ему терпимостью къ чужимъ мнѣніямъ, согласился со мною въ томъ, что разсказанный имъ случай своеобразнаго проявленія раскаянія носитъ чисто женскій характеръ. Если хотите, добавилъ онъ, теперь я разскажу вамъ другой случай проявленія раскаянія, но уже мужчиною, также крайне въ психологическомъ отношеніи интересный и, конечно, въ совершенно иномъ родѣ. Лѣтъ около десяти тому назадъ, началъ свой новый разсказъ Рени, въ Столичномъ Окружномъ Судѣ, при которомъ я былъ тогда прокуроромъ, слушалось довольно мало интересное дѣло о кражѣ у пьянаго купца 100 руб. во время его сна въ какомъ-то притонѣ. Самое дѣло по суммѣ кражи должно бы разбираться у мирового судьи, но содержательницею притона оказалось лицо привиллегированнаго сословія, какая-то чуть-ли не генеральша, а кража была совершена проживающей у нея чухонкой при несомнѣнномъ участіи хозяйки. Такимъ образомъ дѣло попало въ Окружный Судъ. Старшиною присяжныхъ засѣдателей по этому дѣлу былъ избранъ еще не старый, очень изящный господинъ, занимавшій видное мѣсто въ одномъ изъ министерствъ и слывшій за человѣка съ блестящею служебною карьерой. Я не былъ съ нимъ знакомъ, но зналъ, кто онъ, встрѣчая его иногда въ обществѣ. Главная обвиняемая, какъ я уже сказалъ, была чухонка; лѣтъ подъ тридцать, очень безцвѣтная, неинтересная и поблекшая особа, очевидно мало развитая и втянувшаяся въ свою ужасную профессію. Дѣло было ясное, фактъ преступленія и обвиненіе установлены точно, и присяжные вынесли обвинительный вердикъ обѣимъ женщинамъ, которыхъ судъ и приговорилъ къ тюремному заключенію, не помню уже теперь на какіе сроки; помню, что дѣло это не вызвало интереса въ средѣ публики, да и моего особаго вниманія къ себѣ не привлекло. Помню также, что обвиняемыя, повидимому, остались довольны приговоромъ, потому что приняли его довольно равнодушно и впослѣдствіи не обжаловали даже. Прошло нѣсколько дней, и ко мнѣ въ камеру явился тотъ самый господинъ, который былъ старшиною присяжныхъ засѣдателей по этому дѣлу. Былъ онъ, на мой взглядъ, нѣсколько какъ бы разстроенъ, или смущенъ и обратился ко мнѣ съ одною весьма странною просьбою, а именно онъ желалъ написать письмо арестанткѣ Рапенекъ, такъ звали, насколько помнится, обвиненную чухонку, но съ тѣмъ, чтобы его письмо не подвергалось обычной установленной для арестантской переписки перлюстраціи. Когда я отказалъ въ его просьбѣ, господинъ этотъ, видимо, весьма обидѣлся и, наговоривъ мнѣ какихъ то рѣзкостей, ушелъ. Засимъ онъ повторилъ свою просьбу письменно и, я, наконецъ, во вниманіе безусловной благонадежности просителя, уважилъ ее. Впослѣдствіи ему были разрѣшены свиданія съ арестанткою, которую онъ окружилъ возможнымъ въ ея положеніи вниманіемъ и попеченіемъ. Затѣмъ до меня дошло странное извѣстіе, что онъ на ней женится, какъ только Рапенекъ отбудетъ срокъ своего заключенія. Несомнѣнно вся исторія меня очень заинтересовала и даже заинтриговала, но разгадать загадку было совершено невозможно и я совсѣмъ, было, уже съ этимъ примирился, когда произошла новая неожиданность, которая впослѣдствіи случайно дала мнѣ ключъ къ интересовавшей меня тайнѣ. Арестантка Рапенекъ внезапно заболѣла горячкою и очень скоро и довольно неожиданно умерла въ женской тюремной больницѣ, повидимому, унеся съ собою въ могилу эту тайну. Но судьба очевидно судила иначе. Дѣло въ томъ, что надзирательницею женскаго отдѣленія тюремной больницы въ то время была очень пожилая и почтенная, но бодрая особа изъ русскихъ нѣмокъ, особымъ расположеніемъ которой я пользовался.

Старушку кто то изъ тюремнаго начальства сталъ обижать, а мнѣ удалось какъ то поддержать ее и помочь ей. Съ тѣхъ поръ она, какъ говорится, «заобожала» меня и относилась ко мнѣ съ неизмѣнною благодарностью и преданностью. Когда я бывалъ въ тюрьмѣ, я всегда заходилъ навѣстить старуху и ее смертельно обидѣлъ бы мой отказъ отъ стакана горячаго кофе, который она заботливо всегда для меня приготовляла, какъ только узнавала о моемъ пріѣздѣ. Въ одно изъ обычныхъ посѣщеній тюрьмы, я по обыкновенію пилъ кофе у надзирательницы и мы, болтая съ нею, вспомнили какъ то покойную Рапенекъ и разговорились о ней и о ея странныхъ отношеніяхъ къ старшинѣ обвинившихъ ее присяжныхъ засѣдателей по ея дѣлу. Я высказалъ старушкѣ, что крайне заинтригованъ этою исторіею и что потерялъ всякую надежду разгадать эту тайну, столь меня интересующую. Какова же была моя радость, когда надзирательница вдругъ объявила, что можетъ помочь мнѣ. Рапенекъ, какъ сказано, умерла довольно неожиданно, — ночью; за пасторомъ послать не успѣли и передъ смертью она исповѣдывалась ей, надзирательницѣ, также лютеранкѣ, какъ и покойная. «Я не считаю грѣхомъ разсказать это вамъ, добавила старушка, потому что тутъ нѣтъ ничего дурного, а напротивъ въ этомъ дѣлѣ виденъ перстъ Божій и явилась слава Господня.

Вотъ что разсказала мнѣ надзирательница. Лѣтъ 20 тому назадъ, или нѣсколько больше, на собственной прекрасной дачѣ подъ самымъ Петербургомъ, жила одна титулованная и очень состоятельная старуха-генеральша. Однажды къ ней пріѣхалъ управляющій Петербургскимъ имѣніемъ ея, чухонецъ, уже много лѣтъ и успѣшно занимавшій эту должность и весьма грустно, но настоятельно просилъ уволить его и пріискать тотчасъ же ему преемника. На вопросъ барыни, какія причины заставляютъ его, стараго и довѣреннаго слугу, оставить ее, управляющій заявилъ, что доктора нашли у него ракъ въ желудкѣ и объявили, что жить ему остается не болѣе трехъ мѣсяцевъ, при чемъ и самъ онъ въ этомъ убѣжденъ и, чувствуя приближеніе конца, хочетъ подумать о душѣ своей. Генеральшѣ ничего другого не оставалось, какъ исполнить просьбу стараго слуги, но, отпуская его, она спросила, не можетъ ли сдѣлать чего нибудь для него въ память долголѣтней и вѣрной службы ей. Управляющій тогда сказалъ, что у него нѣтъ никого на свѣтѣ кромѣ одной маленькой внучки, круглой сироты, и что онъ умеръ бы спокойнѣе, еслибъ зналъ, что дѣвочка куда либо пристроена. Генеральша тотчасъ же рѣшила, что возьметъ дѣвочку къ себѣ и черезъ недѣлю маленькая чухоночка была водворена въ ея домъ. Первое время генеральша много заботилась о дѣвочкѣ и держала ее при себѣ, особенно послѣ того какъ старикъ управляющій дѣйствительно скоро умеръ, но затѣмъ богатой, свѣтской

старухѣ надоѣла эта возня и чухоночка незамѣтно перешла въ дѣвичью подъ начальство многочисленной женской прислуги. Каждое лѣто и зимой по праздникамъ на дачѣ гостилъ племянникъ генеральши, лицеистъ. Юноша сначала не обращалъ вниманія на воспитанницу своей тетки, но, когда ей минуло 16 лѣтъ и изъ нея вышла очень миловидная и бойкая дѣвушка, которая все чаще и чаще стала попадаться ему на глаза, лицеистъ началъ на нее, не шутя, заглядываться, а затѣмъ и ухаживать за ней. Исторія эта кончилась такъ, какъ обыкновенно подобныя исторіи кончаются: хорошенькая чухоночка, по прошествіи нѣкотораго времени, уступила настояніямъ молодого барина и отдалась ему. Неизвѣстно, сколько именно времени продолжался этотъ каникулярный романъ, но онъ имѣлъ обычныя между молодыми людьми послѣдствія и, когда скрывать ихъ уже было нельзя, воспитанницу безъ церемоніи выгнали изъ генеральскаго дома за безнравственное поведеніе. На первыхъ порахъ молодой человѣкъ не оставилъ обольщенной имъ дѣвушки, нанялъ ей квартирку не подалеку отъ лицея и аккуратно навѣщалъ. Затѣмъ явилось неминуемое охлажденіе. Блестящему лицеисту стало скучно съ простой, да еще и постоянно прихварывавшей дѣвушкой; къ тому же и денежныя средства юноши были не Богъ вѣсть какія въ то время, и онъ все рѣже и рѣже сталъ показываться. Вслѣдъ за этимъ, вскорѣ, насталъ и конецъ всему. Молодой человѣкъ въ одинъ прекрасный, или, лучше сказать, скверный день, бросивъ какую то ничтожную сумму обольщенной имъ дѣвушкѣ, оставилъ ее на произволъ судьбы. Случилось то, что всегда случается при такихъ обстоятельствахъ. Деньги быстро вышли; дѣвушка ждала своего возлюбленнаго, или по крайней мѣрѣ матеріальной отъ него помощи, но ни того ни другого не являлось. За то явилась къ ней какая то подозрительная, накрашенная, пожилая, но нарядная дама съ предложеніемъ своихъ услугъ, сразу обласкала беременную дѣвушку и уговорила ее переѣхать въ какой то также довольно подозрительный родильный пріютъ, гдѣ черезъ нѣсколько времени явился на свѣтъ ребенокъ, немедленно отправленный услужливой покровительницей въ воспитательный домъ. Потомъ больная поправилась, потомъ ей объявили, что ребенокъ ея умеръ, потомъ наконецъ она переѣхала къ своей новой благодѣтельницѣ. Началась затѣмъ безобразная, пьяная и подлая жизнь, которая черезъ нѣсколько лѣтъ привела бѣдную, уже совсѣмъ опустившуюся дѣвушку на скамью подсудимыхъ по обвиненію ея въ кражѣ 100 руб. у пьянаго купца, въ которой на этотъ разъ она попалась. Въ теченіе этихъ лѣтъ дѣвушкѣ ни разу не удалось встрѣтиться съ загубившимъ ее человѣкомъ. Онъ кончилъ лицей, счастливо служилъ гдѣ то далеко, а, когда черезъ довольно много лѣтъ онъ вернулся въ столицу, судьбѣ,

или, придерживаясь мнѣнія старушки-надзирательницы тюремной больницы, Богу угодно было поставить его во главѣ присяжныхъ засѣдателей, вынесшихъ, въ виду подавляющихъ уликъ, обвинительный приговоръ арестанткѣ.

— Что же сталось съ героемъ этого грустнаго эпизода? спросилъ кто изъ слушателей.

— Онъ скоро уѣхалъ совсѣмъ изъ столицы и я, право, потерялъ его окончательно изъ вида, отвѣчалъ Рэни.

— Такъ вотъ какія бываютъ дѣла, завершилъ онъ свой интересный разсказъ, и какъ иногда человѣку, осуждая другихъ, приходится судить прежде всего самого себя. Я разсказывалъ этотъ случай гр. Толстому, который хотѣлъ написать на эту тему романъ, только, кажется, съ другимъ концемъ въ духѣ своего ученія.

Баронессѣ Вестенъ-Гаузенъ и мнѣ, возвращавшимся въ этотъ же день въ Петербургъ, надо было торопиться къ послѣднему поѣзду. Черезъ часъ мы, молча, подъ сильнымъ впечатлѣніемъ прослушанныхъ разсказовъ, подъѣзжали къ громадному городу, въ которомъ, какъ и вездѣ на людяхъ, творятся такія мудреныя и ужасныя дѣла.

И. Лодыженскій.

I.

Ночь.

Ночь благодатная, ночь тишины,
Въ звѣздномъ сіяніи, въ блескѣ луны,
Съ тихою лаской на землю сойди!
Звѣздъ міріадами ярко горя—
Горы высокія, долы, моря,
Въ блескѣ торжественномъ ты обойди.
На отдыхающихъ мирно людей
Сны благодатные тихо навѣй,
Свѣтлыми грезами міръ осѣни;
Сердцу скорбящаго дай отдохнуть;
Въ каждую горемъ стѣсненную грудь
Лучъ утѣшенія ты зарони!..

II.

* * *

Въ селеніяхъ рая душа молодая
Жила, утопая въ объятіяхъ грезъ;
А въ пламени ада томилась другая,
Страдая отъ боли мученій и слезъ.

И тяжкіе вздохи порой долетали
Изъ мѣста печали до райскихъ дверей.
И душу святую они волновали
И грустныя думы являлися въ ней.

Казалось ей все, что на свѣтѣ когда-то
Была та душа ей близка и родна,
Что въ мірѣ духовъ ей не встрѣтилось брата,
О комъ такъ усердно молилась она!..

А. К. Федоровъ.

Тревога въ лагерѣ на Памирахъ.

(Изъ походныхъ воспоминаній).

Предразсвѣтная тишь стояла надъ Памирами. Морозный воздухъ тяжелой пеленой покрывалъ грозно дремлющую «крышу міра», и, казалось, ничто не смѣло нарушить этотъ угрюмый покой каменнаго великана.

Становилось совсѣмъ свѣтло, а величественные кряжи горъ все еще скрывали за собой уже раскаленное въ равнинахъ іюльское солнце. Вотъ, его золотой верхъ показался надъ сѣдловиною затуманеннаго хребта, и цѣлый снопъ играющихъ лучей, брызнувъ гигантскими спицами, прорѣзалъ застывшій воздухъ. Темной синевой заблестѣло чудное озеро, грозныя скалы тѣснясь опрокинулись въ его спокойной поверхности и таинственный отблескъ дивными красками заигралъ на далекихъ шапкахъ вѣчноснѣговыхъ вершинъ. На Памирахъ пробудилась жизнь.

Впрочемъ, въ лагерѣ давно уже не спали. Высокая и длинная коса убѣгала далеко впередъ въ лазурныя воды огромнаго горнаго озера. Маленькія tentes abris покрывали ее правильными бѣлыми рядами, а козлы ружей со сверкающими штыками и небольшія пирамидки шашекъ и конской амуниціи придавали нѣкоторую жизнь ихъ довольно скучному однообразію. Штабъ, офицерскія палатки и, наконецъ, кухни довершали обыкновенную картину, хорошо извѣстную каждому военному. Немного впереди лагеря два орудія, снятыя съ передковъ, грозно смотрѣли въ пустынную и загадочную даль, а часовой, прислонясь къ боевому колесу, казалось, составлялъ съ ними одно цѣлое; придерживая обѣими руками ефесъ обнаженной шашки, онъ, какъ будто, дремалъ, пригрѣтый лучами взошедшаго солнца и успокоенный сознаніемъ, что миновала тьма, а съ ней и опасность непроглядной памирской ночи съ дикимъ завываніемъ гуляющихъ на просторѣ вихрей.

Этотъ заброшенный и затерявшійся въ пустынѣ мірокъ уже четвертый мѣсяцъ жилъ своею особою жизнью. Наканунѣ мы долго играли въ карты въ батареѣ, при чемъ небольшой, нервный, рыжеватый ротный командиръ сильно проигрался, и оттого говорилъ присутствующимъ разныя колкости. Но все это выходило какъ-то неудачно, порядочно всѣмъ надоѣло, и я ушелъ къ себѣ около полуночи съ безпричинной тоской въ сердцѣ, тяжестью въ головѣ и пустотой въ карманѣ, не испытываемой мною еще съ самого начала похода.

Заснулъ я крѣпкимъ, но тяжелымъ сномъ, часто просыпался ночью и тотчасъ снова забывался подъ вліяніемъ какого-то кошмара. Незнаю, сколько времени такъ продолжалось, но вдругъ я увидалъ «ее», о которой уже давно старался не думать. Она стояла передо мной стройная, печальная и чудный взоръ ея съ невыразимой грустью былъ прямо устремленъ на меня... На охотѣ и въ походѣ терпѣть не могу такихъ гадостей! Я вскочилъ, какъ ужаленный, — пальто, бурка и шуба полетѣли прочь, а вмѣстѣ съ тѣмъ пронизывающій холодъ ледяной памирской ночи вернулъ меня къ дѣйствительности, но... пара печальныхъ глазъ все еще смотрѣла на меня съ укоризной...

Между тѣмъ, рога опрокинувшагося мѣсяца, просвѣчивая сквозь грубое полотно палатки, плыли уже почти надъ самымъ горизонтомъ. Начинало свѣтать. Съ трудомъ приведя въ порядокъ сложную систему шубъ, изученную моимъ деньщикомъ до тонкости, я легъ снова, но не могъ уже болѣе сомкнуть глазъ. Вотъ, раздались чьи-то шаги, и кто то выбранился, зацѣпившись за веревку палатки. Слышно было, какъ пріятный теноръ въ полъ голоса рапортовалъ дежурному по отряду о благополучіи въ секретахъ. Звеня чайникомъ, кто-то пробѣжалъ къ озеру на копошившуюся уже кухню.

Наконецъ, послѣдніе порывы ночного вѣтра, стихли, и наступило утро. Заиграли рожки, запѣли трубы, и лагерь началъ понемногу оживляться. Загорѣлая рука Сергѣя отстегнула полы моей палатки, и вмѣстѣ съ морозомъ въ нее ворвался первый солнечный лучъ; но свѣтилъ онъ какъ-то нерадостно и вовсе не давалъ тепла. Въ коротком полушубкѣ, слегка ежась отъ холода, Сергѣй поставилъ взводную суповую чашку на яктанъ [1]), а ведро съ водой, переполненной тонкими льдинками, на полъ. Значитъ: надо было вставать, умываться и начинать съизнова скучный день. Мы уже вторую недѣлю стояли на одномъ мѣстѣ, ждали, что авганцы придутъ, наконецъ, мстить за свое пораженіе, и тосковали изрядно; намъ не разрѣшали ни шагу двигаться впередъ.

[1]) Кожаный вьючный сундукъ.

Сегодня же мнѣ особенно не везло. Съ вечера я забылъ выплеснуть недопитый чай изъ единственнаго стакана, а утромъ нашелъ его треснувшимъ пополамъ съ правильнымъ, круглымъ кускомъ льда посединѣ. Пить чай изъ солдатской металлической кружки я какъ-то не умѣлъ, постоянно обжигая губы, а потому вышелъ изъ палатки еще въ болѣе дурномъ расположеніи духа. Утро хотя и стояло чудное, но уже начинался надоѣдливый памирскій вѣтеръ, обращавшійся потомъ въ ураганъ и стихавшій только къ закату.

Поздоровавшись съ людьми, я направился черезъ «паркъ» за лагерь въ свою ежедневную прогулку. Но ничто не развлекало меня, и вскорѣ мое дурное расположеніе духа перешло въ какое-то тяжелое гнетущее чувство, не покидавшее меня ни на секунду. На дорогѣ я нѣсколько разъ останавливался, стараясь объяснить себѣ это явленіе и стряхнуть съ себя безпричинный душевный гнетъ, но что-то тяжелое навалилось на меня и душило болѣзненной тоской. Наконецъ, мною овладѣло настоящее безпокойство, которое я не въ силахъ былъ ничѣмъ разогнать. Что бы это значило? Неужели же это то, что принято называть обыкновенно предчувствіемъ, испытываемымъ человѣкомъ передъ битвой, изъ которой ему не суждено болѣе возвратиться въ здѣшній міръ? Да, это было такъ; я больше не сомнѣвался въ этомъ. Я взглянулъ кругомъ и тутъ только замѣтилъ, что вся мѣстность, по которой я проходилъ ежедневно, была сплошь усѣяна кругленькими, аккуратно растущими кольцами дикихъ маргаритокъ. И, насколько хваталъ глазъ, только эти похоронные вѣнки покрывали все пространство, какъ бы указывая ряды будущихъ могилъ...

Я вздрогнулъ и оглядѣлся кругомъ. Величавая природа безстрастно и холодно смотрѣла на меня и на нашъ маленькій лагерь, потонувшій вдали съ темными точками вмѣсто часовыхъ. Вокругъ все было спокойно по прежнему, но мое гнетущее чувство постепенно усиливалось и, наконецъ, неожиданно вселилось въ опредѣленныя формы. Да, думалось мнѣ, сегодня придутъ авганцы, будетъ жаркое дѣло, прольется русская кровь и ороситъ собою далекую, никому ненужную, каменистую пустыню. Безъ сомнѣнія, могучій «урусъ», надвинувшійся изъ-за безконечныхъ степей сѣвера, останется побѣдителемъ, но кого пощадитъ безжалостная сѣкира смерти? Кому суждено будетъ снова увидать дорогую родину, а чьи кости останутся лежать среди голой безжизненной пустыни? Чье мясо останется на съѣденье шакаловъ и растерзанье горныхъ орловъ?.. Я мало боялся смерти, но невольная дрожь пробѣжала по моей спинѣ. Кругомъ все также было спокойно, и ни на одномъ перевалѣ не замѣтно было движенія людей.

Я повернулся и быстрыми шагами пошелъ домой, какъ-то особенно брезгливо избѣгая наступать на вѣнки безжизненныхъ маргаритокъ.

Недалеко отъ палатокъ остановилъ меня бравый вахмистръ Демидовъ.

— «Ваше б-родіе! Люди просятъ отпустить ихъ погулять на озеро».

И мнѣ показалось, что всегда зычный голосъ его звучалъ какъ-то глухо, а молодцоватое лицо было не весело и даже, какъ будто, носило отпечатокъ затаенной грусти. Неужели же, думалъ я, одинъ изъ вѣнцовъ долженъ былъ украсить сегодня его преждевременную могилу?

— «Ну, что тамъ таскаться безъ толку по водѣ! Видишь какой здоровый вѣтеръ, еще опрокинетъ вашу скорлупу; лучше послѣ обѣда я отпрошусь у начальника отряда, и мы поѣдемъ на постъ стрѣлять утокъ».

— «Слушаю—сь». Онъ уже готовъ быть вернуться, но я задержалъ его.

«Вообще же будьте осторожны. Помни, что время военное и надо быть готовымъ ко всему. А кто у насъ сегодня при лошадяхъ?»

Легкая тѣнь удивленія пробѣжала по лицу всегда исполнительнаго Демидова.

— «Въ табунѣ Москальцевъ и Новоселовъ, ваше б-родіе. Все въ исправности. Наши люди готовы».

Онъ, видимо, хотѣлъ спросить еще что-то, но я повернулся и вошелъ къ себѣ въ палатку, куда онъ уже не посмѣлъ слѣдовать.

Странно: въ эту минуту я вспомнилъ родныхъ, вспомнилъ нашу деревенскую усадьбу, предковъ «на полѣ брани убіенныхъ» и тихо перекрестился, садясь на свою походную кровать. Потомъ взялъ «Le droit de l'enfant», романъ, случайно путешествовавшій въ моихъ ягтанахъ уже четвертый мѣсяцъ, легъ на подушку и попытался читать. Но напрасно, — это было выше моихъ силъ. Тогда я, доставъ шашку, внимательно осмотрѣлъ дамасскій клинокъ, вынулъ заряженный револьверъ Мервина и положилъ ихъ рядомъ. Приготовивъ все такимъ образомъ, я вышелъ и направился въ зеленую бухарскую палатку, служившую столовой для артиллеристовъ.

Оттуда давно уже раздавались безпечные голоса. Командиръ батареи полковникъ Гриббе, ординарецъ начальника отряда Шереметевъ, есаулъ Дутовъ и проигравшійся вчера офицеръ съ утра отыгрывались сегодня въ винтъ. Послѣ взаимныхъ привѣтствій всѣ снова сѣли, и на меня уже больше никто не обращалъ вниманія, но зіяющія могилы по прежнему не давали мнѣ покоя, онѣ стояли передъ глазами, а на картахъ играющихъ я ясно видѣлъ слѣды крови. Очевидно, мои нервы развинтились окончательно. Гнетущее чувство достигло своего апогея, — я всталъ снова и, прійдя въ палатку, легъ съ закрытыми глазами, рѣшившись дожидаться въ одиночествѣ исполненія своего предчувствія.

Мало по малу, подъ вліяніемъ безсонной ночи я сталъ забываться, и уже сладкая дрёма начинала клонить меня ко сну, какъ вдругъ я былъ разбуженъ громкимъ топотомъ, промчавшейся во весь карьеръ лошади, и запыхавшійся голосъ, котораго я сначала совершенно не узналъ, быстро заговорилъ, постоянно прерываясь:

— «Ваше прев—ство! Авганцы пришли! Авганцы пришли, ваше прев—ство! Вотъ здѣсь! Передавая сотня уже совсѣмъ близко!..

Первымъ моимъ побужденіемъ было выскочить изъ палатки. Вотъ оно — начинается, предчувствіе не обмануло меня! Но въ это время вся кровь моя прилила къ сердцу, и оно часто и громко забилось. Показаться въ такомъ видѣ было прямо неприлично.

Однако, черезъ нѣсколько мгновеній я успокоился и, застегивая портупею, вышелъ наружу.

Мои люди съ револьверами и шашками уже готовые, какъ на ученье, стояли, построенные въ двѣ шеренги передъ своими палатками. Демидовъ, обходя, оправлялъ на нихъ амуницію. Сергѣй взволнованный бѣжалъ ко мнѣ, держа уздечку въ рукахъ, съ вопросомъ, сѣдлать ли лошадей? Сзади меня, прислонясь къ двери своей юрты, стоялъ начальникъ отряда, а передъ нимъ въ пальто съ оборваннымъ хлыстикомъ, держа руку подъ казырекъ, тянулся подпоручикъ Штольцъ, и вся его долговязая фигура не имѣла ничего общаго со спокойной позой нашего генерала.

Голосъ его прерывался, и онъ въ третій разъ повторялъ одно и то-же.

«Да что вы? Успокойтесь! Гдѣ авганцы? Откуда? Кто ихъ видѣлъ?»

— «Я самъ, ваше прев—ство! Цѣлая сотня, едва ускакалъ, — хотѣлъ предупредить своихъ!»

Игравшіе побросали карты. Отовсюду собиралось офицерство; на лицахъ всѣхъ было написано недоумѣнье.

— «Мы, впятеромъ, поѣхали къ старому лагерю, продолжалъ Штольцъ, безпокойно озираясь, — смотрѣть раненныхъ авганцевъ; зашли къ нимъ въ юрту, — какъ вдругъ вслѣдъ за нами появились авганцы. Наверху оказалась развернутой цѣлая сотня въ красныхъ мундирахъ. Мы едва успѣли вскочить на лошадей и ускакать, чтобы дать знать въ лагерь... За нами гнались!»

Новый топотъ прервалъ его краснорѣчіе, и въ лагерь вскочилъ юноша, подпоручикъ Овцовъ. Сѣрый конь его былъ въ мылѣ, но самъ онъ былъ спокоенъ. Потянувъ поводья и переводя лошадь въ шагъ, онъ сказалъ, обращаясь ко мнѣ и мило улыбаясь своимъ симпатичнымъ, почти безусымъ лицомъ, —

— «Ну, Вадимъ Петровичъ, идутъ! Авганцы идутъ, — сейчасъ тутъ будутъ!»

Но это уже не было для меня новостью. Извѣстіе больше не волновало меня, — это было именно то, чего я инстинктивно ожидалъ съ такимъ нетерпѣніемъ съ самого утра. И странное дѣло: теперь гнетущее и тяжелое чувство оставило меня, уступивъ мѣсто полному спокойствію.

Черезъ нѣсколько минутъ на неосѣдланной лошади между палатокъ ворвался еще всадникъ. Это былъ нижній чинъ «изъ политическихъ», уже нѣсколько лѣтъ разжалованный въ рядовые. Утромъ онъ поѣхалъ къ раненнымъ и плѣннымъ авганцамъ на одной лошади со своимъ товарищемъ по несчастію, но оттуда второпяхъ забылъ захватить обратно его и свой драгоцѣнный дневникъ, оставленный имъ въ назиданіе авганцамъ. Онъ въ волненіи подтвердилъ намъ то-же.

Начальникъ отряднаго штаба скорыми шагами прошелъ къ генералу. Пронеслась команда «въ ружье». Офицеры бросились по мѣстамъ. Взвизгнулъ рожокъ, запѣла труба и ея звенящіе звуки рѣзали дѣвственный воздухъ:

«Ну, подавайте намъ коней,

Врага чтобъ настигнуть скорѣй!»

Казаки и конногорцы бросились къ лошадямъ, и рѣчная долина, разстилавшаяся сбоку подъ нашими ногами, мигомъ покрылась тамъ и сямъ пылью отъ бродившихъ на свободѣ и сгоняемыхъ теперь табуновъ.

Приказавъ Демидову сѣдлать лошадей, я пошелъ, пересѣкая лагерь, впередъ, чтобы хоть что-нибудь увидать поскорѣе собственными глазами. Стройными и неподвижными рядами стояла пѣхота передъ палатками, застывъ въ напряженномъ ожиданіи надвигавшагося будущаго. Артилеристы возились у передковъ и орудій.

Я все шелъ, но чѣмъ дальше я подвигался, тѣмъ болѣе повышалась мѣстность, позволяя видѣть всего шаговъ на двѣсти впередъ. Вотъ уже лагерь остался далеко за мною. Приближеніе неизвѣстной опасности слегка щемило сердце, но окрестности были по прежнему величаво спокойны, и нигдѣ не было замѣтно никакого движенія. Только вѣтеръ свистѣлъ въ ушахъ и сердито рвалъ полы пальто.

Надъ лагеремъ взвился столбъ пыли, и взводъ казаковъ подъ командой Генеральнаго Штаба Капитана Терскаго на рысяхъ прошелъ мимо меня. Но въ самомъ лагерѣ было тихо. Генералъ со свитой стоялъ впереди и зорко разсматривалъ въ бинокль открывавшуюся равнину. Со времени тревоги прошло уже около получаса, а врагъ все еще не показывался.

Отъ лагеря появился Сергѣй, ведя подъ уздцы моего благороднаго туркмена «Мурода», тотъ нервничалъ, билъ копытомъ и игралъ, красиво изгибая шею.

Увидя ихъ, генералъ обернулся ко мнѣ:

— «Ну что-жъ, Вадимъ Петровичъ, вашихъ людей немного, — вы, пожалуй, можете догнать Терскаго, если хотите».

Я не заставилъ его повторять свое милостивое разрѣшеніе. Молодость давала себя чувствовать. Видя, какъ вопросительно смотритъ на меня своимъ умнымъ глазомъ мой боевой товарищъ, я поторопился вскочить въ сѣдло, а онъ, брызжа пѣной и мѣрно отбивая тактъ, быстро вынесъ меня въ каменистую степь.

Казаковъ нигдѣ не было видно. Но ясный слѣдъ указывалъ ихъ путь, и мнѣ приходилось только сдерживать моего туркмена, который скакалъ полнымъ махомъ, далеко разбрасывая кремнистый щебень своими изящными стальными ногами.

Вскорѣ необозримая котловина раскинулась передъ моими глазами. Всюду, насколько хваталъ только глазъ, величественные хребты замыкали ее со всѣхъ сторонъ, прорываясь слѣва единственнымъ гигантскимъ ущельемъ. Съ версту впереди шагомъ подвигались казаки, направляясь прямо на единственный перевалъ, ведущій къ Авганистану, ясно обозначались звенья развѣдчиковъ, слѣдовавшихъ впереди, но непріятеля все еще нигдѣ не было.

Черезъ двѣ минуты я былъ возлѣ нашего отряднаго любимца капитана Терскаго. Здѣсь я узналъ, что врага до сихъ поръ не видно, что состоящій при штабѣ штабсъ-капитанъ Броницкій, посланный съ другимъ взводомъ къ старому авганскому лагерю, идетъ вонъ тамъ подъ самыми горами, а мы двигаемся къ перевалу, въ надеждѣ натолкнуться на главныя авганскія силы прямо въ лобъ.

Неожиданные возгласы — «скачетъ! скачетъ!» внезапно прервали нашъ разговоръ, и мы увидали одного изъ развѣдчиковъ, несущагося во весь опоръ къ намъ навстрѣчу. Въ то-же время далеко, далеко на самой верхушкѣ перевала взвилась струйка пыли и показались всадники... Мы вздохнули свободно: слава Богу — авганцы нашлись.

«Рысью-маршъ!» прозвучала команда, и казаки всѣ, какъ одинъ, оправивъ фуражки и плотно присѣвъ въ сѣдло, двинулись впередъ навстрѣчу желанной опасности.

Однако, это продолжалось недолго; вслѣдъ за первымъ развѣдчикомъ прискакалъ другой и объявилъ, что это наши же джигиты, ушедшіе впередъ.

Мы перешли въ шагъ въ полномъ недоумѣніи. Терскій досталъ и закурилъ папиросу.

— «Послушайте, Вадимъ Петровичъ, догоните-ка, пожалуйста, Кирюшу, — пусть онъ обслѣдуетъ хорошенько это ущелье, а мы постоимъ пока здѣсь».

Исполняя порученіе, я, тронувъ лошадь, слышалъ, какъ раздалась

за мной команда «стой — слѣзай», и замѣтилъ, какъ сразу увеличилось между нами разстояніе.

Броницкій, увидя меня, также остановился со взводомъ, ожидая приказаній. Свѣдѣнія его были тоже не утѣшительны; ему не удалось даже открыть никакихъ слѣдовъ, и онъ двигался, руководствуясь только общими соображеніями. Впрочемъ, разговаривать намъ было некогда, — врагъ могъ затеряться среди необозримой пустыни и, тогда, ежеминутно грозить нашему отряду всякими неожиданностями. И мы разстались, пожелавъ другъ другу успѣха.

Я засталъ людей Терскаго курящими, а къ офицерской компаніи прибавился штабъ-ротмистръ Шереметевъ, прибывшій безъ меня къ разъѣзду со своимъ джигитомъ.

Въ общемъ положеніи выходило не изъ красивыхъ: цѣлая вражеская сотня подходила къ самому нашему лагерю и ушла совершенно безнаказанно, неизвѣстно куда. Напрасно мы ломали себѣ голову различными предположеніями.

Въ это самое время изъ ущелья, въ которомъ давно уже скрылся Кирюша, пулей вылетѣлъ какой-то всадникъ, на всемъ скаку неожиданно остановилъ лошадь, простоялъ нѣсколько мгновеній, какъ вкопанный, и снова бѣшенно понесся на насъ. Черезъ минуту въ немъ уже можно было узнать нашего джигита Макзума, а еще черезъ минуту нашъ разъѣздъ съ неменьшей стремительностью уже летѣлъ ему на встрѣчу.

Высоко махая руками, онъ кричалъ намъ еще издали: — «авганъ! авганъ!»

Оказалось, что возвращаясь отъ разъѣзда Броницкаго въ лагерь, онъ наткнулся на двухъ авганскихъ всадниковъ въ красныхъ мундирахъ, пересѣкавшихъ ущелье. Увидѣвъ его, одинъ изъ нихъ бросился было за нимъ въ догонку, но вскорѣ оставилъ преслѣдованіе и скрылся за своимъ товарищемъ въ поперечномъ ущельѣ.

Слава Богу, — теперь уже, кажется, слѣдъ былъ отысканъ. И нашъ разъѣздъ опять понесся впередъ. По дорогѣ мы разбились на нѣсколько партій: Шереметевъ, двое казаковъ и я бросились прямо въ горы наперерѣзъ. Кто это? мелькало въ моей головѣ: передовые, тыльные или отдѣльные развѣдчики? Впрочемъ, особенно думать было некогда, — все наше вниманіе поглощала впереди лежащая мѣстность, и мы мчались съ такой быстротой, какую позволяли только горы, чрезмѣрное напряженіе лошадиныхъ силъ и, главное, рѣдкій предательскій памирскій воздухъ.

Надъ моимъ ухомъ раздавался тяжелый храпъ казачьей лошади, и я чувствовалъ, какъ подъ лѣвымъ шенкелемъ билось сердце моего Мурада; каждую минуту можно было ждать, что оно разорвется, и

мы оба полетимъ куда-нибудь въ кручу. Шереметевъ уже нѣсколько разъ билъ своего благороднаго коня ногайкой...

Вдругъ казакъ, скакавшій нѣсколько впереди насъ, сдѣлалъ быстрое движеніе, неестественно пригибаясь къ лукѣ, и началъ сдергивать съ плечъ винтовку. Внезапно что-то знакомое воскресло передъ моими глазами, возстановляя въ памяти травлю кабановъ, за которыми я втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ подрядъ охотился въ горахъ, и я, какъ угорѣлый, бросился впередъ.

Немного ниже насъ шагахъ въ двадцати за складкой мѣстности стояло двое конныхъ авганцевъ въ живописныхъ красныхъ мундирахъ. Терскій со взводомъ подскакивалъ къ нимъ снизу, но они и не думали защищаться. Высокіе, статные кони ихъ стояли, широко разставивъ дрожащія ноги и вытянувъ свои длинныя шеи; потъ бѣжалъ съ нихъ ручьями, а кровавая пѣна съ тяжелымъ хрипомъ вылетала изъ ноздрей и оскаленнаго рта... Снявъ шапку, но улыбаясь своимъ сильно поблѣднѣвшимъ лицомъ, красивый и рослый авганецъ сталъ отстегивать саблю и, передавая все оружіе казаку, схватившему подъ уздцы его лошадь, обратился къ Терскому.

— «Возьми мое оружіе, говорилъ онъ гортаннымъ, прерывающимся голосомъ, — теперь я совсѣмъ, какъ баба. Я преклоняюсь передъ силой и передамъ тебѣ все, что имѣю. Я забылъ, что нельзя убѣжать отъ русскихъ»...

Товарищъ его низко кланялся и просилъ только, чтобы ихъ, если можно, не убивали.

Теперь послѣ долгаго и томительнаго напряженія наступилъ наконецъ переломъ. Всѣ вздохнули свободно; всѣ заговорили сразу, стараясь передать другъ другу свои впечатлѣнія и разглядѣть хорошенько пойманныхъ. Плѣнные, увидавъ, что ихъ не думаютъ убивать, а общее настроеніе, наоборотъ, веселое, быстро оживились сами и, энергично жестикулируя, разсказали слѣдующее.

Файзабадскій губернаторъ, постоянно получая отъ начальника Памирскаго отряда, Гудямъ Хайдаръ хана, просьбы о подкрѣпленіи, экстренно командировалъ ихъ съ почтой, деньгами и извѣщеніемъ, что черезъ три дня будетъ выслано временное подкрѣпленіе, а черезъ двѣ недѣли изъ Фрайзабада выступитъ новый отрядъ на смѣну стараго, прозимовавшаго на Памирахъ.

Около двухъ недѣль они шли благополучно, пользуясь услугами мѣстныхъ киргизъ и ничего не слыша о столкновеніяхъ съ русскими. Сегодня рано утромъ они проходили въ виду Яшиль-куля и еще издали замѣтили у самой воды озера нѣсколько палатокъ. Сначала имъ показалось это немного подозрительнымъ, но, остановившись, они рѣшили, что это, вѣроятно, китайскіе купцы, двигавшіеся обыкновенно этою дорогою съ товарами въ Рошанъ. Послѣ того они смѣло продолжали путь къ своему посту.

Добравшись до высокаго рѣчнаго берега, они, къ удивленію своему, увидали внизу на знакомыхъ мѣстахъ всего четыре юрты, а вдали по ту сторону Аличура громадные табуны лошадей. Въ полномъ недоумѣніи одинъ изъ нихъ слѣзъ и, оставивъ лошадь товарищу, спустился на лугъ къ юртамъ. Но лишь только онъ хотѣлъ войти въ открытую дверь, какъ оттуда выбѣжалъ какой-то человѣкъ, вскочилъ на привязанную возлѣ лошадь и вихремъ помчался прочь; сначала онъ хотѣлъ было его догнать, но въ это время мимо промелькнуло еще трое. Тогда, узнавъ отъ своихъ раненыхъ, что это русскіе, что недалеко находится ихъ лагерь и что авганскаго отряда уже болѣе не существуетъ, они бросились къ лошадямъ и поскакали въ другую сторону; при этомъ, чтобы скрыть свои слѣды, они направились не по старой дорогѣ, а прямо устремились въ дикія скалы. Конецъ этого недоразумѣнія былъ намъ хорошо извѣстенъ.

Такимъ образомъ, безумолку болтая, мы начали уже втягиваться въ большое ущелье, какъ вдругъ навстрѣчу намъ выскочилъ джигитъ все съ тѣми же дикими криками — «авганъ! авганъ!»

Разъѣздъ мгновенно остановился, и внезапная мысль о засадѣ вѣроломныхъ азіатовъ пронеслась въ головѣ у каждаго. Недаромъ же утромъ видѣли цѣлую авганскую сотню у самого лагеря...

— «Это казаки, выше, высокоб—діе!» раздался среди общей тишины увѣренный голосъ урядника, и каждый изъ насъ невольно вздохнулъ свободнѣе.

Почти подъ самыми небесами, тамъ, куда едва хваталъ глазъ, по страшной крутизнѣ обледенѣлаго громаднаго хребта длинной вереницей спускались люди. Заходящее солнце бросало косые лучи на грозныя снѣжныя вершины, и въ ясномъ, начинавшемъ уже холодѣть, вечернемъ воздухѣ можно было разсмотрѣть, какъ двигались наши казаки, временами проваливаясь въ глубокихъ сугробахъ и ведя лошадей въ поводу. Это сотникъ Вагинъ, вышедшій изъ лагеря послѣднимъ, напалъ со своимъ взводомъ на едва замѣтный слѣдъ и съ рѣдкой энергіей преслѣдовалъ спасавшагося непріятеля.

При видѣ этой картины, сердце мое ёкнуло и захолодѣло: ежесекундно каждый изъ нихъ рисковалъ своей жизнью, — стоило только оступиться казаку или лошади и вѣрная смерть ждала ихъ на двѣ тысячи футовъ ниже въ мрачныхъ разщелинахъ или на днѣ каменистыхъ балокъ. Что стоила наша бѣшенная скачка навстрѣчу воображаемому противнику въ сравненіи съ этимъ тяжкимъ упорствомъ, съ которымъ вѣрные своему долгу казаки тихо, но съ полнымъ сознаніемъ приближались къ краю почти вѣрной могилы?.. Тамъ, гдѣ

только изрѣдка пробѣгаютъ кіики [1]), гонимые дикимъ звѣремъ; тамъ, гдѣ едва пробрались двое обезумѣвшихъ отъ страху авганцевъ, спасая рискомъ ежеминутной смерти свою жизнь отъ гибели на пресловутомъ колѣ, помрачившемъ ихъ испуганное воображеніе; тамъ, гдѣ только иногда пролетаетъ могучій кондоръ, — сотникъ Вагинъ спокойно велъ свой лихой взводъ, не желая бросить единственный, часто терявшійся въ камняхъ слѣдъ, освѣщающій хоть немного неизвѣстность положенія нашего отряда.

Долго стояли мы съ запрокинутыми головами, съ замираніемъ сердца, со страхомъ и гордостью любуясь подвигомъ отважныхъ казаковъ. Авганцы качали головами, джигиты въ знакъ одобренія щелками языкомъ, а мы хранили гробовое молчаніе. Но, великъ Богъ земли русской! Онъ же владѣетъ смѣлымъ! — И вотъ, наконецъ, голова колонны показалась на мягкомъ довольно пологомъ скатѣ. Видно было какъ Вагинъ пріостановился и, сверкая клинкомъ въ послѣднихъ кровавыхъ лучахъ заходящаго солнца, что-то скомандовалъ; люди сѣли и свободнымъ шагомъ двинулись подъ гору.

Отправивъ джигита къ нимъ навстрѣчу, мы пустились по направленію къ своей ставкѣ, волнуемые самыми разнообразными мыслями.

Уже совсѣмъ смерклось, когда на измученныхъ, но поторапливающихся лошадяхъ мы въѣхали въ лагерь; въ немъ царствовало полное оживленіе.

Сколько было веселья и смѣху, когда вечеромъ наша компанія собралась за обѣдомъ у начальника отряда. Полная непринужденность царила подъ гостепріимнымъ сводомъ войлочной юрты, за которой свирѣпо завывалъ вѣтеръ. Впрочемъ, контрасты бреннаго, земнаго существованія давали и здѣсь себя чувствовать. Вмѣстѣ съ казенной почтой у плѣнныхъ авганцевъ была отобрана и частная корреспонденція, гдѣ жена писала своему уже убитому мужу, что дома у нихъ все благополучно, что сынъ ихъ хотя и не дурно учится, но ужасно шалитъ и что, наконецъ, хозяева не хотятъ больше дожидаться съ квартирной платой до его возвращенія... Однако, жизнь брала свое, — однообразіе скучной стоянки было нарушено, и все легко позабывалось.

Генералъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа и много шутилъ; на предложеніе нѣкоторыхъ примѣрно наказать виновниковъ тревоги [2]) онъ больше отмалчивался. Наконецъ, когда болѣе молодые стали повторять это, какъ бы настаивая и приводя извѣстную пословицу о

[1]) Сайгики.

[2]) Штольцъ вскорѣ вышелъ въ запасъ, нашъ милый и симпатичный Овцовъ неожиданно переселился въ страну, гдѣ нѣтъ болѣзней и печалей, а «политическіе», заслуживъ прощеніе, навсегда покинули военную службу.

слишкомъ большихъ глазахъ, онъ налилъ вина въ стаканъ и сказалъ, улыбаясь:

— «Полноте, господа! Повѣрьте, что сгоряча это съ каждымъ изъ насъ можетъ случиться; но вѣрьте также, что въ первомъ же дѣлѣ они пойдутъ въ бой впереди и самымъ блестящимъ образомъ докажутъ, на какіе подвиги безумной отваги способенъ русскій человѣкъ... Я пью, господа, за героевъ этого дня, доставившихъ намъ развлеченіе въ нашей тоскливой жизни!»

Дружное «ура» было ему отвѣтомъ, покрывъ собою слова любимаго начальника.

Ночью, когда я пришелъ въ палатку и Сергѣй стаскивалъ съ меня сапоги, онъ доложилъ мнѣ, что Демидовъ приходилъ съ рапортомъ о благополучіи, что «Муратка», хотя и дюже присталъ, но отлично выѣлъ ячмень, что плѣнные авганцы совсѣмъ не такіе, какъ раненые, а какіе-то больно черные и отъ нихъ идетъ какой-то нехорошій духъ, что у одной авганской лошади до сихъ поръ бѣжитъ кровь изъ ноздрей, а другая, хотя и отошла немного, но хвостъ у нея совсѣмъ не поднимается.

Слушая его болтовню, я заснулъ въ эту ночь крѣпкимъ, молодымъ, что называется, богатырскимъ сномъ, не видалъ во снѣ никакихъ тревожныхъ вещей и... съ тѣхъ поръ пересталъ вѣрить въ предчувствія.

В. Колосовскій.

I.

Изъ оконъ вагона.

Ты куда, дорога,
Лентой прихотливой
Такъ бѣжишь привѣтно
За зеленой нивой?..
Спрячешься за рѣчкой,
Обогнешь поселокъ,
Подойдешь къ погосту,
Скроешься средь елокъ,—
А потомъ вновь вьешься
По горѣ высокой,—
Спрячешься,—не видно
Въ синевѣ глубокой!..
Можетъ быть, тамъ счастье
За горою скрыто?
Эхъ, кабы забыть тамъ
Все, что пережито.

II.

* * *

О, не спугивай грезъ, моя милая,
Легкихъ, ясныхъ, ласкающихъ грезъ,
Ими красится доля постылая,
Доля унылая,
Полная слезъ.
Думай,— къ лучшему все совершается,
Думай въ будущемъ счастье найдешь,
Пусть-же тучи кругомъ собираются
Въ ночку сгущаются
Мрачнымъ пятномъ.
Завтра солнышко ласково снова
Къ намъ заглянетъ, согрѣетъ опять,
И мы снова повѣрить готовы,
Что счастья другого
Негдѣ сыскать.

Александръ Виддиновъ.

Сибирскіе силуэты.

Ровно 10 лѣтъ тому назадъ судьба неожиданно увлекла меня въ Сибирь, — въ эту причудливую, неизвѣданную «страну чудесъ и курьезовъ», какъ давно уже названа Сибирь устами ея присяжныхъ беллетристовъ.

Долженъ признаться, что я зналъ тогда о Сибири очень мало, или — вѣрнѣе — имѣлъ превратное представленіе какъ о природѣ и людяхъ, такъ и внѣшнемъ колоритѣ тамошней жизни. Все это точно густымъ, мрачнымъ туманомъ заволакивалось въ моемъ воображеніи однимъ грознымъ, многознаменательнымъ словомъ — «Сибирь»...

Въ умѣ и воображеніи русскаго народа Сибирь давно уже сидитъ величавымъ, грознымъ фатумомъ, соединяющимъ въ себѣ что-то магическое и таинственное. Человѣкъ невольно теряется въ этомъ безбрежномъ океанѣ суши, подавленный природой унылой и мрачной — мрачной какъ сама тайга сибирская. Къ тому же это долго забытая, отверженная окраина до сего времени служитъ страной ссылки и каторги; безконечный длинный путь уже сотни лѣтъ увлажняется обильными слезами, «несчастненькихъ», обездоленныхъ судьбой; темной рѣкой льется въ необъятную Сибирь безпрерывными потоками горе людское, прикрытое сверху повседневной сутолкой обычной жизни со всей ея разнообразной мелкой рябью, подъ которой своимъ путемъ, незамѣтнымъ для посторонняго глаза, струится и струится это горе-горемычное, бьющее неизсякаемымъ ключемъ изъ нѣдръ нашей земной юдоли.

И никакъ не наполнятъ онѣ — это горе и страданія людскія — ненасытную, необъятную Сибирь, это бездонное море печали!..

Такъ мнѣ представлялась Сибирь издали, такъ она представляется, вѣроятно, и многимъ другимъ, сквозь дымку причудливыхъ разсказовъ и эфемерныхъ впечатлѣній, навѣянныхъ нашей односторонней

литературой о Сибири. Быстро разсѣялось это все послѣ первыхъ же шаговъ моего сближенія съ отдаленнымъ краемъ; я увидѣлъ, что сибиряки раньше всего сами страстно привязаны къ своей сумрачной безлюдной странѣ, любятъ безконечное раздолье сибирское и сильно дорожатъ вкоренившимися въ Сибири традиціями соціальнаго свойства. Дѣло въ томъ, что въ Сибири никогда не было крѣпостнаго права, поэтому тамъ неизвѣстны разныя общественныя перегородки Европейской Россіи, а общее, чреватое иногда горестными воспоминаніями, прошлое само собою сближаетъ людей разныхъ положеній, нивелируя даже разницу матерьяльнаго состоянія.

Все это окружаетъ «страну чудесъ и курьезовъ» такимъ плѣнительнымъ ореоломъ, что сибирякамъ неуютно и тѣсно внѣ Сибири; невольно вспоминаются тоскливыя вздыханія многихъ декабристовъ, которымъ жалко было промѣнять широкое раздолье сибирское на тѣсныя объятія ихъ старой родины.

Такъ растворилось и переработалось въ Сибири все, что выбрасывалось туда много лѣтъ прихотливыми волнами исторической жизни Европейской Россіи. Неудивительно, если въ этомъ вѣковомъ горнилѣ земли русской народились особые сибирскіе типы, душой и тѣломъ закаленные въ упорной непосильной борьбѣ — то съ судьбой злой-мачихой, то съ негостепріимной, суровой природой. На сибиряка раньше всего кладетъ глубокую печать сама безконечная ширь его родины; признано давно уже общимъ мѣстомъ, что природа и люди находятся между собою въ постоянномъ взаимодѣйствіи, видоизмѣняя другъ друга. Мнѣ это представилось особенно наглядно при сопоставленіи людей и природы Сибири и ея сосѣдки Японіи, съ которой мнѣ пришлось познакомиться нѣсколько позже. Въ Японіи все имѣетъ какой-то видъ игрушечный; лѣса, поля, рѣки, озера — маленькіе, люди — маленькіе, дороги узенькія, дома — точно картонные, и все въ такомъ родѣ. Въ Сибири — наоборотъ: все приходилось по широкому масштабу, отвѣчающему необъятной шири этой безпредѣльной страны. По дорогѣ ли ѣдешь, по историческому тракту сибирскому, видишь предъ собою такую даль безмѣрную, для которой неприложимы разстоянія никакой другой страны въ мірѣ; да и ширина дороги, дѣло рукъ сибирскихъ, отхвачена тоже по привольному масштабу; видно земли раздолье. Стоитъ ли у дороги столбъ телеграфный, то онъ тоже такой длины и толщины, что въ его размѣрахъ сейчасъ-же сказывается величіе его родной тайги; этого мало: на разстояніи тысячи и нѣсколькихъ тысячъ верстъ можно видѣть, что легковѣсная телеграфная проволока, этотъ осколокъ европейскаго ума, поддерживается не однимъ, а тремя такими гигантами; сейчасъ видно, что и въ этомъ природа отвалила щедрой рукой, по

сибирскому масштабу. А села сибирскія! — въ нихъ видна мощь богатырская, такъ и брызжетъ отъ нихъ избытокъ и довольство людское; куда многимъ захудалымъ городамъ Европейской Россіи! А тайга, а горы, а рѣки сибирскія!.. Есть гдѣ имъ развернуться по необъятной широкой странѣ.

Словомъ, — куда не взглянешь, во всемъ сказывается безмѣрное раздолье Сибири, въ которомъ незамѣтно тонетъ все: и заботы, и горе, и тоскливыя воспоминанія о покинутой родинѣ.

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ разнородныхъ условій и народился особый своеобразный типъ *сибиряка*, въ которомъ такъ же широко и привольно размахнулись душевныя качества по широкому масштабу: тутъ и чуткая отзывчивость къ чужому горю, самоотверженная—просто ангельская иногда доброта, рядомъ съ неудержимой удалью, желѣзной волей и прямо нечеловѣческой иногда жестокостью. Это кажущееся противорѣчіе представляетъ собою ничто иное, какъ живое воплощеніе все той же безпредѣльной шири сибирской: доброта — такъ доброта безъ удержу; дастъ ли сибирякъ простора злой воли, то она можетъ проявиться въ такихъ чудовищныхъ размѣрахъ, что работа разныхъ Тропмановъ и другихъ европейскихъ знаменитостей этого рода покажется просто дѣтской забавой.

Этотъ мрачный непроницаемый туманъ, прикрывавшій Сибирь много лѣтъ отъ пытливыхъ взоровъ внѣшняго міра, въ послѣдніе годы быстро разсѣивается подъ вліяніемъ новыхъ людей и новыхъ взглядовъ, нахлынувшихъ вмѣстѣ со строющейся Великой желѣзной дорогой. Въ нѣсколько лѣтъ, точно по мановенію волшебнаго жезла, на нашихъ глазахъ упала съ Сибири завѣса грозной таинственности и ея старинный ореолъ «чудесъ и курьезовъ». По широкимъ стальнымъ рельсамъ полились въ мрачныя дебри Сибири обильные потоки свѣта, и мы видимъ теперь какъ на нашихъ глазахъ надъ этой окраиной занимается заря новой жизни. Возвѣщена уже милость Царская, освобождающая Сибирь отъ ея вѣковаго позорнаго клейма какъ страны ссылки и каторги.

На этомъ рубежѣ юной и старой Сибири является естественное желаніе уловить силуэты недавняго прошлаго, выступающіе особенно рельефно на фонѣ нарождающейся новой жизни.

Не имѣю въ виду, однако, при моемъ сравнительно ограниченномъ знакомствѣ съ этой обширной окраиной, затронуть разныя стороны тамошней жизни. Постараюсь лишь въ общихъ чертахъ обрисовать силуеты вольной пріисковой каторги, привлекшей мое вниманіе послѣ приводимаго ниже исключительнаго факта, весьма ярко охарактеризовавшаго въ моихъ глазахъ Сибирь послѣ перваго же моего знакомства съ этой «страной чудесъ и курьезовъ».

* * *

Зимою 1887 года немногочисленное населеніе Читы было взволновано выдающимся ограбленіемъ денежной почты, которое произведено было въ ближайшихъ окрестностяхъ города и сопровождалось убійствомъ ямщика и тяжелыми ранами, нанесенными конвоиру—артиллерійскому солдату; грабители не забыли, конечно, похитить при этомъ главную цѣль своего нападенія—почтовый баулъ съ денежной корреспонденціей, на сумму около 30 тысячъ рублей. Почталіонъ, сопровождавшій почту спасся бѣгствомъ, отстрѣливаясь въ сторону грабителей, которые, какъ оказалось впослѣдствіи, и не думали его преслѣдовать.

Вѣсть объ ограбленіи денежной почты въ ближайшихъ окрестностяхъ города быстро достигла Читы и произвела переполохъ среди соннаго населенія нашего захолустья: все начальство областнаго города было поставлено на-ноги, и начались энергичныя розыски. Розыскивать впрочемъ, пришлось недолго, благодаря рѣзко обозначеннымъ свѣжимъ слѣдамъ, оставленнымъ грабителями на только-что выпавшемъ передъ тѣмъ рыхломъ снѣгу: выяснилось сразу, что грабители нагоняли почту со стороны Читы, въ легкихъ санкахъ, запряженныхъ въ одну лошадь, которой, судя по слѣду, свойственно была, повидимому, своеобразная побѣжка, съ закидываніемъ задней правой ноги нѣсколько въ сторону.

Искусны и ловки «мастера» сибирскіе, работающіе на воспѣтомъ трактѣ Сибирскомъ; но не менѣе ловкими оказались сибирскіе ищейки: по даннымъ слѣдамъ они категорически выяснили главныя подробности нападенія, которыхъ нельзя было добиться отъ оставшагося цѣлымъ и невредимымъ единственнаго очевидца нападенія—почталіона, запутавшагося съ самого начала въ своихъ показаніяхъ.

Лошадь съ предполагаемой своеобразной побѣжкой оказалась принадлежащей первому лицу среди горожанъ Читы, почетному гражданину и почетному купцу, *Алексѣеву*, игравшему тогда довольно видную роль въ Читѣ: онъ состоялъ однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ директоровъ мѣстнаго тюремнаго комитета, попечителемъ разныхъ учебныхъ заведеній, всегда стоялъ во главѣ разныхъ депутацій отъ города, часто появлялся въ церкви передъ молящимися съ церковной кружкой, выступая торжественно и важно увѣшанный медалями и орденами, былъ принятъ какъ желанный гость въ домахъ высшей чиновной аристократіи и часто приглашался даже въ домъ губернатора; наконецъ, этотъ купецъ Алексѣевъ былъ достаточно богатъ и являлся однимъ изъ наиболѣе крупныхъ собственниковъ въ городѣ, владѣя обширнымъ кварталомъ со многими домами и лавками. Словомъ, Алексѣевъ являлся тогда украшеніемъ областнаго города

Читы и по уму, и по богатству, и по заслугамъ, и по щедрой общественной благотворительности.

Послѣ сказаннаго неудивительно, что одного слова Алексѣева—что лошадь его на мѣстѣ—было достаточно, чтобы разочаровать слѣдователя и почтовое начальство, которое со своей стороны вело еще самостоятельное слѣдствіе. Послѣ отвѣта Алексѣева розыски направлены были въ разныя иныя направленія, которыя, однако, очень скоро опять привели къ злополучному «почетному» гражданину; при всемъ томъ никому въ голову не приходило опросить Алексѣева въ качествѣ подозрѣваемаго; лишь послѣ того, когда сосредоточилось много явныхъ уликъ, и когда почталіонъ сознался и указалъ на Алексѣева какъ иниціатора, подстрекателя и участника, собственноручно убившаго ямщика, пришлось повѣрить, «что въ странѣ чудесъ и курьезовъ» возможенъ и такой курьезъ,—какъ богатый почетный гражданинъ и благотворитель въ роли разбойника и грабителя на большой дорогѣ.

Эти предположенія, въ видѣ тонкихъ и деликатныхъ намековъ сообщили г. Алексѣеву за завтракомъ у губернатора. Въ тотъ же день купецъ Алексѣевъ былъ арестованъ и недѣли черезъ двѣ, по велѣнію слѣпой Ѳемиды, этотъ знатный почетный гражданинъ былъ повѣшенъ въ своемъ родномъ городѣ Читѣ, рядомъ со своимъ соучастникомъ, ссыльно-поселенцемъ, нѣкіимъ Пенде.

Вездѣ, конечно, этотъ выдающійся фактъ общественной жизни явился бы совершенно необычайнымъ, какъ нѣчто невозможное съ точки зрѣнія житейской этики; но въ Сибири къ такимъ явленіямъ, если не привыкли, то, во всякомъ случаѣ, относятся къ нимъ равнодушно; причиной является то, что въ устахъ народной молвы многіе крезы сибирскіе, сіяющіе теперь щедрой благотворительностью, служащіе предметомъ поклоненія, подобно знаменитому Алексѣеву выросли на почвѣ извѣстной только Сибири крайне своеобразной пріискательской жизни, наживъ свои богатства такими мрачными путями, которые ужасаютъ иногда и сибиряковъ, привычныхъ ко всякимъ явленіямъ подобнаго рода; неудивительно, если иногда на склонѣ дней пробуждаются старые инстинкты, усыпленные богатствомъ и всеобщимъ поклоненіемъ.

* * *

Пріискатель въ Сибири является совершенно законченнымъ своеобразнымъ типомъ, выросшимъ на почвѣ пріисковой жизни. Ежегодно, ранней осенью, золотопромышленныя компаніи высылаютъ своихъ агентовъ, преимущественно въ западныя сибирскія губерніи, для вербовки рабочихъ на пріиски. Подъ давленіемъ неразлучной всюду нужды въ деревнѣ находится всегда готовый контингентъ желающихъ отправиться на заработки; многихъ буйныхъ головъ манитъ при этомъ

безшабашная, разгульная жизнь пріискателя, полная всевозможныхъ приключеній и сказочныхъ метаморфозъ: въ Сибири извѣстно не мало примѣровъ превращенія нищаго пріискателя въ милліонера въ какіе нибудь 5—6 мѣсяцевъ.

Всѣ эти чудесные разсказы, расточаемые, такъ сказать, между строкъ ловкимъ продувнымъ агентомъ при вербовкѣ рабочихъ, невольно распаляютъ воображеніе пришибленнаго нуждой крестьянскаго люда: многіе видятъ себя обладателями открытыхъ ими богатыхъ ключей, въ которыхъ «вода бьетъ золотымъ песочкомъ», или найденными пудовыми самородками. Всѣ эти разсказы подкрѣпляются обильными задатками, а первая пріискательская чарка окончательно ошеломляетъ договаривающихся рабочихъ. Словомъ, здѣсь въ общихъ чертахъ повторяется обычная въ деревенской Руси исторія.

Послѣ нѣсколькихъ дней работы въ волостномъ правленіи мы видимъ пріисковаго агента выступающимъ уже во главѣ партіи рабочихъ, закабаленныхъ задатками, отуманенныхъ фантастическими бреднями объ ожидающихъ ихъ золотыхъ самородкахъ. Весь этотъ угаръ въ головѣ поддерживается первое время сплошнымъ пьянствомъ на остатки полученныхъ задатковъ; а затѣмъ, еще въ пути, быстро наступаетъ уже суровая дѣйствительность, которую приходится заглушать опять таки пьянствомъ, на счетъ полученнаго отъ агента новаго тулупа, зимней пары сапогъ и прочихъ вещей, взятыхъ изъ дома.

Словомъ, послѣ безконечнаго длиннаго пути пріискатель приходитъ въ тайгу, на пріискъ, въ очень печальномъ видѣ: въ дранномъ зипунишкѣ, съ опорками на босу ногу, изможденный продолжительностью труднаго пути, со всѣми признаками свихнувшагося пропойца, безвозвратно втянувшагося въ пьянство. На пріискѣ начинается изодня въ день, отъ восхода солнца до заката, тяжелый безпросвѣтный, прямо нечеловѣческій трудъ, въ сравненіе съ которымъ казенная каторжная работа является своего рода пріятнымъ бездѣліемъ. Во все время этого сплошнаго каторжнаго труда пріискателю крайне рѣдко удается заглушить жгучую неприглядную дѣйствительность рюмкой разбавленной водки, добытой по баснословной цѣнѣ отъ пріютившагося гдѣ нибудь по сосѣдству въ таежной глуши спиртоноса.

Подавленный тяжкой работой пріисковой каторги, поѣдаемый въ рѣдкіе часы отдыха лютой тоской по родинѣ, пріискатель все время живетъ жгучей, но сладкой мыслью о томъ, — какъ онъ развернется и загуляетъ, когда вырвется изъ пріиска и будетъ возвращаться домой, унося богатый заработокъ и припрятанные въ потайныхъ мѣстахъ, скрытые отъ зоркой пріисковой администраціи, золотничные самородки, или прямо скраденное золото. Послѣ продолжительнаго жестокаго труда, въ теченіи иногда нѣсколькихъ лѣтъ, связаннаго съ

неимовѣрными лишеніями, пріискатель начинаетъ готовиться къ обратному пути на родину. Приготовленія эти заключаются въ томъ, что и безъ того нечеловѣческій трудъ удваивается для увеличенія заработка, обыденныя убогія потребности урѣзываются до крайности, въ чаяніи наверстать все это по дорогѣ домой.

Приближается, наконецъ, желанный часъ свободы. Изъ отдаленнаго внѣшняго міра въ глухую мрачную тайгу проникаютъ первые проблески пробуждающейся весны, дѣйствующей прямо одуряющимъ образомъ на обездоленное пріисковое населеніе. Всѣ рвутся изъ суровой холодной тайги на просторъ открытаго свѣта и живительныхъ ласкающихъ лучей весенняго солнца.

Собравъ свое скудное имущество и получивъ расчетъ отъ пріисковой администраціи, пріискатель съ мизерной котомкой за плечами, но съ туго набитымъ кошелькомъ, весело и бодро покидаетъ пріискъ. Углубившись въ безпросвѣтную тайгу, онъ навострившимся зоркимъ глазомъ быстро находитъ свои зарубки на вѣковыхъ стволахъ и по нимъ отыскиваетъ припрятанное въ разное время золото, которое еще болѣе возвышаетъ приподнятое и безъ того настроеніе духа, отуманенное сладкими мечтами о предстоящей привольной жизни. Всѣ эти мечты на первыхъ порахъ не идутъ дальше безшабашнаго разгула и пьянства въ ближайшемъ трактовомъ селѣ, что такъ долго представлялось пріискателю вѣнцомъ земного блаженства, при его обездоленной пріисковой жизни.

Не многимъ, однако, удается выбраться благополучно изъ тайги, гдѣ весь путь пріискателя усѣянъ безконечными опасностями отъ бродячихъ по тайгѣ, инородцевъ, или отъ сибирскихъ «варнаковъ» или даже отъ осѣдлыхъ жителей близлежащихъ придорожныхъ селеній; всѣ они, какъ хищные волки таежные, подстерегаютъ въ глухой тайгѣ возвращенія на родину пріискателей, зная хорошо, что у каждаго изъ нихъ есть при себѣ хорошій заработокъ; организуется правильная охота и мѣткимъ выстрѣломъ изъ засады въ глухой тайгѣ несчастный пріискатель дѣлается жертвой своего заработка, добытаго такимъ тяжелымъ, кровавымъ трудомъ.

Въ Сибири въ устахъ народной молвы живетъ не мало такихъ преданій о прибыльной охотѣ на пріискателей, устраиваемой въ глухой тайгѣ кровожадными таежниками. Котомки подстрѣленныхъ жертвъ дикой алчности послужили краеугольнымъ камнемъ для многихъ разросшихся впослѣдствіи богатствъ, и лишь одна тайга,—вѣчно суровая, вѣчно молчаливая, — хранитъ мертвое молчаніе объ ихъ кровавомъ зародышѣ.

Подражая нашимъ доморощеннымъ хищникамъ, многіе инородцы въ восточной Сибири — гиляки, манегри, гольды и другіе полудикіе

жители сибирской тайги, какъ впослѣдствіи мнѣ пришлось убѣдиться въ этомъ лично, примѣняютъ эту своеобразную охоту на пріискателя въ нѣсколько иной формѣ и, надо отдать справедливость этимъ дикимъ дѣтямъ природы,—они нѣсколько облагородили эту охоту на людей: они не убиваютъ на «авось»,—авось тамъ найдется что нибудь въ котомкѣ, какъ это хладнокровно продѣлываютъ наши таежники; инородецъ сначала долго, на протяженіи нѣсколькихъ сотенъ верстъ скрытно выслѣживаетъ пріискателя и, убѣдившись окончательно, что онъ возвращается не съ пустой котомкой, опережаетъ путника, и на едва замѣтной тропкѣ около переправы черезъ рѣку, или на горномъ перевалѣ растилаетъ платокъ или просто бѣлую тряпицу, удерживаемую на землѣ обложенными по краямъ камнями. Увидѣвъ этотъ платочекъ на своемъ пути, пріискатели знаетъ, что недалеко въ лѣсной чаще скрывается «хозяинъ» тайги, требующій выкупа; приходится развязать котомку и отсыпать часть золотого песочка. Бѣда пріискателю, если онъ оставитъ безъ вниманія этотъ платочекъ: мѣткій выстрѣлъ инородца отдаетъ его въ руки жадныхъ хищниковъ со всѣмъ его золотомъ.

Послѣ продолжительныхъ странствованій и безконечныхъ мытарствъ пріискатель выбирается, наконецъ, изъ тайги на большую дорогу и располагается для отдыха въ ближайшемъ селѣ. Здѣсь на пріискателя организуется также правильная охота,—не менѣе жадная, хотя и болѣе утонченная, чѣмъ въ нѣдрахъ таежной глуши. Многія придорожныя селенія около богатѣйшихъ когда-то Витимскихъ и Олекминскихъ пріисковъ стяжали себѣ въ этомъ отношеніи громкую славу на всю Сибирь: сколько легендарныхъ разсказовъ передается о жгучихъ и безшабашныхъ разгулахъ и дикомъ развратѣ, происходившихъ въ этихъ притонахъ во время прихода пріискателей.

И неудивительно: послѣ продолжительнаго каторжнаго труда и невѣроятныхъ лишеній, испытывая во всю жизнь лишь одну горечь своего пришибленнаго положенія, пріискатель видитъ себя вдругъ предметомъ льстивыхъ ухаживаній со стороны алчнаго придорожнаго населенія, ему открывается вдругъ доступъ къ сытости, довольству, наслажденіямъ, и онъ жадно припадаетъ къ такъ долго взлѣлѣянной, такъ долго манившей его чашѣ жизни. Но бѣдный, вѣчно обездоленный судьбой, горемыка хмѣлѣетъ послѣ перваго-же глотка непривычнаго напитка; далѣе развертываются во всю ширь, по сибирскому масштабу, неудержимые порывы дикаго необузданнаго разгула, являющагося для пріискателя тѣмъ конечнымъ блаженствомъ, о которомъ онъ такъ долго жадно мечталъ въ безпросвѣтные дни своей пріисковой каторги. Чего только не придумывала пьяная фантазія пріискателя, встрѣчая поощреніе со стороны придорожнаго населенія, расчитывающаго кругомъ всевозможныя сѣти, чтобы уловить въ нихъ несчастные заработки пріискателя; въ выборѣ средствъ хищные придорожники очень неразборчивы: все пускается въ ходъ, чтобы овладѣть завѣтнымъ «золотымъ песочкомъ», хранящимся на днѣ пріискательской котомки, начиная отъ усыпительнаго зелья и кончая цѣломудріемъ своихъ женъ и дочерей; а если все это не помогаетъ и пріискатель всетаки уноситъ въ котомкѣ кой-какіе остатки, то прибѣгаютъ къ простому средству, извѣстному на Витимскихъ и Олекминскихъ пріискахъ подъ фигурнымъ выраженіемъ: «вмѣсто котомки за спиной—самородокъ на шею, да и въ Лену».

Лишь очень немногимъ изъ пріискателей, обладающимъ исключительной выдержкой характера, и при совокупности многихъ другихъ благопріятныхъ обстоятельствъ и счастливыхъ случайностей удается возвратиться домой благополучно съ полнымъ заработкомъ, вынесеннымъ изъ добровольной пріисковой каторги; большая же часть гибнетъ въ таежной глуши, становясь жертвой «варнаковъ» или кровожадной алчности хищныхъ придорожниковъ, или въ лучшемъ случаѣ—выбиваются изъ колеи правильной трудовой жизни, увеличивая ряды ходячаго въ Сибири особаго типа отпѣтыхъ людей, извѣстныхъ подъ названіемъ «пріискателей».

* * *

Кромѣ пріискателей въ Сибири существуетъ еще многочисленный классъ мелкихъ золотопромышленниковъ, испытавшихъ на себѣ не разъ всевозможныя превратности судьбы; точно неизбѣжное проклятіе тяготѣетъ ко всему, что соприкасается съ добываніемъ золота изъ нѣдръ земли,—точно злая иронія судьбы насмѣхается надъ превратной жизнедѣятельностью людей, заставляя однихъ изнемогать подъ тяжелымъ ярмомъ добыванія золота,—этого волшебнаго двигателя нашей жизни, отдавая всѣ ея блага жуирующимъ гдѣ-то вдали невѣдомымъ баловнямъ судьбы, никогда можетъ быть невидавшимъ какимъ кровавымъ потомъ орошается эта роковая добыча.

За все время моей жизни въ Сибири мнѣ ни разу не приходилось видѣть или слышать про прочно основанныя богатства, источникомъ которыхъ служило бы непосредственно «золотое дѣло»; за то противоположные примѣры поражаютъ въ Сибири чуть ли не на каждомъ шагу. Зимою 1888 года мнѣ показывали въ Иркутскѣ нищаго-старьевщика, который незадолго передъ тѣмъ, въ теченіи 6—7 мѣсяцевъ, видѣлъ себя нищимъ спиртоносомъ, затѣмъ богатымъ милліонеромъ-домохозяиномъ, выѣзжавшимъ въ Иркутскѣ на тысячныхъ рысыкахъ, а чрезъ нѣкоторое время опять нищимъ-спиртоносомъ, бросившимъ, наконецъ, свое опасное ремесло, промѣнявъ его на продажу старья

на базарѣ. Происхожденіе его скоротечнаго богатства объясняется весьма просто своеобразными условіями быта пріисковыхъ рабочихъ: необходимо замѣтить, что привозъ или продажа спиртныхъ напитковъ на пріискахъ строжайше запрещается; за этимъ зорко слѣдитъ пріисковая администрація при помощи горной (пріисковой) полиціи. Между тѣмъ рабочіе на пріискахъ, никогда не брезгающіе выпивкой, рады бы оживить свой каторжный трудъ рюмочкой живительной влаги, за которую они готовы отдать припрятанное гдѣ нибудь золото. Вотъ и являются на помощь спиртоносы, представляющіе собою въ таежной жизни особый видъ пріисковаго хищника. Имѣя за спиной небольшую котомку, въ которой далеко въ тряпье тщательно запрятана бутылка спирту, спиртоносъ съ неимовѣрными трудностями и лишеніями, встрѣчая на каждомъ шагу опасности всякаго рода, долго пробирается по таежной глуши, пока достигнетъ намѣченнаго пріиска. О прибытіи спиртоноса, притаившагося гдѣ нибудь недалеко отъ пріиска, въ невѣроятныхъ трущобахъ, дается знать на пріискъ условными примѣтами,—не всѣмъ, конечно, а лишь знакомымъ довѣреннымъ рабочимъ; послѣ чего, со всевозможными ухищреніями, скрытно отъ зоркихъ глазъ полицейскихъ казаковъ и пріисковой администраціи, начинается оживленный обмѣнъ золота на разбавленный до послѣдняго градуса спиртъ. Окончивъ свою мѣновую торговлю, спиртоносъ возвращается опять за товаромъ; но на обратномъ пути на спиртоноса устраивается со стороны таежныхъ хищниковъ такая же кровавая охота, которой подвергается пріискатель съ цѣлью поживиться имѣющимся у него золотомъ.

Такъ, вообще, ведутъ свою опасную дѣятельность спиртоносы начинающіе; болѣе расторговавшіеся прибѣгаютъ къ болѣе хитрымъ пріемамъ: они дѣлаютъ «заявки» на участки, расположенные по сосѣдству съ богатыми пріисками, на которыхъ рабочее населеніе доходитъ до 5-ти а иногда и до 10-ти тысячъ человѣкъ; ставятъ на свои участки нѣсколько человѣкъ рабочихъ, въ качествѣ будто-бы развѣдчиковъ, подъ этой ширмой вымѣниваютъ золото на сосѣднемъ пріискѣ на разбавленную наполовину водку. Вотъ такой-то спиртоносъ, во время своихъ миѳическихъ развѣдокъ на отведенной ему площади по сосѣдству съ Олекминскимъ пріискомъ, неожиданно наткнулся на богатѣйшее мѣсторожденіе жильнаго золота; одурманенный внезапно нахлынувшимъ счастьемъ бѣдный спиртоносъ не съумѣлъ справиться внезапно съ привалившимъ къ нему богатствомъ, былъ высоко подброшенъ всесильной фортуной на головокружительную высоту, на которой онъ удержался не долго, и съ такой же стремительной быстротой грохнулся внизъ,—еще ниже чѣмъ лежалъ раньше, и опять взялся за знакомую котомку. Но не стало уже прежняго рвенія: ослѣпленный промелькнувшимъ мимо него счастьемъ, бѣдный спиртоносъ не могъ уже розыскивать въ мрачной тайгѣ когда-то такъ извѣстныя ему проторенныя тропинки; и вотъ мы видимъ его теперь уже продающимъ на базарѣ разное старье, подавленнымъ всей тяжестью извѣданнаго имъ скоротечнаго золотого счастья.

Я привелъ здѣсь наиболѣе рельефный изъ извѣстныхъ мнѣ примѣровъ; но, какъ сказано выше, въ Сибири не трудно встрѣтить на каждомъ шагу и во всевозможныхъ профессіяхъ и слояхъ общества жестоко наказанныхъ судьбой за добычу презрѣннаго металла изъ нѣдръ земли. Эта самая земля, — наша общая мать-кормилица точно мститъ человѣку, когда онъ пытается извлекать изъ нее золото, вмѣсто хлѣба.

* * *

И при всемъ томъ мы слышимъ постоянно о новыхъ и новыхъ жертвахъ, увлекаемыхъ притягательной силой золотого тельца. Наиболѣе яркимъ примѣромъ является извѣстная Желтугинская исторія, прогремѣвшая въ свое время на весь міръ, какъ въ послѣдніе годы Клондейкъ.

Желтугинская исторія разыгралась около 1886 — 1887 г.; такъ что ко времени моего пріѣзда въ Забайкалье въ 1888 г. тамъ носились еще остатки одуряющаго угара, навѣяннаго Желтугинскимъ золотомъ.

Въ 1886 году разнеслась по Амуру глухая молва о какихъ-то пріискахъ съ баснословнымъ содержаніемъ золота, открытыхъ на китайскомъ берегу Амура противъ нашей Игнашинской станицы. Раньше всѣхъ на богатую и легкую добычу кинулись гольды, а также наши казаки изъ сосѣднихъ поселковъ; потомъ сюда стали стекаться бѣглые каторжники и хунхузы (разбойники) изъ Сунгарійскаго края. Молва о «бьющихъ изъ подъ земли фонтанахъ съ золотымъ пескомъ» росла по Амуру съ невѣроятной быстротой; потянулась на Желтугу изъ отдаленныхъ концовъ Амура съ нашей и китайской стороны всякая вольница, а также степенные купцы и домохозяева; бросались дома, семьи и хозяйства въ виду возможности быстрой и легкой наживы. Все это вполнѣ объясняется дѣйствительно богатѣйшимъ содержаніемъ золота, случайно обнаруженнаго въ мѣстности, почти совершенно безлюдной, находившейся внѣ всякаго контроля какихъ-бы то ни было властей. Въ короткое время на Желтугѣ оказалось около 3—4 тысячъ отчаянныхъ головъ, среди которыхъ можно было встрѣтить кровожадныхъ китайскихъ разбойниковъ (хунхузовъ), дѣлящихъ добычу съ казаками, или отставленнаго отъ службы исправника, работающаго о—бокъ съ бѣглымъ каторжникомъ, бѣжавшимъ съ Сахалина. Все это лихорадочно работало, и не безъ успѣха, такъ

какъ самый плохой работникъ, промывая турфы примитивнѣйшимъ способомъ, намывалъ 5—6 золотниковъ золота въ день. Въ интересахъ общественной безопасности это буйное и разноязычное населеніе выбрало изъ своей среды 5 «директоровъ», которымъ вручило власть надъ собою,—власть на жизнь и смерть, безъ всякихъ апелляцій; директора сочинили небольшой рядъ устныхъ законовъ, которые объявили пріискателямъ, и съ тѣхъ поръ, по увѣренію главнаго директора, со словъ котораго и привожу эти краткія свѣдѣнія,—на Желтугѣ водворился строжайшій порядокъ, такъ какъ смертные приговоры произносились и приводились въ исполненіе въ теченіи *6-ти часовъ*.

Такъ создалась Желтугинская «республика», пока китайскія власти, набравшись силъ, въ 1887 году не прогнали пріискателей, которые, по словамъ упомянутаго выше главнаго желтугинскаго дѣятеля, «не успѣли обзавестить собственнымъ войскомъ».

Русское населеніе «республики» разбѣжалось или прогнано было въ русскіе предѣлы, а китайцы были большей частью переловлены и казнены гильотиной, но на китайскій ладъ: ихъ по 15—20 человѣкъ привязывали головами при помощи ихъ собственныхъ косъ къ длинному бревну, затѣмъ тупымъ топоромъ рубили головы...

Несмотря на эту кровавую расправу съ пріискателями, несмотря на то, что ни одинъ желтугинецъ, сколько извѣстно, не только не разбогатѣлъ, но ни одинъ изъ нихъ не успѣлъ унести съ собой хоть какую-нибудь толику того золота, которое дѣйствительно лилось тогда кругомъ бурнымъ потокомъ, — несмотря на все это, стоило лишь появиться на Амурѣ смутнымъ слухамъ, что Желтуга покинута китайскими войсками, какъ изъ разныхъ концовъ Сибири опять устремились всевозможные искатели легкой наживы, упоенные собственными воспоминаніями или отуманенные фантастическими разсказами другихъ. Потребовалось вмѣшательство административныхъ властей, чтобы отрезвить этихъ буйныхъ головъ, увлекшихся уже было по первому зову своихъ алчныхъ инстинктовъ.

Впрочемъ въ золотоносныхъ раіонахъ Сибири приходится часто слышать о разныхъ «Желтугахъ», вспыхивающихъ въ разныхъ мѣстахъ отдаленной таежной глуши; пока администрація узнаетъ про это, пока приметъ мѣры, да пока еще проникнетъ въ эти таежныя гнѣзда, а тамъ — смотришь — уже организована своеобразное самоуправленіе и идетъ лихорадочное добываніе золота, которое еще болѣе обогатитъ богатыхъ, сдѣлавъ несчастныхъ добывателей еще болѣе несчастными.

Вотъ нѣкоторыя черты изъ быта золотопромышленныхъ хищниковъ, какъ ихъ описываетъ «Амурская газета»:

Гдѣ работаютъ хищники, господствуютъ особые небезинтересные порядки, очень строго соблюдаемые. Во-первыхъ, если гдѣ-либо кто-

нибудь изъ хищниковъ найдетъ золото, выгодное для работы, или пріискъ, оставленный безъ призора, о томъ немедленно дается знать по всей тайгѣ, какъ хищникамъ, такъ и рабочимъ на пріискахъ золотопромышленниковъ. Тогда со всѣхъ сторонъ, какъ перелетныя птицы, начинаютъ собираться таежные волки.

По прибытіи первыхъ партій, выбирается староста или старшина, сотскіе и десятскіе, сборщикъ податей, и назначается мѣсто для сходовъ — «*орлова поле*». Около этого поля, смотря по размѣру и богатству пріиска, ставятся общественные постройки или балаганы; домъ для старшины и десятскихъ, общественная баня, трактиръ, амбаръ для товаровъ и проч. Одновременно съ этимъ извѣщаются о мѣстѣ открытія новыхъ работъ и спеціальные доставщики продуктовъ и спиртоносы. Этими послѣдними организуются партіи для доставки товаровъ и спирта, запасшись фактурою отъ какого-нибудь золотопромышленника, или подъ видомъ поисковыхъ партій, или лѣсопромышленниковъ. Какъ фактура, такъ и довѣренности на поисковыя партіи добываются за деньги (отъ 10 до 100 руб.) у лицъ, имѣющихъ право ихъ выдавать и дѣлающихъ иногда изъ этого спеціальную, очень выгодную, профессію.

Везется на пріиска все, что только можетъ потребоваться, всякая провизія: спиртъ, *ханшинъ* *), опіумъ и непремѣнно карты. Между тѣмъ, на вновь открытомъ пріискѣ разбивается площадь на пайки; или просто артели хищниковъ, отъ 5 до 10 человѣкъ, занимаютъ мѣста, гдѣ придется, пока народу немного. Всякій, вновь прибывшій имѣетъ право занять себѣ мѣсто, не ближе извѣстнаго разстоянія отъ ранѣе занятыхъ такъ, чтобы не мѣшать работать другимъ. Живутъ кто какъ хочетъ: паспортовъ ни у кого не спрашиваютъ, и это даже считается личной обидой. Впрочемъ, большинство знаетъ другъ друга очень хорошо. Всѣ хищники обыкновенно именуются вымышленными фамиліями и прозвищами, на случай какого-нибудь столкновенія съ властями.

Когда работы начались, начинается отправленіе службы выборными властями, которыя получаютъ жалованье отъ общества. На этотъ предметъ установлены сборы: *во-первыхъ*, каждая артель, съ каждой ямы, вноситъ извѣстное количество золота (отъ 1 до 10 золотниковъ въ день), смотря по богатству пріиска; *во-вторыхъ*, взимается плата съ трактирщика и баньщика, которые получаютъ право на открытіе своихъ дѣлъ съ торговъ; *въ третьихъ*, облагаются пошлиной привозимые на пріискъ товары и спиртъ. Товары облагаются сообразно ба-

*) Китайская водка, приготовляемая изъ риса или гаолэна (родъ проса), содержитъ въ себѣ много сивушнаго масла и вредно дѣйствуетъ на здоровье потребителя.

рышу, взятому купцомъ, что обществу приблизительно всегда извѣстно; спиртъ оплачивается съ банки отъ 2 до 4 золотниковъ, ханшинъ—2 золотника съ лагуна. Всѣ эти суммы складываются вмѣстѣ и сходомъ дѣлятся между выборными властями, при чемъ часть отдѣляется на содержаніе больныхъ, если таковыя есть, и на предподнесеніе кому слѣдуетъ, буде то окажется нужнымъ, для общей пользы.

На этотъ предметъ, а также и для того, чтобы своевременно извѣщать хищниковъ о движеніи отрядовъ или намѣренія начальства, во всѣхъ нужныхъ пунктахъ содержатся свои хищническіе комиссіонеры. Они отправляютъ корреспонденцію по дорогамъ, извѣстнымъ только хищникамъ и спиртоносамъ. На этихъ таежныхъ тропахъ въ важныхъ мѣстахъ ставятся иногда особыя караулы изъ десятниковъ. Однимъ словомъ, дѣло организовано такъ, что начальству крайне трудно нагрянуть невзначай, — развѣ какъ по ошибкѣ заблудится отрядъ или казакъ и съ совершенно другой стороны подойдетъ къ пріиску. Впрочемъ, этого почти никогда ни бываетъ.

Десятники на пріискахъ смотрятъ за порядкомъ, за чистотой въ помѣщеніяхъ, за тѣмъ чтобы не было большихъ дракъ или безпросыпнаго пьянства, чтобы трактирщикъ поступалъ правильно и не чрезмѣрно подливалъ воды въ спиртъ и т. д. Кромѣ того, на ихъ обязанности лежитъ имѣть на готовѣ розги и пороть виновныхъ по приговору суда и схода. Судьи выбираются «громадой», и всякій обвиняемый или истецъ можетъ отвести судью, если сомнѣвается въ его безпристрастіи въ силу старыхъ счетовъ. Старшина является предсѣдателемъ суда; общество конфирмируетъ приговоръ всеобщей подачей голосовъ. За преступленіе противъ товарищества или за донесеніе начальству судъ бываетъ тайный, и приговоръ виновному не объявляется. Просто на просто виновный вскорѣ пропадаетъ безъ вѣсти, гдѣ бы онъ ни былъ; и развѣ отъ него оставятъ ногу, руку, или другую видную часть тѣла для назиданія другимъ. Такихъ случаевъ закона Линча въ тайгѣ много, и виновный рѣдко избѣгаетъ наказанія. Въ этихъ случаяхъ искать исполнителей приговора почти безполезно: въ силу товарищества, или подъ страхомъ того же наказанія, всякій скроетъ исполнителя постановленія общественнаго суда, и никакой слѣдователь не добьется правды.

Если кто изъ хищниковъ безспорно пьетъ и лѣнится, того выгоняютъ съ пріиска. Бабъ на пріиска обыкновенно не допускаютъ, а если гдѣ таковыя изрѣдка и попадаются, то за распутство ихъ угощаютъ розгами. Распутство, вообще не допускается, въ виду возникновенія изъ-за него дракъ и непріятностей, а бабъ такъ мало, что, конечно, осчастливленными ихъ благосклонностью могутъ быть лишь немногіе. Поэтому, какъ и въ Запорожской сѣчи, бабы изгоняются изъ тайги.

За прошлые проступки внѣ тайги хищники не судятъ. Но за всякій проступокъ въ тайгѣ пощады не бываетъ. Если кто либо въ дорогѣ что нибудь сдѣлаетъ противъ товарища, тому приходится плохо.

Таежное уложеніе о наказаніяхъ не велико и не блещетъ разнообразіемъ статей. Строго говоря, всего три статьи, или, вѣрнѣе, степени наказанія: *I*—«*на ледъ*», т. е. выпороть; *II*—«*на ледъ и вонъ*»,— т. е. выпороть и изгнать, и *III* — «*прикрыть*», — т. е. прикончить, совсѣмъ, убить.

Бываетъ еще общественное порицаніе за неудобное поведеніе, или за неподходящій характеръ; — но это собственно дѣлается не по опредѣленію суда, а просто по неоформенному общественному мнѣнію; это и дѣлается само собою, безъ схода. А ужъ если дошло дѣло до суда, то либо правъ, либо «на ледъ», за самое малое преступленіе. Чаще всего бываютъ разбирательства за драку, споръ изъ за ямъ, за кражу.

Каждая артель свое золото хранитъ у себя, или сдаетъ на храненіе старшинѣ, а иногда отряжаетъ довѣреннаго для продажи на ближайшіе пріиска.

Вообще же нужно сказать, что порядокъ среди хищниковъ образцовый, несмотря на недостаточно полное уложеніе о наказаніяхъ и примитивную процедуру суда.

* * *

Да, не мало чудесъ и курьезовъ скрываетъ въ себѣ обширная, неизвѣданная Сибирь. Только теперь, при свѣтѣ восходящаго надъ этой страной лучезарнаго солнца, постепенно расплываются и тонутъ въ свѣтѣ дня мрачные силуэты недавняго прошлаго.

М. Грулевъ.

Застольная пѣсня.

Помнишь-ли, другъ мой, прошедшую младость,
Радости юной любви?
Помнишь-ли съ милой свиданія сладость? —
Канули въ вѣчность тѣ дни.
Нынѣ ужь сердце ничѣмъ не согрѣто:
Старость стучится въ окно.
Выпьемъ-же, другъ мой, за юныя лѣта
Искрится въ кубкахъ вино!
Помнишь-ли жизнь намъ казалась прекрасной,
Праздникомъ, вѣчной весной.
Сердце не билось тревогой напрасной,
Счастья мы ждали душой!
Встрѣтили горе и трудъ безъ просвѣта...
Счастье не всѣмъ суждено...
Выпьемъ-же, другъ мой, за прошлыя лѣта —
Блещетъ въ бокалахъ вино.

И. Лодыженскій.

* * *

Изъ чащи привѣтной тѣнистой дубравы прозрачная рѣчка текла,
Жемчужныя струйки, журча одиноко, въ привольныя степи несла.
Изъ мрачной тѣснины угрюмыхъ ущелій бурливый потокъ выбѣгалъ;
Тоскуя, волнуясь, въ тѣ самыя степи онъ путь свой мятежно держалъ.
И встрѣтились рѣчка съ потокомъ могучимъ, и въ властныхъ объятьяхъ слились;
И вмѣстѣ ихъ воды спокойно, глубоко въ туманную даль понеслись;
И солнце, и мѣсяцъ, и звѣзды - красотки въ тѣ свѣтлыя воды глядятъ;
Любви тихой рѣчки съ потокомъ мятежнымъ они, чередуясь, свѣтятъ.
Съ тѣхъ поръ не журчитъ ужъ она про разлуку,
А онъ, богатырь, позабылъ свою муку.

И. Лодыженскій.

Парiи протестуютъ...

Верстахъ въ трехъ отъ русской части гор. Ташкента, въ сторонѣ отъ Самаркандскаго почтоваго тракта на низменномъ, сыромъ берегу рѣки Салара находится четырехъугольная постройка обычнаго типа туземныхъ курганчей съ нѣсколькими деревьями передъ воротами.

Весьма немногіе изъ жителей Ташкента видѣли эту курганчу, потому-что съ большой дороги можно попасть туда только проѣхавъ съ полверсты по узкому, извилистому и страшно грязному въ осеннюю распутицу нешоссированному переулку, а между тѣмъ въ этой постройкѣ много интереснаго, это одна изъ достопримѣчательностей Ташкента.

Сарты зовутъ курганчу «Махау-кишлакъ», это селеніе прокаженныхъ, возникшее, еще при мусульманскомъ владычествѣ, и съ тѣхъ поръ мало измѣнившее свой наружный и внутренній видъ.

Площадка передъ воротами курганчи, подъ развѣсистыми деревьями, представляетъ изъ себя мѣсто отдохновенія жителей кишлака въ жаркіе лѣтніе дни, когда прокаженные сильно страдаютъ отъ зноя и почти не могутъ двигаться безъ посторонней помощи. Здѣсь и мужчины и женщины проводятъ почти весь день и только на ночь рѣшаются возвратиться въ накалившіяся за день помѣщенія, огороженныя высокимъ глинобитнымъ заборомъ.

Таже площадка въ зимніе дни служитъ прокаженнымъ какъ форумъ, мѣстомъ для обсужденія всѣхъ несложныхъ дѣлъ изъ мрачнаго общежитія, сводящихся въ общемъ къ заботѣ о кускѣ насущнаго хлѣба, къ обезпеченію себя одеждой и топливомъ на зиму.

Въ одинъ изъ сѣрыхъ октябрьскихъ дней 189* года на этой самой площадкѣ собралось почти все населеніе кишлака прокаженныхъ. Здѣсь были поголовно всѣ мужчины, во главѣ съ аксакаломъ, —

выборнымъ старшиной общины; было много и женщинъ. Дѣти расположились отдѣльной группой около самыхъ воротъ курганчи и съ увлеченіемъ играли въ бабки.

Странный видъ представляло собраніе пораженныхъ страшнымъ недугомъ людей. Болѣзнь на многихъ явственно наложила свою печать, у большинства лица были страшно обезображены, сплошь покрыты язвами и рубцами, рѣзко выдѣляющимися на неестественно румяной блестящей кожѣ. — Здѣсь были совершенно слѣпые, съ широко раскрытыми безжизненными глазами, которые уже не покрывались парализованными отекшими вѣками. — Другіе лишились еще только одного глаза, другимъ же кое какъ владѣли. Присмотрѣвшись внимательнѣе, можно было замѣтить у многихъ серьезныя измѣненія рукъ и ногъ. Рука по локоть, нога по колѣно, отпала уже у человѣка и конецъ оставшейся части конечности представляетъ покрытое кожей закругленіе, совершенно непригодное для того, чтобы служитъ человѣку какъ служило раньше отпавшая часть.

Тяжело было смотрѣть на изуродованныхъ проказой людей, заживо приговоренныхъ безвинно къ медленной, но вѣрной мучительной смерти. Тяжелый недугъ и на нравственный обликъ прокаженныхъ положилъ ту же безпощадную печать, переродивъ ихъ совершенно.

Большинство страдальцевъ знали лучшіе дни, когда проказа гнѣздившаяся въ ихъ организмѣ была еще въ скрытомъ состояніи и ничѣмъ не давала о себѣ знать. Нѣкоторые дожили уже до зрѣлаго возраста, когда недугъ проявился впервые выпаденіемъ волосъ на бровяхъ и узлами на лицѣ и дальнѣйшее пребываніе въ селѣ, въ родной семьѣ сдѣлалось невозможнымъ.

Что можетъ быть тяжелѣе, какъ послѣ многихъ лѣтъ спокойной, можетъ быть счастливой, жизни среди родныхъ, убѣдиться, что дальше такъ жить нельзя, надо покинуть родную деревню для того, чтобы остатокъ жизни провести среди прокаженныхъ, въ «Махау-кишлакѣ»?

Болѣзнь сдѣлала прокаженныхъ и апатичными въ мелочахъ, но страшно раздражительными въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло шло объ удовлетвореніи голода, о добываніи предметовъ первой необходимости.

Вѣроятно поэтому всѣ собравшіеся на площадкѣ больные ожесточенно спорили съ аксакаломъ, примѣшивая къ рѣчи слова вовсе не подходящія для выраженія почтенія къ старшинѣ.

— Нѣтъ, видно ты только во время тоевъ усердно исполняешь свои обязанности, аксакалъ, получая отъ насъ подарки и выбирая себѣ лучшій кусокъ изъ нашихъ угощеній, горячился изуродованный проказою старикъ безъ руки и кривой на одинъ глазъ.

— Должно быть теперь тебѣ трудно похлопотать за насъ у той доброй барыни съ краснымъ крестомъ на передникѣ, которая не-

давно прислала намъ столько полезныхъ хорошихъ вещей и обѣщала еще позаботиться о насъ, вступилась еще молодая женщина, на лицѣ которой были уже ясно выраженные признаки проказы.

Аксакалъ стоялъ сконфуженный, онъ не зналъ кому и что отвѣчать. Дѣйствительно трудно было въ его положеніи сдѣлать что нибудь для братіи, избравшей его въ старшины и возложившей на него попеченіе о добываніи предметовъ первой необходимости для всѣхъ 50 человѣкъ живущихъ въ «Махау-кишлакѣ».

Прокаженные не унимались. Большинство высказывало негодованіе на нераспорядительнаго старшину, слышались голоса, что необходимо избрать другого, назывались даже лучшіе кандидаты на эту должность. Шумъ и гамъ поднялся невообразимый, всѣ кричали, никто не слушалъ своихъ собесѣдниковъ. Страшныя и безъ того съ «львинымъ» выраженіемъ лица прокаженныхъ дышали злобой на аксакала, можетъ быть даже на все здоровое человѣчество, бросившее горсть прокаженныхъ на произволъ судьбы, заключивъ ихъ въ этомъ ужасномъ мѣстѣ, не обезпечивъ ихъ средствами къ сколько-нибудь сносному существованію.

Аксакалъ по опыту зналъ, что никакими средствами ему не удастся сразу успокоить возбужденную толпу, а потому покорно ждалъ пока всѣ, кому хочется покричать, наговорятся и сами умолкнутъ. Дождавшись когда толпа успокоилась, заговорилъ и аксакалъ, неторопливо и внушительно.

— Вы всѣ упрекаете меня, что я мало забочусь о вашемъ благополучіи и не могу совершенно обезпечить васъ на зиму. Между тѣмъ никто не хочетъ разобрать, могу-ли я что нибудь сдѣлать. Вы знаете, что всѣ наши средства ограничиваются скуднымъ ежегоднымъ пособіемъ въ 200 рублей, которое мы получаемъ помѣсячно черезъ полицію, да милостыней, собираемой всѣми вами на дорогахъ. Пособія разумѣется не хватаетъ, а милостыню мудрено собирать, когда насъ не пускаютъ на базаръ въ Старый Ташкентъ, а позволяютъ только на дорогахъ нашимъ бабамъ сидѣть съ чашками въ рукахъ и ждать пока проѣзжій путникъ броситъ въ чашку мелкую монету. Что-же я-то могу сдѣлать, когда и я, вашъ представитель также изгнанъ изъ общества какъ и вы сами...

— Все таки ты долженъ хлопотать о насъ, потому-что ты нашъ старшина, взвизгнула сидѣвшая въ сторонѣ старуха, тѣло которой едва прикрывали лохмотья.

— Посовѣтуйте-же сами что вы хотите, чтобы я сдѣлалъ, спросилъ аксакалъ наиболѣе спокойныхъ больныхъ стоявшихъ подлѣ него.

— Самъ знаешь — не будемъ просить, объ насъ никто не вспомнитъ, заговорилъ родственникъ аксакала, видѣвшій всю безпомощность его положенія среди ожесточенныхъ больныхъ, — поэтому надо придумать способъ добраться до той барыни, которая недавно насъ посѣтила. Мнѣ кажется, что она въ состояніи намъ помочь.

— Легко сказать добраться, возразилъ аксакалъ, а какъ-же мы доберемся, если насъ не пускаютъ въ городъ, останавливаютъ на границѣ полицейскіе.

— Напишемъ прошеніе, да и пошлемъ съ кѣмъ-нибудь изъ проѣзжающихъ, вотъ и все.

— Опять таки совѣтъ твой былъ-бы хорошъ, если-бы мы знали кому писать прошеніе, а то вѣдь мы знаемъ только, что посѣтившая насъ барыня добра, что у нея на передникѣ красный крестъ, а вѣдь больше мы о ней ничего не знаемъ, не знаемъ даже ея имени, доказывалъ аксакалъ.

— Ну подождемъ когда пріѣдетъ полицейскій съ пособіемъ, хорошенько разспросимъ его и тогда напишемъ прошеніе, закончилъ сторонникъ обращенія за помощью къ дамѣ-благотворительницѣ.

Толпа прокаженныхъ стала рѣдѣть, у многихъ при всей несложности хозяйства были заботы; въ курганчѣ у каждой семьи свой уголъ, у нѣкоторыхъ есть лошади. Надо убрать помѣщеніе, покормить лошадь, потому-что недавно, изъ за неимѣнія денежныхъ средствъ, прокаженные принуждены были разстаться съ двумя здоровыми работниками, прежде исполнявшими всѣ работы въ кишлакѣ. Долго терпѣли эти труженники всѣ неудобства жизни среди прокаженныхъ, дѣлили съ ними и горе и радость, переносили на себѣ раздражительныя выходки больныхъ и работали не покладая рукъ изъ за ничтожнаго вознагражденія. Одинъ, такъ лѣтъ десять прожилъ въ кишлакѣ и почти никогда никуда не отлучался. А теперь эти люди, не получавшіе нѣсколько мѣсяцевъ никакого вознагражденія за трудъ, поневолѣ покинули кишлакъ и возвратились куда-то въ Фергану, къ своимъ семьямъ.

А нужные были помощники эти рабочіе. Большинство пораженныхъ проказою, не говоря уже про безрукихъ и безногихъ, часто бываютъ не въ состояніи двигаться изъ за перемѣнъ погоды. Лѣтняя жара равно какъ и зимній холодъ очень неблагопріятно отражаются на общемъ состояніи больныхъ: ими овладѣваетъ слабость, и безъ того парализованные конечности въ жару и холодъ совсѣмъ отказываются служить. Вотъ въ такое-то тяжелое для прокаженныхъ время имъ особенно дороги были услуги здоровыхъ людей, которые ухаживали за ними какъ за малыми дѣтьми, ходили за лошадьми, варили пищу больнымъ и убирали ихъ помѣщенія. Теперь больные предоставлены самимъ себѣ и понятно терпятъ еще бо́льшія, чѣмъ прежде лишенія.

Однако не всѣ обитатели курганчи покинули площадку подъ деревомъ послѣ ухода аксакала и согласившихся обождать пріѣзда полицейскаго людей. Влѣво отъ воротъ образовалась отдѣльная кучка людей. Они тоже шумѣли какъ и только что разошедшіеся по домамъ и по отрывочнымъ словамъ, долетавшимъ изъ группы, легко было догадаться, что и тамъ прокаженные бесѣдовали о томъ-же предметѣ, о средствахъ добыть необходимые для существованія пищевые продукты и топливо на зиму.

Общее вниманіе было сосредоточено на недавно прибывшемъ въ кишлакъ сартѣ, который размахивалъ руками и больше всѣхъ нападалъ на аксакала за его бездѣйствіе.

— Чего вы смотрите въ глаза этому олуху, не желающему или неумѣющему помочь вамъ въ бѣдѣ. Надо выбрать другого старшину, тогда и будетъ толкъ, кричалъ ораторъ и по выраженію его лица легко было догадаться, что онъ самого себя считаетъ въ душѣ самымъ подходящимъ кандидатомъ на должность старшины прокаженныхъ.

Искра была брошена, заволновались остававшіеся на площадкѣ, много еще шумѣли и только передъ вечеромъ разошлись по домамъ, чтобы продолжать обсужденіе насущнаго вопроса съ своими домашними и ближайшими сосѣдями.

Поданная новичкомъ мысль смѣнить стараго аксакала понравилась нѣкоторымъ изъ недовольныхъ имъ лицъ, а претендентъ на эту должность всѣми силами старался возбудить какъ можно больше неудовольствія противъ старшины.

Прошло нѣсколько дней и ничто не перемѣнилось въ мрачной обители отверженныхъ, только выпавшимъ дождемъ смочило на дворѣ глину и ко всѣмъ невзгодамъ обывателей кишлака присоединилось еще затрудненіе — слабыя ноги и по сухой дорогѣ плохо служатъ прокаженному, а въ грязь случаи паденія отъ скользкости грунта дѣлаются явленіемъ обычнымъ. А плохо падать, когда болитъ все тѣло, когда надо собрать послѣднія силы для того, чтобы подняться съ земли.

На дняхъ пришлось хоронить старика 50 лѣтъ прожившаго въ кишлакѣ «Махау» и отошедшаго въ лучшій міръ, гдѣ нѣтъ проказы. Безпомощное существо старуха-вдова не могла даже собрать своего старика въ могилу, потому-что давно лишилась обѣихъ рукъ по локоть и была слѣпа на оба глаза. Чужіе люди позаботились о послѣднемъ туалетѣ и похоронахъ умершаго, а сосѣдка, тоже старуха принесла вдовѣ немного похлебки, которую готовила для своей семьи. Во время похоронъ старый аксакалъ возбудилъ еще больше неудовольствія прокаженныхъ тѣмъ, что отказалъ въ помощи вдовѣ, не захотѣлъ дать денегъ на покупку кисеи для савана умершему. Вдова плакала и причитала передъ аксакаломъ, клялась, что при первой возможности возвратитъ ему небольшую сумму, которую она у него просила, но тщетно. Не тронулась черствая душа прокаженнаго аксакала и онъ наотрѣзъ отказалъ старухѣ въ помощи, хотя всякій зналъ, что аксакалъ былъ человѣкъ зажиточный и при желаніи безъ труда могъ помочь просившей.

До глубины души возмущенная старуха съ плачемъ бросилась къ конкуренту на должность аксакала и тотъ сейчасъ-же передалъ ей необходимую сумму не въ долгъ, а безвозвратно, прося принять эти деньги какъ знакъ уваженія къ памяти покойнаго старца.

Такое великодушіе значительно увеличило число сторонниковъ щедраго благотворителя и участь стараго аксакала была рѣшена безповоротно.

Прошло дня три въ секретныхъ совѣщаніяхъ, пріѣздъ полицейскаго съ пособіемъ никого не утѣшилъ потому, что городовой не могъ назвать имени барыни-благотворительницы, которую розыскивали прокаженные *), а собранные за лѣто запасы приходили къ концу. Надо было во чтобы то ни стало принять самыя энергичныя мѣры къ обезпеченію жителей «Махау-кишлака» всѣмъ необходимымъ на зиму, иначе всѣ жители рисковали погибнуть отъ голода и холода.

Началось съ придирокъ къ старому аксакалу. Каждый норовилъ справедливо или несправедливо укорить аксакала въ чемъ могъ, вызывая его на брань и упреки. Скоро отношенія между старшиной и обывателями обострились до такой степени, что онъ самъ заявилъ, что не можетъ больше терпѣть несправедливости прокаженныхъ и готовъ сложить съ себя званіе аксакала.

Претенденту на должность старшины этого только и нужно было. Онъ сейчасъ-же постарался окончательно убѣдить большинство, что слѣдуетъ принять отказъ старшины и никто ни словомъ не помянулъ безкорыстную службу стараго аксакала.

Быстро собрались старѣйшіе представители общины прокаженныхъ и нетолько порѣшили вопросъ о смѣнѣ стараго аксакала, но выбрали ему и замѣстителя. Нечего и говорить, что новымъ старшиной единогласно былъ избранъ рѣчистый и щедрый соперникъ надоѣвшаго всѣмъ стараго аскакала.

«Новая метла чисто мететъ». Сразу стало замѣтно въ кишлакѣ прокаженныхъ, что ими правитъ новый и болѣе энергичный старшина. Угостивъ по обычаю своихъ избирателей общимъ «палау», новый старшина не забылъ и тѣхъ больныхъ, которые не въ силахъ были

*) Это была Баронесса В. Е. Врангель, въ бытность свою въ Ташкентѣ сердечно отнесшаяся къ тяжелой участи прокаженныхъ и выхлопотавшая имъ изъ Краснаго Креста пособіе вещами и деньгами.

сами придти на сборный пунктъ. Каждый изъ неподвижныхъ прокаженныхъ у себя дома получилъ свою часть угощенія за заботливаго аксакала.

Въ первую-же пятницу, послѣ намаза «джума», аксакалъ, воспользовавшись присутствіемъ въ мечети всѣхъ жителей кишлака «Махау», завелъ съ ними разговоръ на всѣмъ близкую тему о продовольствіи и топливѣ на зиму.

— Здоровые люди не понимаютъ нашихъ страданій и стараются только себя обезопасить отъ зараженія, а что будетъ съ нами, насильно изгнанными изъ общества, никому и дѣла нѣтъ. Поэтому просьбами и плачемъ тутъ горю помочь нельзя, а надо противъ силы здоровыхъ дѣйствовать силой нашей болѣзни. Я придумалъ какъ намъ добыть все необходимое на зиму и хочу только посовѣтоваться съ вами, такъ какъ отъ васъ будетъ зависѣть приведеніе въ исполненіе мною задуманнаго.

— Говори, говори, аксакалъ, мы слушаемъ, раздались нетерпѣливые голоса прокаженныхъ со всѣхъ сторонъ.

— У насъ, въ Бишъ-Агачской части гор. Ташкента, неподалеку отъ того дома, гдѣ я спокойно жилъ 38 лѣтъ до прошлаго года, есть очень богатый сартъ по имени Шамси-Касабъ...

— Такъ что-же ты думаешь, что этотъ богачъ намъ поможетъ и доставитъ продовольствіе и топливо, спросилъ близъ стоявшій молодой прокаженный.

— Да не только думаю, но увѣренъ. Не перебивайте, дайте досказать до конца, а тогда и судите о моемъ предложеніи. Мы заставимъ Шамси-Касаба позаботиться о насъ, если онъ даже и не хочетъ. Дѣло въ томъ, что у этого богача есть сынъ Рахматулла, одного со мной возраста и такой-же прокаженный, какъ и я. Мы въ дѣтствѣ вмѣстѣ играли съ сыномъ Шамси-Касаба, вмѣстѣ и выросли. Между нами была только та разница, что я былъ сыномъ бѣднаго «махсыдуза» (сапожника), а онъ сыномъ богатаго торговца скотомъ. Когда у меня проявились признаки проказы, сосѣди стали требовать отъ моихъ родителей, чтобы они отправили меня въ «Махау-кишлакъ», а отцу страшно не хотѣлось.

— Кому-же захочется родное дѣтище бросить въ эту яму, гдѣ мы живемъ, пробормоталъ старикъ слѣва.

— Ну вотъ и стали думать, продолжалъ аксакалъ, какъ выйти изъ затруднительнаго положенія. Мать моя и говоритъ мнѣ. Сходи-ка ты, сынокъ, къ Шамси-Касабу, да попроси его замолвить за тебя словечко Садыкбеку. А Садыкбекъ былъ въ то время старшиной Бишъ-Агачской части. Если Шамси-Касабъ захочетъ, онъ освободить тебя отъ необходимости переѣзжать къ прокаженнымъ, тѣмъ болѣе, что у него у

самого сынъ боленъ той-же болѣзнью. Вѣдь никому и въ голову не придетъ требовать, чтобы Шамси-Касабъ отдалъ своего Рахматуллу въ кишлакъ «Махау», такъ совѣтовала мнѣ матушка.

— Послушался я совѣта, на послѣднія деньги купилъ на базарѣ сластей, разложилъ ихъ на подносъ и съ этимъ «дастарханомъ» пошелъ къ богачу на поклонъ. Старика Шамси засталъ я на дворикѣ его обширнаго дома, почтительно поклонился ему и подалъ свое скромное приношеніе.

— Богачъ принялъ «дастарханъ», спросилъ меня о моихъ родителяхъ, — отца моего онъ зналъ потому, что заказывалъ ему сапоги — и выслушалъ мою просьбу.

— Нѣтъ, братъ, на мое заступничество ты не надѣйся, разъ народъ противъ твоего пребыванія въ «мазалля», что-же я то могу подѣлать, отвѣчалъ мнѣ на мои мольбы Шамси-Касабъ.

— Слезы навернулись у меня на глазахъ, глубоко огорчилъ меня богачъ своей несправедливостью, хотѣлъ я было указать ему на то, что у него у самого сынъ такой-же прокаженный какъ и я, да не посмѣлъ, разсержу, думаю, только безъ пользы вліятельнаго человѣка— хуже мнѣ будетъ, пожалуй и сапоги отцу заказывать перестанетъ.

— Съ болью въ душѣ вернулся я домой; поплакалъ передъ родными, да и перебрался сюда къ вамъ, должно быть таково предопредѣленіе свыше. — Вотъ теперь я и думаю не пойти-ли намъ нѣсколькимъ человѣкамъ къ Шамси-Касабу и не предложить-ли ему на выборъ: отдать къ намъ въ кишлакъ его сына Рахматуллу съ семьей, или снабдить насъ всѣхъ продовольствіемъ, одеждой и топливомъ на зиму. Пусть онъ самъ выберетъ, что для него выгоднѣе — пожертвовать-ли для насъ крупную сумму, или разстаться на всегда съ своимъ любимымъ сыномъ, подобно тому какъ со мной разстался мой отецъ и до сихъ поръ неутѣшно плачущій о понесенной имъ потерѣ.

— Чтожъ, славно, разумѣется пойдемъ къ Шамси-Касабу раздались по сторонамъ радостные возгласы прокаженныхъ, веди насъ аксакалъ, мы согласны на твое предложеніе.

— Ну такъ вотъ что, сегодня вечеромъ не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, соберитесь, кто поздоровѣй, къ воротамъ курганчи, запаситесь палками отъ собакъ, да и двинемся благословясь въ сартовскій городъ, заключилъ аксакалъ.

Прихожане быстро разошлись по домамъ и быстро по всему кишлаку разнеслась новость о походѣ за продовольствіемъ и топливомъ. Всѣ воспрянули духомъ, получивъ надежду на полученіе всего необходимаго и никому въ голову не приходило сомнѣваться въ исполнимости остроумнаго плана аксакала. Старики прокаженные вспоминали примѣры, какъ и за ними приходили въ дома ихъ родителей жители

«Махау-кишлака» и уводили ихъ къ себѣ силой, если не получали богатаго выкупа за право остаться дома. Многіе уже успѣли за многіе годы пребыванія въ кишлакѣ забыть горечь разлуки съ родной семьей, но теперь всѣ пережитыя когда-то ощущенія снова поднялись въ душѣ отверженныхъ и предложеніе аксакала понравилось имъ не только какъ средство обезпечить существованіе, стариковъ прельщала мысль о протестѣ противъ существующаго несправедливаго порядка изолированія прокаженныхъ безъ всякой заботы о ихъ обезпеченіи, о мести здоровымъ и счастливымъ, которые сильны только потому, что ихъ много.

Вечеромъ, когда стемнѣло, у воротъ курганчи, собралось человѣкъ пятнадцать прокаженныхъ. По преимуществу это была молодежь, но и болѣе крѣпкіе старики пожелали принять участіе въ набѣгѣ на домъ Шамси-Касаба. Всѣ наличныя лошади кишлака были предоставлены хозяевами въ распоряженіе ѣдущихъ въ сартовскій городъ, но всѣхъ лошадей нехватило и потому нѣкоторымъ пришлось ѣхать подвое на одной лошади.

Странный и страшный видъ имѣли прокаженные, тихо двигавшіеся садовыми переулками къ Камеланскимъ воротамъ, по направленію къ дому Шамси-Касаба. Только подъ покровомъ ночи и могли эти изуродованные проказой люди пробраться въ сартовскій городъ въ такомъ числѣ и одновременно. Хотя на громадную территорію туземнаго города и немного полицейскихъ и караульщиковъ, но днемъ не прошла бы незамѣченной двигавшаяся по улицѣ партія «Махау» и кто нибудь изъ обывателей навѣрно обратилъ-бы вниманіе властей на такое необычное явленіе. Теперь, въ темнотѣ, никто не могъ обратить вниманія на проѣзжихъ; послѣ намаза «гуфтанъ» всѣ разошлись по домамъ, а запоздалымъ «мардекарамъ» чернорабочимъ, возвращавшимся изъ русскаго города по Ариапаинской улицѣ дѣла не было до ѣдущей компаніи, каждый изъ нихъ торопился домой, чтобы отдохнуть и завтра рано утромъ вновь идти на работу.

Неподалеку отъ дома Шамси-Касаба аксакалъ спешилъ всю партію прокаженныхъ; они привязали своихъ лошадей на берегу арыка, а сами двинулись къ дому богача.

Аксакалъ первый постучалъ въ запертыя ворота цѣпью калитки и скоро въ отверстіи воротъ показалось лицо одного изъ служащихъ Шамси-Касаба.

— Что, бай дома? — спросилъ аксакалъ.

— Дома-то дома, да ужъ спитъ поди въ ичкари, онъ давно ушелъ къ своей младшей женѣ, отвѣтилъ дворникъ, крайне удивленный.

— Ну такъ поди къ своему баю и скажи, что одинъ старый его знакомый желаетъ его видѣть, чтобы переговорить съ нимъ по весьма

важному дѣлу, сказалъ аксакалъ. Прокаженные молчали выжидая чѣмъ кончится дѣло. Они видѣли, что имъ вмѣшиваться пока нечего и что ихъ аксакалъ и такъ не упуститъ случая сорвать зло на богачѣ не постаравшемся, въ свое время, избавить его отъ удаленія въ «Махау-кишлакъ».

Должно быть дворникъ, передавая слова аксакала, убѣдилъ своего хозяина, что отдѣлаться отъ ночныхъ посѣтителей нельзя, иначе какъ переговоривъ съ ними, потому-что Шамси-Касабъ, этотъ толстый, важный торговецъ скотомъ, не долго заставилъ себя ждать и вскорѣ вышелъ къ воротамъ.

Слуга сопровождалъ хозяина съ фонаремъ въ рукахъ и, при слабомъ свѣтѣ сальнаго огарка, бай не сразу разсмотрѣлъ съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Лицо аксакала, котораго онъ прежде изрѣдка встрѣчалъ не запомнилось ему, да и проказа уже достаточно измѣнила черты лица больного, такъ-что старшинѣ прокаженныхъ пришлось напомнить баю, что предъ нимъ стоитъ прокаженный сынъ его сапожника.

Вздрогнулъ бай, услышавъ имя незваннаго гостя и сразу понялъ, что стоявшіе передъ нимъ люди всѣ прокаженные. Ему не надо было объяснять, что отъ него хотятъ, онъ и самъ это хорошо понялъ, понялъ также что эти безсильные, обиженные судьбою отверженные въ данную минуту гораздо сильнѣе его, обладающаго десятками тысячъ богача, только потому, что въ сущности говоря, по справедливости и его сыну Рахматуллѣ слѣдовало-бы давно поселиться въ кишлакѣ «Махау».

Шамси-Касабъ былъ неглупый человѣкъ и въ его торговыхъ операціяхъ ему часто приходилось быстро разбираться въ выгодахъ и невыгодахъ какой либо сдѣлки и сразу рѣшаться или отклонять предложеніе. Тутъ онъ видѣлъ ясно, что придется поплатиться крупной суммой и потому не спорилъ даже съ аксакаломъ. Твердо рѣшившись не отдавать прокаженнымъ своего любимаго сына, Шамси-Касабъ готовъ былъ выкупить его дорогой цѣной и просилъ аксакала только предъявить его требованія.

Видя такую сговорчивость бая, аксакалъ былъ однако въ затрудненіи. Прокаженные не сговорились, что надо требовать съ богача и въ какомъ количествѣ. Рѣшить этотъ вопросъ здѣсь-же немедленно не представлялось возможности, потому-что надо было поговорить еще съ оставшимися въ кишлакѣ членами общины. Подобныя удачи не часто выпадаютъ на долю бѣдняковъ и надо было воспользоваться случаемъ запастись всѣмъ необходимымъ на болѣе, или менѣе продолжительное время, а за это старшина обязывался выдать Шамси-Касабу, по уполномочію всей общины, подписку, что прокаженные не имѣютъ никакихъ претензій къ богачу, или, другими словами, объ-

щаютъ не добиваться переселенія въ курганчу сына Шамси-Касаба Рахматуллы.

Прокаженные тихо вернулись въ кишлакъ. Они даже не спорили по дорогѣ о томъ, что слѣдуетъ требовать съ Шамси-Касаба, такъ какъ это предстояло рѣшить дома, сообща съ остававшимися тамъ стариками.

За то на другой день, съ утра и до вечера поголовно все населеніе кишлака прокаженныхъ спорило и шумѣло безъ устали. Всѣмъ хотѣлось взять какъ можно больше съ попавшаго въ руки своихъ мучителей богача, а благоразуміе требовало ограниченія требованія такими предѣлами, чтобы Шамси-Касабъ не отказался отъ своего обѣщанія удовлетворить нужды прокаженныхъ въ обмѣнъ на свободу своего сына.

Аксакалъ всѣми силами старался умѣрить требовательность, чтобы не сказать жадность, прокаженныхъ и, только благодаря его вліянію, обезумѣвшіе, наголодавшіеся бѣдняки согласились потребовать отъ Шамси-Касаба слѣдующіе продукты на 4 зимніе мѣсяца.

На 48 чел. обоего пола на 4 зимнихъ мѣсяца:

Рису 240 п., сала 120 п., мяса бараньяго 150 п., чаю 240 ф., кристаллическаго сахара (наватъ) 60 пуд., лепешекъ 48 т. (или муки на то-же количество), моркови 120 пуд., луку 60 пуд., жевательнаго табаку (носъ) 20 пуд., курительнаго табаку (тамаку) 3 пуд., соли простой 90 пуд., спичекъ шведскихъ 600 пачекъ, стеариновыхъ свѣчей 30 пуд., хвороста 15 т. сноповъ, 25 верблюдовъ угля для сандаля, кошемъ 20, плетенокъ камышевыхъ 120, 20 пудовъ мыла, 50 простыхъ подсвѣчниковъ, 25 ведеръ желѣзныхъ и 2 флакона духовъ (это для опрыскиванія умершихъ послѣ омовенія).

Списокъ заканчивался требованіемъ полнаго комплекта бѣлья, одежды и обуви. Все вмѣстѣ представляло громадную контрибуцію, хотя-бы и для очень богатаго человѣка.

Дня черезъ три, аксакалъ свезъ Шамси-Касабу списокъ всего, что отъ него требовалось, черезъ недѣлю у воротъ курганчи прокаженныхъ появились люди богача со всѣми потребованными продуктами. На покупку такихъ продуктовъ, которые подвержены порчѣ, присланы были деньги по стоимости.

Надо было видѣть восторгъ больныхъ, получившихъ возможность безъ нужды прожить 4 зимнихъ мѣсяца. Казалось каждый изъ прокаженныхъ забылъ о поразившемъ его недугѣ, о возможности возврата дней нужды и лишеній. Всѣ поспѣшили переодѣться въ новыя одежды, во многихъ мѣстахъ закипѣли котлы для приготовленія давно не видѣнныхъ лакомыхъ блюдъ. Въ воздухѣ запахло жиромъ и лукомъ, кто-то въ углу за работой затянулъ даже пѣсню.

Счастливъ былъ и новый аксакалъ, такъ удачно избавившій отъ голода и холода всю общину. Контрибуція, наложенная на Шамси-

Касаба не только возвысила его въ глазахъ прокаженныхъ, она казалась и справедливымъ возмездіемъ богачу, когда-то отказавшемуся замолвить слово въ пользу приговореннаго къ изгнанію изъ родной среды ни въ чемъ неповиннаго больного.

Въ довольствѣ прожили прокаженные всю зиму и, хотя запасы къ лѣту истощились, но за то ко всѣмъ одинаково доброе солнышко освѣтило ихъ угрюмый пріютъ и забыли на время несчастные паріи о томъ, что не цѣлый годъ бываетъ лѣто.

Н. Лыкошинъ.

* * *

Эту ночь чуднымъ сномъ назови,
Назови ее грезой прекрасной,
Свѣтлымъ утромъ, улыбкою ясной
Нашей робкой, стыдливой любви!
Не горѣлъ куполъ неба надъ нами
Блескомъ звѣздъ золотыхъ, соловей
Не тревожилъ насъ трелью своей
И не плылъ серпъ луны надъ горами.
Ночь была холодна и темна,
Бушевала за окнами вьюга,
А у насъ въ эту ночь другъ у друга
Воцарялася въ сердцѣ весна!
Эту ночь чуднымъ сномъ назови,
Назови ее грезой прекрасной,
Свѣтлымъ утромъ, улыбкою ясной
Нашей робкой, стыдливой любви.

* * *

Полно, что за слезы! Брось ты унывать!
Вѣдь не все-же грозы въ жизни намъ встрѣчать!
Пронесутся тучи — прояснится даль,
Такъ и въ жизни нашей не одна печаль!...

А. К. Федоровъ.

Въ клиникѣ.

(Разсказъ).

Вечерній сумракъ тихо окуталъ университетскую клинику, особенно сгустившись въ углахъ и оконныхъ нишахъ, откуда выжидалъ удобнаго момента, чтобы воспользоваться слабостью электрическихъ лампочекъ и всецѣло завладѣть длинными коридорами. Въ хирургическомъ отдѣленіи дневная суета улеглась: измѣрена у больныхъ вечерняя температура, подбинтованы «промокшіе», конченъ обходъ клиники ординаторами и завѣдующимъ ею профессоромъ, и только изрѣдка промелькнетъ запоздалый кураторъ, торопливо спѣшащій домой послѣ опроса ввѣреннаго ему больного. Большинство больныхъ спятъ; только немногіе выздоравливающіе или не подвергавшіеся операціи безшумно, какъ тѣни, въ длинныхъ халатахъ и туфляхъ скользятъ въ проходахъ между кроватями общей палаты. Тутъ же гдѣ-либо у кровати сегодня оперированнаго пріютилась сидѣлка съ чулкомъ. Въ палатѣ тишина, изрѣдка нарушаемая стономъ больного или незначительными вопросами, которыми полушопотомъ перебрасываются сосѣди по койкамъ: каждый поглощенъ своими невеселыми думами и съ душевной тревогой, съ мучительнымъ удивленіемъ и ужасомъ за свою судьбу прислушивается къ хриплому стону или крикамъ тѣхъ больныхъ, которые уже изъяты изъ общей въ отдѣльную комнату, какъ не подающіе надеждъ на выздоровленіе. Затхлый воздухъ пропитанъ специфическимъ запахомъ больницы.

Въ отдѣльной палатѣ для привиллегированныхъ лежитъ на кровати лѣсной ревизоръ Кургановъ, лѣтъ 30. Глаза его глубоко впали, носъ обострился, скулы выдаются, изобличая худобу лица, принявшаго бурый цвѣтъ; на головѣ отъ густыхъ раньше волосъ остались жалкія пряди, между которыми просвѣчиваетъ бѣлизна черепа. Въ комнатѣ тускло горитъ электрическая лампочка, и при свѣтѣ ея больной съ закрытыми глазами кажется трупомъ. На дворѣ бушуетъ осенняя не-

погода, но Курганов не замѣчаетъ ни дождя со снѣгомъ, хлещущаго въ окна, ни жалобнаго завыванія вѣтра: онъ весь ушелъ въ себя, весь отдался своимъ мыслямъ, а мысли эти проносились стройными картинами, въ которыхъ рисовалась вся пройденная имъ жизнь свѣжо, ярко и выпукло, какъ будто все это происходило такъ недавно, чуть ли не на прошлой недѣлѣ. И Курганов чувствовалъ себя до того легко и хорошо, что ему лѣнь было даже открыть глаза, даже запрятать подъ одѣяло холодную руку. Предъ нимъ возстаетъ его дѣтство, дорогіе и завѣтные образы. Вотъ тотъ дремучій и таинственный лѣсъ, на опушкѣ котораго стоялъ домъ его отца. Петя росъ на свободѣ: отецъ его, казенный лѣсничій, занятъ по службѣ; мать хлопочетъ по хозяйству и возится съ двумя его младшими сестрами — грудным ребенкомъ и другой, трехлѣтней, но больной и несходившей почти съ кровати. Онъ предоставленъ самому себѣ; въ домѣ даже рады, когда восьмилѣтній шалунъ, покончивъ утренніе уроки, бѣгаетъ по лѣсу — меньше шума и проказъ; за нимъ ходитъ неразлучная его спутница — семилѣтняя сестренка Вѣра. Ей повѣрялъ онъ первыя свои впечатлѣнія и радости, съ нею совершалъ всѣ свои экскурсіи до того обрывистаго холма, который назначенъ былъ предѣльной чертой ихъ путешествій. Но ту же сестренку въ минуты раздраженія и ссоръ онъ уснащалъ тумаками, доводилъ до слезъ; ей и дома доставалось больше за такія провинности, которыя сходили легко любимцу и баловню матери, Петѣ. Тѣмъ не менѣе безотвѣтная Вѣра всякій разъ, какъ замѣчала, что братецъ направляется въ лѣсъ, неуклонно слѣдовала за нимъ, хотя подчасъ глаза ея еще не обсохли послѣ слезъ, вызванныхъ грубымъ и жестокимъ шалуномъ. И когда она замѣчала только что распустившійся цвѣтокъ, котораго наканунѣ они не видѣли, она всплескивала рученками, подзывала брата, и затѣмъ примиренные — одинъ забывши сдѣланную сестрѣ обиду, а другая причиненную ей братомъ боль — шли по лѣсной тропинкѣ, взявшись за руки. Мальчикъ безсознательно полюбилъ эти могучія деревья, безсознательно благоговѣлъ предъ той силой, которая была скрыта въ нихъ, которая вызывала богатство и роскошь жизни послѣ зимняго оцѣпененія и давала отпоръ всѣмъ стихійнымъ невзгодамъ и бѣдствіямъ. И эта любовь къ природѣ, въ частности къ лѣсу, опредѣлила его дальнѣйшую дѣятельность. Еще до окончанія имъ курса въ Лѣсномъ Институтѣ умеръ отецъ, и на рукахъ у него осталась вся семья. Тяжело и горько приходилось ему на первыхъ порахъ въ борьбѣ изъ-за средствъ къ жизни, такъ какъ отецъ ничего не сберегъ; но послѣ устроилось все прекрасно, когда его хозяйственная дѣятельность въ казенныхъ дачахъ обратила на себя вниманіе начальства, и онъ быстро сталъ двигаться по іерархической лѣстницѣ. Путемъ упорнаго труда и лишеній онъ проложилъ себѣ дорогу къ нѣкоторому матеріальному благосостоянію; мать и сестры жили при немъ, и съ Вѣрой, оставшейся въ дѣвушкахъ, его соединяло не только родство по крови, но и по духу: она была его первымъ и лучшимъ другомъ. Съ упроченіемъ своего положенія онъ сталъ подумывать и о личномъ счастьѣ: скоро намѣчена была подруга жизни, онъ объявленъ женихомъ. Но вдругъ внезапно надвинулась гроза оттуда, откуда никогда онъ не ждалъ; за мѣсяцъ до свадьбы онъ простудился, слегъ и, постоянно надѣясь, что вотъ-вотъ выздоровѣетъ, пролежалъ 5 мѣсяцевъ дома, обратившись въ живой скелетъ; консиліумъ врачей, констатировавъ застарѣвшую эмпіему, призналъ его положеніе слишкомъ опаснымъ и въ качествѣ послѣдняго средства предложилъ ему поступить въ клинику для операціи. Курганову живо вспомнился день его отъѣзда изъ дому въ университетскій городъ за 700 верст.; сестра настаивала ѣхать и ухаживать за нимъ во время болѣзни, но онъ рѣшительно отклонилъ ея предложеніе: она должна была остаться, чтобы поддерживать старуху-мать и вести домъ. Впрочемъ, онъ имѣлъ въ виду и другое: онъ зналъ, что сестра и мать, ободрявшія его надеждами на скорое выздоровленіе, сами еле крѣпились, и каждая изъ нихъ, особенно послѣ тяжелыхъ припадковъ удушья у больного, удалившись въ свою комнату, не разъ безсильно опускалась на колѣни предъ иконой и безпомощно рыдала, молясь слезами—придавленное горемъ сознаніе не могло подыскать словъ для молитвы. Курганов зналъ это, и къ физическимъ его страданіямъ присоединились нравственныя; онъ разсчитывалъ, что горе ихъ притупится, если, уѣхавъ одинъ, лишитъ ихъ возможности быть свидѣтельницами его ежедневныхъ мученій. Но прощаніе съ родными, напоминавшее проводы изъ дому покойника, заставило его усумниться въ томъ, будутъ ли онѣ спокойнѣе, не видя его; съ тяжелымъ сердцемъ онъ, при помощи провожавшаго его фельдшера, занялъ мѣсто въ вагонѣ и помчался туда, гдѣ должна наконецъ разрѣшиться его участь.

И вотъ онъ въ клиникѣ; завтра предстоитъ операція, о серьезности и опасности которой его предупредили врачи, не ручающіеся за благопріятный исходъ въ виду слишкомъ сильнаго смѣщенія сердца и его неправильной дѣятельности. Неужели же его, такъ недавно кипѣвшаго силой, отвагой, такъ недавно бодраго и здороваго, ждетъ смерть, эта темная и неумолимая сила? И неужели же жизнь должна кончиться именно теперь, когда послѣ упорной борьбы, послѣ испытанныхъ и перенесенныхъ невзгодъ, онъ только что собирался начать дѣйствительную полную жизнь, для которой предыдущая была не болѣе, какъ подготовка? Гдѣ же справедливость и каковъ смыслъ пережитаго, тяжелаго прошлаго? Что-то тупое холодное подступило

къ сердцу, которое, какъ-бы защищаясь отъ надвинувшейся тяжести, болѣзненно сжалось разъ, другой и вдругъ какъ будто остановилось. «Что это, развѣ уже смерть?» съ широко раскрытыми глазами поднялся Курановъ съ кровати и въ нѣмомъ испугѣ приложилъ руку къ сердцу: нѣтъ, оно еще бьется! На дворѣ бушевала осенняя непогода; въ палатѣ тихо и пусто: ни звука, ни человѣческаго лица, какъ будто всѣ попрятались; даже хриплый стонъ больного въ сосѣдней палатѣ прекратился: что онъ? умеръ, или же цѣлительный сонъ овладѣлъ имъ, чтобъ завтра съ облегченіемъ воскресить вновь всѣ мечты и надежды жизни?

Курановъ опять легъ и закрылъ глаза, но прежній строй мыслей былъ нарушенъ: въ мозгу проносились какіе-то обрывки и тѣни, изъ-за которыхъ проглядывало что-то жестокое и зловѣщее. И вдругъ вся палата озарилась особеннымъ блескомъ, ровнымъ, тихимъ сіяніемъ, которое ласкаетъ своей мягкостью, нѣжитъ своимъ неуловимымъ, какъ ароматъ, колоритомъ. И въ волнахъ этого дивнаго свѣта купаются какіе-то лоскутки снѣжно-бѣлаго прозрачнаго облачка; они тихо и ровно плывутъ навстрѣчу другъ другу, нѣжно и робко сливаются у его кровати, создавая самыя причудливыя фигуры; но вотъ изъ нихъ постепенно, все отчетливѣе и ярче, вырисовывается образъ женщины, и разлитый до того повсюду свѣтъ начинаетъ собираться и сгущаться вокругъ нея ореоломъ. Вся бѣлая, легкая и стройная она ласково и грустно глядитъ на Курганова, а онъ застылъ изумленный и очарованный чуднымъ видѣніемъ.

— Кто ты? трепетно прошептали его уста.

— Я та, кого считаютъ величайшимъ зломъ міра, и мысль о комъ леденитъ кровь въ твоихъ жилахъ. Я — Смерть; но не бойся меня: я не страшна! Моя легкомысленная подруга Жизнь, какъ вы ее поняли, страшнѣе меня. Она много сулитъ, но даетъ мало; она лжива и обманчива, какъ марево; она гоняется за блестками и мишурой, но счастія, котораго ищетъ, не замѣчаетъ и не узнаетъ; она слѣпа и глуха: она заботится о чистотѣ лица и не видитъ, что у нея въ грязи тѣло, и что подъ верхними роскошными нарядами скрыты лохмотья и заплаты; она влечетъ людей впередъ и не слышитъ голоса Разсудка и Опыта. И если она не совсѣмъ ничтожна, презрѣнна и безсмысленна, то благодаря мнѣ: безъ меня Жизнь стала бы суровымъ проклятіемъ, тяжкимъ наказаніемъ за ужасные грѣхи: вспомни Вѣчнаго Жида. Люди не думали бы о пищѣ, кровѣ и одеждѣ, не заботились бы о другихъ; имъ не за чѣмъ и не куда было бы стремиться, нечѣмъ интересоваться и некого любить. Вѣчно одинокій, чуждый всякихъ надеждъ и идеаловъ, человѣкъ внѣ пространства и времени безъ цѣли блуждалъ бы среди мертвой природы и, можетъ быть, единственной мыслью, какая

возникала бы въ его головѣ, была бы мысль найти средство сбросить съ себя эту тягость безконечности жизни. Я — смыслъ всей твоей жизни и дѣятельности, я оправданіе всего счастія, всѣхъ мечтаній, всего твоего существа. И если ты боишься смѣло взглянуть мнѣ въ глаза, то потому, что ты виновенъ предъ Тѣмъ, Кто вызвалъ тебя къ существованію: ты не хотѣлъ понять своего назначенія; жизнь, какъ средство къ выполненію высшихъ плановъ, ты обратилъ въ самостоятельную цѣль; ты не нашелъ ничего, что было бы тебѣ дороже жизни, что должно было бы полнѣе и шире замѣнить ее, вотъ почему ты такъ ревниво оберегаешь свое земное существованіе, вотъ почему надъ всей твоей дѣятельностью тяготитъ грозное «memento mori»! Вѣдь христіанскіе мученики не дрожали за свою жизнь: владѣя великой истиной, они въ ней видѣли высшую свою цѣль, а земное существованіе являлось для нихъ лишь средствомъ для проявленія и торжества этой истины; и разъ они использовали полученное ими средство, что за бѣда, если его отнимутъ? вѣдь то, для чего они жили, оставалось нерушимымъ, вѣчнымъ!

Съ ужасомъ прислушивается Курановъ къ этимъ словамъ: «какъ? онъ не такъ жилъ, какъ слѣдовало? значитъ вся его дѣятельность, всѣ стремленія и задачи, все его прошлое должно итти на смарку, значитъ путь, избранный имъ, былъ ложенъ? Что же дѣлать теперь? Куда итти? Возвращаться назадъ и начать жизнь сызнова уже поздно: лучшія силы затрачены на безсмысленную погоню за блуждающими огоньками! Неужели только смерть представляетъ единственный разумный выходъ изъ этого положенія. Но что ждетъ меня дальше безсмертіе или вѣчная ночь?»

И отвѣчая на эти мысли Курганова, видѣніе продолжало:

— Все во вселенной имѣетъ свое великое предназначеніе, и ничто не таетъ безслѣдно, ничто не уничтожается въ міровомъ пространствѣ; но о томъ, что продолжаешь существованіе въ новой формѣ, ты знать не будешь, какъ не знаетъ бабочка того, что она была гусеницей; твоему загробному «я» нѣтъ никакого дѣла до теперешняго. Еслибъ тебѣ не говорили другіе и самъ бы ты не видѣлъ на дѣтяхъ, развѣ ты зналъ бы, что ты былъ ребенкомъ одного, двухъ, трехъ лѣтъ? вѣдь изъ этого періода у тебя въ памяти ровно ничего не осталось! и первыхъ 4—5 лѣтъ для твоего сознанія не существуетъ; а между тѣмъ тогда ты тоже жилъ, думалъ, страдалъ и наслаждался по своему. Если память при одномъ только измѣненіи тѣлесной оболочки, служившей посредницей между твоимъ «я» и внѣшнимъ міромъ, уже отказывается что-либо сказать тебѣ о раннемъ дѣтствѣ, то кто же напомнитъ будущему твоему «я» о прежнемъ, земномъ его существованіи, если это тѣло истлѣетъ совершенно? Да наконецъ,

знакомо ли тебѣ твое «я», его духовная сущность настолько, чтобы признать его своимъ въ иной формѣ? Нѣтъ, ты знаешь лишь тѣ немногія нити, которыми это «я» прикрѣплено къ землѣ, ты знаешь его лишь настолько, насколько оно пріурочено къ твоему тѣлу, насколько его освѣтили твои несовершенныя чувства и твой умъ. Но послѣдній не можетъ совмѣстить въ себѣ безконечнаго; онъ ограниченъ извѣстными предѣлами и, независимо отъ того, принужденъ опираться на матеріалъ, который ему доставляютъ чувства, еще болѣе ограниченныя и рисующія подчасъ картины совершенно ложныя. Во всей твоей жизни преобладало служеніе всему, что такъ или иначе связано съ тѣломъ и землей, о духовной своей сущности ты заботился мало и даже не разгадалъ ея потребностей, не постарался хоть приблизительно освѣтить ея обликъ: вотъ почему ты и разбилъ органическую связь между двумя формами своего бытія. Но помни, что я сестра сна, и не бойся меня: въ моихъ объятіяхъ ты встрѣтишь покой, забвеніе всему, ты отдохнешь для новой жизни, двери которой я тебѣ открою! И развѣ теперь, предъ моимъ лицомъ, тебѣ не кажутся такими мелкими, такими ничтожными всѣ тѣ заботы, стремленія къ матеріальному благосостоянію, тѣ интересы, которыми заполнена была твоя жизнь, которыя волновали, мучили тебя, препятствуя наслажденію настоящимъ? Да и сама Жизнь развѣ не представляется тебѣ такой мизерной, слабой, зависимой отъ массы случайностей? Знай, что и я тоже Жизнь, а не уничтоженіе, но жизнь противоположная той, какою ты жилъ раньше; кто же изъ насъ двухъ совершеннѣе, ты самъ узнаешь вскорѣ.

И Смерть, улыбнувшись Курганову загадочной улыбкой, стала блѣднѣть и таять въ воздухѣ. Кургановъ хотѣлъ задержать это видѣніе, хотѣлъ крикнуть, что ему еще жить хочется, безумно, страстно хочется, онъ рванулся къ исчезавшему облачку и.... проснулся: онъ сидѣлъ на кровати; комната по прежнему слабо была освѣщена лампочкой, и вездѣ въ клиникѣ царила тишина; въ груди и особенно въ боку ныло.

— Да, это былъ сонъ! съ облегченіемъ подумалъ Кургановъ: но тревожный сонъ!

Онъ опустился на подушки и взволнованный видѣніемъ предался нерадостнымъ думамъ. На дворѣ непогода улеглась. Съ улицы вскорѣ сталъ доноситься говоръ, слышался стукъ проѣзжавшихъ дрожекъ: очевидно, возвращаются изъ театра или цирка. Курганову сдѣлалось на душѣ еще тяжелѣе, и въ немъ закипѣла обида за человѣческое равнодушіе.

— Вѣдь вотъ они веселятся; полные новыхъ впечатлѣній, радостные и здоровые, они возвращаются домой, гдѣ ждетъ ихъ ужинъ и затѣмъ

сладкій сонъ. Они проходятъ мимо больницы и не сознаютъ, что здѣсь особый страшный міръ, что здѣсь происходитъ тяжелая борьба за жизнь, что предъ лицомъ смерти возстаютъ жгучіе, сжимающіе сердце вопросы — такъ-ли прожита жизнь, такъ-ли пользовался человѣкъ своими силами и дарованіями; что тутъ подводятся итоги прошлаго, вызывающіе горькое сознаніе безплодности, пустоты. . . . Да вѣдь и самъ я студентомъ не разъ проходилъ мимо этого зданія, полный надеждъ на счастіе, самоувѣренный и готовый на борьбу со всѣми невзгодами, и никогда въ голову мою не приходила мысль, что попаду сюда, уничтоженный болѣзнею, безпомощный и жалкій. Даже пустыя, малыя неудачи меня тогда огорчали, а не сознавалъ я того, что обладаю высшимъ благомъ, равнаго которому нѣтъ на землѣ — здоровьемъ: какъ и жизнь, оно намъ становится особенно дорого только тогда, когда его теряешь. Впрочемъ, таковъ ужъ законъ природы: въ этомъ же городѣ сотни лѣтъ тому назадъ тоже кипѣла жизнь, суетились и волновались люди, страдали и наслаждались, убивали массу энергіи и дарованій на достиженіе земныхъ благъ, интриговали, бѣдствовали, терпѣли оскорбленія и произволъ болѣе сильныхъ и сами господствовали надъ болѣе слабыми, — и все это изчезло, безслѣдно канули въ вѣчность и счастливцы и обездоленные; на ихъ мѣсто явились новыя поколѣнія съ тѣми же въ сущности стремленіями, съ тѣми же заботами и надеждами, поколѣнія, чуждающіяся и даже враждебныя прежнимъ! И они въ свою очередь уступятъ мѣсто другимъ, сотрутся съ лица земли, и такъ до безконечности будутъ мелькать поколѣнія за поколѣніями....

Прошла ночь, и наступило утро назначеннаго для операціи дня. Кургановъ проснулся рано: сонъ, едва къ разсвѣту смежившій его глаза, не принесъ ему отдыха; только послѣ принятія ванны онъ почувствовалъ себя бодрѣе и спокойно, какъ ему казалось, ждалъ назначеннаго часа; но спокойствіе это было слишкомъ напряженнымъ, и его хватило бы не на долго. Къ счастію въ 10 часовъ за нимъ явился ординаторъ и повелъ его въ операціонный залъ. Въ длинныхъ бѣлыхъ халатахъ, съ засученными рукавами, здѣсь находились уже два профессора — хирургъ и діагностъ, ординаторы, фельдшера и студенты. Кургановъ вошелъ спокойно, такъ же спокойно раздѣлся и легъ на стеклянный столикъ, гдѣ у него щеткой обмыли еще грудь и бокъ, сбрили растительность и предложили перейти на другой столъ съ клеенчатымъ матрасомъ. Здѣсь онъ сѣлъ, и профессоръ началъ объяснять студентамъ характеръ и причины болѣзни. Кургановъ слушалъ это равнодушно, какъ будто рѣчь шла о комъ-то другомъ, и осматривалъ большой свѣтлый залъ. У изголовья стоялъ столикъ съ принадлежностями для хлороформированія, а сбоку другой съ всевозможными

ножами, пинцетами, ножницами, крючками, щипцами и т. п. хирургическими инструментами. Лекція кончилась; его уложили, закрыли глаза полотенцемъ, кто-то взялъ его за руки, кто-то налегъ на ноги, а на ротъ и носъ наложили маску.

Откройте ротъ и дышите свободно! послышался ему голосъ профессора. Онъ сталъ вдыхать въ себя удушливый газъ съ приторно-сладкимъ вкусомъ. Вначалѣ, пока подъ маской находился чистый воздухъ, Кургановъ дышалъ ровно; но вотъ онъ чувствуетъ, что воздуху не хватаетъ; его душитъ, онъ задыхается, ему хочется крикнуть, чтобы его оставили въ покоѣ, чтобы дали хоть глотокъ свѣжаго воздуха, но языкъ не повинуется; бѣшенство овладѣваетъ имъ: онъ готовъ рвануться, кулаками оттолкнуть всѣхъ и бѣжать, но члены отяжелѣли, какъ налитые свинцомъ; онъ не можетъ шевельнуть шеи, онъ безсиленъ; а въ ушахъ шумитъ, предъ глазами плывутъ красныя точки; онѣ сливаются въ пятна и клубятся облачками, которыхъ гонитъ вѣтеръ. Вдругъ кто-то плашмя по обнаженному мозгу хватилъ его... разъ — въ головѣ зазвенѣло, зашумѣло... Кургановъ чувствуетъ, что куда-то проваливается... вотъ шарахнуло еще... и провалился!

Былъ уже второй часъ пополудни, когда Кургановъ открылъ глаза: онъ лежалъ въ палатѣ, и возлѣ его кровати стоялъ кураторъ и сидѣлка, ждавшія его пробужденія. Голова у него тяжела, чувствуется тошнота; во всемъ тѣлѣ щемящая слабость; онъ пробуетъ говорить, но языкъ заплетается, и обрывается слабый голосъ; что съ нимъ дѣлали, онъ положительно не можетъ припомнить; одно для него несомнѣнно, что онъ провалился куда-то, на время пересталъ существовать, а теперь опять живъ, какъ ни въ чемъ не бывало; только что-то въ груди подъ толстымъ слоемъ ваты и бинтовъ ноетъ.

— Вотъ теперь и хорошо! обратился къ нему кураторъ: скоро и выздоровѣете; операція удалась какъ нельзя лучше.

— А долго-ли придется лежать? полюбопытствовалъ Кургановъ.

— Да мѣсяца 2—3; гною накопилось у васъ слишкомъ много, онъ сгустился настолько, что пришлось сдѣлать широкую и глубокую рану; много крови вы потеряли, а ее такъ скоро наверстать нельзя.

Кургановъ вздохнулъ облегченно: то, что приковывало его въ теченіе болѣе 5 мѣсяцевъ къ кровати, устранено; значитъ, остается терпѣливо ждать, и онъ вновь будетъ здоровъ. Въ его воображеніи предстала вдругъ картина ночного видѣнія.

— Нѣтъ, я не долженъ умереть! подумалъ онъ: это было бы величайшей несправедливостью, такъ какъ съ моей жизнью тѣсно связано благополучіе другихъ жизней — матери, сестеръ; безъ меня онѣ останутся совершенно беззащитными, ихъ ждала бы нужда, лишенія, человѣческій черствый эгоизмъ и униженіе...

На слѣдующій же день по просьбѣ Курганова, положеніе котораго было весьма удовлетворительное, послана телеграмма его роднымъ о благополучномъ исходѣ операціи. Эта радостная вѣсть всѣхъ въ домѣ оживила: тяжелый камень, давившій ихъ такъ долго, скатился: старушка-мать воскресла духомъ, чувствовала себя такъ легко и хорошо, какъ давно-давно, въ дни молодости и счастія. Тѣ планы, надежды и мечты, которыя во время болѣзни Курганова боязливо притаились въ тайникахъ души каждаго изъ членовъ семьи, теперь вновь заявили о своемъ существованіи властно и неотразимо; въ длинные осенніе вечера между матерью и сестрой полилась бесѣда о томъ, какъ онѣ будутъ ухаживать за своимъ страдальцемъ Петей, чтобы онъ снова не заболѣлъ, гдѣ и какъ имъ всѣмъ вмѣстѣ лучше провести лѣто, когда въ ихъ семью Петя введетъ новаго члена — свою жену.... Среди царившаго праздничнаго настроенія онѣ не предчувствовали, что уже на 4-ый день послѣ операціи положеніе Курганова сразу и рѣзко ухудшилось и врачи обнаружили у него рядомъ съ бывшей эмпіемой и крупозную пневмонію; не знали онѣ, бѣдныя, что часы его сочтены, что солнце ихъ жизни скоро закатится, и пойдутъ онѣ скитаться безъ крова и пристанища, безъ тепла и свѣта среди темныхъ силъ холодной ночи....

И. И. Карнѣевъ-Гребаровъ.

Убійца Министра.

(Изъ современной исторіи Бухары).

3-го Октября 1885 года случилось въ Бухарѣ событіе, измѣнившее весь внутренній и внѣшній строй Бухарскаго ханства. Въ этотъ день умеръ эмиръ Сеидъ-Музафаръ, представитель стараго режима, ярый фанатикъ, ненавистникъ русскихъ и безчеловѣчно-жестокій къ своимъ подданнымъ тиранъ. — Вступивъ въ управленіе ханствомъ, когда въ Средней Азіи никто не смѣлъ даже мечтать о приходѣ русскихъ войскъ и объ упроченіи на вѣки русской власти, — Сеидъ-Музафаръ послѣ первыхъ нашихъ блестящихъ побѣдъ, хотя и старался показать себя другомъ побѣдителей, но на самомъ дѣлѣ до конца жизни оставался нашимъ заклятымъ врагомъ. Какъ умный и лукавый человѣкъ и тонкій политикъ, онъ таилъ ненависть къ намъ подъ личиной дружбы. Враждебныя чувства эмира къ Россіи находили полный откликъ и симпатіи среди многочисленнаго, фанатичнаго и вліятельнаго мусульманскаго духовенства, а потому трудно было разсчитывать при жизни Сеидъ-Музафара на сближеніе наше съ ханствомъ. Въ своемъ внутреннемъ управленіи страной эмиръ былъ безпощаднымъ деспотомъ, подписывая безъ всякаго милосердія многочисленные смертные приговоры своихъ подданныхъ. Населеніе трепетало подъ игомъ тирана, но подъ вліяніемъ муллъ и улемовъ съ покорностью подчинялось его жестокостямъ; ни о какомъ протестѣ или активномъ противодѣйствіи конечно не могло быть и рѣчи.

Но вотъ наконецъ страна избавилась отъ него; въ управленіе ханствомъ вступилъ молодой, не менѣе своего отца умный и симпатичный наслѣдникъ Сеидъ-Абдулъ-Ахадъ, имѣвшій случай раньше побывать въ Петербургѣ и ознакомиться отчасти съ внѣшними могуществомъ и силой Россіи. Новый эмиръ съ первыхъ дней началъ проявлять неподдѣльныя симпатіи къ русскимъ и высказывать желаніе строго дер-

жаться дружественной и сердечной политики по отношенію къ своимъ сосѣдямъ. Такое руссофильское направленіе не могло не вызвать враждебныхъ чувствъ духовенства противъ молодого владѣтеля и избранныхъ имъ себѣ главныхъ сотрудниковъ по управленію страной, но Сеидъ-Абдулъ-Ахадъ, какъ умный политикъ, прекрасно понималъ, что Туркестанскій генералъ-губернаторъ сильнѣе и могущественнѣе всѣхъ вмѣстѣ взятыхъ бухарскихъ муллъ, и потому, игнорируя враждебныя чувства своего духовенства, твердо и неуклонно направлялъ свою политику къ возможно-тѣснѣйшему единенію съ Россіей.

При вступленіи новаго эмира въ управленіе страной, во главѣ администраціи стоялъ Мулла-Мехмеди-бій кушбеги, старецъ преклонныхъ лѣтъ, пользовавшійся большимъ довѣріемъ покойнаго Сеидъ-Музафара. Изъ уваженія къ отцу, новый эмиръ оставилъ старика въ должности кушбеги, но, лишь номинально, дѣйствительную же власть передалъ его сыну Мухамедъ-Шерифу Диванбеги. Разсказываютъ, что Мухамедъ-Шерифъ, находясь въ Бухарѣ въ день смерти стараго эмира, далъ немедленно объ этомъ знать наслѣднику, проживавшему въ Кермине, до пріѣзда же его въ Бухару, скрылъ отъ населенія о смерти владѣтеля и установилъ секретный присмотръ за прочими сыновьями Сеидъ-Музафара, которые могли явиться претендентами. Благодаря этому, наслѣдникъ, прискакавъ въ Бухару, объявилъ сразу о смерти отца и о своемъ вступленіи въ управленіе страной. Этимъ можетъ быть объяснено, что при перемѣнѣ владѣтельнаго лица не произошло ни малѣйшихъ волненій или безпорядковъ. Конечно, новый эмиръ не могъ забыть такой услуги Мухамедъ-Шерифа и при первой возможности возвелъ его на первую ступень государственной іерархіи.

Мухамедъ-Шерифъ былъ очень умный человѣкъ; онъ прекрасно сознавалъ огромную выгоду для Бухары быть въ тѣсной дружбѣ съ своей могущественной сосѣдкой, а потому, ставъ во главѣ управленія, онъ сразу выказалъ себя убѣжденнымъ другомъ Россіи. Съ такимъ мудрымъ и просвѣщеннымъ сановникомъ можно было надѣяться достигнуть самыхъ блестящихъ результатовъ въ дѣлѣ фактическаго сближенія нашего съ ханствомъ.

Но вотъ тутъ-то внезапно случилось событіе неслыханное въ лѣтописяхъ забитаго, запуганнаго, раболѣпнаго бухарскаго народа. Самое приближенное къ эмиру лицо, могущественный сановникъ, пользующійся почти неограниченною властью, былъ убитъ простымъ смертнымъ, во время исполненія приказанія эмира.

Фактъ необычайный, надѣлавшій въ свое время много шума.

Еще при жизни Сеидъ-Музафара, въ Кермине, мѣстопребываніи наслѣднаго принца, проживалъ нѣкто Гаибъ-Назаръ Мирахуръ, по

происхожденію авганецъ, занимавшій должность амлякдара, т. е. сборщика податей. Вскорѣ по вступленіи Сеидъ-Абдулъ-Ахада въ управленіе страной, Гаибъ-Назаръ, уличенный въ утайкѣ части казенныхъ доходовъ, былъ уволенъ отъ должности амлякдара, и переѣхалъ на жительство въ г. Бухару, гдѣ у него былъ собственный домъ.

Очевидно, Гаибъ-Назаръ затаилъ злобу противъ Мухамедъ-Шерифа, котораго онъ, повидимому, считалъ главнымъ виновникомъ своего увольненія съ хлѣбнаго мѣста, но до 1888 года онъ не рисковалъ приступить къ активной дѣятельности. Въ этомъ году, когда эмиръ предпринялъ свою обычную поѣздку въ горныя бекства, а Мухамедъ-Шерифъ остался въ Бухарѣ, Гаибъ-Назаръ послалъ эмиру доносъ на Мухамедъ-Шерифа и на другихъ оставшихся въ Бухарѣ сановниковъ, обвиняя ихъ въ разныхъ злоупотребленіяхъ.

Случись такой фактъ у насъ, то лицо, получившее доносъ, или приказало бы его разслѣдовать, или, въ случаѣ безусловнаго довѣрія къ обвиняемому, просто на просто изорвало-бы доносъ; но такое направленіе очевидно не подходитъ ни къ бухарскимъ нравамъ, ни къ мусульманскому законодательству. Молодой эмиръ, прочитавъ доносъ, пришелъ въ негодованіе и послалъ Мухамедъ-Шерифу приказаніе отобрать у Гаибъ-Назара все имущество въ казну.

Мухамедъ-Шерифъ въ сопровожденіи двухъ джигитовъ пріѣхалъ въ домъ Гаибъ-Назара и предъявилъ ему приказъ эмира объ отобраніи имущества и денегъ.

Выслушавъ приказъ, хозяинъ дома почтительно заявилъ:

— Я подчиняюсь, но прошу прежде описи имущества, разрѣшить мнѣ поднести тебѣ одну цѣнную вещь, а затѣмъ уже исполняй приказъ эмира.

— Ну хорошо, покажи — отвѣтилъ Мухамедъ-Шерифъ.

Гаибъ-Назаръ всталъ и, доставъ револьверъ со словами: «вотъ она хорошая для тебя вещь» — выстрѣлилъ въ Мухамедъ-Шерифа два раза.

Убійца конечно былъ немедленно связанъ, а эмиру послано съ верховымъ джигитомъ донесеніе о случившемся, при чемъ испрашивалось указаніе о томъ, что дѣлать съ преступникомъ.

Здѣсь интересно указать на быстроту сообщеній конныхъ джигитовъ. Донесеніе эмиру было послано въ Карши въ день убійства, а отвѣтъ былъ полученъ на слѣдующій-же день въ 4 часа утра (разстояніе между Бухарой и Карши около 150 верстъ).

Джигитъ привезъ рѣшеніе эмира выдать преступника родственникамъ убитаго. Ниже читатель увидитъ, что это былъ самый жестокій приговоръ, который могъ только прійти въ голову эмиру.

Въ день убійства, нашего представителя не было въ Бухарѣ. Онъ возвращался изъ Чарджуя и ему навстрѣчу выѣхалъ на станцію

джигитъ съ просьбою послать къ раненому Мухамедъ-Шерифу доктора. Во вниманіе къ высокому положенію Мухамедъ-Шерифа, В. О. Клеммъ самъ заѣхалъ за докторомъ Пензяковымъ, жившимъ на станціи, и поспѣшилъ съ нимъ въ городъ. На дорогѣ они встрѣтили еще двухъ джигитовъ съ просьбами поторопиться, но когда были уже близко отъ городскихъ воротъ, то третій джигитъ доложилъ В. О. Клемму, что раненый чувствуетъ себя лучше и проситъ не безпокоится пріѣзжать къ нему. Находившійся недалеко отъ Бухары строитель желѣзной дороги генералъ Анненковъ, узнавъ о покушеніи на жизнь Мухамедъ-Шерифа, немедленно послалъ къ нему своего доктора Гейфельдера, но послѣдній, прибывъ къ Мухамедъ-Шерифу на другой день, уже не засталъ его живымъ.

Еще до погребенія умершаго въ Бухарѣ стало извѣстно, что родственники его, съ разрѣшенія эмира, устроятъ самосудъ надъ Гаибъ-Назаромъ. Несмѣтныя толпы народа собрались на площади, куда вывели несчастнаго убійцу. Здѣсь ему прежде всего выкололи глаза и обрѣзали уши, затѣмъ привязали за ноги къ хвосту ишака и поволокли по главнымъ улицамъ города, при чемъ его забрасывали камнями. Привезя его на ишачій базаръ, ему отрѣзали голову и затѣмъ трупъ несчастнаго выбросили за городскую стѣну на съѣденіе собакамъ.

Эмиръ былъ страшно опечаленъ, лишившись въ лицѣ Мухамедъ-Шерифа самаго преданнаго человѣка и умнаго совѣтника. Но смерть этого выдающагося дѣятеля не измѣнила взглядовъ эмира на направленіе его политики, а на мѣсто убитаго онъ избралъ его сына Астанакула, чрезвычайно даровитаго человѣка, который и по настоящее время состоитъ главнымъ совѣтникомъ своего повелителя и неуклонно ведетъ дѣла въ дружественномъ намъ направленіи.

Г. Федоровъ.

Буря.

Посвящается М. М. П.

Быстро челнъ въ волнахъ несется;
Въ немъ сидитъ рыбакъ лихой.
Онъ надъ бурею смѣется;
Смѣло правитъ онъ ладьей.

«Мчись же, мчися моя лодка,
«Звучно, громко онъ запѣлъ,
«Вишь, ненастная погодка,
«Чтобъ я во время поспѣлъ!»

«Мчись же, мчися моя лодка,—
«Видишь ночь уже кругомъ.
«Ждетъ меня моя красотка
«Тамъ на берегѣ крутомъ!»

Вѣтеръ крѣпнетъ! Валъ за валомъ
Утлый челнъ качаетъ, бьетъ.
Силы нѣтъ въ рулѣ усталомъ,
Буря парусъ ветхій рветъ.

Смолкла пѣсня; страха полный
Съ бурей борется пловецъ....
Мстятъ за дерзкій вызовъ волны,
Видно молодцу конецъ!

Буря злится!... Гибнетъ лодка....
Ночь ненастная кругомъ!....
Долго будетъ ждать красотка
Тамъ на берегѣ крутомъ!

И. Лодыженекій.

Разсказы о взятіи Самарканда.

(Со словъ участниковъ дѣла).

I.

Разсказъ Садыка-Шерифа-Малика [1]),

уроженца г. Самарканда, нынѣ торговца галантерейными товарами.

Мнѣ было двадцать лѣтъ, когда русскіе брали Самаркандъ, началъ Садыкъ-Шерифъ. Послѣ взятія ими Ташкента, мы, самаркандцы, были встревожены опасеніемъ, что они явятся и къ намъ, а потому стали думать объ оборонѣ, но управлявшій тогда Самаркандомъ бекъ-Ширъ-Али-Инакъ не рѣшился принимать какихъ нибудь мѣръ безъ разрѣшенія нынѣ покойнаго эмира Бухарскаго, Музафара. Эмиръ увѣрялъ, что русскіе не пойдутъ далѣе Ташкента, такъ какъ онъ ведетъ мирные переговоры съ генераломъ фонъ-Кауфманомъ и уже отправилъ пословъ для окончательнаго выясненія условій договора. Эмиръ жилъ въ Кермине и сношенія бека съ эмиромъ затягивало время, а мы были нетерпѣливы. Эмиръ объявилъ, что нужно ждать возвращенія пословъ, самаркандскіе же муллы взывали къ оборонѣ. Кромѣ того мы слышали, что битвы между бухарцами и русскими были и по дорогѣ къ намъ. Бекъ уклонялся отъ прямого отвѣта, а муллы узнали о движеніи русскихъ войскъ и сообщили намъ, что ими взяты Джизакъ, Яны-Курганъ и Каменный мостъ.

Самаркандцы по собственному почину рѣшили защищать свой городъ. Въ медресе Тилла-Кари былъ созванъ совѣтъ, на который собралось нѣсколько тысячъ человѣкъ. Бекъ не явился, а прислалъ двухъ старшинъ: Шейхъ-уль-Ислама и Мумемъ-бекъ-Тухсаби. Присутство-

[1]) Маликъ по объясненію почтеннаго Садыка-Шерифа означаетъ потомка Александра Македонскаго и таковымъ мнитъ себя авторъ разсказа.

вали на совѣтѣ всѣ муллы и ихъ ученики, муфтіи и представители общества, выборные изъ каждаго участка и патріоты, интересующіеся вопросомъ. Я былъ также на засѣданіи. Это было часовъ въ десять утра за недѣлю до прихода русскихъ. Въ тотъ день базаръ былъ закрытъ и торговли не было. Засѣданіе было бурное. Старшины, назначенные бекомъ, отстаивали мнѣніе его, т. е. ничего не предпринимать до возвращенія пословъ или до полученія новаго предписанія эмира. Муллы, муфтіи и общество не соглашались съ ними и требовали немедленнаго приготовленія къ оборонѣ. Бекъ, оставаясь въ своемъ дворцѣ въ крѣпости, поставилъ конныхъ джигитовъ на всемъ протяженіи отъ дворца до мѣста засѣданія и они доставляли ему самыя подробныя свѣдѣнія,—чуть не каждое слово, сказанное на совѣтѣ, было извѣстно беку. Онъ поддерживалъ старшинъ. Раздраженіе общества дошло до высшей степени: оба старшины были убиты. Тогда въ медресе прислана была мѣстная команда изъ крѣпости для усмиренія буйныхъ. Близь стоявшіе люди въ раздраженіи кинулись на сарбасовъ, нѣкоторыхъ ранили и убили одного. Отъ бека пришло приказаніе сарбасамъ стрѣлять въ общество, безъ разбора во всякаго кто попадется на глаза, особенно истреблять муллъ и вещи принадлежащія послѣднимъ барантовать. Произошла свалка въ медресе и на площади Ригистанъ. Тридцать человѣкъ муллъ было убито и сорокъ ранено, считая съ учениками. Изъ солдатъ десять было убито и около пятидесяти ранено. Свалка продолжалась часа два. Изъ медресе изъ помѣщеній учителей и учениковъ всѣ вещи были разграблены. Общество и тѣ муллы, которымъ удалось спастись, разбѣжались по домамъ. Въ 6 часовъ вечера бекъ вызвалъ въ крѣпость старшинъ всѣхъ участковъ и убѣждалъ ихъ повліять на жителей, настоять на томъ, чтобы они не ссорились съ эмиромъ; онъ угощалъ ихъ и отпустилъ съ подарками. Но это не привело ни къ чему, въ смыслѣ успокоенія умовъ.

Въ Самаркандѣ, въ то время стояло до двѣнадцати тысячъ бухарскаго войска сарбасовъ и сипаевъ. Обыкновенная стоянка ихъ была на Дагбитской дорогѣ въ селеніи Пойка-бакъ, а въ лагерное время въ Афросіадѣ. Военные же совѣты происходили въ крѣпости Кукъ-Ташъ въ Самаркандѣ. Командующій войсками былъ бухарецъ Тохтамышъ инакъ, а начальникъ артиллеріи Салимъ достарханча. Въ число 12.000 бухарскаго войска входили туркмены и два полка текинцевъ: одинъ изъ Корковъ подъ командою Кара-Шайтанъ, другой изъ Чарджуя подъ командою Сафаракъ. Послѣдніе два пришли на случай войны съ русскими.

А между тѣмъ русскіе всё двигались къ Самарканду и уже занимали Джамбай [1]).

[1]) Послѣдняя стоянка передъ Самаркандомъ.

Бекъ, командующій войсками, муллы и старшины составили совѣтъ и на этотъ разъ единогласно порѣшили выслать войско и народное ополченіе на Чупанаты [1]). Мы, самаркандцы, собирались группами, вооружались кто чѣмъ могъ и бѣжали на высоты. У меня были револьверъ и сабля и съ товарищами я вбѣжалъ на вершину горы, откуда видны были всѣ окрестности. Наши войска занимали гору и Канегиль, мѣсто за горой. Два баталіона стояли около Тамерлановскихъ арокъ (недостроенный мостъ) пути Шадманъ-Маликъ. Мы полагали, что перебьемъ русскихъ, когда они будутъ переправляться черезъ Зеравшанъ или, по крайней мѣрѣ, нагонимъ на нихъ страхъ и заставимъ отказаться отъ мысли овладѣть Самаркандомъ. Я видѣлъ, какъ подъѣхали къ рѣкѣ казаки, а за ними подошло нѣсколько тысячъ солдатъ. Рѣка была глубока. Русскіе остановились. Послы бухарскіе вернулись, взобрались на Чупанаты и сказали, что русскіе будутъ брать Самаркандъ. Это было днемъ 1-го Мая 1868 года. Русскіе стали переправляться черезъ Зеравшанъ, а наши начали стрѣлять изъ пушекъ, ружей и револьверовъ, и я стрѣлялъ. Мнѣ не было страшно, потому что я былъ въ первомъ сраженіи и послѣдствій не предвидѣлъ, да и стояли мы далеко отъ враговъ. Въ то время, какъ русскіе шли въ бродъ и съ Чупанаты въ нихъ стрѣляли, два баталіона бухарцевъ подъ командою Усмана стали обходить горы, чтобы зайти русскимъ съ тылу. Но казаки замѣтили это и остановили ихъ, битва между ними длилась съ часъ времени и бухарцы вернулись на свои мѣста. Наши выстрѣлы не остановили переправы русскихъ, хотя нѣсколько человѣкъ были убиты. Они перешли Зеравшанъ, построились, дали одинъ или два залпа и тотчасъ же стали приступомъ брать Чупанаты. У насъ тоже оказались убитые. Наши бѣжали. Первыми бѣжали туркмены, потомъ бухарскія войска, а за ними и самаркандцы. Я видѣлъ, что всѣ бѣгутъ, побѣжалъ и я по Самаркандской дорогѣ, домой. Сарбасы и сипаи дорогою бросали свои мундиры и ружья изъ боязни, чтобы горожане и жители кишлаковъ, узнавъ въ нихъ солдатъ, не перебили бы ихъ за трусость. Войска, предводители и самаркандскій бекъ бѣжали въ Бухару. Городъ остался безъ войска. Чупанаты заняли русскіе.

Я пришелъ домой, но никого не нашелъ, оказалось, что всѣ женщины и дѣти ушли изъ города въ сады Мухалинской волости на разстояніи отъ 3—8 верстъ отъ Самарканда. Всѣ мы пошли искать своихъ и съ родными ночевали за городомъ. Нѣкоторые старшины участковъ и кое-кто изъ жителей остались въ городѣ для совѣщанія о томъ, какъ встрѣтить русскихъ. На этомъ совѣщаніи рѣшили выбрать изъ

[1]) Чупанаты—песчаные холмы верстахъ въ семи отъ Самарканда, командующіе рѣкою Зеравшанъ и переправою черезъ неё.

среды себя представителей, которые должны были отправиться на Чупанаты съ изъявленіемъ покорности и съ хлѣбомъ — солью.

Я все это узналъ, когда рано утромъ пришелъ въ городъ. Какъ ушли выборные я не видалъ, но зато ясно помню ихъ возвращеніе съ новыми хозяевами. Наши представители ѣхали впереди, какъ-бы указывая дорогу, а за ними генералъ Кауфманъ и войско. Нѣкоторые, завидя русскихъ кланялись, другіе убѣжали. Я слышалъ, какъ переводчикъ генерала Кауфмана говорилъ, что русскіе намъ зла не желаютъ, чтобы мы успокоились, чтобы бѣглецы и ихъ семьи возвратились въ свои дома и вообще, чтобы самаркандцы принялись за свои прежнія занятія и торговлю. Генералъ и войска прослѣдовали въ крѣпость. Въ тотъ день вечеромъ и всю ночь шелъ дождь.

Согласно выраженному генераломъ Кауфманомъ желанію и приказанію, жители вернулись въ Самаркандъ, торговля открылась и всѣ зажили своею обычною жизнью.

Повидимому взятіе Самарканда совершилось почти безъ кровопролитія или лучше сказать мирнымъ путемъ, но послѣдовавшія, вскорѣ послѣ этого факта, событія показываютъ, что мирное занятіе этого города произошло какъ бы случайно. Садыкъ-Шерифъ-Маликъ продолжаетъ свой разсказъ:

Вскорѣ послѣ вступленія русскихъ въ Самаркандъ, Китабскій правитель Джурабекъ появился съ войскомъ на горѣ Кара-Тюбе. Узнавъ объ этомъ, часть русскаго войска вышла ему на встрѣчу. Жители Мухалинской волости сломали мостъ черезъ рѣку Даргомъ, чтобы воспрепятствовать русскимъ дальнѣйшее движеніе, но это ихъ не остановило. Они перешли Доргомъ и встрѣтились съ непріятелемъ. Джурабекъ бѣжалъ, войско его разсѣялось. На обратномъ пути русскихъ, Мухалинцы изъ засадъ стрѣляли въ нихъ, убили переводчика, нѣсколько солдатъ и ранили двухъ-трехъ офицеровъ. Русскіе бросились въ сады и сакли строптивыхъ мухалинцевъ и уничтожили ихъ до 300 человѣкъ, включая женщинъ и дѣтей.

Кромѣ того русскіе ходили для усмиренія жителей Ургута. Но это все бунтовали волости, которыя покорность Самарканда не считали для себя обязательною.

Русскіе и не подозрѣвали, что въ самомъ Самаркандѣ готовилось мщеніе за мирное занятіе города.

Черезъ мѣсяцъ послѣ занятія Самарканда, генералъ Кауфманъ вызвалъ участковыхъ изъ города и волостей и объявилъ имъ, что дѣла призываютъ его въ Катта-Курганъ и что онъ требуетъ, чтобы они жили тихо и мирно; если же бы они узнали о появленіи какой-нибудь шайки, то немедленно бы предупредили начальника крѣпости барона Штемпеля, который и прогонитъ шайку. Генералъ Кауфманъ

взялъ слово съ участковыхъ, что люди управляемыхъ ими участковъ не будутъ соединяться съ шайками, иначе они, участковые, первые отвѣтятъ своими головами. Генералъ уѣхалъ, взялъ съ собою войско, а въ Самаркандѣ въ крѣпости оставилъ одинъ баталіонъ и больныхъ и слабыхъ солдатъ.

Въ Дагбитѣ [1]) жилъ ишанъ Омаръ-Ходжа, потомокъ святого Мартумъ-Азамъ. Ему было тогда лѣтъ пятьдесятъ. Омаръ-Ходжа, какъ бѣлая кость и потомокъ святого имѣлъ большое вліяніе не только въ Самаркандѣ, но и вообще въ Зеравшанской области. По занятіи русскими города, онъ имѣлъ постоянныя тайныя сношенія съ беками и у себя въ домѣ устраивалъ совѣты. Отъѣздъ Кауфмана былъ признанъ удобнымъ моментомъ для нападенія на русскихъ и освобожденія отъ нихъ Самарканда. Тотчасъ же послѣ отъѣзда генерала, посредствомъ сношенія черезъ секретныхъ джигитовъ, было установлено, что въ извѣстный день и часъ Джурабекъ съ китабскими войсками, Бабабекъ съ шахрисябскими сипаями и Чиликскій бекъ Омаръ-бекъ съ нѣсколькими тысячами придутъ по Каратюбинской дорогѣ къ Самарканду. Омаръ-Ходжа къ этому времени обязался поднять самаркандцевъ и принять начальство какъ надъ ними, такъ и надъ каракалпаками и китайкипчаками, которые придутъ черезъ Дерхонъ и Дагбитъ изъ волостей Полванъ-арыкъ, Офаринкентъ и Сугутъ-Поянъ. Въ назначенный день войска собрались. Русскіе ничего не знали объ этомъ. Когда Джурабекъ подступилъ уже къ воротамъ Ходжа-Ахраръ, тогда только старшины предупредили барона Штемпеля. Русскіе вышли на встрѣчу. Въ это время Омаръ-Ходжа, раздѣливъ свое войско на двѣ части, повелъ одну изъ воротъ Пой-Кабакъ, другая часть появилась въ воротахъ Хозретъ Шахъ-Зинда. Русскіе, увидя массы враговъ, напирающія съ трехъ сторонъ, испугались своей малочисленности и бросились назадъ въ крѣпость.

За день до прихода войскъ самаркандцы заперли лавки, спрятали товаръ въ ямы, а семьи съ домашнимъ имуществомъ и вещами отправили въ сады въ разныя стороны. Переправлять все старались ночью, но было движеніе и днемъ. Все мужское населеніе встало въ войско Омара-Ходжа, который раздалъ оружіе изъ имѣвшагося у него склада. Тѣмъ, которымъ не достало ружей, были розданы палки съ тяжелыми металлическими наконечниками. Передъ этимъ у насъ въ Самаркандѣ также происходили секретныя совѣщанія по участкамъ, ночью.

Я спряталъ имущество и простившись съ матерью и сестрами остался въ городѣ и всталъ на крышу медресе Ширъ-Доръ. Я видѣлъ какъ вступили наши войска и какъ русскіе бѣжали въ крѣпость

[1]) Дагбитъ селеніе верстахъ въ двадцати отъ Самарканда.

Джурабекъ и Бабабекъ поставили свое войско на участкѣ Рахабадъ, а сами проникли въ медресе Рахабадъ и оттуда командовали. Омаръ-Ходжа помѣстилъ своихъ на участкѣ Богимейданъ, гдѣ теперь кожевенный заводъ и мельница, самъ же вошелъ въ медресе Юсупъ-бай. Передъ моими глазами происходило движеніе войска по открытой мѣстности. Его было до сорока тысячъ. Я видѣлъ какъ мусульмане съ криками бросились къ крѣпости и отпрянули назадъ, но изъ среды своей выдѣлили храбрецовъ, которые заняли сакли, прислоненныя къ крѣпостной стѣнѣ. Въ обыкновенное время въ этихъ сакляхъ производилась мелочная торговля, но въ настоящее время онѣ были пусты. Мусульмане сдѣлали второй натискъ къ крѣпости и стрѣляли, а въ это время люди, забравшіеся въ сакли, пробивали крѣпостную стѣну. Изъ крѣпости черезъ стѣну стрѣляли русскіе. Наши продолжали появляться подъ стѣнами, стрѣлять и удаляться. Одинъ разъ нѣсколько десятковъ нашихъ проникли въ крѣпость со стороны Галачесма, гдѣ теперь родникъ, но были перебиты. Такъ продолжалось до заката солнца, когда мусульмане должны были оставить свои нападенія и совершить вечернюю молитву. Съ вечера Джурабекъ приказалъ отрядить съ каждаго участка по нѣсколько человѣкъ съ китменями и отправить ихъ ночью подъ крѣпостную стѣну. На нихъ возложено было разбить стѣну и сравнять ее съ площадью. Но люди не исполнили приказанія Джурабека, найдя его невозможнымъ. Послѣ молитвы я ушелъ домой, гдѣ у меня былъ спрятанъ запасъ пищи. Джурабекъ, Бабабекъ и Омаръ-Ходжа ночевали въ тѣхъ медресе, гдѣ были днемъ. У насъ распространился слухъ, что генералъ Кауфманъ убитъ и войско его уничтожено.

На другой день утромъ я пошелъ въ медресе Ригистанъ и опять смотрѣлъ и прислушивался къ толкамъ въ народѣ. Я увидѣлъ, что русскіе уничтожили сакли кругомъ стѣны, а на стѣну поставили пушки. Мнѣ говорили, что старшій сынъ бухарскаго эмира Саидъ-Абдулъ-Маликъ, владѣвшій Кармами, пріѣхалъ въ Джамъ со свитою изъ пятидесяти человѣкъ и намѣренъ оказать Самарканду помощь. Ему на встрѣчу общество выслало нѣсколько человѣкъ купцовъ и участковыхъ жителей. Но посланные вернулись съ извѣстіемъ, что неизвѣстно по какимъ причинамъ сынъ эмира исчезъ и выборные уже не нашли его въ Джамѣ.

Вслѣдствіе неудовольствія съ отцомъ онъ поселился въ Лауръ-Пинды, на границѣ Пешовера.

Въ продолженіе второго дня мусульмане много разъ подступали къ крѣпости, но взять ее не могли, а тѣ, которые пробивались черезъ брешъ стѣны въ крѣпостной дворъ, были убиваемы и тѣла ихъ русскіе перебрасывали черезъ стѣну. Ночью, послѣ второго дня осады,

къ Джурабеку пріѣхалъ джигитъ, посланный секретно разузнать, дѣйствительно-ли генералъ Кауфманъ убитъ и войско его уничтожено. Джигитъ этотъ привезъ извѣстіе совершенно неожиданнаго характера. Оказалось, что русскіе взяли Катта-Курганъ и эмиръ Бухарскій заключилъ съ побѣдителемъ миръ. Узнавъ это Джурабекъ и Бабабекъ съ войсками убѣжали.

Сипаи стояли въ Самаркандѣ по участкамъ, при нихъ быди лошади и вещи. Тѣ изъ сипаевъ, которые не успѣли бѣжать съ Джурабекомъ были захвачены самаркандцами. Возмущенные поступкомъ Джурабека жители убили сипаевъ и воспользовались ихъ вещами и лошадьми. Тоже было съ китайкипчаками и кораколпаками. Омаръ-Ходжа рѣшился, по совѣту съ жителями города, продолжать воевать имѣя подъ своею командою только самаркандцевъ. Онъ избралъ своимъ помощникомъ выборнаго изъ общества Кари-иботъ Салимъ-баева моего дядю, брата моей матери. Старшины собрали съ каждаго участка деньги, барановъ, крупу и муку. Кари-иботъ велѣлъ достать зарытыя ружья, порохъ, нѣсколько китай-ча (ручныя пушки) и одну пушку большого калибра. (Пушки вывезенныя на Чупанаты были тамъ брошены и взяты русскими). Пушку поставили въ медресе Мирза-Улукъ-Бекъ. Изъ этой пушки стрѣлялъ кузнецъ Тохта Ходжа-Наргаръ. Дядя помѣстился на дворѣ медресе Ширъ-Доръ. Только что онъ началъ дѣлать свои распоряженія, какъ вдругъ съ крыши медресе Улукъ-Гекъ прожужжала пуля надъ самой головой дяди. Виновника поймали. На допросѣ онъ показалъ, что давно уже враждовалъ на Кари-иботъ. Дядя вошелъ внутрь медресе, и толпа убила покушавшагося палками.

Сартовская музыка и барабаны были наверху медресе подъ сводомъ. Я пробрался туда. Въ это время ядро русской пушки пробило стѣну около барабана. Увидавъ, что войско наше уменьшилось, русскіе дѣйствовали еще энергичнѣе прежняго.

Въ медресе Ширъ-Доръ былъ общественный совѣтъ, на которомъ рѣшено было послать выборнаго къ бухарскому эмиру просить помощи. Выборъ палъ на Абдулъ-Хай-Ходжа. Но отвѣта отъ эмира намъ не послѣдовало и даже выборный нашъ не возвратился въ Самаркандъ. Мы узнали, что Абдулъ-Хай-Ходжа былъ назначенъ казіемъ въ волость Зандене. У насъ былъ измѣнникъ персіанинъ Абдулъ-Саматъ-Мирохоръ (подполковникъ), говорятъ, что онъ по ночамъ посылалъ преданныхъ ему людей въ крѣпость и тайно сообщалъ русскимъ, что дѣлается у сартовъ. Его подозрѣвали, но уликъ не было. Онъ ловко велъ дѣло. День за днемъ шли, нашъ Омаръ-Ходжа ничего не достигъ, помощи ни откуда не было, а между тѣмъ мы узнали, что генералъ Кауфманъ возвращается изъ Катта-кургана въ Самаркандъ.

Ночью эту новость сообщили намъ прискакавшіе джигиты. Въ ту же ночь многіе изъ патріотовъ скрылись изъ Самарканда тайно отъ своихъ, боясь смерти за то, что сложили оружіе. Утромъ взвившаяся ракета и выстрѣлъ изъ пушки возвѣстили о возвращеніи генерала Кауфмана. Войско Омаръ-Ходжи еще убавилось, а самъ Омаръ-Ходжа бѣжалъ черезъ Педжакентъ въ Бухару. Вооруженные толпы сартовъ оставались на улицахъ города безъ командира. Генералъ Кауфманъ раздѣлилъ свое войско на части и части эти пошли въ обходъ города, чтобы окружить его. Русскіе шли съ криками ура, толпы сартовъ встрѣчали ихъ и вступали въ рукопашную. Базары были сожжены русскими, многія жилища разрушены, масса сартовъ перебито и самаркандцы были усмирены.

Ночью бѣдные сарты, крадучись, ходили по городу и барантовали все, что попадалось на глаза, а на другой день барантовали русскіе. Евреи, прятавшіеся въ крѣпости во время возстанія, указывали солдатамъ мѣста, гдѣ сарты зарыли цѣнные товары и деньги.

Самаркандцы укрывавшіеся въ Ургутѣ, Педжакентѣ и Кара-тюбе, боялись возвращаться въ Самаркандъ, но когда генералъ Кауфманъ разослалъ джигитовъ призвать народъ къ ихъ прежнимъ занятіямъ, они возвратились и торговля и промыслы пошли своимъ порядкомъ.

II.

Разсказъ бывшаго надзирателя за больными 9-го Туркестанскаго баталіона Исаака Капелюша.

Въ 1868 году, 1-го Мая, часа въ два съ половиною дня наши войска подступили къ рѣкѣ Зеравшану, въ виду горы Чупанаты. Вода была велика и Зеравшанъ разлился въ семь рукавовъ. Мы остановились. Въ это время съ горы послѣдовали выстрѣлы, но они до насъ не достигали. Мнѣ удалось взглянуть въ подзорную трубу и я увидѣлъ, что вся гора усыпана была непріятельскими войсками въ синихъ и красныхъ курткахъ и въ чалмахъ. Генералъ Кауфманъ отдалъ приказаніе переправляться. VI баталіонъ остался прикрыть обозъ, а остальные подъ командою полковника Абрамова пошли вбродъ. Переправа совершилась такъ. Взятые съ собою конные джигиты переѣхали на лошадяхъ и провезли веревки, которыя и перетянули съ одного берега на другой. Солдаты сумки съ патронами надѣли на шею и двинулись держась правою рукою за веревку, въ лѣвой держа ружье. Во время переправы нѣсколько человѣкъ было убито вражьими пулями. Изъ за горы, въ обходъ Чупанаты спустилась непріятельская конница, направляясь къ обозу, но была отбита VI-мъ баталіономъ и казаками. Я переправился въ санитарномъ фургонѣ и догналъ нашихъ на послѣднемъ рукавѣ самомъ глубокомъ. Выливъ воду изъ сапогъ, русскіе закричали ура! и бросились на гору. Я оставилъ фургонъ и взбѣжалъ вмѣстѣ съ другими. Но каково же было наше удивленіе... на горѣ не было ни души! Непріятель бѣжалъ побросавъ все, и орудія и провіантъ, даже платье и обувь. Солдаты, нѣкоторое время, гнали въ тылъ непріятеля, а затѣмъ вернулись. Мы нашли 21 орудіе. Оказалось, что позиція была устроена, очевидно, опытными людьми, были выкопаны канавы, устроены траншеи, но исполнители оказались трусы и недисциплинированы. Вскорѣ прибылъ на гору и VI баталіонъ съ обозомъ. Здѣсь мы похоронили 7 человѣкъ убитыхъ, а 11 солдатъ раненыхъ поступило подъ мой надзоръ. Наступалъ вечеръ, рѣшено было ночевать на горѣ и мы были всю ночь на сторожѣ, предполагая, что бухарскія войска возвратятся и нападутъ на насъ ночью во время сна. Горячую пищу мы не готовили, а воспользовались сартовскими лепешками, которыхъ были цѣлые воза. Кромѣ того, солдатики обрадовались найдя среди брошенной обуви сапоги русской работы и тутъ же смѣнили плохую обувь на крѣпкую. Въ 9 часовъ, передъ «зарей» изъ орудія, что было при генералѣ Кауфманѣ данъ былъ выстрѣлъ полнымъ снарядомъ по направленію къ городу. Съ горы слышно было какъ за выстрѣломъ въ городѣ послѣдовалъ гулъ и шумъ.

Ночь съ 1 на 2 Мая переночевали благополучно, утромъ только-что отдано было распоряженіе о приготовленіи пищи войскамъ, только-что положено было мясо въ котлы и мы голодавшіе сутки предвкушали удовольствіе похлебать горячаго, какъ прибыли выборные отъ города Самарканда. Они объявили, что бекъ бѣжалъ, войска въ городѣ нѣтъ, а мирные жители приглашаютъ русскихъ вступить въ городъ. Генералъ Кауфманъ, не совсѣмъ довѣряя выборнымъ и опасаясь какой-нибудь западни въ родѣ подкопа, раздѣлилъ войска на части съ приказаніемъ каждой части идти отдѣльно и разными улицами, охранять же обозъ оставленъ былъ VI-й баталіонъ. Я остался при обозѣ, этого требовало положеніе раненыхъ. Жара была нестерпимая, солнце пекло, ни одного дерева не было на Чупанатахъ. Только фаланги прыгали, ихъ была масса. Мы пробыли на горѣ часовъ до 5 пополудни. Тутъ прискакало нѣсколько человѣкъ казаковъ съ словеснымъ приказаніемъ генерала Кауфмана двинуть обозъ въ городъ. Когда мы подъѣзжали къ городу Самарканду, то полилъ проливной дождь. Подъ дождемъ мы въѣхали въ узкія, грязныя улицы города. Здѣсь пришлось ѣхать гуськомъ арба за арбой и обозъ растянулся длинною полосою. Вскорѣ стали ломаться арбы и мы принуждены были безпрестанно останавливаться, чтобы починить ихъ и подвигались весьма медленно; только къ свѣту добрались до крѣпости. Здѣсь

каждый старался отыскать свой баталіонъ. Отыскавъ IX баталіонъ на сардасскомъ военномъ дворѣ, я съ больными своими былъ встрѣченъ полковникомъ Назаровымъ, который намъ крикнулъ: взять изъ моей кухни матеріалъ и немедленно варить больнымъ особый обѣдъ и напоить ихъ чаемъ. Я обмылъ и перевязалъ своихъ раненыхъ. Солнце палило и мы живо обсохли послѣ ночного дождя. Это было важно, такъ какъ перемѣны бѣлья у насъ не было. На другой день былъ устроенъ временный лазаретъ и трудно раненыхъ перевели туда. У меня же на рукахъ оставалось человѣкъ 8.

Вскорѣ мы расположились въ лагерѣ, который былъ разбитъ на нынѣшней Каттакурганской улицѣ. Палатокъ у меня не было, да и укрыть больныхъ было нечѣмъ, а потому я ихъ помѣстилъ въ арбахъ, навѣсъ которыхъ спасалъ ихъ отъ дождя и солнцепека. Построекъ тутъ не было кромѣ сартовскихъ сакель. Генералъ Кауфманъ помѣстился въ палаткѣ, въ саду, на мѣстѣ между теперешнимъ магазиномъ Захо и паркомъ. Почти тотчасъ же послѣ занятія нами Самарканда въ сосѣднихъ волостяхъ стали появляться шайки бунтовщиковъ; для усмиренія ихъ былъ образованъ сборный отрядъ. Я оставался при больныхъ, но помню, что отрядъ ходилъ усмирять жителей Ургута и въ Кара-тюбе, гдѣ далъ встрепку Джурабеку появлявшемуся во главѣ шайки.

Въ концѣ Мая генералъ Кауфманъ выразилъ рѣшеніе свое идти на Каттакурганъ, а въ Самаркандѣ оставить VI-й баталіонъ, который и былъ переведенъ изъ лагеря въ крѣпость. Туда перевели больныхъ и слабыхъ всего отряда, а также обозъ. Въ четвергъ 30 Мая, весь день мы хлопотали, устраивались, едва покончили перевозку къ полуночи.

31 Мая мы провели спокойно. Я посвятилъ себя на ухаживаніе за больными.

1 Іюня, въ субботу мѣстные евреи явились въ крѣпость съ семействами, постелями и необходимыми принадлежностями быта. Я спросилъ ихъ изъ любопытства: «зачѣмъ вы явились сюда, да еще въ субботу?» Они отвѣчали, что Джурабекъ опять появился на Чупанатахъ и что они ожидаютъ нападенія. Этому въ крѣпости не вѣрили. Евреи просили впустить ихъ въ крѣпость. Имъ было отказано. Но евреи все-таки остались и размѣстились подлѣ самой стѣны съ наружной стороны ея. 1-го же Іюня пришла рота саперовъ, которую прислалъ генералъ Кауфманъ на всякій случай, въ помощь VI баталіону.

Въ воскрееенье, 2 Іюня артельщики отправились изъ крѣпости на базаръ для закупки провизіи, но базаръ оказался запертымъ и ни одного сарта они не могли найти. Имъ встрѣчались только мѣстные евреи, которые двигались къ крѣпости. Евреи настаивали, что бы артельщики

воротились въ крѣпость, такъ какъ съ минуты на минуту нужно ждать нападенія и сами спѣшили. Артельщики вернулись. Въ это же время явились аксакалы, которые въ силу даннаго генералу Кауфману слова, пришли будто бы предупредитъ русскихъ о появленіи шайки.

Баронъ Штемпель командировалъ одну роту съ цѣлью разсѣять непріятеля, полагая со словъ аксакаловъ, что приблизилась какая-то незначительная шайка. Но рота эта, пройдя нѣкоторое пространство и увидѣвъ массы непріятеля напирающаго со всѣхъ сторонъ, потерпѣвъ уронъ въ нѣсколько человѣкъ, поспѣшила укрыться въ крѣпости, захвативъ своихъ раненыхъ и убитыхъ. Непріятель преслѣдовалъ ее. Лишь только рота вбѣжала въ крѣпость и за нею проскочили всѣ евреи, какъ мы были уже окружены сартами. Слышался шумъ и гулъ отъ ихъ воинственнаго клика: уръ-уръ! У насъ забили тревогу. Весь баталіонъ собрался на площади, стали строиться, но были осыпаны непріятельскими пулями, такъ что должны были укрыться за стѣну бекскаго дома. Тамъ построились и раздѣлились на части. Каждая часть заняла свое мѣсто у стѣны и воротъ. У насъ было всего два орудія, которыя немедленно поставили одно у самаркандскихъ воротъ, другое у бухарскихъ. Сначала была оставлена одна рота въ резервѣ, но вскорѣ и она примкнула къ защитникамъ.

Я былъ при больныхъ. Къ намъ прибѣжалъ полковникъ Назаровъ безъ кителя, съ засученными рукавами сорочки и въ чахлѣ безъ шапки. Лицо его было встревожено. Онъ приказалъ вооружиться всѣмъ, кто въ силахъ держать оружіе. Мы поняли, что дѣло серьезно и вдругъ не стало ни больныхъ, ни раненыхъ. Всѣ вооружились, конечно въ числѣ другихъ и я. Полковникъ повелъ насъ на позицію къ бухарскимъ воротамъ. Глазамъ моимъ представилась такая картина: «ворота были сожжены, въ отверстіе напирали сарты, орудіе наше отбили, нѣкоторые сарты сидѣли на орудіи, другіе его тащили изъ крѣпости. Мы дали залпъ почти въ упоръ. Сарты попадали, наши побѣжали и отняли орудіе». Нами увеличилось число защитниковъ воротъ. Все случилось потому, что орудіе было заряжено второпяхъ безъ пороха. Пришлось его разрядить и зарядить снова, а когда это было исполнено, то съ первымъ пушечнымъ выстрѣломъ ряды сартовъ напиравшихъ на ворота замѣтно порѣдѣли. А между тѣмъ пули непріятеля сыпались къ намъ градомъ съ разныхъ сторонъ. Мы разсмотрѣли, что въ насъ стрѣляли сквозь отверстія въ стѣнѣ изъ лавочекъ, устроенныхъ вдоль самой стѣны крѣпости. Мы бросились къ щелямъ и увидѣли, что всѣ лавчонки были биткомъ набиты сартами. Всѣ отверстія мы заложили землею и сожженныя ворота заложили мѣшками съ землей. Нечего и говорить о томъ, что всѣ части смѣшались, такъ какъ бѣгали помогать другъ другу. Только что укрѣпили мѣсто, гдѣ были

бухарскія ворота, какъ прибѣжалъ солдатикъ съ просьбою помочь. Полковникъ Назаровъ крикнулъ: «Братцы за мной!» и бросился на помощь. Мы услышали, что сарты проламываютъ стѣну, а солдатиковъ тутъ было всего трое. Полковникъ Назаровъ раздѣлилъ нашъ отрядъ на двѣ части и поставилъ на обѣ стороны проламываемаго мѣста за углами сакель, находившихся съ внутренней стороны около стѣны, а двоихъ, меня и еще солдатика поставилъ караулить особо. Намъ приказано было закричать тогда уже, когда много сартовъ появится по сю сторону стѣны. Я видѣлъ, какъ проломали отверстіе, такое узкое, что можно пролѣзть только одному человѣку и какъ они гуськомъ появлялись въ крѣпости. Выждавъ пока ихъ набралось до сотни, мы крикнули. Барабанщикъ ударилъ тревогу, обѣ части отряда кинулись къ намъ, сарты было бросились назадъ, но узкое отверстіе не пропустило ихъ, тѣмъ болѣе, что влѣзавшій сартъ, закрывавшій собою отверстіе, оторопѣлъ и застрялъ на мѣстѣ. Мы окружили сартовъ, они растерялись. Стариковъ убили прикладами, а молодыхъ заставили смотрѣть, затѣмъ Назаровъ имъ сказалъ: «мы васъ не убиваемъ, чтобы вы могли передать своимъ, что тутъ произошло», затѣмъ ихъ хватали за руки и за ноги, раскачивали и перебрасывали черезъ стѣну. Предварительно они были обезоружены. На этомъ мѣстѣ мы остались, отверстіе засыпали землею, а на барбетѣ устроили амбразуры и стрѣляли, не подпуская сартовъ къ стѣнѣ, хотя они сильно напирали именно на это мѣсто. Разъ они пустили къ намъ ракету, она ударила въ валъ, отбросивъ землю мнѣ въ лѣвое ухо, а сосѣду въ лобъ. Вслѣдствіе торопливо устроенныхъ амбразуръ и собственной неосторожности, трое сосѣдей моихъ было убито. Потомъ мы приспособились стрѣлять въ непріятеля и уклоняться отъ ихъ прицѣловъ.

На закатѣ солнца сарты ушли творить намазъ и въ тотъ вечеръ не возвращались. Только изрѣдка слышны были, то тутъ, то тамъ одиночные выстрѣлы.

Евреи, укрывавшіеся въ крѣпости помогали таскать землю, задѣлывать отверстія, разносили патроны, подавали воду войскамъ. Вода эта была стоячая изъ ямъ, но и ей были рады, тѣмъ болѣе, что день былъ жаркій, солнце палило. О ѣдѣ никто не думалъ.

Съ удаленіемъ сартовъ на молитву, мы вздохнули свободнѣе. Наступила темнота. Полковникъ Назаровъ вызвалъ охотниковъ предлагая выйти изъ крѣпости и сжечь лавчонки прилѣпленныя къ крѣпостной стѣнѣ и наносившія намъ много вреда. Охотниковъ оказалось много и я пошелъ. Насъ велъ полковникъ Назаровъ. Мы выходили за стѣну приближались къ саклямъ на носкахъ, соблюдая полную тишину, на случай если бы въ сакляхъ находились сарты. Но сакли оказались пустыми. Мы брали пучки соломы, привязывали ихъ къ палкамъ, а палки

втыкали въ потолки, поджигая солому. Вскорѣ крѣпость казалась опоясанною линіей огня. Вернувшись мы похоронили своихъ убитыхъ, ихъ было до 40 человѣкъ, подобрали раненыхъ, которымъ я, по возможности, оказалъ облегченіе и наконецъ самъ заснулъ. Передъ сномъ ко мнѣ подошелъ полковникъ Назаровъ и сказалъ при офицерахъ и солдатахъ: «ну, что натѣшился? Я отвѣчалъ: точно такъ!»—Ну выпьемъ по стакану. Я знаю, что ты еврей и спирту не пьешь, дать ему стаканъ лафиту, а мнѣ спирту. Мы чокнулись.

На другой день рано утромъ сарты опять показались у стѣнъ крѣпости и осада возобновилась. Но на этотъ разъ мы приготовились къ отпору. У насъ въ крѣпости были орудія сартовъ, привезенныя съ Чупанаты и ихъ же порохъ. Ихъ установили на барбетахъ и палили въ сартовъ ихъ же снарядами. Кромѣ того маркитанты предложили коменданту давать солдатикамъ водки, табаку и чаю. Солдаты посмѣнно подкрѣплялись. А провіанту для варки не было и кушанье не готовилось. Въ этотъ день убитыхъ и раненыхъ было менѣе, такъ какъ пушками мы удерживали сартовъ на извѣстномъ разстояніи, да и сами солдаты были осторожнѣе, не выставлялись на видъ. Энергія не оставляла сартовъ, особенно азартно бросались они на крѣпость послѣ намаза утромъ и въ 12 часовъ. Вѣроятно муллы ихъ наэлектризовывали.

4-го Іюня число осаждающихъ значительно уменьшилось и въ городѣ произошелъ страшный шумъ и суматоха. Мы узнали, что войска Джурабека наскучивъ безплоднымъ дѣломъ, ограбили сартовъ и разбѣжались. Но оставшіяся войска продолжали осаду. Говорятъ, что въ крѣпость были подброшены письма, въ которыхъ намъ предлагали сдаться и увѣряли, что иначе мы всѣ погибнемъ съ голода, такъ какъ генералъ Кауфманъ насъ продалъ эмиру и помощи намъ неоткуда ждать. Разговоръ о такихъ письмахъ возбуждалъ негодованіе и презрѣніе къ сартамъ, о сдачѣ не могло быть и рѣчи, но голодъ и жажда давали себя чувствовать. Шестидневное сидѣніе въ крѣпости на уменьшаемой порціи сухарей и на тухлой водѣ не могло не отзываться на здоровьѣ.

6-го Іюня въ четвергъ, часовъ въ 6 вечера, одинъ изъ солдатъ закричалъ, что летитъ ракета и указалъ въ сторону бухарской дороги. Стали присматриваться и нѣкоторые точно замѣтили ракеты. Доложили коменданту. Онъ приказалъ и намъ пускать ракеты. Но отвѣтныхъ ракетъ съ бухарской дороги не послѣдовало, а сарты стали отвѣчать намъ ракетами. Они, по всей вѣроятности, вообразили, что мы своими ракетами выражаемъ намѣреніе начать переговоры.

7-го Іюня рано утромъ, тѣ изъ солдатъ, которые стояли по направленію къ Каттакурганской дорогѣ закричали:—наши джигиты ѣдутъ! Ихъ было трое. Нашихъ джигитовъ мы узнавали по заранѣе условленному знаку, а именно, имъ приказано было повязывать пояса свои

черезъ плечо. Мы открыли имъ ворота, для безопасности отъ своихъ же сартовъ, чтобы они могли проскочить поскорѣе. Джигиты эти сказали, что генералъ Кауфманъ послалъ ихъ извѣстить о своемъ возвращеніи и узнать о положеніи нашихъ дѣлъ. Баронъ Штемпель отвѣчалъ, что мы твердо стоимъ, но атакованы. Полковникъ Назаровъ хотѣлъ добавить *едва* стоимъ, но баронъ Штемпель воспротивился изъ осторожности. Онъ опасался, чтобы джигиты не передали своимъ о плачевномъ положеніи осажденныхъ. Джигитамъ нужно было немедленно возвратиться къ генералу Кауфману, а потому полковникъ Назаровъ приказалъ сдѣлать нѣсколько орудійныхъ выстрѣловъ, чтобы поднять дымъ и пыль, въ которыхъ они не были бы замѣчены своими. Часа черезъ полтора прискакали три новые джигита съ приказаніемъ генерала Кауфмана не стрѣлять изъ крѣпости, такъ какъ онъ возвращается и наши выстрѣлы могли бы нанести вредъ своему же возвращающемуся войску. Джигиты эти остались въ крѣпости, а у насъ ударили отбой и мы перестали отстрѣливаться. Радостная вѣсть облетѣла всѣхъ. Люди пріободрились и повеселѣли. Вскорѣ мы увидѣли приближающееся войско, но отъ поднятой имъ пыли не могли разсмотрѣть подробностей; барабаны били атаку. Люди моментально собрались и выстроились для встрѣчи. Всѣ плакали отъ радости. Генералъ въѣхавъ въ крѣпость тотчасъ же обратился къ намъ съ трогательными словами благодарности, а полковника Назарова перваго крѣпко обнялъ. Полковникъ Назаровъ былъ командиромъ IX баталіона, но оставленъ былъ въ крѣпости вслѣдствіе какихъ-то непріятныхъ недоразумѣній между нимъ и высшимъ начальствомъ. Теперь послѣдовало примиреніе. IX баталіонъ возвратился съ генераломъ Кауфманомъ и Назаровъ тотчасъ-же вступилъ въ командованіе имъ. Командованіе это началось съ того, что полковникъ испросилъ разрѣшеніе генерала Кауфмана пройтись съ своими по Самарканду и *потышиться*. Генералъ приказалъ не щадить никого. Евреи, находившіеся въ крѣпости, узнавъ о распоряженіи генерала, приступили къ нему съ просьбою сдѣлать исключеніе для евреевъ, оставшихся въ городѣ и не принимавшихъ участія въ возстаніи. Генералъ выслушалъ ихъ внимательно и съ участіемъ отнесся къ ихъ просьбѣ. Тотчасъ-же былъ посланъ офицеръ догнать полковника Назарова и сказать ему:—*Всѣхъ*, кромѣ евреевъ. Изъ города доносились къ намъ въ крѣпость шумъ и крики. Генералъ Кауфманъ пожелалъ посмотрѣть, что дѣлается въ городѣ и влѣзъ на крышу бекскаго дворца. Но мимо него тотчасъ же прожужжала пуля. Нѣкоторые изъ стоявшихъ близко къ генералу замѣтили, что пуля была пущена съ мечети Хазрета. Генералъ спустился съ крыши и предложилъ солдатамъ идти въ мечеть и снять оттуда воинственнаго сарта.

Вызвались охотники и побѣжали къ мечети. Они быстро вернулись оттуда и привели виновника со связанными сзади руками. На шеѣ у у него висѣли два маленькихъ ружья вершковъ въ 10 длиною.

Генералъ предоставилъ его въ распоряженіе солдатъ. Тѣ сняли съ него оружіе и выстрѣлили ему въ спину. Сартъ упалъ ничкомъ и умеръ.

Сутки барантовали русскія войска, а потомъ имъ ударили отбой. Я спалъ какъ убитый. Намъ претерпѣвшимъ осаду дали отдыхъ и выдали годовое содержаніе.

III.

Разсказъ отставного унтеръ-офицера VI баталіона Василія Петрова.

1-го Мая мы подошли къ Зеравшану въ обѣденное время. Я увидѣлъ, что на Чупанатахъ была масса непріятеля, а нашъ отрядъ обстрѣливали непріятельскіе наѣздники, которые наскакивали въ разсыпную съ разныхъ сторонъ, стрѣляли и удалялись. Мы стояли не двигаясь, но отстрѣливались. Сперва выстрѣлы съ Чупанатъ насъ не достигали, но потомъ стали падать въ отрядъ. Насъ передвинули и войска начали поспѣшно переправляться, цѣпляясь за веревку и другъ за друга. Вещи, шинели, манерки, чашки были оставлены на берегу. VI баталіонъ оставался для прикрытія обоза. Пока войска переправлялись черезъ рѣку на насъ продолжали наскакивать наѣздники, многіе изъ нихъ были въ кольчугахъ. Наконецъ наступила и наша очередь, — мы двинулись къ берегу и чуть было не забыли арбу съ снарядами: она стояла въ сторонѣ. Младшій штабъ-офицеръ маіоръ Альбединъ отдѣлилъ 4 звена солдатъ изъ 2-й роты и, приказавъ имъ слѣдовать за собой, поскакалъ къ арбѣ. Я и самъ не знаю, какъ выскочилъ изъ ряда и побѣжалъ за нимъ. Смотрю въ камышахъ притаился сартъ, я выстрѣлилъ, онъ упалъ, съ другой стороны вижу скачетъ наѣздникъ, я выстрѣлилъ и убилъ подъ нимъ лошадь, случилось ссадить и еще двухъ наѣздниковъ. Маіоръ смотритъ на меня искоса да похваливаетъ, говоритъ: молодецъ! А ну-ка еще вонъ того! Я былъ еще совсѣмъ молодой солдатъ, да и ростомъ-то невеликъ. Оттого онъ должно быть и улыбался мнѣ, тѣмъ болѣе, что прочіе солдаты отстали. Маіоръ разсердился на нихъ, потребовалъ, чтобы догнали, но къ арбѣ мы подошли всё-таки вдвоемъ. Кромѣ солдатъ, подошедшихъ къ намъ, была еще вытребована сотня казаковъ. Въ арбу впрягли казацкихъ лошадей и отвезли ее къ берегу. Вещи, оставленныя войсками на берегу, мы забрали на арбы. Отправили обозъ, а потомъ стали переправляться сами. Вода была настолько высока, что много изъ вещей, лежавшихъ

наверху было смыто водою и я видѣлъ, какъ плыли то шинели, то деревянныя чашки, падали въ воду и котлы. Когда мы перебрались черезъ рѣку, то наши уже были на Чупанатахъ и не только непріятельской пѣхоты, но и наѣздниковъ не встрѣчали. На Чупанатахъ было до 30 непріятельскихъ орудій, на полугорѣ была устроена траншея, гдѣ должно быть лежала ихъ пѣхота. Въ траншеяхъ и около нихъ я видѣлъ много убитыхъ. Наши переднія войска поймали бывшаго въ бухарскихъ войскахъ русскаго солдата, артиллериста Богданова. Онъ сознался, что наводилъ орудія и самъ стрѣлялъ въ русскихъ. Его арестовали. Мы ночевали на Чупанатахъ и оставались тамъ для прикрытія обоза до вечера слѣдующаго дня. Ночью двинулись въ Самаркандъ, ночевали на какой-то площади и только къ утру попали на сборный пунктъ.

Дня черезъ три послѣ занятія города, стали раздавать награды и меня вызвали первымъ и дали Георгія. Маіоръ Альбединъ шутя припомнилъ, какъ мы съ нимъ бѣжали къ арбѣ.

Когда всѣ войска ушли въ Каттакурганъ и остался только VI баталіонъ, то насъ перевели въ крѣпость. Съ нами была еще 1 рота саперовъ, да больные и раненые со всего отряда. Богдановъ все время сидѣлъ на гауптвахтѣ. Слухи шли о томъ, что на насъ будетъ сдѣлано нападеніе, но нашъ баталіонный командиръ баронъ Штемпель не вѣрилъ. Даже когда евреи появились въ крѣпости съ семьями и пожитками, прося укрыть ихъ отъ враговъ, при предстоящей осадѣ,— баронъ не повѣрилъ, и велѣлъ ихъ выгнать. Но евреи, выгоняемые выходили изъ воротъ и садились тутъ же, а по домамъ не шли. Въ день нападенія я былъ ординарцемъ у баталіоннаго командира и вдругъ раздались выстрѣлы со всѣхъ сторонъ. У насъ ударили тревогу и всѣ наши солдаты собрались. Наша рота назначена была за сарбаскій дворъ и разсыпана по валу. Мы начали стрѣлять изъ амбразуръ. Самаркандцевъ и бухарцевъ было много и подступали они совсѣмъ къ стѣнамъ. Нельзя было выглянуть въ амбразуру или черезъ стѣну, какъ десять пуль летѣли въ голову. Сарты перебѣгали изъ сакли въ саклю, которыя лѣпились къ стѣнамъ, а вдали виднѣлись толпы ихъ. И бухарскія и самаркандскія ворота были сожжены непріятелемъ, тогда сняли съ барбета наши два орудія и стрѣляли изъ нихъ въ наступающихъ сартовъ. Я былъ отозванъ къ бухарскимъ воротамъ. Насъ поставили по бокамъ пушки и мы дѣлали свое дѣло, т. е. стрѣляли. Пушку, подлѣ которой мы стояли неправильно зарядили и выстрѣла не послѣдовало. Воспользовавшись этимъ сарты толпой ворвались къ намъ, схватились за орудіе и потащили его. Но въ это время подоспѣлъ полковникъ Назаровъ. Онъ крикнулъ: за мной! и бросился въ рукопашную. Онъ былъ въ рубашкѣ съ растегнутымъ воротомъ и засученными рукавами и въ чахлѣ вмѣсто фуражки. Мы бросились за нимъ. Въ нашей ротѣ былъ силачъ унтеръ-офицеръ Петринкевичъ, высокій, бравый. Онъ дѣйствовалъ молодцомъ, просто билъ прикладомъ; сломаетъ ружье, выхватитъ у сосѣда другое и опять принимается за тоже. Всѣ дѣйствовали штыками и прикладами. Отбили орудіе и поставили на старое мѣсто. Послѣ этого насъ опять передвинули за сарбасскій дворъ. Полковникъ Назаровъ не имѣлъ опредѣленнаго мѣста, а бросался туда, гдѣ было опаснѣе. А барона Штемпеля совсѣмъ не видно было. Съ нами былъ поручикъ Хрущовъ. Стрѣляемъ мы изъ амбразуръ, вдругъ слышимъ крикъ артиллериста съ высокаго барбета, гдѣ стояла мортира:—Ребята, бухарцы ворвались въ крѣпость! Я увидѣлъ толпу человѣкъ въ полтораста бухарцевъ, другіе еще лѣзли черезъ стѣнку, которую пробили. Мы бросились на нихъ. Сначала стрѣляли, а потомъ въ рукопашную. Задніе бросились назадъ черезъ стѣну и скрылись, а переднихъ побили штыками. Покончивъ съ этимъ мы опять кинулись на свои мѣста. Въ 1-й день убитыхъ было много. Ихъ относили на ханскій дворъ и складывали рядами. Убитыхъ же бухарцевъ перебрасывали черезъ стѣну. Въ числѣ убитыхъ былъ поручикъ Лепехинъ, а въ числѣ раненыхъ маіоръ Альбединъ. Онъ былъ тяжело раненъ. Вечеромъ полковникъ Назаровъ сжегъ сакли примыкавшія къ стѣнѣ, а вмѣстѣ съ саклями горѣли и тѣла убитыхъ бухарцевъ. Мы ночь провели у амбразуръ, кто караулилъ, кто дремалъ.

На второй день послѣ утренняго намаза бухарцы снова бросились на крѣпость. Вправо отъ бухарскихъ воротъ сарты въ большомъ количествѣ стали подкапывать стѣну снизу саженъ на триста, надѣясь подкопать и уронить ее, а затѣмъ всею массою ринуться въ крѣпость. Они работали съ пѣснями и веселыми криками. Мѣстами слышались и русскіе голоса. Они просили спустить имъ водки, или кричали: — сдавайтесь! Прогнать ихъ не было возможности, выстрѣлы ихъ не брали. Тогда то появился на сцену Богдановъ. Онъ выпросился изъ подъ ареста, предложивъ прогнать бухарцевъ, копавшихъ стѣны. И дѣйствительно придумалъ отличный способъ. Онъ взялъ ручныя гранаты, поднялся на выступъ стѣны на столько, чтобы его не видно было снаружи и бросалъ гранаты отвѣсно за стѣну. Такъ прошелъ онъ отъ бухарскихъ воротъ къ самаркандскимъ на всемъ протяженіи, гдѣ работали сарты. Рабочіе дѣйствительно частію были убиты, частію разбѣжались. Стукъ прекратился. Этимъ поступкомъ Богдановъ загладилъ свою вину. Онъ былъ прощенъ и награжденъ Георгіемъ.

Все остальное время насъ переводили съ мѣста на мѣсто какъ того требовали обстоятельства и наконецъ поставили опять за сарбасскій дворъ, къ высокому барбету, гдѣ стояла наша единственная мортира.

Пищи варить не приходилось, вода къ намъ была запружена. У насъ имѣлась вода только стоячая въ ямахъ и та покрылась плѣснью. Питались мы сухарями и потому какъ нельзя болѣе кстати было, что маркитанты обносили насъ водкой. Идетъ онъ вдоль стѣны и несетъ два ведра водки, каждому солдату было возможно промочить горло и подкрѣпить духъ.

Полковникъ Назаровъ поддерживалъ всѣхъ насъ. Вездѣ въ опасностяхъ онъ былъ первымъ, поселялъ въ насъ бодрость и надежду, увѣряя, что скоро главный отрядъ вернется изъ Катта-Кургана. Семь джигитовъ были посланы одинъ за другимъ извѣстить генерала Кауфмана о нашемъ положеніи и никто изъ нихъ не доѣзжалъ до главнаго отряда. Они или были убиты, или сами передались непріятелю. Только восьмой джигитъ добрался до цѣли и донесъ о томъ, что насъ осадили.

Послѣ трехъ дней наступленіе сартовъ стало слабѣе и опасность стала не такъ велика. Мы все держались и полковникъ Назаровъ продолжалъ увѣрять: «завтра возвратится главный отрядъ и мы отмстимъ». А между тѣмъ баронъ Штемпель распорядился, чтобы въ случаѣ, если бы мы и не устояли и если бы сарты ворвались въ крѣпость,—вступить съ ними въ рукопашную и лечь всѣмъ костьми.

Не помню на 6 или на 7-й день осады возвратился генералъ Кауфманъ. Сначала въ облакахъ пыли мы не могли разсмотрѣть, кто подвигается, спасители наши, или враги и приготовились стрѣлять. Но къ крѣпости подъѣхалъ урядникъ махая значкомъ. Онъ сообщилъ намъ радостную вѣсть, что генералъ Кауфманъ здѣсь и что по городу идетъ наше войско отрядами въ разныя стороны. Мы не утерпѣли и сдѣлали вылазку, помогать главному отряду. Выйдя изъ стѣнъ мы увидали, что вездѣ кипѣла схватка. Сарты дрались съ нашими, стрѣляли другъ въ друга, наши дѣйствовали штыками, валялись и убитые и раненые, пощады не было, нѣкоторые изъ сартовъ бѣжали изъ города, который во многихъ мѣстахъ горѣлъ, частію былъ подожженъ, а частію горѣлъ отъ выстрѣловъ. Дрались небольшими группами. Я съ товарищами проходилъ мимо одной сакли. Изъ сакли этой въ насъ выстрѣлили, мы отвѣчали выстрѣлами въ саклю, но не вошли, не зная, что насъ ждетъ тамъ. У сакли былъ брошенъ клеверъ, мы подожгли его, загорѣлась и сакля. Изъ нея выскочило человѣкъ пятнадцать, а насъ было восемь. Мы приняли ихъ въ штыки. Одинъ здоровенный сартъ съ длинной пикой бросился на солдатика Дмитріева, который въ свою очередь закололъ другого сарта. Я прокололъ великана штыкомъ и сломалъ на немъ штыкъ. Часамъ къ тремъ пополудни бой былъ уже оконченъ и городъ усмиренъ. Мы пробрались на базаръ. Лавки оказались отпертыми, но въ нихъ существеннаго ничего не было: куски сартовскаго мыла, ихъ

издѣлія сальныя свѣчи, изюмъ, фисташки и все вродѣ этого. Я набралъ себѣ урюку и орѣховъ и отправился въ крѣпость. Нѣкоторые солдаты находили въ ямахъ порядочныя вещи и даже деньги, которыя и забирали. Солдаты возвращались въ крѣпость частями. Генералъ Кауфманъ былъ въ крѣпости.

Городъ вскорѣ успокоился, сарты и ихъ семьи возвратились въ свои дома, открылась торговля, возобновились и другія занятія.

Бухарскій эмиръ, оцѣнивъ храбрость русскихъ и ихъ стойкость при защитѣ крѣпости, прислалъ всѣмъ, находившимся въ осадѣ, по три рубля, а кавалерамъ по пяти.

Намъ въ награду было выдано годовое содержаніе. Кромѣ того генералъ Кауфманъ далъ шестому баталіону отдыхъ на два мѣсяца, такъ что мы въ это время не несли никакой службы и передъ обѣдомъ и передъ ужиномъ получали по чаркѣ водки.

А потомъ я былъ зачисленъ въ учебную команду, гдѣ и получилъ унтеръ-офицера.

IV.

Разсказъ Златы Капелюшъ (жены бывшаго надзирателя за больными).

Во время взятія Самарканда русскими мнѣ было 11 лѣтъ. Я жила у родителей занимавшихся мелочной торговлей. Когда бухарцы стояли на Чупанатахъ, мы съ крышъ хавли (дома) смотрѣли какъ произойдетъ битва и чѣмъ все кончится. Насъ, любопытствующихъ дѣтей, было много, а за дѣтьми влѣзли на крышу и взрослые. Прежде всего мы удивлялись, что у русскихъ такія странныя шапки съ торчащими козырьками (кэпи), но потомъ, когда они вышли изъ воды и всѣ бросились на землю на спины и подняли ноги, которыми болтали (выливали воду) мы пришли въ ужасъ и сочли это за колдовство.

Къ вечеру мы видѣли русскихъ уже на Чупанатахъ.

Передъ приходомъ русскихъ сарты закопали всѣ свои цѣнныя вещи и деньги въ землю. А потому ничего драгоцѣннаго не нашли бухарцы, бѣжавшіе съ Чупанаты черезъ Самаркандъ далѣе. Они только разграбили все, что находили въ домахъ и что попадалось подъ руку. Когда русскіе вошли въ городъ, то первые дни настоящей торговли не было. Сарты продавали только лепешки.

Во время осады, евреи пробрались въ крѣпость, но многіе родители побросали своихъ дѣтей на произволъ судьбы. Это было впрочемъ и съ сартами, когда ихъ семьи торопились бѣжать изъ Самарканда и укрываться въ садахъ. Я тоже была брошена. Случилось это такъ:

видя, что городъ готовится къ чему-то особенному, мы, дѣти, сновали по улицамъ, ко всему присматриваясь, взбѣгали на крыши, распрашивали и разсказывали встрѣчнымъ дѣтямъ и не замѣтили какъ шло время. Когда я сильно проголодалась, то побѣжала домой, но каково-же было мое удивленіе, когда я нашла домъ пустымъ и на всѣ мои крики, ни отецъ, ни мать не отзывались. Вскорѣ ко мнѣ прибѣжали мои друзья, мальчикъ и дѣвочка, братъ и сестра. Они дома также своихъ не нашли и были голодны. Мы нашли кусокъ хлѣба, раздѣлили его поровну, подбодрили другъ друга и рѣшили не разставаться. Мы догадались, что насъ второпяхъ не дождались и бросили. Тутъ мы переночевали, а съ разсвѣтомъ были уже на ногахъ. Новые поиски пищи ничего намъ не дали, но мы нашли два мѣшка съ деньгами. Они были въ шкатулкѣ. Вѣроятно отецъ приготовилъ ихъ взять съ собою да заторопившись забылъ. Въ мѣшечкахъ было золото, серебро и мѣдь, всѣ монеты бухарской чеканки. Ихъ было до трехсотъ рублей. Мы порѣшили носить деньги съ собою, пряча мѣшечки отъ посторонних глазъ.

Въ городѣ слышались крики и шумъ. Мы взобрались на крыши и побѣжали туда, гдѣ было шумнѣе. Было страшно и весело слѣдить за воюющими. Въ городѣ было много убитыхъ сартовъ. Порою, мы вспоминали, что и насъ могутъ убить, и прятались, но любопытство брало свое и вскорѣ мы опять появлялись зрителями страшной картины. Ѣсть намъ очень хотѣлось. Мы замѣтили, что сартовскія дѣти, брошенныя какъ и мы, куда-то побѣжали, мы послѣдовали за ними и вскорѣ увидѣли, что старуха-сартянка одѣляла ихъ лепешками, мы тоже подошли, она и намъ дала по лепешкѣ. Впослѣдствіе мы сдѣлались смѣлѣе и подходили къ сартамъ, когда они ѣли. Иногда намъ бросали куски, иногда насъ прогоняли.

Въ концѣ концовъ крики, свистъ пуль, мертвыя тѣла, суматоха насъ утомили и надоѣли намъ. Мы стали мечтать о томъ, какъ бы пробраться въ крѣпость, но не смѣли, оттуда стрѣляли и насъ бы не пропустили. Нѣсколько разъ мы направлялись въ ту сторону и возвращались изъ боязни быть убитыми или сартами или русскими. Оставалось скитаться по городу, голодать, выпрашивать хлѣба и получать пинки, особенно послѣ того, какъ сарты къ намъ присмотрѣлись и узнали въ насъ евреевъ. Насъ, дѣвочекъ, было трудно узнать, мы носили сартовскія одежды, но мальчика можно было узнать по пейсамъ. Мы слышали порою упреки въ томъ, что наши родители измѣнили имъ и передались русскимъ. Не помню сколько дней мы бѣдствовали. Пріѣхалъ генералъ Кауфманъ, въ городѣ стало тихо. Выстрѣловъ не было. Мы направились въ крѣпость, но при видѣ солдата идущаго въ нашу сторону, прятались. Мало по малу мы подошли уже близко. Тутъ

былъ мостъ. Ворота крѣпости отворились и вышли трое солдатъ. Мы спрятались подъ мостъ. Солдаты подошли къ мосту, одинъ изъ нихъ наклонился пить и увидалъ насъ. Онъ что-то закричалъ своимъ. Всѣ трое подошли и вытащили насъ изъ подъ моста. Мѣшечки наши они замѣтили, отняли ихъ у насъ и раздѣлили между собою. Золото и серебро насыпали въ сапоги и кэпи, а мѣдь бросили. Затѣмъ, поговоривъ что-то между собою стали расправляться съ нами. Сперва застрѣлили мою подругу, потомъ мальчика. Одинъ солдатъ выстрѣлилъ въ меня, но произошла осѣчка. Тогда онъ ударилъ меня прикладомъ въ грудь и толкнулъ къ стѣнѣ крикнувъ тур (по-татарски) стой, а самъ сталъ заряжать ружье. Я вдругъ сдѣлалась какъ каменная, ничего не чувствовала, ни боли, ни страху. Въ это время изъ воротъ крѣпости вышелъ мой отецъ съ солдатами. Увидѣвъ меня, онъ съ криками бросился мнѣ на помощь и схватилъ на руки. Находившійся тутъ еврей-солдатъ закричалъ моему мучителю по русски, что я еврейка и что евреевъ запрещено бить. Отецъ унесъ меня въ крѣпость и положилъ въ лазаретъ. Отецъ и мать почти не отходили отъ меня, они съ избыткомъ старались загладить свою вину. Я недѣли двѣ была сильно больна и потомъ у меня грудь долго болѣла отъ удара прикладомъ. Наши евреи все время пока находились въ крѣпости ходили за ранеными и больными, исполняя черную работу. А когда мы рѣшились выйти въ городъ, въ свое жилище, сарты уже торговали и вели себя такъ, какъ будто ничего не произошло.

Л. Симонова (Хохрякова).

День „Вознесенія“ въ Закаспійскихъ пескахъ.

(Изъ путевыхъ воспоминаній).

Тихо подходитъ экстренный поѣздъ Главнаго Начальника края къ станціи «Мервъ» Закаспійской желѣзной дороги. На платформѣ собрались представители мѣстной власти; только восемь часовъ утра, но жара ощущается сильно; бѣлые вагоны поѣзда и желѣзно-дорожныя зданія блестятъ ослѣпительно на солнцѣ; въ воздухѣ тишина. Но вотъ свистокъ кондуктора, поѣздъ остановился, все кругомъ смолкло. Главный Начальникъ вышелъ со свитою на платформу, — началось представленіе встрѣтившихъ его лицъ. Переходя отъ одного къ другому, генералъ знакомится съ каждымъ, распрашивая и выслушивая его, но звукъ рѣчей ихъ не слышенъ, онъ теряется въ неподвижныхъ волнахъ жгучаго жара степи. Представленіе подходитъ къ концу, сейчасъ будетъ принятъ послѣдній, и поѣздъ долженъ тронуться дальше, но вдругъ, неожиданно для всѣхъ, гдѣ-то близко, близко отъ насъ прозвучалъ призывный ударъ благовѣсти. Всѣ встрепенулись, — что это такое, откуда родной, благодатный тотъ звонъ въ этой дикой, безлюдной пустынѣ? Сегодня вѣдь день Вознесенія, забыли въ пути всѣ объ этомъ, а звонъ раздается изъ церкви-вагона, прибывшаго на станцію къ празднику. Генералъ, а за нимъ и вся свита, направляется къ церкви. Вагонъ окрашенъ, какъ всѣ остальные, въ ослѣпительно-бѣлую краску, стоитъ на запасномъ пути, у входа его виситъ призывный къ молитвѣ колоколъ, въ который мѣрно ударяетъ юный солдатикъ желѣзно-дорожной команды; на встрѣчу, изъ царскихъ вратъ выходитъ священникъ съ крестомъ, въ облаченьѣ, привѣтствуя всѣхъ благословеніемъ, а кругомъ степь, степь туркменская, дикая степь, недоступная, страшная всѣмъ лишь четверть вѣка назадъ, степь, гдѣ слово Христа произнесть, означало, попасть въ

плѣнъ къ туркменамъ, хивинцамъ или текинцамъ. Небольшой, приспособленный къ церкви-вагонъ, весь блеститъ позолотой иконъ, царскихъ вратъ и хоругвей. Влѣво отъ входа стойка для продажи свѣчей и просфоръ, по бокамъ, между оконъ, образа святителя Николая и царицы Александры. Все въ этомъ храмѣ молитвы въ пути дышетъ простотой; все — и царскія врата, и иконостасъ, и хоругви небольшія, приспособленныя къ высотѣ обыкновеннаго вагона, церковь кажется маленькою, но благоговѣніе къ ней, къ ея высокому назначенію просвѣтленія азіатской степи, раздвигаетъ эти узкія стѣны, поднимаетъ высоко къ небу низкій потолокъ, духовный взоръ проникается величіемъ этой простоты и вся душа преисполнена глубокой вѣры торжества Слова Бога Живаго среди необъятной, коснѣвшей до сего въ мусульманствѣ пустыни.

По желанію Главнаго Начальника церковь-вагонъ былъ прицѣпленъ къ экстренному поѣзду и, съ отходомъ его со станціи «Мервъ», началось въ немъ служеніе обѣдни. Всѣ лица, входящія въ составъ свиты и сопровождавшія поѣздъ, собрались въ церкви, потомъ вошли въ нее генералъ съ супругою и началось чтеніе часовъ. Какъ ни мала казалась церковь-вагонъ, но довольно многочисленный составъ лицъ поѣзда помѣстился въ немъ, не тѣсняся, свободно. Жгучая жара умѣрялась створчатыми ставнями на окнахъ, поѣздъ шелъ среднимъ ходомъ и стоять было совершенно удобно. Отошли часы, священникъ провозгласилъ: «Благословенно царство и сила и слава...» и служеніе обѣдни продолжалось торжественно-мирно, при пѣніи двухъ причетниковъ изъ нижнихъ чиновъ. И въ дымѣ кадильномъ вознеслися молитвы о мирѣ всего міра, о благоденствіи и о мирномъ житіи, о Царѣ и Царицѣ и о всемъ царствующемъ домѣ, объ избавленіи отъ гнѣва и нужды, о недугующихъ, плавающихъ и путешествующихъ и о спасеніи всѣхъ.

Горячо неслась молитва къ престолу Царя царствующихъ въ этомъ маленькомъ движущемся храмѣ, искренною вѣрою проникнулись всѣ предстоящіе, отторгнутые и заброшенные силою судьбы отъ дорогой и милой родины, уходящей все дальше и дальше по мѣрѣ движенія поѣзда впередъ, и, можетъ быть, ни одно сердце не молилось такъ никогда, какъ здѣсь, среди иновѣрческой пустыни. Простыя, но полныя свѣтлой надежды слова святого писанья, молитвы, цѣлили всѣ недуги, раны души и тихая радость въ сердцахъ разливалась. Служенье обѣдни шло своею чредой; запѣли херувимскую, «всякое житейское попеченье» отодвинулось, отошло куда-то далеко, какъ будто его не существовало, священно-служитель предсталъ на амвонѣ съ святыми дарами и всѣ опустились на колѣни. «Яко, да Царя всѣхъ подымемъ» громко запѣли на клиросѣ и торжествующая пѣснь «Алли-

луя» далеко разнеслась въ необъятныхъ туркменскихъ степяхъ. Близилась минута «Жертвы всего міра», а поѣздъ мѣрно уходилъ все дальше, дальше въ глубь степей, неся съ собой слова прощенія грѣхамъ людей.—«Достойно есть» пронеслося въ колѣнопреклоненной передъ Славою Христа церкви, а у входа раздался благовѣстъ и мѣрные звуки торжественнаго звона, возвѣщающаго міръ о совершившейся радости искупленія, разнеслися высоко въ синевѣ лазурнаго, свѣтлаго неба. Какія чувства, какія мысли слагались въ этотъ мигъ, какое слово, выраженье передастъ то умиленье, какимъ охвачены были всѣ наши сердца? Да эти минуты переживаются, но никогда не забываются, онѣ живы въ насъ, онѣ не умрутъ въ насъ, онѣ—однѣ изъ лучшихъ мгновеній жизни, отодвинутой отъ житейскаго попеченья. «Съ миромъ изыдемъ»—поѣздъ приближается къ станціи, святое служеніе вѣчной истины окончено, мы совершили великое таинство въ нѣдрахъ непросвѣщенной тьмы,—миръ въ душѣ, миръ въ далекихъ небесахъ, миръ на землѣ пустынной степи, миръ всему міру.

С. Баумгартъ.

Воспоминанія сибирскаго полиціймейстера.

Изучая на практикѣ эмоціональный языкъ, т. е. языкъ душевнаго волненія, я пришелъ къ заключенію, что аффекты нервнаго раздраженія, появляющіеся у человѣка послѣ совершенія имъ преступленія въ тотъ именно моментъ, когда на смѣну удовлетвореннаго волеваго побужденія являются: страхъ, раскаяніе, желаніе скрыть преступное дѣяніе отъ посторонняго глаза и т. д., могутъ отчасти служить путеводною нитью къ открытію преступленія. Чтобы не быть голословнымъ привожу примѣры.

I.

Проѣзжая однажды, по дѣламъ службы, по самымъ глухимъ, отдаленнымъ улицамъ г. Омска, Тобольской губерніи [1]), я натолкнулся на слѣдующую исторію. Волостной старшина одной изъ ближайшихъ волостей привезъ три тысячи рублей податныхъ денегъ для сдачи въ Казначейство, но такъ какъ было еще рано, то онъ по пути завернулъ къ одной своей знакомой, содержавшей кабачекъ. Знакомая, обрадовалась такому именитому гостю, поставила самоваръ и, узнавъ, что съ нимъ деньги, удвоила свое вниманіе до того, что угостила его краснымъ винцомъ съ примѣсью какого-то снотворнаго зелья, отъ котораго онъ уснулъ и проспалъ чуть не сутки. Проснувшись и не найдя при себѣ денегъ, онъ сталъ укорять хозяйку въ кражѣ и требовалъ возврата денегъ. Разговоръ принялъ характеръ крупной ссоры, послышались: крикъ, брань, угрозы, и на этотъ шумъ подъѣхалъ я.

[1]) Гор. Омскъ въ 1868 г. принадлежалъ Тобольской губ., а потомъ Акмолинской области.

Что случилось? спрашиваю, входя въ кабачекъ.

Да вотъ, г. полиціймейстеръ, заявляетъ потерпѣвшій, ограбила меня. Я заѣхалъ къ ней, какъ къ доброй знакомой, а она подъ видомъ гостепріимства угостила меня какимъ-то дурманомъ и украла три тысячи рублей казенныхъ денегъ.

Не правда, г. полиціймейстеръ, оправдывалась красивая блондинка, глядя на меня встревоженными глазами, съ тысячами по кабакамъ не ѣздятъ.

Признаюсь я самъ былъ такого же мнѣнія, что съ тысячами по кабакамъ не ѣздятъ и думалъ, что шумъ и ссора вызваны другими мотивами, но тревожные взгляды обвиняемой и нервное подергиваніе мускуловъ на поблѣднѣвшемъ лицѣ убѣждали меня въ противномъ.

Такъ вы не брали у него денегъ? спросилъ я блондинку.

Никакъ нѣтъ, г. полиціймейстеръ, убей Богъ мою душу, если я взяла у него хоть копѣйку.

Зачѣмъ вы божитесь, я такъ вамъ вѣрю. У васъ много своихъ денегъ?

Своихъ? повторила она, слегка вздрогнувъ и лицо ее покрылось густымъ румянцемъ.

По этимъ аффектамъ я еще болѣе убѣдился, что совѣсть ея не чиста, оставалось только довести ее до сознанія или уличить какимъ нибудь неоспоримымъ фактомъ.

Что же вы не отвѣчаете?

Виновата, г. полиціймейстеръ, я припоминала, сколько у меня въ настоящую минуту своихъ и хозяйскихъ денегъ, такъ какъ я торгую отъ г. Тараканова.

Сколько же?

Да тѣхъ и другихъ рублей двѣсти наберется.

И больше въ домѣ ни гроша?

Ни гро-ша, отвѣчала она нерѣшительно.

Назначивъ изъ числа собравшейся публики понятыхъ, я поручилъ имъ осмотрѣть всѣ вещи въ домѣ, а самъ, занявъ наблюдательный постъ, сталъ незамѣтно слѣдить за обвиняемой, и вскорѣ по ея озабоченнымъ взглядамъ, бросаемымъ въ правый уголъ комнаты, гдѣ стоялъ комодъ, заключилъ, что въ немъ или гдѣ нибудь возлѣ него хранится ея тайна, а потому, остановивъ осмотръ сундуковъ, приказалъ поискать въ указанномъ мѣстѣ. Душевное волненіе, отразившееся на лицѣ обвиняемой, не обмануло меня: за комодомъ, въ старомъ шерстяномъ чулкѣ, понятые нашли украденные у волостного старшины три тысячи рублей.

II.

Другой случай. Въ городѣ Омскѣ стали появляться фальшивые полуимперіалы. Чеканка ихъ была на столько хороша, что трудно было отличить отъ настоящихъ. Я удвоилъ вниманіе и вскорѣ по нѣкоторымъ даннымъ подозрѣніе мое остановилось на одномъ ссыльномъ по фамиліи Мокшрайтись, который занимался золоченіемъ рамъ. Подъ предлогомъ заказа, я заѣхалъ къ нему въ мастерскую. Визитъ мой страшно встревожилъ хозяина, онъ поблѣднѣлъ, какъ полотно, глаза смотрѣли растерянно и по лицу пробѣгали легкія тѣни мускульныхъ сокращеній. Эмоція, однимъ словомъ, была на столько характерна и выразительна, что сразу рождало сомнѣніе въ нравственной чистотѣ хозяина.

Усиливъ надзоръ, я вскорѣ убѣдился въ основательности своего подозрѣнія. Въ одномъ изъ лучшихъ магазиновъ въ городѣ задержана была прилично одѣтая дама, которая расплачивалась фальшивыми полуимперіалами; дали знать полиціи. Дежурный чиновникъ произвелъ въ квартирѣ ея обыскъ и не найдя ничего подозрительнаго, явился ко мнѣ съ докладомъ. Узнавъ, что заподозрѣнная жена Мокшрайтиса, я невольно воскликнулъ, не можетъ быть, чтобы у нихъ ничего не было! Поѣдемте, я покажу вамъ, какъ нужно обыскивать! И что же, въ конюшнѣ, подъ кучею стараго навоза, я открылъ искусно замаскированный люкъ, который прикрывалъ входъ въ подземелье, гдѣ производилась чеканка фальшивыхъ полуимперіаловъ и хранились готовые къ выпуску. Полуимперіалы изготовлялись изъ листового нейзильбера и золотились гальвано-пластическимъ способомъ.

III.

Вскорѣ представилась новая возможность убѣдиться въ пригодности эмоціальнаго языка къ открытію слѣдовъ преступленія. Совершилось таинственное убійство. Зарѣзали въ городѣ жену чиновника N. Мужа не было дома, за два дня до катастрофы онъ уѣхалъ въ командировку. Кухарка находилась въ кухнѣ, помѣщавшейся на дворѣ. По словамъ ея, она ничего не видала и не слыхала. Вещи въ домѣ были не тронуты, что служило указаніемъ, что преступленіе совершено не съ цѣлью грабежа, а по другимъ болѣе таинственнымъ мотивамъ, разгадку которыхъ слѣдовало искать въ собственной жизни погибшей. Неужели мужъ? мелькнуло у меня въ головѣ. Но его вѣдь не было дома; а подговорить, подкупить другого на такое преступленіе слишкомъ рискованно. И новыя догадки, предположенія и соображенія, какъ передвижныя картины проходили въ моей головѣ, и я снова останавливался на той же первоначальной мысли — «мужъ».

Обдумавъ планъ розысковъ, я взялъ двухнедѣльный отпускъ подъ предлогомъ посѣщенія больного брата, проживавшаго въ г. Т... Дорогой въ заштатномъ городѣ Тюкалѣ я узналъ, что чиновникъ N, въ день смерти своей жены, выѣзжалъ въ сосѣднюю деревушку; но вмѣсто ея пробрался тайкомъ назадъ въ Омскъ и возвратился на другой день вечеромъ. Собранныхъ свѣдѣній было однако недостаточно для полнаго разоблаченія таинственнаго убійства, оставалось заподозрѣннаго привести къ сознанію и я уповалъ въ этомъ на помощь эмоціальнаго языка.

Черезъ двѣ недѣли я возвратился домой и въ тотъ же день вечеромъ встрѣтился въ клубѣ съ чиновникомъ N. Замѣтивъ меня, онъ не выдержалъ роли, не могъ скрыть охватившаго его душевнаго волненія, поблѣднѣлъ, дыханіе стало учащеннымъ. Когда же я, поздоровавшись съ нимъ, сообщилъ объ открытіи слѣдовъ убійцы его жены, съ нимъ сдѣлалось дурно и его пришлось увезти домой. Черезъ часъ онъ потребовалъ меня къ себѣ и истерически рыдая сознался въ убійствѣ жены.

IV.

Не лишенъ такъ же интереса слѣдующій эпизодъ. Въ г. Ишимѣ, гдѣ я съ 1865 г. по 1868 г. служилъ начальникомъ полиціи, командированъ былъ на ярмарку интендатскій чиновникъ N. для разныхъ закупокъ. Командировка сулила нѣкоторую выгоду и чиновникъ N. съ радости запилъ и пока добрался до г. Ишима роспился окончательно. Данные ему въ помощь два вахтера, какъ ни старались остановить его благородіе, но «резонтовъ» онъ, по ихъ словамъ, никакихъ не слушалъ и продолжалъ пить и пить.

По пріѣздѣ въ городъ онъ вздумалъ показать свою удаль, отправился въ одинъ изъ кабачковъ и тамъ во время гулянки потерялъ данные ему на покупки десять тысячъ рублей. О случившемся дали мнѣ знать. Пріѣзжаю, чиновника N. и слѣдъ простылъ, его безъ церемоніи усадили въ сани и отправили домой.

Хозяйка встрѣтила меня съ притворными слезами, жаловалась на возведенную на нее, какимъ-то пьянымъ чиновникомъ, напраслину.

О какой напраслинѣ вы говорите? — спрашиваю, показывая видъ, что ничего не знаю.

Ахъ, г. полиціймейстеръ, развѣ вамъ еще неизвѣстно, что случилось?

Что такое? ничего не знаю.

Былъ здѣсь пьяный чиновникъ, угощалъ дѣвушекъ шампанскимъ, заставлялъ ихъ пить, плясать, играть, самъ съ ними хороводился и вдругъ заявилъ, что у него украли десять тысячъ рублей; каково вамъ покажется?

Мало ли что пьяный навретъ, такъ ему и вѣрить.

Справедливо изволите говорить, г. полиціймейстеръ, пьяному на грошъ нельзя повѣрить.

Слѣдовательно и плакать не о чемъ, замѣтилъ я, всматриваясь въ ея искусственно возбужденное лицо.

Но все же, г. полиціймейстеръ, обидно терпѣть такую клевету, я честная женщина, меня знаютъ на всѣхъ ярмаркахъ: и въ Ирбитѣ, и въ Нижнемъ и въ Крестахъ (Шандринскаго уѣзда, Пермской губ.) у меня въ домѣ нитки чужой никогда не пропадало... Но что мы стоимъ, прошу въ залу, не прикажете ли шампанскаго?

Только не теперь, проговорилъ, я проходя въ залу. Появленіе мое произвело замѣтную сенсацію: музыка стихла, танцы прекратились, все приняло какой-то офиціально-натянутый видъ; но я просилъ посѣтителей не стѣсняться моимъ присутствіемъ и веселиться по прежнему. Началась кадриль, я сѣлъ и сталъ наблюдать за танцующими гетерами, стараясь отыскать между ними виновницу похищенія денегъ. Вскорѣ глаза мои остановились на красивой брюнеткѣ, которая не принимая участія въ танцахъ, сидѣла въ углу и видимо избѣгала моего взгляда, тогда какъ другія напротивъ строили глазки, стараясь очевидно привлечь мое вниманіе. Чтобы завязать разговоръ, я спросилъ сосѣдку, какъ ее зовутъ?

Машей — отвѣчала она наивно.

А эту, которая танцуетъ въ первой парѣ?

Дуняшей.

Ну а ту, что сидитъ въ углу?

Зиной.

Какая хорошенькая, проговорилъ я.

Да недурненькая, она изъ благородныхъ, случайно попала въ нашу семью.

Нужда видно загнала?

Да, бѣдность: ни ѣсть, ни пить, а на рукахъ еще больная мать.

Я взглянулъ на брюнетку, мнѣ стало грустно, что она не могла справиться съ окружающими обстоятельствами и пала такъ низко. Заиграли вальсъ, чтобы дать просторъ танцующимъ я перешелъ ближе къ брюнеткѣ — она вздрогнула.

Что вы, m-lle Зина, сидите такой отшельницей, не принимаете участія въ танцахъ? спросилъ я. Она взглянула на меня пытливо, названіе m-lle видимо ее озадачило, она поняла, что я знаю тайну ея происхожденія и съ замѣтнымъ волненіемъ проговорила: я не совсѣмъ здорова.

Да, это видно что вы больны, вы такая худенькая, блѣдная, вамъ отдохнуть, полѣчиться нужно.

Въ такой жизни развѣ бываетъ отдыхъ, сказала она грустно.

Перемѣните жизнь.

Гдѣ ужъ теперь, когда все потеряно!

Вотъ тутъ-то и нужно вооружиться силой воли, сбросить съ себя эту грязь и заняться чѣмъ-нибудь полезнымъ.

Она посмотрѣла на меня долгимъ взглядомъ, точно желала разгадать тайный смыслъ моихъ словъ и послѣ непродолжительной паузы произнесла нерѣшительно: чѣмъ я могу заняться? Кто меня возьметъ, кто дастъ работу?

Знаете, m-lle Зина; вы произвели на меня глубокое впечатлѣніе, я готовъ помочь вамъ вырваться отсюда.

Пойдемте въ гостиную поговоримъ, какъ это устроить.

Мы перешли въ уютную комнату, намъ подали шампанскаго, и бесѣда наша приняла интимный характеръ. Она разсказала мнѣ свою жизнь, свое бѣдственное положеніе, вынудившее ее, зажмуря глаза, кинуться въ этотъ омутъ разврата, чтобы пріобрѣсти нѣсколько рублей на лѣченіе больной матери. Я старался утѣшить ее, поднять нравственныя силы, вселить надежду на лучшее будущее и обѣщалъ завтра же перевести ее въ одинъ семейный домъ.

Но вѣдь нуженъ выкупъ, чтобы выйти отсюда, сказала она.

Какой выкупъ? съ удивленіемъ спросилъ я.

Какъ же, хозяйка записываетъ все, что тратитъ на насъ и послѣ, кто выходитъ, взыскиваетъ; вотъ, напримѣръ, съ меня, она требуетъ триста рублей.

Законъ не признаетъ подобныхъ взысканій.

Вотъ какъ? А я несчастная все убивалась, не знала что дѣлать, гдѣ достать эти противные триста рублей, чтобы расплатиться съ нею и бѣжать. Въ глазахъ ея промелькнуло что-то похожее на раскаяніе.

Условившись окончательно о выходѣ ея, я осторожно спросилъ: Зина, разскажите мнѣ, какая исторія вышла тутъ съ пьянымъ чиновникомъ?

Она перемѣнилась въ лицѣ: страхъ, стыдъ, угрызеніе совѣсти все сразу нахлынуло съ такою силой, что съ ней сдѣлался лихорадочный пароксизмъ.

Успокойтесь, Зина, продолжалъ я ласково. Что-бы вы мнѣ не открыли, останется между нами, я васъ не выдамъ.

Она посмотрѣла на меня съ благодарностью и сквозь слезы, которыя крупными каплями падали на складки ея шелковаго чернаго платья, прошептала: я вамъ вѣрю и судорожно сжимая мою руку созналась, что пропавшія деньги у нея, что она взяла ихъ съ цѣлью откупиться и зажить новою жизнью.

Куда же вы ихъ спрятали?

На дворѣ, въ сугробъ снѣгу.

Ахъ Зина, Зина! воскликнулъ я невольно, вѣдь эти деньги казенныя, у этого несчастнаго пьяницы, у котораго вы ихъ взяли, чтобы устроить свою жизнь, восемь человѣкъ дѣтей, пожалѣйте ихъ, возвратите деньги.

Она горько плакала.

Не плачьте Зина, а радуйтесь, что вы имѣете еще возможность исправить свой необдуманный поступокъ, ступайте принесите деньги.

Она принесла пакетъ съ деньгами, я поблагодарилъ за сбереженіе и повторивъ обѣщаніе устроить ее положеніе, отправился домой раздумывая, что душевное волненіе раньше словъ выдало ея тайну о деньгахъ.

У субъектовъ, одержимыхъ клептоманіей, т. е. такой формой психическаго разстройства умственнаго аппарата, когда является непреодолимое влеченіе къ одному какому-нибудь роду преступленія: воровству, поджогу, убійству и т. д., эволюція душевнаго волненія нѣсколько ослабляется, но, впрочемъ, не настолько, чтобы нельзя было судить о виновности или невиновности наблюдаемаго лица. Въ моей практикѣ было нѣсколько подобныхъ случаевъ, привожу изъ нихъ болѣе характерные.

V.

Однажды я получилъ съ почты денежное письмо съ передачей ссыльному П... Письмо было отъ сестры, проживавшей у какого-то помѣщика въ гувернанткахъ. Она писала брату, что мать еще не знаетъ о постигшемъ его несчастіи, что она не рѣшается сказать ей правду, боясь какъ бы это печальное извѣстіе не уложило ее въ могилу и т. д. Я приказалъ розыскать П..., но всѣ поиски въ городѣ оказались тщетными, по донесенію приставовъ его не оказалось. Объѣзжая разъ ночью городъ, я вздумалъ заглянуть на кладбище, гдѣ въ лѣтнюю пору скрываются всѣ бездомники. Небо заволокло тучами, накрапывалъ дождь, темно и глухо было кругомъ, только поднимающійся вѣтерокъ шелестилъ листвою березы, растущей возлѣ могилъ. Лошадь осторожно передвигала ногами, боясь оступиться и, прислушиваясь къ окружающему шелесту, строго поводила ушами. Но вотъ невдалекѣ что-то грохнуло, послышался глухой человѣческій стонъ, выходящій какъ бы изъ ближайшей могилы, мой конь испуганно отпрянулъ въ сторону съ такою быстротою, что я едва усидѣлъ на немъ.

Кто здѣсь? спросилъ я, успокаивая дрожавшаго всѣми фибрами коня.

Я, отвѣчалъ, сдавленный могильный голосъ.

Какъ звать?

П...

П..! воскликнулъ я радостно, что вы здѣсь дѣлаете?

Живу, такъ какъ не имѣю другого пристанища.

Послушайте, я получилъ на имя ваше письмо съ деньгами, завтра вы ихъ получите, а теперь ступайте въ полицію переночуйте, казакъ васъ проводитъ.

На другой день при видѣ П.., я ужаснулся до чего онъ дошелъ, на немъ буквально не было: ни сапогъ, ни бѣлья, ни платья, одна только истрепанная арестантская сермяга прикрывала кое-какъ его исхудалое тѣло.

Что васъ довело до такой крайности? спросилъ я отдавая ему письмо и деньги.

Онъ зарыдалъ и ничего не могъ сказать въ отвѣтъ.

Изъ статейнаго списка я узналъ, что П... служилъ на одной желѣзной дорогѣ и за кражу сорока тысячъ рублей и побѣгъ сосланъ съ лишеніемъ правъ. Вечеромъ у меня собрались гости, я разсказалъ о плачевной участи несчастнаго П... По иниціативѣ дамъ состоялась небольшая въ пользу его подписка, на собранныя деньги завели ему необходимое платье, а добрякъ стряпчій О... простеръ свое участіе до того, что далъ П... у себя квартиру, столъ и мѣсто частнаго письмоводителя съ жалованьемъ 15 руб. въ мѣсяцъ. Поправился П... умылся, одѣлся и какъ человѣкъ молодой, образованный, въ добавокъ красивый, въ короткое время сдѣлался любимцемъ небольшого провинціальнаго общества. Ни одинъ обѣдъ, вечеръ, гулянье не проходило безъ него и чѣмъ же онъ отплатилъ за любовь и вниманіе къ себѣ? Обокралъ всѣхъ поголовно, начиная съ ближайшаго своего благодѣтеля, добраго стряпчаго О... Когда я вызвалъ его въ полицію для допроса, необычайная блѣдность лица и нервное подергиваніе тонкихъ губъ, не смотря на запирательство, выдавали его цѣликомъ.

VI.

Другой случай я наблюдалъ въ г. Курганѣ, Тобольской губерніи во время бывшихъ тамъ въ 1863 и 1864 годахъ большихъ пожаровъ. Это было тяжелое время, духъ разрушенія овладѣлъ всѣми умами и казалось носился въ воздухѣ, по два, по три, а иногда и болѣе поджоговъ случалось на дню. Я рѣшительно терялся, всѣ мои усилія, всѣ заботы предотвратить или по крайней мѣрѣ ослабить нахлынувшее несчастіе были тщетны, городъ горѣлъ и горѣлъ. Пожарная команда сбилась съ ногъ, я всѣми силами поддерживалъ ея энергію и заботился, чтобы все было въ исправности. Однажды въ 8 часовъ вечера, зайдя неожиданно на пожарный дворъ, чтобы осмотрѣть новые насосы, я засталъ тамъ полицейскаго служителя Израилева. На вопросъ: Зачѣмъ пришелъ? Онъ съ замѣтнымъ волненіемъ, отвѣчалъ: Зашелъ къ товарищу.

Отъ чего здѣсь такъ пахнетъ гарью? спросилъ я его.

Не могу знать ваше высокоблагородіе, отвѣчалъ онъ поблѣднѣвъ, какъ полотно, должно быть степь горитъ, изъ-за рѣки наноситъ.

Я посмотрѣлъ на него въ упоръ, онъ не выдержалъ и опустилъ глаза. Ужъ не онъ-ли устраиваетъ всѣ эти ауто-дафе? подумалъ я, выходя на улицу. Не прошло часа, послѣ этого разговора, загорѣлся пожарный сарай, поднялся вѣтеръ и жертвою пламени сдѣлались шестьдесятъ лучшихъ домовъ въ городѣ. Подозрѣніе мое относительно Израилева усилилось, но не имѣя фактическихъ данныхъ, я не могъ привлечь его къ отвѣтственности и долженъ былъ ограничиться одною только административной высылкой.

Спустя четыре года меня перевели въ г. Омскъ полиціймейстеромъ. По пріѣздѣ туда я снова встрѣтился съ поджогами, которые съ необыкновеннымъ упорствомъ происходили вблизи военнаго госпиталя, но я былъ уже не новичекъ и сразу напалъ на слѣдъ виновника поджоговъ. Загорѣлись службы, при домѣ военнаго губернатора, явилась пожарная команда и при тушеніи горѣвшихъ зданій нашла свертокъ съ горючимъ веществомъ, завернутый въ газетную и обойную бумаги. Съ этой находкой я отправился въ госпиталь, находившійся не подалеку и просилъ смотрителя показать мнѣ госпитальную прислугу. Каково же было мое удивленіе, когда въ числѣ служителей, я встрѣтилъ давно знакомаго Израилева. А, голубчикъ, сказалъ я строго, тебѣ даромъ сошли курганскія шалости, ты вздумалъ и здѣсь приняться за тоже, нѣтъ извини, тебѣ это не удастся.

Израилевъ былъ блѣденъ, глаза выражали затаенную злобу и душевное волненіе обнаруживалось только учащеннымъ дыханіемъ. При обыскѣ у него хотя и нашли обрывки такой же газетной бумаги, какая была на сверткѣ, но всего этого оказалось недостаточнымъ для юридическаго обвиненія его въ поджогѣ. Онъ былъ административно переведенъ въ г. Каинскъ, Томской губерніи и тамъ съ пріѣздомъ его повторилась таже исторія, начались поджоги, но вскорѣ онъ былъ пойманъ, уличенъ и сознался въ десяти поджогахъ, совершенныхъ въ разное время.

VII.

Влеченіе къ убійству, какъ къ воровству, поджогу и другимъ видамъ преступленія, есть тоже одна изъ тяжелыхъ формъ психическаго разстройства, подъ вліяніемъ которой человѣкъ рѣжетъ другого съ такимъ же наслажденіемъ, какъ пьяница пьетъ вино. Предсмертная агонія, судорожные конвульсіи умирающаго, цвѣтъ крови, специфическій ея запахъ дѣйствуютъ на убійцу опьяняющимъ образомъ и онъ забываетъ весь ужасъ своего страшнаго поступка. Подобнаго субъекта

я встрѣтилъ въ г. Омскѣ. Это былъ бѣгло-каторжный, по фамиліи Яковлевъ. Появленіе его въ 1872 г. въ округахъ Омскомъ и Ишимскомъ, Тобольской губерніи, сопровождалось цѣлой серіей самыхъ возмутительныхъ, звѣрскихъ убійствъ. Онъ рѣзалъ всѣхъ, кто попадался, какъ говорится подъ его руку: богатыхъ и бѣдныхъ, старыхъ и малыхъ. Наконецъ, этотъ человѣкъ-звѣрь былъ пойманъ и заключенъ въ тюрьму. Наружность его не представляла ничего особеннаго, это былъ человѣкъ съ пониженной организаціей, худенькій, низенькій, съ слабо развитымъ умственнымъ кругозоромъ, но зато глаза были необычайно жизненны и подвижны, зрачки быстро вращались въ своихъ орбитахъ, чтобы остановить ихъ и сосредоточить зрѣніе на одномъ какомъ-нибудь предметѣ, онъ долженъ былъ прищуриваться. Убійцы *душители* отличаются отъ первыхъ нѣкоторыми наружными особенностями. Они мягки, вкрадчивы, опрятны, даже щеголеваты. Боятся крови не потому, что она производитъ на нихъ непріятное впечатлѣніе, а такъ, чтобы не замараться и не выдать себя, въ остальномъ-же они такіе-же безсердечные звѣри, какъ и знаменитый разбойникъ Яковлевъ. Въ моей двадцатилѣтней полицейской практикѣ было не мало случаевъ для изученія этого типа преступниковъ, привожу одинъ изъ нихъ.

VIII.

Въ Іюнѣ мѣсяцѣ въ 6 часовъ вечера, когда рабочій людъ г. И... Тобольской губерніи возвращался съ полевыхъ работъ, дали знать, что на окраинѣ города въ домѣ мѣщанина Гаврилова задушили женщину. По прибытіи на мѣсто происшествія, я засталъ слѣдующую картину: на полу, въ растрепанномъ видѣ лежала жена Гаврилова съ туго затянутымъ платкомъ на шеѣ. Сундуки были взломаны и все, что въ нихъ хранилось выброшено наружу, очевидно, убійца искалъ денегъ. Возвратился Гавриловъ, поохалъ, погоревалъ надъ трупомъ жены и не торопясь сталъ собирать разбросанныя вещи. Наблюдая за нимъ я замѣтилъ на его заплаканномъ лицѣ удивленіе, когда онъ поднялъ съ полу черную суконную фуражку и взглянулъ на стѣну, гдѣ торчалъ пустой гвоздь.

Чему удивляешься, Гавриловъ, не узнаешь что-ли своей фуражки? спросилъ я.

Да какъ-же не удивляться ваше высокоблагородіе, отвѣчалъ онъ, на стѣнѣ висѣла моя шапка котелкомъ, ее взяли и подкинули вотъ эту.

Подмѣнили, значитъ, замѣтилъ я.

Такъ точно, ваше высокоблагородіе, подмѣнили, моя была безъ козырька, простая, мужицкая, а эта вотъ съ козырькомъ, нѣмецкая.

И не знаешь чья?

Не могу знать, ваше высокоблагородіе, здѣсь въ такихъ фуражкахъ одни только ссыльные поляки ходятъ.

Взявъ фуражку, я отправился съ нею въ кабачекъ, который помѣщался напротивъ, чтобы спросить сидѣльца не запомнилъ-ли онъ когонибудь изъ приходящихъ въ такой фуражкѣ, и, получивъ, отрицательный отвѣтъ, отправился далѣе. По дорогѣ встрѣтилъ двухъ политическихъ ссыльныхъ. Здороваясь съ ними я показалъ фуражку и спросилъ, не знаютъ-ли они кому она принадлежитъ. Каково-же было мое удивленіе, когда одинъ изъ нихъ, по фамиліи Ковзанъ, отвѣчалъ, что фуражка принадлежитъ ему.

Какъ-же она могла очутиться въ домѣ, гдѣ совершено убійство Гавриловой?

Не знаю, проговорилъ Ковзанъ, слегка поблѣднѣвъ, я вчера вечеромъ, по просьбѣ одного господина помѣнялся фуражками.

Съ кѣмъ, какъ фамилія?

Право не знаю, онъ назвался пріѣзжимъ прикащикомъ Горловымъ. Я сейчасъ его видѣлъ въ гостинницѣ П... сидитъ и пьетъ вино.

Поѣдемьте, покажите.

Мы сѣли на дрожки и черезъ нѣсколько минутъ были въ гостинницѣ, гдѣ застали довольно прилично одѣтаго молодого человѣка, который сидѣлъ за бутылкой краснаго вина. Замѣтивъ меня онъ поблѣднѣлъ и поспѣшно направился къ выходу, но я во время загородилъ ему дорогу и спросилъ фамилію.

Я, я, путался въ словахъ незнакомецъ, довѣренный купца В... посланъ открыть ренсковый погребъ.

Какъ фамилія? повторилъ я вопросъ.

Андреевъ.

Какъ-же ты вчера мѣняясь съ этимъ господиномъ фуражками, я указалъ на Ковзана, называлъ себя Горловымъ, а теперь Андреевымъ.

Не правда, я никогда не назывался Горловымъ и ни съ кѣмъ фуражками не мѣнялся.

А это чья? спросилъ я, показывая ему фуражку, поднятую въ домѣ Гаврилова.

Моя фуражка при мнѣ, а эта не знаю чья, отвѣчалъ онъ и губы его судорожно дрожали, отъ внутренняго волненія.

Дальнѣйшіе полицейскіе розыски обнаружили, что Андреевъ-Горловъ бѣгло-каторжный перваго разряда, сосланъ изъ горно-заводскихъ крестьянъ Пермской губерніи за удушеніе двухъ женщинъ. Въ наружности его было что-то кошачье, онъ ходилъ плавно, тихо, медленно, говорилъ тоже тихо, и вообще былъ вкрадчивъ, какъ кошка, только глаза были не сѣрые, а коричневые, съ бѣгающими, какъ у Яковлева, зрачками.

Такіе-же бѣгающіе глаза я наблюдалъ и у другихъ убійцъ той-же категоріи; но у убійцъ случайныхъ, впадающихъ въ преступленіе безъ

обдуманнаго заранѣе намѣренія, ничего подобнаго не видалъ, а потому отношу послѣднихъ къ разряду убійцъ, попадающихъ на скамью подсудимыхъ по разнымъ непредвидѣннымъ случайностямъ, въ родѣ слѣдующаго романическаго эпизода, имѣвшаго мѣсто въ 1867 г. въ г. Ишимѣ.

IX.

Состоящій на службѣ при городской управѣ, мѣщанинъ, котораго мы для рельефности разсказа назовемъ Иваномъ Артомоновичемъ Анонимовымъ, былъ человѣкъ молодой, здоровый, красивый, женатый на старухѣ, которая принесла ему въ приданое домъ. Онъ не любилъ ее совсѣмъ и влюбился въ свою сосѣдку, жену бухгалтера уѣзднаго казначейства N., человѣка не молодого, чахоточнаго. Сосѣдка, въ свою очередь, не зная какъ убить время, стала благосклонно относиться къ его ухаживанью и между влюбленными вскорѣ завязался романъ, со всѣми аксессуарами самой страстной, пылкой любви: вечерними прогулками, условными свиданіями и продолжительными tête-a-tête въ городской рощѣ. Здоровье бухгалтера N. замѣтно ухудшилось и влюбленная парочка начинала уже помышлять о новыхъ узахъ гименея, но какъ устроить этотъ бракъ? Влюбленный Анонимовъ становился втупикъ. Положимъ, разсуждалъ онъ: она скоро станетъ свободной, бухгалтеръ умретъ, но я, я, несчастный, какъ развяжусь со своей ненавистницей, ее и полѣномъ не пришибешь. А то въ самомъ дѣлѣ, промелькнуло у него въ головѣ, не испробовать-ли это средство. И чѣмъ больше думалъ Анонимовъ о новомъ бракѣ, тѣмъ чаще и чаще приходило ему на мысль убить жену. Какъ на грѣхъ въ это время у Анонимова въ домѣ остановилась богатая купчиха, пріѣхавшая изъ округа, съ десятилѣтнимъ сыномъ полѣчиться. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, какъ хорошей приманкой, Анонимовъ отправился въ ближайшую деревню Д..., о которой можно было сказать словами поэта:

«Хороша наша деревня,
Только улица грязна;
Хороши наши ребята,
Только славушка дурна».

Въ Д... проживалъ въ то время поселенецъ Агафоновъ, мужикъ, что называется на всѣ руки. Вотъ къ нему-то и направилъ свой путь нашъ городской ловелась.

Здравствуй Агафоновъ, молвилъ онъ, входя въ избу, какъ живешь, можешь?

Спасибо на добромъ словѣ, Иванъ Артомоновичъ, какъ ты здравствуешь?

А вотъ, какъ видишь.

Ну и слава Богу.

Я къ тебѣ Агафоновъ съ докукой.

Что, аль по старому разговору? спросилъ онъ, злорадно оскаливая зубы.

Анонимовъ смутился, ему стало не по себѣ, когда пришелъ довѣрить свою тайну наемному убійцѣ, но любовь, любовь злодѣйка заглушила тлѣющуюся въ немъ искру совѣсти и онъ, опустивъ глаза, торопливо проговорилъ: да, по старому разговору.

Эхъ, Иванъ Артомоновичъ, откровенно скажу, дешевый ты нонѣ сталъ, даешь за такое дѣло восемь рублевъ и полъ-ведра водки, вѣдь кто его знаетъ, какой конецъ выдетъ, пожалуй на каторгу угодишь.

Ну, ужъ и на каторгу, слегка вздрогнувъ, вскричалъ Анонимовъ, а ты по-аккуратнѣй, по-осторожнѣй, наперво меня, какъ я говорилъ тебѣ, свяжи, да спусти въ подполье, а потомъ прикончь ее, вотъ и вся недолга.

Нѣтъ, Иванъ Артомоновичъ, какъ ты не разстабаривай, а за эту цѣну не согласенъ, у меня хоть и плохенькая совѣсть, а все же человѣка изъ-за такого пустяка не стану губить.

Право же денегъ нѣтъ, увѣрялъ Анонимовъ.

Ну, нѣтъ, такъ и разговаривать нечего, ищи себѣ другого охотника, а я тебѣ не слуга, не работникъ.

Послушай, проговорилъ Анонимовъ, озаренный адской мыслью.

У меня въ домѣ остановилась богатая купчиха съ десятилѣтнимъ сыномъ, прикончь всѣхъ и что у нихъ найдется, все твое.

Агафоновъ взглянулъ на него пытливо. А если ты врешь, тогда что?

Тогда, что хочешь.

Тогда, я съ тебя живого кожу сдеру, проговорилъ онъ сверкнувъ глазами.

Ну, тамъ, какъ знаешь, только прикончь всѣхъ и купецкія деньги твои.

Что ты мнѣ тычешь чужое добро, ты подай свое, какъ я назначилъ, а тамъ, что найдется у твоей квартирантки возьмемъ и безъ тебя.

Ну, и жила же ты, Агафоновъ, зарядилъ: двѣ красныхъ, двѣ красныхъ и баста.

А то какъ же, я развѣ тебѣ крѣпостной, чтобы даромъ руки мозолить?

Ну, чортъ съ тобой, получай сказалъ Анонимовъ, выбрасывая на столъ двѣ десятирублевки.

А водку припасъ?

Тамъ въ телѣгѣ подъ сѣномъ.

Вотъ это дѣло, замѣтилъ Агафоновъ одобрительно и поплелся за водкой.

Тоня! воскликнулъ Анонимовъ, оставшись одинъ, чувствуешь-ли ты, какую ужасную жертву я приношу ради твоей любви. Простишь-ли

ты мнѣ, когда узнаешь, что я убійца, и судорожно сжимая руки онъ безпомощно опустился на скамейку.

Агафоновъ принесъ водку, досталъ изъ поставца рюмки, кусокъ рыбнаго пирога, и два случайныхъ союзника усѣлись распивать могарычи, по поводу выгодной сдѣлки.

Когда же назначишь пріѣхать? спросилъ Агафоновъ проглатывая третью рюмку водки.

Да пріѣзжай хоть завтра.

Не знаю, успѣю ли завтра, надо тоже подручнаго подыскать.

А одному нѣшто боязно?

Оно не боязно, а все же какъ то сумнительно.

Кого же надумалъ взять?

Не знаю, Ваську косого развѣ, коли дома, онъ парень смышленый по эвтимъ дѣламъ.

Ну тамъ кого знаешь, только предупреди обо мнѣ, чтобы съ дуру ножемъ не пырнулъ.

Не пырнетъ, мы тебя только веревками скрутимъ, да въ подполье и бултыхнемъ, смѣясь проговорилъ Агафоновъ опрокидывая въ горло четвертую рюмку.

Да вы, окаянные, полегче, а то и взаправду такъ бултыхнете, что и ноги протянешь

Не протянешь, твой часъ еще впереди, зловѣще промолвилъ собесѣдникъ.

Анонимовъ вздрогнулъ, у него точно оборвалось что то въ груди отъ этихъ словъ, но овладѣвъ собой онъ съ притворной улыбкой проговорилъ: стало быть мы съ тобой еще долго прокуралесимъ на свѣтѣ.

Да, коли раньше не повѣсятъ.

Анонимову стало не по себѣ, слова Агафонова, какъ острый ножъ врѣзывались въ сердце наполняя его страшнымъ предчувствіемъ чего-то не добраго. Для храбрости онъ выпилъ водки, но она мало принесла ему пользы, расходившіеся нервы требовали успокоенія, и онъ, мечтая найти его подлѣ своей возлюбленной, сталъ собираться домой.

Что заторопился? спросилъ Агафоновъ.

Пора, дѣло есть, завтра въ полночь жду.

Ну ладно, жди, отвѣчалъ опьянѣвшій Агафоновъ и, наполнивъ рюмки, просилъ выпить посошокъ.

На другой день квартирантка Анонимова, пользуясь теплымъ вечеромъ, пошла пройтись. Здоровье ее было плохо, слабость чувствовалась во всемъ тѣлѣ и тяжелая тоска давила сердце. На дорогѣ встрѣтился докторъ, который ее лѣчилъ, похвалилъ, что она гуляетъ и успокоилъ скорымъ выздоровленіемъ. Слова его заронили искру надежды въ больную душу страдалицы, глаза оживились и радостная улыбка скользнула по ея исхудалому лицу. Возвратясь домой, она попросила хозяйку принести молока и послѣ легкаго ужина и теплой молитвы улеглась съ сыномъ спать.

Наступила полночь, свинцовыя тучи заволокли все небо, сталъ накрапывать дождь, темнота кругомъ была непроглядная, надвигалась гроза. Въ домѣ Анонимова все спало крѣпкимъ сномъ, не спалъ только одинъ хозяинъ-предатель, поджидая своихъ страшныхъ сообщниковъ. Но вотъ раздался въ отдаленіи легкій стукъ, точно отворилъ кто-то калитку, выходившую на задній дворъ. Анонимовъ вздрогнулъ, набожно осѣнилъ себя крестомъ и пошелъ навстрѣчу дорогимъ гостямъ.

Вошли Агафоновъ и Васька-косой, вооруженные топорами и длинными отточенными ножами. Спятъ? спросилъ полушопотомъ Агафоновъ, пожимая руку Анонимова.

Спятъ, отвѣчалъ онъ дрожащимъ отъ страха голосомъ.

А двери въ спальню заперты?

Нѣ... нѣтъ... не заперты, лепеталъ растерявшійся совсѣмъ Анонимовъ.

Эхъ ты, Ванька-Каинъ, рано задрожалъ, смотри не выдай, а то кожу сдеру, нигдѣ не укроешься, проговорилъ угрожающимъ тономъ Агафоновъ.

Не... не... вы-дамъ.

Тото не... не... выдамъ ну, веди къ своей сожительницѣ, косой пойдетъ къ купчихѣ, а ты сынка угомони.

Отцы родные увольте, руки дрожатъ, не могу, боюсь.

Ахъ ты иродово племя, пакостливъ какъ кошка, а трусливъ какъ баба, съ тебя бы перваго слѣдовало начать, ну да твой часъ еще не пришелъ, веди.

Черезъ нѣсколько минутъ все было кончено, три обезображенные трупа лежали на своихъ постеляхъ, а Анонимовъ, связанный по рукамъ и ногамъ, валялся, какъ бревно въ подпольѣ въ ожиданіи своей участи. Взошло красное солнышко, весело заглянуло въ окно Анонимовскаго дома и освѣтило страшную картину разрушенія. Все было изломано, разбросано и залито кровью жертвъ Аномимовской любовной интриги.

Въ 8 часовъ утра зашелъ разсыльный съ бумагами изъ городской управы, и замѣтя поголовное избіеніе всѣхъ обывателей, далъ знать полиціи. Когда Анонимова извлекли изъ глубины подполья на свѣтъ божій, онъ былъ положительно неузнаваемъ. Эмоція, отражавшаяся на его лицѣ, до того была выразительна, что самый неопытный сыщикъ могъ сразу узнать виновника катастрофы.

Ну г. Анонимовъ, встрѣтилъ я его вопросомъ, разскажите подробно, кто убилъ вашу жену и квартирантовъ и такъ милостиво обошелся съ вами?

Судорожная дрожь пробѣгала по лицу Анонимова, онъ растерянно смотрѣлъ на меня испуганными глазами, — и упорно молчалъ.

Что-же вы не отвѣчаете, языкъ что ли отрѣзанъ?

Вмѣсто отвѣта, онъ издалъ какой то непонятный звукъ въ родѣ мычанья, такъ что я не на шутку усомнился въ цѣлости его языка и, чтобъ удостовѣриться въ томъ, воспользовался небольшой хитростью, сказавъ: впрочемъ вы можете не отвѣчать, такъ какъ преступники пойманы и сознались во всемъ.

Сознались! воскликнулъ онъ безпомощно, упалъ къ ногамъ, и заливаясь слезами, чистосердечно покаялся во всемъ.

Кромѣ приведенныхъ примѣровъ въ моей памяти сохранилось не мало другихъ интересныхъ случаевъ, указывающихъ, какое важное значеніе имѣетъ эмоціальный языкъ въ полицейскомъ розыскѣ, отражая на лицѣ преступника внутреннее состояніе его духа. Этотъ законъ движенія мускуловъ и есть та таинственная книга природы, съ помощью которой становится яснымъ и радость, и горе, и страхъ, и ужасъ, овладѣвающій человѣкомъ въ минуты тяжелыхъ испытаній. Вотъ почему нѣкоторые слѣдователи, какъ это мы видимъ во Франціи, прибѣгаютъ въ экстренныхъ случаяхъ къ помощи эмоціальнаго языка, такъ напримѣръ: Пати дю-Клямъ (какъ гласитъ французская пресса), которому поручено было разслѣдовать дѣло Дрейфуса, хотѣлъ явиться въ камеру къ спавшему Дрейфусу съ потайнымъ фонаремъ и навести свѣтъ на лицо заключеннаго, надѣясь, что при внезапномъ пробужденіи онъ выдастъ себя.

Алексѣй Ивановъ.

День въ Пенангѣ [1]).

(Воспоминанія изъ путешествія на Дальній Востокъ на пароходѣ Добровольнаго флота „Владиміръ“).

5-го октября 1897 г. въ 5 час. пополудни пароходъ Добровольнаго флота «Владиміръ» отошелъ изъ Одессы во Владивостокъ. Въ Красномъ морѣ пароходъ навѣстилъ сидѣвшую на рифѣ у мыса Эльбы «Кострому», гдѣ пробылъ нѣсколько часовъ, послѣ чего направился обычнымъ путемъ.

Около полудня 4 ноября, на переходѣ изъ Коломбо въ Сингапуръ распространился слухъ между пассажирами, что вслѣдствіе неожиданно обнаружившагося недостатка въ углѣ пароходъ зайдетъ въ попутно лежащій въ Малаккскомъ проливѣ портъ Пенангъ, куда русскія суда почти никогда не заходятъ. Перспектива посѣщенія этого невѣдомаго для всѣхъ уголка тропической природы не могла не настроить пассажировъ крайне жизнерадостно, тѣмъ болѣе, что пароходъ шелъ уже шестыя сутки безостановочно.

[1]) Настоящій путевой набросокъ составленъ былъ четырьмя участниками описанной въ немъ прогулки: И. В. Поповымъ, Н. Р. Греве, И. А. Ронжинымъ и мною, безъ какихъ-либо литературныхъ претензій, а единственно съ цѣлью подѣлиться впечатлѣніями съ родными и друзьями, для чего и былъ въ г. Владивостокѣ напечатанъ отдѣльнымъ *непредназначеннымъ для продажи* изданіемъ въ количествѣ всего ста экземпляровъ, которые и были розданы составителями по ихъ усмотрѣнію. Будучи увѣренъ, что мои незабвенные товарищи по прогулкѣ не будутъ ничего имѣть противъ принесенія нашей общей работы въ пользу несчастныхъ и не имѣя времени испросить у нихъ формальнаго согласія, я взялъ на себя смѣлость сдѣлать это единолично, но отъ имени насъ всѣхъ. Прошу глубокоуважаемыхъ И. В. Попова, Н. Р. Греве и И. А. Ронжина простить мнѣ эту вольность.

П. Хржановскій.

Провѣривъ первоначально справедливость этого слуха у пароходной администраціи, пассажиры стали собирать справки объ этомъ портѣ, но среди нихъ не оказалось никого, кто бы могъ дать какія-нибудь свѣдѣнія о Пенангѣ и только черезъ командира парохода узнали, что тамъ есть очень красивый ботаническій садъ и по сосѣдству съ нимъ водопадъ въ горахъ.

Незадолго передъ закатомъ солнца на горизонтѣ стали появляться очертанія прилежащихъ къ Пенангу высотъ, а съ наступленіемъ темноты, нѣсколько правѣе курса парохода, блеснулъ маячный огонь, указывающій путь въ гавань. Тогда же всѣми пассажирами было замѣчено необычайное свѣченіе моря, особенно сильное въ этой мѣстности, происходящее отъ міріадъ микроскопическихъ молюсковъ, издающихъ фосфорическій свѣтъ при возмущеніи поверхности моря. Сила фосфорическаго свѣта была особенно велика подъ носомъ и подъ кормой парохода, т. е. тамъ, гдѣ была взволнована поверхность воды. Бурунъ подъ носомъ парохода, образовывавшійся отъ движенія его впередъ, испускалъ столь сильный голубовато-зеленый цвѣтъ, что стоявшіе на носу парохода люди были освѣщены какъ бы бенгальскимъ огнемъ. Въ этомъ сверкающемъ бурунѣ, какъ бы играя съ несущимся впередъ носомъ парохода, красиво извивалась какая то рыба, аршина въ три длины, то опережая пароходъ, то возвращаясь къ носу и оставляя за собой красиво изогнутыя спирали, причемъ сама казалась какъ бы прозрачной, издающей цѣлые снопы свѣтовыхъ лучей. По бортамъ парохода были полосы съ болѣе слабымъ оттѣнкомъ, а за кормой оставался широкій слѣдъ матоваго цвѣта, тогда какъ мѣсто лагъ-линя [1]) въ водѣ означалось длинной прямой искрящейся линіей.

По мѣрѣ приближенія парохода къ берегу начали показываться по сторонамъ маячнаго огня, мелкіе береговые огоньки, а вскорѣ послѣ полуночи мы бросили якорь на рейдѣ Пенанга, вблизи англійскаго военнаго станціонера.

На другой день, большинство пассажировъ встало раньше обыкновеннаго и было поражено картиной, которая представилась ихъ глазамъ. Солнце еще не успѣло подняться и освѣтить весь пейзажъ. Общій видъ былъ таковъ: обширный рейдъ съ довольно большимъ количествомъ судовъ, изъ числа которыхъ рѣзко выдѣлялись своимъ бѣлымъ цвѣтомъ англійское и италіанское военныя суда; берега, непосредственно прилегающіе къ морю, покрыты или сплошнымъ лѣсомъ кокосовыхъ пальмъ или, частью, застроены домами, среди которыхъ виднѣлись тамъ и сямъ пышными группами яркая тропическая зелень.

На первомъ планѣ у самаго берега моря обращало на себя вни-

[1]) Веревка, на которой спущенъ приборъ для измѣренія скорости хода.

маніе громадное зданіе современной европейской архитектуры; тамъ, какъ оказалось впослѣдствіи, помѣщались: почтово-телеграфная контора, полицейское управленіе и управленіе портомъ. Второй планъ былъ сплошь заполненъ довольно высокими горами, густо покрытыми лѣсомъ. Мѣстами эти горы близко подходили къ городу и морю. На фонѣ этихъ горъ съ вершинами, позолоченными солнцемъ, рейдъ и городъ производили чарующее впечатлѣніе, чему не мало способствовала зеркальная поверхность воды.

Около 7 часовъ утра сдѣлалось извѣстнымъ, что пароходъ простоитъ на рейдѣ по крайней мѣрѣ до 1 часу дня, вслѣдствіе чего мы поспѣшили съѣхать на берегъ для осмотра Пенанга. Сѣвъ въ шлюпку, напоминавшую собой какое то сочетаніе русскаго ялика съ венеціанской гондолой, мы подъ управленіемъ красиваго гребца-малайца, работавшаго веслами стоя на кормѣ лицомъ къ носу шлюпки, черезъ 20—30 минутъ времени подъѣхали къ прекрасно устроенной пристани. Переѣздъ этотъ стоитъ 25 центовъ (копѣекъ) съ человѣка. Едва мы ступили на сушу, какъ насъ окружила толпа джинрикшей, извозчичьихъ каретокъ и проводниковъ, весьма назойливо предлагавшихъ свои услуги и ни на минуту не оставлявшихъ насъ во время прогулки по городу, такъ что наша группа, состоявшая всего изъ 4 человѣкъ, походила на какое-то шествіе, такъ какъ за нами слѣдовало: 4 каретки, 6 джинрикшей и шло не менѣе 10—15 человѣкъ проводниковъ и другихъ праздныхъ чернокожихъ.

Прежде всего мы спросили, гдѣ находится почта и оказалось, что она помѣщается въ томъ большомъ красивомъ зданіи, которое привлекло наше вниманіе, когда мы любовались городомъ съ рейда. На почтѣ оказалось, что почти всѣ чиновники тамъ китайцы, къ одному изъ которыхъ мы и обратились за покупкой открытыхъ писемъ. При расчетѣ за нихъ понадобилось размѣнять фунтъ стерлинговъ, при чемъ китаецъ-чиновникъ не преминулъ обсчитать насъ, воспользовавшись нашимъ незнаніемъ курса. Посѣтивъ почту, мы сдѣлали небольшую прогулку по городу и весьма благоустроенному крытому базару, очень напоминающему нашъ базаръ въ Петербургѣ на Сѣнной площади, затѣмъ мы сѣли въ двѣ кареты, запряженныя маленькими лошадками, и велѣли везти себя въ ботаническій садъ.

Дорога въ ботаническій садъ, занимающая около получаса времени, проходитъ первоначально по прекрасно шоссированнымъ улицамъ города, по китайскому и малайскому кварталамъ, съ его оригинальными, построенными на сваяхъ домиками, а затѣмъ тянется въ видѣ аллеи среди непрерывнаго ряда роскошныхъ тропическихъ садовъ, окружающихъ виллы мѣстныхъ богачей китайцевъ и европейцевъ. По дорогѣ мы любовались индусскими храмами съ ихъ паго-

дами (куполами), украшенными массой рѣзныхъ фигуръ изъ ихъ миѳологіи. Также на этомъ пути мы встрѣтили нѣсколько китайскихъ молелень, ничего особеннаго изъ себя не представляющихъ. Изъ наиболѣе интересныхъ зданій, расположенныхъ на этомъ пути, слѣдуетъ указать: китайскій клубъ, обширное зданіе полуевропейской-полукитайской архитектуры; виллу — дворецъ губернатора Пенанга съ обширнымъ паркомъ, окруженнымъ живой изгородью, со свойственною англійскимъ паркамъ чистотою и правильностью распланировки; домъ богатаго китайца-коммерсанта съ коллонадой и цвѣтникомъ по фасаду; деревянные весьма простые по наружному виду флигеля казармъ англійскихъ солдатъ, расположенные вблизи губернаторскаго дома; небольшіе и тоже весьма незатѣйливые снаружи дома, въ которыхъ живутъ разныя начальствующія лица; тюрьму, расположенную тутъ же по близости и занимающую значительное пространство, обнесенное высокой каменной стѣной, верхъ которой утыканъ осколками битаго стекла. Невдалекѣ отъ сада лѣвая сторона дороги примыкаетъ къ каменноломнѣ, куда проведена изъ города узкоколейная желѣзная дорога (очень похожая на нашу паровую конку). Возлѣ каменоломни у самаго подножія горъ расположены англійское и китайское кладбища, очень близко одно отъ другого. Чистота и порядокъ, въ которомъ онѣ содержатся, производятъ самое пріятное впечатлѣніе. Дорога эта очень оживлена движеніемъ пестрой толпы пѣшеходовъ: китайцевъ, малайцевъ, индусовъ и европейцевъ, всевозможными экипажами, начиная отъ возовъ, запряженныхъ туземными быками, зачастую татуированными, съ чрезвычайно развитыми шейными горбами и съ рогами, украшенными мѣдными наконечниками, до щегольскаго экипажа съ выѣзднымъ лакеемъ англійской леди, и вѣчно снующими во всѣхъ направленіяхъ джинрикшами-китайцами.

Насажденія вокругъ водопада (Waterfall garden) расположены въ котловинѣ между горами, достигающими 2700 футовъ высоты, и представляютъ изъ себя ботаническій садъ, гдѣ сосредоточены всевозможные образцы тропической флоры. Пройдя по одной изъ дорожекъ сада вправо отъ входа, мы увидѣли влѣво, на одномъ изъ обрывовъ горы, довольно богатый водой водопадъ, скатывающійся съ горы уступами на нѣсколько десятковъ сажень. Садъ орошается водою водопада при посредствѣ весьма искусно устроеннаго водопровода, снабжающаго этою же водою и городъ. Въ одномъ изъ тѣнистыхъ уголковъ сада у подножія другаго небольшаго водопада высѣченъ въ скалѣ бассейнъ-купальня съ проточной водой, гдѣ за 10 центовъ можно освѣжиться отъ палящаго зноя тропическаго солнца въ 17—18 градусной температурѣ, чѣмъ не замедлили воспользоваться Г. и Р. къ общему неудовольствію остальной компаніи, предпочитавшей

осмотръ сада купанью. Остальная компанія осмотрѣла садъ и бассейнъ у подножія водопада, служащій резервуаромъ для городскаго водопровода, а Х. сдѣлалъ рекогносцировку къ самому водопаду, что послужило затѣмъ поводомъ къ неожиданнымъ, нижеописаннымъ приключеніямъ.

По прошествіи часа времени обѣ компаніи соединились и отправились въ обратный путь, при чемъ былъ осмотрѣнъ буддійскій храмъ индусовъ. Съ улицы, черезъ заборъ, которымъ обнесенъ храмъ, видѣнъ былъ только куполъ, затѣйливо украшенный рѣзными, ярко раскрашенными фигурами. По проникновеніи черезъ небольшую калитку въ воротахъ ограды, мы очутились въ крытомъ портикѣ, окружающемъ храмъ небольшихъ размѣровъ, обнесенный въ свою очередь крытой колоннадой. Между колоннами портика и храма свѣшивались съ потолка рѣзныя раскрашенныя крылатыя фигурки вродѣ ангеловъ. Мѣстами висѣли люстры. Фигурки и люстры большею частью были закрыты чехлами. Въ глубинѣ храма, запертаго на замокъ рѣшетчатой дверью, помѣщалась въ великолѣпной золоченой рамѣ-кіотѣ стоящая фигура будды, ярко раскрашенная и раззолоченная. Передъ нею горѣли разноцвѣтныя лампады и было разложено и развѣшано много красивыхъ желтыхъ и бѣлыхъ цвѣтовъ съ весьма сильнымъ запахомъ. Служитель храма роздалъ намъ по парѣ бѣлыхъ цвѣтовъ, за что ему было положено на подставленную имъ тарелку нѣсколько десятковъ центовъ. Когда мы уже собирались покинуть храмъ, служитель повелъ насъ на верхъ, во второй этажъ зданія, расположеннаго въ оградѣ храма и служащаго, повидимому, мѣстомъ храненія храмовыхъ принадлежностей. Тамъ мы увидѣли шесть большихъ человѣческихъ фигуръ, безобразно и очень ярко размалеванныхъ, одѣтыхъ въ платье изъ разныхъ матерій. Фигуры эти употребляются для религіозныхъ процессій, для чего онѣ сдѣланы внутри полыми, чтобы туда могъ войти человѣкъ и носить на себѣ фигуру. Четыре изъ нихъ изображали женщинъ, а двѣ мужчинъ, играющихъ на скрипкѣ и трубѣ.

Употребивъ на осмотръ храма не болѣе получаса времени, мы, проголодавшись, рѣшили отправиться въ одну изъ мѣстныхъ гостинницъ. Намъ рекомендовали двѣ гостинницы: одну нѣмецкую и другую англійскую, носящую традиціонное въ тропикахъ и на Востокѣ названіе «Oriental hotel». Такъ какъ въ послѣдней уже успѣли побывать ѣхавшіе съ нами морскіе офицеры, то по ихъ совѣту мы рѣшили отдать ей предпочтеніе. На перекресткѣ двухъ улицъ мы замѣтили какую-то странную процессію и черезъ проводника узнали, что это китайскіе похороны. Общій видъ этой процессіи настолько мало напоминаетъ наши похороны, что скорѣй, благодаря ея пестротѣ и яркости красокъ, ее можно было принять за свадебную, нежели за похоронную про-

цессію. Впереди процессіи несли какія то знамена, значки и модели молелень изъ яркой цвѣтной бумаги. Затѣмъ слѣдовалъ на носилкахъ цѣлый рядъ столовъ, украшенныхъ цвѣтами съ разными явствами, весьма красиво убранными и раскрашенными. По сторонамъ столовъ шли въ бѣлыхъ костюмахъ съ гонгами въ рукахъ китайцы и время отъ времени били въ гонгъ и играли на дудкахъ, издававшихъ рѣзкіе звуки, на подобіе кавказской зурны. Двигаясь далѣе, мы замѣтили костеръ на улицѣ. Оказалось, что это тоже относилось къ похоронамъ. На улицѣ было сложено въ кучу много трехъугольныхъ конвертиковъ, на подобіе писемъ и эта куча горѣла. На нашихъ глазахъ одинъ китаецъ изъ какого то савочка бросилъ въ этотъ импровизированный костеръ нѣсколько такихъ же свертковъ и тогда можно было замѣтить, что одна сторона каждаго свертка была какъ бы изъ свинцовой бумаги. Процессія замыкалась паланкиномъ, очень разукрашеннымъ цвѣтными матеріями и золоченіемъ. Тамъ находился гробъ, совершенно закрытый отъ посторонняго глаза матерчатыми занавѣсями, идущими отъ верха паланкина до его платформы. Китайскія духовныя лица, сопровождавшія процессію, были въ бѣлыхъ одѣяніяхъ, имѣя на головахъ красныя съ золотомъ митры, въ видѣ тюльпанообразныхъ коронъ. На нашъ вопросъ о томъ, хоронятъ ли это человѣка богатаго, проводникъ не безъ оттѣнка иронiи отвѣтилъ: «развѣ вы не видите, что все это стоитъ!»

По прибытіи въ «Oriental hotel» мы, не желая ожидать общаго tiffin'a, потребовали, чтобы намъ дали ѣсть безотлагательно. Хозяинъ отказалъ намъ въ этомъ, но затѣмъ, благодаря нашимъ настояніямъ и тому, что къ этому времени собралось до 10 человѣкъ, алчущихъ пищи, далъ закуску, состоявшую изъ: сыра, омлета, холодной и весьма плохой солонины и жареной курицы. Все это подавалось такими маленькими порціями, что мы, даже потребовавъ повторенія омлета и курицы и дополнивъ это фруктами и кофеемъ, тѣмъ не менѣе, не задумываясь, съѣли вслѣдъ за этимъ, къ немалому удивленію прислуживавшихъ намъ китайцевъ, полный tiffin (завтракъ), въ меню котораго входилъ, между прочимъ, сладкій супъ и та же курица. Самъ «Oriental hotel» расположенъ на берегу моря, имѣетъ прекрасную веранду съ очаровательнымъ видомъ и представляетъ все необходимое для комфорта въ тропическомъ климатѣ. Наиболѣе старательный изъ насъ къ писанію писемъ и почему то этимъ наиболѣе заинтересованный П. легко склонилъ одного изъ путниковъ Х. къ необходимости покупки какихъ то несуществующихъ въ Пенангѣ бланковъ открытыхъ писемъ съ картинками мѣстныхъ видовъ, тщетно нами розыскиваемыхъ въ теченіе утра. Воспользовавшись этимъ временемъ, остальные легли на верандѣ въ лонгшезахъ и успѣли порядочно

всхрапнуть къ величайшему негодованію вернувшихся, при чемъ П. поспѣшилъ заключить свое негодованіе легкой дремотой въ такомъ же креслѣ.

Такъ какъ приближался часъ предполагавшагося отхода «Владиміра», то мы всѣ направились къ пристани, гдѣ встрѣтили только-что пріѣхавшихъ съ парохода пассажировъ, отъ которыхъ узнали, что «Владиміръ отойдетъ не ранѣе 10 часовъ вечера. Тогда мы рѣшили снова вернуться въ ботаническій садъ, къ величайшему восхищенію нашего возницы, который не хотѣлъ вѣрить своему счастью, что ему предстоятъ въ одинъ и тотъ же день два столь выгодныхъ для него рейса. Онъ до такой степени былъ этимъ обрадованъ, что безпрестанно прыгалъ съ козелъ на подножку и на запятки экипажа и болталъ безъ умолку всякій вздоръ, предлагая намъ даже осмотрѣть такія достопримѣчательности, которыхъ мы вовсе не предполагали осматривать. Это обстоятельство привело насъ въ хорошее настроеніе, причемъ Х., бывшій у водопада, сказалъ, что если бы кто-нибудь согласился за нимъ слѣдовать, то онъ пошелъ бы прямикомъ на самый верхъ горы, гдѣ помѣщается Government's House, называемый въ общежитіи — Крикъ-отелемъ. Всѣ единогласно выразили свою готовность сдѣлать эту прогулку, но проводникъ усиленно сталъ насъ отговаривать, при чемъ пугалъ трудностью пути, змѣями и увѣрялъ, что если мы не поломаемъ себѣ ногъ, то придемъ туда не раньше 9 часовъ вечера, т. е. опоздаемъ на пароходъ. Эти явно преувеличенныя застращиванія проводника еще болѣе утвердили насъ въ нашемъ намѣреніи, при чемъ справившись съ часами, мы рѣшили совершать восхожденіе до 6 часовъ, а если къ этому времени не достигнемъ цѣли, то повернуть обратно. Рѣшеніе наше привело почти въ ужасъ проводника, но за то было встрѣчено съ восторгомъ возницей, который расхрабрился до такой степени, что вызвался слѣдовать за нами. Въ это время мы замѣтили, что насъ хотятъ обогнать пассажиры нашего же парохода, ѣхавшіе въ другой кампаніи въ тотъ же садъ. Когда на это было обращено вниманіе нашего веселаго возницы, то онъ только презрительно взглянулъ въ указанную ему сторону, выражая удивленіе, что мы можемъ даже допустить мысль, что онъ дозволитъ кому-нибудь обогнать насъ и черезъ нѣсколько мгновеній мы оставили за флагомъ соотечественниковъ. Тоже самое повторялось при каждой попыткѣ обогнать насъ. Тѣмъ не менѣе вблизи сада нашъ возница попросилъ разрѣшенія пойти напиться и, передавъ бразды правленія своему ассистенту, ютившемуся во время пути рядомъ съ нимъ на крошечныхъ козлахъ, исчезъ изъ нашихъ глазъ, послѣ чего мы его уже больше не видѣли до возвращенія.

Пріѣхавъ въ садъ мы тотчасъ зашагали ускореннымъ шагомъ по направленію къ водопаду, сопровождаемые проводникомъ гидомъ, дѣ-

лавшимъ послѣднія попытки измѣнить наше рѣшеніе. Болѣе всѣхъ знакомый съ горными прогулками Х. убѣждалъ всѣхъ избѣгать при подъемѣ на гору разговоровъ и излишней поспѣшности, съ чѣмъ всѣ не могли не согласиться, но не успѣли мы пройти послѣ этого и сотни шаговъ, какъ шедшій нѣсколько впереди другихъ Р. съ крикомъ: «обезьяны!» бросился бѣгомъ впередъ, а за нимъ тотчасъ же послѣдовали всѣ остальные со свойственною ихъ возрастамъ скоростью. Благоразумный совѣтъ былъ забытъ тотчасъ же и самимъ совѣтчикомъ. Шагахъ въ трехъ стахъ передъ нами бѣжало съ поляны сада къ лѣсу стадо довольно большихъ обезьянъ, изъ которыхъ нѣкоторыя на мгновеніе останавливались и оборачивались въ нашу сторону. Убѣдившись въ невозможности догнать ихъ, мы перешли съ бѣга на шагъ и продолжали нашъ путь весело болтая и дѣлясь впечатлѣніями только-что видѣнной картины. Нельзя не сказать, что эта группа обезьянъ на полянѣ тропическаго лѣса произвела на насъ какое то особое впечатлѣніе, въ виду оригинальности и неожиданности зрѣлища.

Первая часть пути до водопада шла уступами сравнительно отлого; но по мѣрѣ подъема дорожка все съуживалась и дѣлалась круче, а у моста черезъ водопадъ пропала безслѣдно. Навести справки о дальнѣйшемъ пути было не у кого, такъ какъ нашъ гидъ покинулъ насъ еще въ саду, испробовавъ предварительно всѣ попытки отговорить насъ отъ задуманнаго предпріятія: онъ призвалъ даже полицейскаго, при которомъ клялся, что мы не дойдемъ до Крикъ-Отеля ранѣе 9 часовъ вечера, указывалъ на свои босыя ноги, со слезами умолялъ вернуться, пугалъ насъ змѣями, собаками и другимъ чѣмъ то, чего мы не могли понять и наконецъ съ отчаяніемъ возвративъ намъ наше верхнее платье, которое онъ до сихъ поръ несъ, съ убитымъ видомъ поплелся обратно къ оставленнымъ нами у входа въ паркъ кареткамъ.

Осмотрѣвъ водопадъ — который несмотря на сравнительную маловодность, представляетъ довольно грандіозную картину низвергающейся съ высоты нѣсколькихъ десятковъ сажень по высокимъ скалистымъ уступамъ воды на фонѣ яркой тропической зелени—мы стали розыскивать тропинку. Послѣ долгихъ безплодныхъ поисковъ, когда нами уже начало овладѣвать сомнѣніе въ возможности продолженія нашего путешествія безъ проводника, мы въ нѣсколькихъ шагахъ отъ моста, ведущаго черезъ водопадъ, среди тропической заросли замѣтили какъ бы слѣдъ высохшаго горнаго ручья или скорѣе водопада, по которому и рѣшились двинуться въ дальнѣйшій путь, принимая его за искомую тропинку. Этотъ новый путь съ самого же начала оказался довольно тернистымъ, такъ какъ кромѣ того, что онъ былъ очень крутъ, приходилось идти по грудѣ камней, карабкаясь при помощи рукъ и ногъ и цѣпляясь за попадавшіеся на пути стволы и корни

деревьевъ, при чемъ приходилось быть очень осмотрительнымъ, такъ какъ нѣкоторые камни, не выдерживая упора ноги, скатывались внизъ, а корни и вѣтки деревьевъ, за которые мы цѣплялись руками, зачастую обрывались вслѣдствіе своей гнилости. Наиболѣе предательскими въ этомъ отношеніи оказались, мѣстами лежавшіе поперекъ нашего пути, древесные стволы, которые имѣя весьма надежный внѣшній видъ, при прикосновеніи къ нимъ превращались въ труху. Такъ какъ всѣ мы были съ совершенно свѣжими силами и находились на небольшой высотѣ, то эти препятствія, не представляя особой опасности, лишь пріучали насъ къ дальнѣйшимъ трудностямъ.

Послѣ восьми минутнаго быстраго и безостановочнаго подъема, мы достигли очень крутого обрыва съ гладко отшлифованною скалой, лишенной къ тому же корней и вѣтвей деревьевъ, которыми мы пользовались при подъемѣ до этого мѣста. Шедшій въ головѣ колонны Х. заявилъ, что дальнѣйшій путь, повидимому, невозможенъ. Всѣ пріостановились и подойдя насколько было возможно близко другъ къ другу, начали обсуждать положеніе. Тѣмъ временемъ Р., самый рьяный, какъ младшій по возрасту, пробрался впередъ и пользуясь продольной почти вертикальной щелью скалы и находившимися тамъ слабыми порослями кустовъ и ползучихъ растеній, карабкаясь на четверинкахъ, вползъ на обрывъ и объявилъ, что выше дорога уже доступнѣе. Этимъ фактомъ и разрѣшился вопросъ о дальнѣйшемъ восхожденіи. Поползшій слѣдомъ за нимъ Х., который все время воевалъ съ бывшимъ у него въ рукахъ зонтикомъ, мѣшавшимъ ему въ пути, зацѣпилъ неосторожно бывшимъ у него на головѣ шлемомъ за одну изъ многочисленныхъ вѣтокъ, преграждавшихъ путь, и моментально лишился его безвозвратно, такъ какъ не имѣя свободной руки, не могъ удержать его; шлемъ быстро скатившись, скрылся изъ глазъ, а спуститься за нимъ было по меньшей мѣрѣ рискованно, если не невозможно. Этотъ эпизодъ нѣсколько огорчилъ владѣльца шлема, но съ этимъ волей-неволей пришлось помириться и мы, не теряя времени, продолжали путь. Но силы путниковъ были уже не тѣ и по подъемѣ на этотъ обрывъ тотчасъ же пришлось остановиться на минуту, чтобы перевести духъ и оправиться, а затѣмъ и на дальнѣйшемъ пути потребность въ отдыхѣ по мѣрѣ подъема все болѣе и болѣе возрастала. Между тѣмъ только въ видѣ исключенія можно было отдыхать, сидя; большею же частью приходилось дѣлать это стоя и притомъ иногда держа въ своихъ объятіяхъ стволъ какой нибудь пальмы. Хотѣлось и покурить, но дѣятельность нервовъ и сердца была и безъ того слишкомъ повышена, такъ что мы волей-неволей отъ этого воздержались.

Подъемъ въ гору, хотя и производился съ возможной поспѣшностью, но казался безконечнымъ. Шедшій впереди Р. нѣсколько разъ

радостно возглашалъ, что сквозь гущу листвы просвѣчиваетъ небо, а слѣдовательно конецъ подъема близокъ, но мы хотя и видѣли эти просвѣты, но конца пути не достигали, потому что лѣсная чаща вновь закрывала небо и просвѣтовъ какъ-бы и не было. Между тѣмъ солнце спряталось уже за гору, на которую мы лѣзли; невольно стали вспоминаться застращиванія гида, что мы достигнемъ вершины не ранѣе 9 часовъ, что горы полны змѣями и что вообще наше предпріятіе безумно. Силы все болѣе и болѣе исчерпывались, подъемъ духа падалъ и восхожденіе совершалось молча; потъ лилъ ручьями. Къ довершенію бѣды Р. предупредилъ, чтобы мы были осторожны, такъ какъ на пути попадаются стволы колючихъ деревьевъ, но не смотря на это, никто изъ насъ не избѣгъ уколовъ, такъ какъ на нѣкоторомъ протяженіи тропинки другихъ неколючихъ стволовъ не было, выбирать было не изъ чего и приходилось пользоваться колючими.

Послѣ двадцати минутнаго такого восхожденія, раздался особенно радостный возгласъ Р. возвѣстившій о томъ, что русло ручья вывело на настоящую тропинку. Это извѣстіе пришлось какъ нельзя болѣе кстати, ибо силы были совершенно исчерпаны, мы двигались только силой нашихъ нервовъ. Всѣ пріободрились и черезъ нѣсколько мгновеній уже были на тропинкѣ. Вскорѣ однако наступило разочарованіе. Никто изъ насъ не зналъ о томъ, въ какомъ направленіи отъ этого мѣста находится Gouvernement house, а потому увидя съ этой тропинки находившійся въ сторонѣ верстахъ въ трехъ, отдѣленный глубокимъ оврагомъ какой то домъ, мы поспѣшно направились по тропинкѣ въ этомъ направленіи, но не успѣли мы пройти и 200 шаговъ, какъ тропинка затерялась въ густыхъ тропическихъ зарослях, форсировать проходъ черезъ которыя мы не рѣшились изъ боязни снова попасть въ такое затруднительное подоженіе, изъ котораго только что съ такимъ трудомъ выбрались. Тогда мы рѣшили повернуть обратно и идти по той же тропинкѣ въ другую сторону. Вернувшись до того мѣста тропинки, на которое мы первоначально вышли, мы пріостановились, чтобы еще разъ обсудить положеніе. Въ это время П. со свойственной ему молчаливостью двинулся прямо безъ тропинки на гору вверхъ; его безмолвная рѣшимость увлекла насъ, и мы всѣ начали подыматься прямо къ вершинѣ горы. Пройдя такимъ образомъ нѣсколько десятковъ шаговъ, мы дошли до очень трудно проходимыхъ мѣстъ, а потому не будучи увѣренными въ томъ, что идемъ по вѣрному пути повернули назадъ, хотя, какъ оказалось впослѣдствіи, это направленіе было вѣрное. Вернувшись снова на этотъ перекрестокъ, мы пошли направо по тропинкѣ, но результатъ получился тотъ же, т. е. подобіе тропинки вскорѣ исчезло въ зарослях, а впереди не было видно признаковъ жилья. Тогда волей-неволей пришлось по-

вернуть назадъ и пойти вторично въ лѣвую сторону тропинки, въ сторонѣ которой за оврагомъ, какъ сказано выше, виднѣлось какое-то строеніе. Дойдя снова до того мѣста, гдѣ тропинка терялась въ зарослях, мы рѣшили форсировать проходъ въ томъ же направленіи. Въ этомъ мѣстѣ намъ пришлось идти гуськомъ, пробираясь сквозь чащу папоротника, мѣстами прокладывая себѣ путь палками и зонтикомъ и невольно мы опять вспоминали угрозы проводника о змѣяхъ. Тропинка эта мѣстами обозначалась болѣе или менѣе ясно, а мѣстами совершенно исчезала въ зелени, такъ что мы, то оживлялись надеждой вскорѣ добраться до жилья, то падали духомъ отъ перспективы ночлега среди папоротниковъ. Такимъ образомъ мы достигли особенно густой заросли, изъ которой, повидимому, никакого выхода не было. Мы остановились отдохнуть и посовѣтоваться, что дѣлать. Большинство высказалось за возвращеніе тѣмъ же путемъ, которымъ поднялись на гору. Тогда Х., бывшій болѣе всѣхъ противъ возвращенія, такъ какъ спускъ опаснѣе подъема, перекрестясь, устремился прямо вверхъ черезъ чащу и вскорѣ напалъ на болѣе открытое мѣсто, по которому возможно было проползти и вскарабкаться вверхъ на виднѣвшуюся площадку, повидимому, искусственно выровненную.

Видъ съ этой площадки на весь островъ Пенангъ и его окрестности былъ поразителенъ. Впослѣдствіи мы узнали, что эта площадка называется «Belle Vue». Радостный крикъ возвѣстилъ остальнымъ путникамъ о счастливомъ открытіи. Одновременно съ нимъ раздалась мольба доставить на площадку спичекъ, такъ какъ тамъ можно было покойно, съ полнымъ комфортомъ, покурить, любуясь видомъ. Но сидѣвшіе у подножія площадки и уже успѣвшіе закурить и не думали прерывать такъ скоро свой кейфъ, почему Х. вынужденъ былъ неоднократно повторить свою просьбу, соблазняя при этомъ красотой того вида, которымъ онъ любовался съ площадки! Дѣйствительно, поднявшись туда, мы нашли, что похвалы эти не были преувеличены: прямо подъ нашими ногами на глубинѣ $2^1/_2$ тысячъ футовъ растилался ботаническій садъ, проектировавшійся въ видѣ плана со всѣми его дорожками, куртинами и цвѣтниками, по которымъ какъ букашки двигались люди, а оставленныя нами каретки представлялись маленькими коробочками. На одной изъ дорожекъ, вблизи выхода, мы увидѣли группу букашекъ, въ которыхъ узнали своихъ соотечественниковъ, компаньоновъ по пароходу, видимо направлявшихся къ выходу. Окружающія садъ горы проектировались на голубомъ фонѣ моря, горизонтъ котораго казался поразительно высокимъ, а далѣе и выше виднѣлся берегъ материка съ едва очерченной линіей горъ. Солнце уже близилось къ горизонту, окрашивая небо яркими цвѣтами. Первый планъ былъ сплошь покрытъ роскошной зеленью, среди которой выдѣля-

лись длинные стволы кокосовыхъ пальмъ съ ихъ махровыми вершинами, а на верхушкѣ пика видна была чудесная густая роща туй.

Какъ ни пріятно было наслаждаться этимъ видомъ, равнаго которому мы не видѣли ни на Викторіи пикѣ въ Гонконгѣ, ни на Diamond Head на Сандвичевыхъ островахъ, ни даже по дорогѣ изъ Коломбо въ Кенди (на Цейлонѣ), но намъ надо было подумать о возвращеніи. Проблуждавъ по пролегавшей черезъ площадку неявственной тропинкѣ, мы стали придерживаться правой ея стороны, потому что Г. замѣтилъ въ этомъ направленіи, въ чащѣ туевой рощи, очертаніе крыши дома, куда мы и поспѣшили. Вскорѣ мы вышли на широкую тропинку, подымаясь по которой, мы достигли какого то благоустроеннаго дома, окруженнаго верандой и цвѣтниками. Впослѣдствіи оказалось, что это и былъ Gouvernement house, такъ называемый Крикъ-отель. Но увы, поддерживавшія наши силы мечты о подкрѣпленіи себя обѣдомъ или хотя бы «содой—виски» [1]) разсѣялись какъ дымъ: отель оказался необитаемымъ!

Мы обошли домъ кругомъ и стали кричать на всѣхъ намъ знакомыхъ языкахъ. Вскорѣ въ отвѣтъ на наши крики послышался отдаленный лай собакъ, а затѣмъ и какой то человѣческій голосъ. Мы усилили призывы и тогда наконецъ изъ чащи показалось нѣсколько собакъ. Не надѣясь на дружескую встрѣчу ихъ съ нами, мы приготовились къ оборонѣ, но собаки увидѣвъ такихъ необыкновенныхъ посѣтителей, кинулись обратно. Вслѣдъ за исчезнувшими собаками вскорѣ показался старикъ, китаецъ, которому мы тотчасъ же поспѣшили выразить словами и жестами наши желанія—поѣсть и выпить, но старикъ изъ всѣхъ нашихъ словъ понялъ только «Крикъ-отель» и повелъ въ домъ, который отперъ. Внутренность дома оказалась меблированной. Всюду была пыль и безпорядокъ, свидѣтельствующіе о рѣдкомъ посѣщеніи дома. Около умывальника было грязное полотенце, а весь буфетъ состоялъ изъ нѣсколькихъ немытыхъ стакановъ и пустыхъ бутылокъ. Эта картина краснорѣчиво разрѣшила для насъ вопросъ о ѣдѣ. Но не теряя надежду утолить жажду, мы всевозможными жестами, выражали китайцу наше желаніе напиться; тогда старикъ, спустившись куда то внизъ, принесъ стаканъ мутной воды, отъ которой мы, не смотря на сильную жажду, благоразумно отказались.

Послѣ этого намъ ничего не оставалось болѣе дѣлать какъ вразумить старика, чтобы онъ провелъ насъ въ городъ, такъ какъ уже наступали сумерки. Послѣ долгихъ отнѣкиваній старикъ наконецъ понялъ наше желаніе, когда ему былъ показанъ кошелекъ. Онъ повелъ насъ по тропинкѣ сначала въ свою фанзу (хижина китайца)

[1]) Содовая вода съ водкой—обычный напитокъ европейцевъ въ колоніяхъ.

которую заперъ на замокъ, а затѣмъ, вооружившись бамбуковымъ посохомъ, двинулся въ путь. Недалеко отъ фанзы старика мы проходили среди мѣстности, покрытой глыбами камня, имѣвшаго видъ плюша цвѣта оливъ. Эти бархатистыя каменныя глыбы представляли оригинальную и красивую декорацію среди богатой тропической зелени. Вскорѣ мы подошли къ деревянному мосту черезъ верховье водопада, откуда уже начиналась разработанная дорожка. Проходя по мосту, китаецъ вернулся и спустившись къ водѣ поднялъ лежавшую тамъ сухую пальмовую вѣтку и понесъ ее въ рукахъ. Насъ это заинтересовало и мы стали слѣдить, что онъ съ этой вѣткой будетъ дѣлать. Дорожка, по которой мы теперь шли, довольно отлого спускалась среди густого лѣса, извиваясь по скату горы. Становилось уже почти темно. Мы шли ускореннымъ шагомъ. Лѣсъ непрерывно оглашался разнообразными звуками, покрывавшимися какимъ-то постояннымъ громкимъ шипѣніемъ, чрезвычайно непріятно дѣйствовавшимъ на наши напряженные нервы, тѣмъ болѣе, что мы не могли добиться отъ старика какихъ-либо объясненій по этому поводу, а въ головѣ вертѣлись застращиванія проводника змѣями. Китаецъ на всѣ наши вопросы отвѣчалъ утвердительнымъ кивкомъ головы.

Пройдя такъ болѣе версты, мы вышли на вполнѣ культурную, довольно широкую пѣшеходную дорогу, съ канавками для стока воды, съ парапетами, съ телефонной линіей и почтовымъ ящикомъ; тутъ мы вполнѣ ободрились и развеселились, почувствовавъ себя въ безопасности. П., бывшій наиболѣе молчаливымъ во время всего пути, вдругъ неожиданно для всѣхъ разразился суровой филиппикой противъ безразсудности нашего предпріятія, несоотвѣтствовавшаго ни нашему возрасту, ни положенію, съ чѣмъ мы не могли не согласиться, но вмѣстѣ съ тѣмъ не могли не расхохотаться надъ этимъ позднимъ раскаяніемъ, чему послѣдовалъ и самъ П. При выходѣ на эту разработанную дорогу, старикъ положилъ интересовавшую насъ пальмовую вѣтку и продолжалъ путь уже съ однимъ посохомъ. Зачѣмъ онъ бралъ съ собой эту вѣтку и положилъ ее въ этомъ именно мѣстѣ, такъ и осталось для насъ неизвѣстнымъ, такъ какъ, въ виду примѣтности этой части пути не было никакой надобности въ какой либо замѣткѣ для отысканія его при возвращеніи. По этой дорогѣ, весьма круто спускавшейся внизъ, мы поневолѣ не шли, а полубѣжали. По сторонамъ дороги разстилался чудный лѣсъ, оглашаемый тѣми же шипящими звуками; но къ послѣднимъ мы уже относились болѣе спокойно, такъ какъ почему-то рѣшили, что это голоса не змѣй, а обезьянъ.

Вскорѣ мы услышали внизу голоса, а потому, убѣдившись въ близости окончанія пути, отпустили старика, наградивъ его долларомъ, который онъ, пораженный нашей щедростью, не сразу взялъ, а затѣмъ

взявъ его, долго, пока мы шли внизъ, стоялъ на мѣстѣ и кланялся, прикладывая руку къ головѣ. Черезъ нѣсколько минутъ мы достигли воротъ ботаническаго сада, гдѣ стоялъ нашъ экипажъ и гдѣ дезертиръ проводникъ встрѣтилъ насъ съ очень сконфуженнымъ видомъ.

Вся наша экскурсія, считая отъ водопада, продолжалась 1 часъ 45 минутъ.

Когда мы садились въ каретку, то Х., объяснивъ проводнику мѣсто потери шлема, просилъ послать кого нибудь за нимъ, обѣщая за это долларъ; но проводникъ, видимо продолжая все еще питать страхъ къ пройденному нами пути, наивно посовѣтовалъ лучше купить въ Пенангѣ за эту сумму новый шлемъ. Тогда, купивъ на память нѣсколько букетиковъ цвѣтовъ, мы быстро понеслись въ городъ, а минутъ черезъ 40 уже возлегли на лаврахъ, т. е. на лонгшезахъ веранды Oriental Hotel'я и въ ожиданіи скораго обѣда, утолили жажду и подкрѣпили наши упавшія силы холоднымъ шампанскимъ.

П. Хржановскій.

Двѣ мусульманскія легенды.

(Изъ записной книжки).

Въ числѣ замѣтокъ, сохранившихся въ моей памятной книжкѣ, записаны двѣ мусульманскія легенды, которыя соединяются съ двумя интересными въ хозяйственномъ и врачебномъ отношеніяхъ мѣстностями Туркестанскаго края.

Первая изъ этихъ легендъ объясняетъ происхожденіе произростающаго исключительно только между городами Чимкентомъ и Туркестаномъ вида полыни, дающей «цитварное сѣмя», а вторая — происхожденіе минеральныхъ ключей вблизи села Джалалабада въ Андижанскомъ уѣздѣ (Ферганской области) и шелковичныхъ червей.

Въ степи, между городами Чимкентомъ и Туркестаномъ, произростаетъ особый видъ полыни — Artemisia Cina s. maritima, дающей «цитварное сѣмя» (Flores Cinae). Придаваемое этому лекарственному снадобью названіе «сѣмени», собственно, невѣрно, ибо это не *сѣмя*, а цвѣточная почка, въ которой содержится особое химическое соединеніе — «*сантонинъ*». Заросли дающей цитварное сѣмя полыни занимаютъ между названными городами (Чимкентомъ и Туркестаномъ) площадь въ нѣсколько сотъ квадратныхъ верстъ. При этомъ особенное вниманіе обращаетъ на себя то обстоятельство, что произростаетъ эта полынь не сплошною зарослью, а полосами, безъ всякой видимой причины отграниченія занятыхъ ею полосъ, отъ рядомъ лежащихъ и незаросшихъ полынью площадей. Безъ сомнѣнія, причина такого распредѣленія полынной заросли заключается въ различіи составныхъ частей почвы, заросшей полынью и незаростающей ею. Тою же причиной слѣдуетъ объяснить и ограниченность распространенія этого дикорастущаго лекарственнаго растенія (кромѣ Чимкентскаго уѣзда, оно встрѣчается, судя по упомянутымъ въ фармакогнозіи сортамъ его (H. Hager), въ Левантѣ, Алепо и Александріи.

Ограниченное распространеніе полыни, дающей цитварное сѣмя (Artemisia Cina) и произростаніе ея на площади всего только въ нѣсколько сотъ квадратныхъ верстъ, между городами Чимкентомъ и Туркестаномъ, а равно и мѣстное (тюркское) названіе ея: «*дармана*», что въ переводѣ значитъ: «вотъ лекарство», вѣроятно и послужило основаніемъ для легенды относительно происхожденія этого растенія.

Туземное сказаніе гласитъ, что чтимый мусульманами Средней Азіи святой Аулія-Хазретъ-Суятанъ-Ахмедъ-Яссави [1]), переселяясь изъ Бухары въ г. Туркестанъ (гдѣ находится его гробница въ большой мечети), исцѣлялъ обращавшихся къ нему на пути его слѣдованія больныхъ всевозможными болѣзнями, давая имъ имѣвшееся при немъ лекарство «дармъ» (даръ). На послѣднемъ ночлегѣ передъ г. Туркестаномъ, въ которомъ Хазретъ-Султанъ-Яссави намѣревался основать свою резиденцію, онъ одѣлилъ лекарствомъ всѣхъ наличныхъ больныхъ, а послѣднюю оставшуюся у него горсть сѣмянъ этого снадобья разсѣялъ по землѣ, сказавъ присутствовавшимъ: «лекарство вотъ» («даръ-мана»).

Изъ разсѣянныхъ сѣмянъ выросла разновидность полыни — «*джусанъ*», получившая видовое названіе отъ словъ Хозрета-Ясави: «*даръмана*».

Интересъ этой легенды заключается въ томъ, что она соединяетъ произростаніе дарманы съ именемъ Туркестанскаго святого Ахмеда-Яссави, и такимъ образомъ удостовѣряетъ, что дающая цитварное сѣмя полынь, болѣе 700 лѣтъ назадъ, была извѣстна туземцамъ своими лекарственными свойствами и въ то отдаленное время расла въ той же мѣстности, гдѣ встрѣчается въ наши дни. Именно, послѣднимъ ночлегомъ передъ г. Туркестаномъ, для коннаго путника, могли быть окрестности нынѣшней почтовой станціи «Нагай-Кура», которыя, и въ настоящее время, составляютъ сѣверную границу распространенія «дарманы». На югъ произростаніе дарманы доходитъ до рѣки Арыси, а на правомъ берегу рѣки, по направленію къ Сыръ-Дарьѣ, дармана встрѣчается только на незначительныхъ площадяхъ; самое же главное мѣсто произростанія «дарманы» находится на лѣвомъ берегу р. Арыси, по направленію къ г. Туркестану, на урочищахъ: Культуганъ и Караджантакъ.

Значеніе такой исторической справки, относительно исконнаго мѣста произростанія полыни *дармана*, важно въ томъ отношеніи, что оно разсѣеваетъ поднятую казовыми радѣтелями объ интересахъ Туркестанскаго края ложную тревогу, по случаю будто бы изъ года въ годъ сокращающейся площади зарослей *дарманы* и требовавшихъ, въ интересахъ охраненія ея зарослей отъ окончательнаго истребленія, изъятія ихъ изъ пользованія населенія. Существующая легенда удостовѣряетъ, что площадь зарослей *дарманы* сохранилась въ тѣхъ же границахъ въ продолженіе цѣлыхъ шести столѣтій, считая отъ года смерти Ахмеда-Яссави, и, конечно, никто не сомнѣвается, что произростаніе *дарманы* въ теперешнихъ ея предѣлахъ предшествовало появленію самой легенды. Легенда воспользовалась цѣлебной силой дармана для прославленія мѣстнаго святого, а не святой Ахмедъ придалъ этому растенію цѣлебную силу.

[1]) Ум. въ 514 г. гиджры = 1120 г. по Р. Хр.

Вторая легенда составляетъ варіантъ библейской исторіи св. Іова, туземное имя котораго: «Хазретъ-Аюбъ-Сабрулла» («сабрулла» — многострадальный), записана мною со словъ мѣстнаго *мутавалія* (распорядителя вакуфнымъ имуществомъ), потомка Хазретъ-Аюба.

Въ 65 верстахъ отъ г. Андижана и 45-ти отъ г. Оша, Ферганской области находится кишлакъ Джелалабадъ, около котораго имѣются теплые источники Хазретъ-Аюба, т. е. святого Іова. Мѣстность эта (Андижанскаго уѣзда, Джалалабадской волости) издавна привлекала значительное число больныхъ худосочными и накожными болѣзнями туземцевъ. Нынѣ тамъ устроена санитарная станція для войскъ, расположенныхъ въ Ферганской области, и съ каждымъ годомъ посѣщеніе этихъ источниковъ русскими больными увеличивается. Хотя цѣлебное свойство этихъ водъ мало изслѣдовано, но уже и теперь ими съ успѣхомъ пользуются больные: золотухою, ревматизмомъ, катарромъ внутреннихъ органовъ, болѣзнями кожи и т. п. Съ особеннымъ успѣхомъ пользуются ими при ревматизмѣ и маляріи. На западномъ склонѣ одного изъ отроговъ Кугартскихъ горъ, на высотѣ до 4 тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря, имѣются восемь горячихъ, разной температуры ключей, вода которыхъ, по химическому составу, принадлежитъ къ разряду *нейтральныхъ* минеральныхъ водъ, съ содержаніемъ: связанной углекислоты, сѣрной кислоты, хлора, извести, магнезіи, глинозема, сѣроводорода и другихъ. Самую высокую температуру, до 40° С., имѣетъ источникъ № 5-й.

Путь въ Джелалабадъ, лежащій у подножія холма, на которомъ находятся Хазретъ-Аюбскія воды, идетъ изъ Андижана проселкомъ на кишлакъ *Курганъ-Тепе*, находящійся почти на половинѣ дороги между Андижаномъ и Джелалабадомъ. Верстахъ въ 16-ти за Курганъ-Тепе совершается переправа въ бродъ черезъ Кара-Дарью — рѣку быструю и въ половодье — многоводную, почему переправа эта затруднительна, небезопасна и возможна только при помощи проводниковъ въ утренніе часы, когда убыль воды въ продолженіе ночи не пополнилась еще

водою отъ тающаго снѣга въ горахъ въ знойное время дня. Недалеко отъ переправы находится большой кишлакъ *Ханабадъ*, а за нимъ и кишлакъ *Джелалабадъ*, дорога изъ котораго, поднимаясь круто въ гору, ведетъ въ окружающій *мазаръ* (могилу) Хазретъ-Аюба садъ, въ которомъ и находятся всѣ цѣлебные источники. На склонѣ холма, на которомъ находится садъ и въ немъ могила Хазретъ-Аюба и источники, расположены пятьдесятъ дворовъ потомковъ Хазретъ-Аюба, ведущихъ документально свою родословную отъ нѣкоего *Юмала-ходжи-шейха*, о которомъ извѣстно по преданію, что онъ происходитъ отъ Хазретъ-Аюба. Потомки Юмала-ходжи-шейха пользуются приписаннымъ къ мазару Хазретъ-Аюба *вакуфомъ-аулядъ*, т. е. семейнымъ вакуфомъ, съ котораго только опредѣленная часть дохода идетъ, согласно завѣщанію, на богоугодное дѣло, въ данномъ случаѣ — на содержаніе въ порядкѣ могилы святого и имѣющейся при ней мечети, а остальная часть доходовъ съ вакуфнаго имущества принадлежитъ потомкамъ завѣщателя.

По мѣстному сказанію, болѣе 5-ти тысячъ лѣтъ тому назадъ въ близлежащей отъ холма, на которомъ находятся цѣлебные источники, части Кугартской долины жилъ благочестивый Аюбъ, домъ у котораго былъ полная чаша; семья его состояла изъ жены, 11-ти сыновей (по Библіи — 7-ми сыновей) и 3-хъ дочерей; многочисленныя стада его съ каждымъ годомъ преумножались, благодаря благословенію Божію, за благочестивую жизнь праведнаго Аюба. Шайтанъ, завидуя благополучію неподдававшагося его искушеніямъ праведника, сказалъ Господу Богу, что Аюбу легко быть праведнымъ при полномъ изобиліи и счастливой жизни, которою онъ пользуется, а будь онъ поставленъ въ иныя условія, то несомнѣнно не замедлитъ отрѣчься отъ поклоненія истинному Богу. И Господь ниспослалъ Аюбу испытаніе, лишивъ его благосостоянія, дѣтей и здоровья. Тѣло его покрылось язвами, которыя кишѣли червями и распространяли зловоніе; жители Кугартской долины, въ которой жилъ Аюбъ, изгнали его изъ своей среды и онъ долженъ былъ удалиться на гору, гдѣ и избралъ себѣ мѣсто, гдѣ нынѣ находится туземная купальня. Тамъ онъ пролежалъ одержимый недугомъ семь лѣтъ, оставаясь вѣрнымъ Богу. По истеченіи этого времени Господь положилъ предѣлъ испытаніямъ благочестія многострадальнаго Аюба и послалъ Ангела возвѣстить Аюбу о Своемъ милосердіи. Явясь къ Аюбу, ангелъ Господень поднялъ его за руку; при этомъ гнѣздившіеся въ его язвахъ черви посыпались на землю. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ Аюбъ поставилъ правую ногу открылся ключъ теплой воды; страдалецъ искупался въ немъ и тѣло Аюба, покрытое язвами исцѣлилось. Ключъ этотъ названъ: «Чашма-и-шифо» — родникомъ

исцѣленія [1]). Исцѣлившись отъ язвъ, Аюбъ сдѣлалъ семь шаговъ и тамъ, гдѣ стала его лѣвая нога, открылся холодный ключъ [2]). Аюбъ напился воды изъ этого ключа и получилъ полное выздоровленіе. Этотъ холодный ключъ названъ: «Чашма-и-дова» — родникомъ внутренняго очищенія. Исцѣлившись наружно и внутренно, Хазретъ-Аюбъ замѣтилъ кучу червей, только-что покрывавшихъ язвы его тѣла, и воткнулъ около нихъ посохъ, который немедленно покрылся листьями и превратился въ красивое тутовое дерево; на него всползли черви и, питаясь листьями, свили коконы и дали впервые шелкъ, послужившій матеріаломъ для одежды. Женѣ Аюба — *Биби-Рахимъ*, на попеченіи которой онъ былъ за все время своей болѣзни, ангеломъ былъ указанъ въ нѣкоторомъ разстояніи ключъ теплой воды. Искупавшись въ немъ, она получила всю прелесть молодости [3]).

Оставшись, послѣ выздоровленія, на житье въ этой мѣстности, Хазретъ-Аюбъ обзавелся полнымъ хозяйствомъ. Вмѣсто котла для нагрѣванія воды ему служилъ теплый ключъ — «*Нуръ-булакъ*» [4]). Вблизи находится еще теплый ключъ — «*Акъ-булакъ*», температура воды котораго до 30° С. Ключъ этотъ, служившій при Іовѣ для стирки бѣлья, въ настоящее время извѣстный подъ названіемъ «содоваго ключа», даетъ по охлажденіи, вкусную воду для питья. Въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ нимъ имѣется еще ключъ, отдѣляющій мутную воду, служилъ при Іовѣ для выливанія помой и называется «*Киръ-булакъ*».

Проживая въ этой мѣстности, Хазретъ-Аюбъ оставилъ описаніе своей жизни на большомъ камнѣ, который лежалъ около ключа *Кызъ-булакъ* (нынѣшней номерной купальни). Много времени тому назадъ, камень этотъ былъ разбитъ недобрыми людьми, искавшими въ немъ скрытыхъ Хазретъ-Аюбомъ сокровищъ, и осколки камня имѣлись на этомъ мѣстѣ еще на памяти старожиловъ, но мало-по-малу уносились посѣщавшими могилу Хазретъ-Аюба поклонниками, какъ освященное воспоминаніе о своемъ поклоненіи Хазрету. Въ настоящее время нельзя найти и слѣдовъ этого камня, такъ какъ осколки унесены приходившими изъ далека паломниками.

---

[1]) На немъ въ настоящее время стоитъ сартовская купальня (температура воды — 38°—39° С.).

[2]) Холодный ключъ, о которомъ идетъ рѣчь, находится на разстояніи 45 аршинъ отъ перваго ключа. Умѣщая эти 45 аршинъ въ семи шагахъ, Аюбъ долженъ былъ дѣлать каждый шагъ приблизительно въ 6½ аршинъ.

[3]) На ключѣ этомъ, названномъ — «Кызъ-булакъ» — ключемъ дѣвственности, находится въ настоящее время русская номерная купальня, температура воды которой до 42° С.

[4]) Въ настоящее время на этомъ ключѣ устроена общая купальня, въ которой вода имѣетъ температуру до 40°.

Хазретъ-Аюбъ и жена его Биби-Рахима похоронены при мечети, стоящей невдалекѣ отъ ключа *Кызъ-булакъ*. На дворѣ этой мечети имѣется еще внутренняя ограда вокругъ могилы Хазрета. Кромѣ веранды для молитвы въ зданіи мечети имѣются двѣ небольшія, темныя комнаты, въ которыхъ проводятъ по сорока дней въ одиночествѣ, постѣ и молитвѣ усердствующіе паломники. Растущія въ оградѣ мечети деревья увѣшаны цвѣтными лоскутками, повязанными по усердію приходящихъ на поклоненіе женщинъ. Около стѣнъ внутренней ограды, вокругъ могилы, помѣщены въ значительномъ количествѣ разнаго рода камни булыжника и рога *мараловъ* и *текэ* (горныхъ барановъ), оставляемые паломниками. Кромѣ этихъ приношеній, чающіе исцѣленія посѣтители жгутъ въ мечети напитанную кунжутнымъ масломъ вату, которою, передъ тѣмъ, обтерли свое больное тѣло. Около могилы *Биби-Рахимы*—жены Хазретъ-Аюба, лежитъ камень, имѣющій форму туземной люльки, на которомъ достаточно просидѣть нѣкоторое время безплодной женщинѣ въ благочестивомъ настроеніи, чтобы получить способность дѣторожденія, и многочисленные цвѣтные лоскутки, украшающіе окрестныя деревья, составляютъ благочестивое приношеніе женщинъ, молитва которыхъ была услышана.

Черезъ дорогу находится обнесенная оградою могила «*Юмала-ходжа-шейха*», потомка Хазретъ-Аюба и родоначальника ходжей, пользующихся вакуфомъ его имени. Что Юмала-ходжа-шейхъ происходитъ отъ Хазретъ-Аюба—извѣстно по преданію; что же касается происхожденія отъ этого потомка Аюба наличныхъ пятидесяти дворовъ ходжей, пользующихся вакуфомъ, то это документально удостовѣряется имѣющейся длинной ихъ родословной. Самъ Юмала-ходжа-шейхъ не почитается святымъ—Хазретомъ.

Изъ приведенной легенды видно, что среднеазіатскіе мусульмане пріурочили нѣкоторыя библейскія сказанія къ разнымъ мѣстностямъ Туркестанскаго края. Извѣстно, что основатель ислама для подкрѣпленія своего ученія занесъ въ Коранъ многія библейскія имена праотцевъ и пророковъ еврейскаго народа; съ распространеніемъ ислама въ Средней Азіи, имена эти сдѣлались извѣстны среди новыхъ послѣдователей Корана и должны были утвердиться въ ихъ памяти. Съ этою цѣлью ревнители ислама связали нѣкоторыя мѣстности съ именами святыхъ людей, упоминаемыхъ въ Коранѣ: въ окрестностяхъ Самарканда до сихъ поръ мусульмане показываютъ могилу пророка Даніила, въ Ошѣ — тронъ царя Соломона, въ сел. Сарьямъ (Чимкентскаго уѣзда)—могилу св. Маріи и даже Еноха, а около Джалалабада—могилу многострадальнаго Іова. Цѣлебные ключи этой мѣстности въ народномъ сказаніи были освящены такимъ образомъ именемъ великаго праведника, вѣра въ ихъ цѣлебную силу должна была

въ больныхъ мусульманахъ усилиться, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивалось и число паціентовъ-богомольцевъ, что для хранителя мазара было выгодно. На самомъ дѣлѣ страна Уцъ, въ которой жилъ по Библіи Іовъ, находилась къ сѣверу отъ Аравіи.

Чтобы не оставить безъ вниманія червей, гнѣздившихся въ ранахъ многострадальнаго Іова, благочестивая мусульманская легенда приписала и имъ полезное для мѣстныхъ жителей значеніе: они превратились въ шелковичныхъ червей и составляютъ весьма выгодное для туземцевъ производство.

М. Бродовскій.

Годъ въ Швейцаріи.

Въ началѣ мая 1895 года я отправилась изъ Ташкента съ г-жею Ш.—швейцаркой, которая ѣхала въ Monteiller (маленькая деревушка недалеко отъ Лозанны), повидаться со своимъ отцомъ. Мы выбрали самый длинный маршрутъ чрезъ Баку, Тифлисъ, Батумъ, Константинополь и Марсель. О Баку, Тифлисѣ и Батумѣ говорить нечего, а о красотахъ Босфора и Константинополя скажу только, что мы не ожидали видѣть ничего подобнаго, особенно когда увидѣли Босфоръ при лунѣ и когда передъ нашими глазами открылась дивная и, какъ говорятъ, единственная въ мірѣ панорама двухъ частей свѣта: Азіи и Европы, между которыми узенькой лентой извивается Босфоръ. Въ Константинополѣ мы пробыли два дня, осмотрѣли городъ насколько было возможно и отправились къ Марселю, уже нигдѣ не останавливаясь. Пока мы плыли по Черному морю, насъ сильно качало, а потомъ погода установилась, и мы, начиная отъ Константинополя, почти не уходили съ палубы, любуясь красотой моря и береговъ Италіи, которые были настолько близки, что мы различали простымъ глазомъ прибрежныя постройки Неаполя и Везувій съ дымящимся кратеромъ. Погода стояла замѣчательно теплая и тихая, ночи были лунныя.

Марсель былъ первымъ европейскимъ городомъ, который произвелъ на меня, пріѣхавшей такъ издалека, сильное впечатлѣніе. Чудные дома, громадные магазины, широкія улицы, электрическіе трамваи, конки, омнибусы, электрическое освѣщеніе, масса народу—все было новинкой для меня. Главное—это толпа, гдѣ можно встрѣтить всѣ націи и сильное движеніе на улицахъ. Мнѣ казалось страннымъ, что гуляющіе мужчины были въ однихъ жилетахъ съ сюртуками подъ мышкой. На югѣ Франціи это позволяется. Тутъ же на улицѣ предлагаютъ свои услуги мальчишки со щетками для чистки верхняго платья. Кромѣ того, почти на каждомъ шагу стоятъ высокія деревянныя кресла съ

подножкой для чистки ботинокъ. Желающій почистить обувь садится въ кресло, ставитъ ногу на подножку, и тутъ же начинается чистка.

Пробыли мы въ Марселѣ не долго, около сутокъ и тронулись дальше на экспрессѣ. Поѣздъ мчался со страшной быстротой. Во время этого переѣзда я поражалась, когда передъ глазами мелькали точно въ калейдоскопѣ селенія за селеніями, города за городами. Какъ пріятно было видѣть, что все обработано, что вездѣ рѣшительно были видны слѣды рукъ человѣческихъ. Не было передъ глазами печальныхъ пустырей, какъ это можно встрѣтить у насъ въ Россіи.

Въ Швейцарію мы въѣхали утромъ, и остановились въ Лозаннѣ часовъ на шесть, чтобы не безпокоить своимъ пріѣздомъ не во-время родныхъ моей компаніонки. Отецъ ея и мачиха занимаются разведеніемъ винограда и съ ранняго утра бываютъ на работѣ. Мы послали имъ телеграмму, чтобы они встрѣтили насъ вечеромъ на вокзалѣ, а сами пошли гулять по городу. Лозанна—городокъ небольшой, но хорошенькій и чистенькій, хотя неудобный тѣмъ, что расположенъ на возвышенностяхъ, вслѣдствіе чего трудно было устроить трамвай. Мы осмотрѣли университетъ, старинное зданіе въ три этажа. Аудиторіи тамъ узкія и маленькія; скамейки старыя и всѣ испещрены надписями; окна тоже невелики. Студенты ходятъ обыкновенно въ статскомъ платьѣ, но въ университетскіе праздники одѣваютъ форму, состоящую изъ чернаго мундира, бѣлыхъ рейтузъ, бѣлыхъ перчатокъ съ крагами и шапочки. Послѣднія бываютъ разныхъ цвѣтовъ, смотря по корпораціямъ, къ которымъ принадлежатъ студенты: бѣлыя, красныя или зеленыя. Въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ тоже формы нѣтъ, только кэпи особыя для мальчиковъ, а дѣвочки одѣваются, кто какъ хочетъ. Зимой же, или осенью во время дождя, всѣ учащіеся, начиная со студентовъ и кончая 4-хъ лѣтнимъ школьникомъ носятъ пелерины съ капюшономъ на спинѣ, который въ случаѣ надобности, надѣваютъ на голову. Дѣтишки здѣсь, въ странѣ Песталоцци, очень самостоятельны. Часто я съ удивленіемъ встрѣчала 4—5 лѣтнихъ карапузиковъ, идущихъ въ школу безъ провожатаго. Швейцарская молодежь не бросается въ глаза своимъ болѣзненнымъ видомъ, какъ у насъ въ Россіи. Всѣ швейцарскія дѣти крѣпки и здоровы: да и не только молодежь, а всѣ вообще швейцарцы производятъ впечатлѣніе довольныхъ своею судьбою людей. Конечно много значитъ очень регулярный образъ жизни. Въ 7—8 часовъ утра начинаются вездѣ и лекціи и занятія въ школахъ; къ 12 ч. всѣ прибѣгаютъ домой обѣдать, а къ 2 ч. снова возвращаются въ учебныя заведенія, около 4 ч. всѣ расходятся по домамъ и пьютъ кофе. Въ 7 ч. вечера ужинаютъ, а въ 10—11 уже ложатся спать.

Особенность Лозанны составляютъ также нѣкоторыя улицы, по которымъ нельзя ѣздить въ экипажѣ, а можно только пробираться

пѣшкомъ, при чемъ иногда приходится взбираться по деревяннымъ лѣстницамъ или по пробитымъ въ скалѣ тропинкамъ. Недалеко отъ университета помѣщается громадный старинный соборъ, къ которому ведетъ довольно крутая деревянная лѣстница, ступеней въ 200; у ея подножья есть площадь, гдѣ въ базарные дни размѣщаются торговки. Торгуютъ на площади женщины преимущественно овощами, фруктами и домашними издѣліями. Всѣ торговки въ широкополыхъ соломенныхъ шляпахъ, въ передникахъ и сидятъ на складныхъ стульчикахъ, подъ большими зонтами, имѣя передъ собою корзины. Мужчины, или въ синихъ блузахъ безъ поясовъ, или же въ жилетахъ безъ сюртуковъ и въ штиблетахъ съ гвоздями на подошвѣ или въ деревянныхъ башмакахъ. На головахъ мужчины также носятъ соломенныя шляпы мѣстнаго издѣлія. На базаръ здѣсь ходятъ всѣ: барыни и кухарки, барышни и молодые люди. Это своего рода развлеченіе.

Взобравшись на колокольню собора, Лозанну можно видѣть какъ на ладони. Общій видъ прекрасный: кругомъ старинные дома съ красными черепичными крышами и зелеными ставнями, разные chalets, башни, а внизу чудное, лазурное озеро со своими барками, которыя, словно чайки, скользятъ по его зеркальной поверхности. Распущенные паруса у этихъ барокъ, издали точно два крыла птицы. А дальше за озеромъ грозная, скалистая цѣпь Савойскихъ горъ. Мы долго любовались такимъ чуднымъ видомъ, а провожавшій насъ швейцарецъ былъ очень равнодушенъ къ красотамъ своей живописной природы.

Побродивъ до вечера въ Лозаннѣ, мы отправились наконецъ въ Monteiller. Деревушка эта находится въ 20-ти минутномъ разстояніи отъ желѣзнодорожной станціи, Rivat, откуда надо подниматься пѣшкомъ. Здѣсь должны были насъ встрѣтить родные г-жи Ш. Проѣхавъ три станціи, мы сошли съ поѣзда и на платформѣ я увидѣла пожилого господина, очень прилично одѣтаго въ сюртукѣ и котелкѣ, который двинулся къ намъ навстрѣчу. Рядомъ съ нимъ стояла тоже вполнѣ прилично одѣтая женщина въ черномъ платьѣ и черной соломенной шляпѣ, какія здѣсь всѣ носятъ. Это были родители моей компаніонки. Глядя на нихъ, я никогда бы не подумала, что это простые поселяне. Единственно, что ихъ выдавало—это руки жесткія и мозолистыя. Поздоровавшись съ дочерью и со мной, старикъ снялъ сюртукъ, надѣлъ на плечи высокую корзину, приспособленную для ношенія на спинѣ, положилъ туда кое-какія изъ нашихъ вещей и мы направились къ ихъ дому.

Признаться, я ожидала увидѣть простую крестьянскую избу, какъ у насъ въ Россіи бѣдную и убогую. Но каково же было мое удивленіе, когда мы подошли къ довольно большому каменному дому, крытому черепицей. Въ домѣ было нѣсколько комнатъ, очень прилично меблированныхъ. Особенно комната, предназначенная для меня, не

оставляла желать ничего лучшаго. Въ ней я нашла все необходимое: удобную кровать съ пружиннымъ матрацомъ и громадной периной [1]), умывальникъ, письменный столъ, зеркало, гардеробъ и нѣсколько стульевъ, даже были положены на столъ новыя газеты. Я совершенно машинально спросила, кто выписываетъ и читаетъ газеты. Мнѣ сказали — M-r Corbot (хозяинъ дома). Порадовавшись въ душѣ, что хорошо устроилась, я отправилась осматривать домъ. Каменное крыльцо вело въ корридоръ. Направо была кухня, большая свѣтлая комната съ плитой, отъ которой идетъ громадная каменная труба, выступающая надъ крышей. Для посуды устроены полки, стоитъ столъ, на которомъ готовятъ кушанья. Здѣсь обыкновенно происходятъ трапезы въ отсутствіе гостей. Изъ кухни ходъ въ спальню, которая служитъ также и столовой при гостяхъ. Тамъ стоитъ громадная двухспальная кровать съ периной, обѣденный столъ, два кресла, комодъ, зеркало и нѣсколько стульевъ. Противъ кухни по другую сторону корридора устроена кладовая. По обѣимъ сторонамъ корридора были еще двѣ комнаты, изъ которыхъ въ одной помѣщалась я. Почти всѣ дома въ Monteiller построены по этому образцу и содержатся, какъ снаружи, такъ и внутри, въ необыкновенной чистотѣ. За ужиномъ вечеромъ было подано жаркое съ картофелемъ и салатомъ, шпинатъ, а затѣмъ чай прямо въ чайникѣ. Странно было мнѣ видѣть и пить чай, приготовленный въ чайникѣ безъ самовара. И признаюсь чай прокипяченный былъ очень невкусенъ.

Утромъ, на другой день я проснулась довольно рано, но въ домѣ уже никого не было: хозяева ушли въ виноградникъ на работу. Затѣмъ я не слышала крика ребятишекъ, которыхъ наканунѣ было масса. Спрашиваю, гдѣ же дѣти? Мнѣ отвѣчаютъ, что всѣ въ школѣ. Оказывается, что всѣ дѣти, начиная съ 7 лѣтъ, обязаны здѣсь учиться и пробыть въ школѣ до окончанія курса. Тѣ родители, которые не отдаютъ своихъ дѣтей учиться, платятъ за это штрафъ, а когда и это не помогаетъ родителей садятъ въ тюрьму. При обязательномъ обученіи правительственныхъ школъ въ Швейцаріи масса: кромѣ того, повсюду воскресныя школы. Послѣ службы въ церкви, по уходѣ прихожанъ, въ туже церковь собираются дѣти разныхъ возрастовъ; пасторъ съ желающими дамами, барышнями и молодыми людьми дѣлитъ дѣтей на группы и въ каждой группѣ одинъ изъ желающихъ занимается въ продолженіе часа, объясняя что-нибудь изъ св. Писанія. Каникулы въ Швейцаріи очень непродолжительны и праздниковъ, кромѣ воскресеній, Пасхи, Рождества, Новаго года и 2—3 другихъ, нѣтъ. Нѣко-

[1]) На вопросъ, для чего послѣдняя, мнѣ отвѣтили, что ею покрываются зимой поверхъ одѣяла: спальни протапливаются очень рѣдко, такъ какъ считается болѣе гигіеничнымъ спать въ холодной комнатѣ. Окна раскрываются каждый день для провѣтриванія не обращая вниманія на погоду.

торые молодые люди не довольствуются начальнымъ и среднимъ школьнымъ образованіемъ, а поступаютъ въ университеты и даже ѣздятъ заграницу, но, по окончаніи образованія, они не стѣсняются совершенно сознательно самымъ обыкновеннымъ ремесломъ, напримѣръ, булочнымъ. При такихъ порядкахъ не мудрено, что въ Швейцаріи всѣ грамотны. Въ очень рѣдкомъ случаѣ можно встрѣтить простую женщину, не умѣющую читать. Вездѣ интересуются политикой и новостями.

Деревня Monteiller расположена на горѣ. Тамъ всего шесть домовъ. Церковь же находится въ сосѣдней деревнѣ, въ разстояніи 20 минутъ ходьбы. Въ Швейцаріи въ обыденной жизни разстояніе измѣряется всегда на время. Среди деревни устроенъ водоемъ изъ цѣлаго дикаго камня съ непрерывно бьющей струей (вода идетъ изъ горъ); этой водой пользуются какъ для питья, такъ и для другихъ потребностей. Около этихъ водоемовъ собираются часто деревенскія кумушки для мытья овощей, мяса и даже полосканья бѣлья и простаиваютъ тамъ часто часами, болтая о всевозможныхъ новостяхъ и сплетняхъ и, вымывая салатъ, промываютъ мимоходомъ и косточки своихъ ближнихъ.

Походивъ по деревнѣ, я была поражена, какимъ малымъ количествомъ земли подъ усадьбу довольствуются швейцарцы. На 300—400 квадратныхъ саженяхъ и даже меньше построенъ домъ, разведенъ садъ и огородъ. Чернаго двора совсѣмъ нѣтъ за недостаткомъ земли. На крошечномъ кусочкѣ земли передъ домомъ посѣяны: салатъ, морковь, капуста, картофель, шпинатъ, фасоль и пр. А дальше группы двѣ фруктовыхъ деревьевъ и нѣсколько кустиковъ смородины или малины, которые изображаютъ садъ. Вотъ и все хозяйство! Домашней птицы, этого врага огородовъ, швейцарцы не держатъ. Скотъ также не требуетъ особаго двора, такъ какъ зимой его держатъ въ нижнихъ подвалахъ подъ домомъ, а лѣтомъ выгоняютъ на пастбища въ горы. Невольно приходитъ на умъ нашъ Туркестанскій поселенецъ, хотя бы села Никольскаго, который и глядѣть бы не сталъ на такой кусочекъ земли, а швейцарецъ, имѣющій въ своемъ распоряженіи и десятину, считается уже зажиточнымъ и довольствуется такими маленькими участками. Однажды я пріѣхала въ Vevey и тамъ была поражена, когда увидѣла близъ вокзала, что въ углу, между двумя сходившимися стѣнами изъ дикаго камня, какими огораживаютъ свои сады и усадьбы швейцарцы, была насыпана земля и посѣянъ салатъ на пространствѣ не болѣе квадратнаго аршина. Я вообразила, что это дѣтскій огородъ, а оказалось, что этотъ салатъ принадлежалъ одной бѣдной женщинѣ, которая довольствовалась нѣсколькими такими кусочками земли въ разныхъ мѣстахъ. Замѣчательно, что въ Швейцаріи никто не станетъ рвать и воровать чужихъ плодовъ, хотя каменные ограды настолько низки, что

не могутъ служить препятствіемъ для воровъ, поэтому за воровство, какъ за исключительное преступленіе, здѣсь налагается довольно большой штрафъ. Въ виноградникахъ, гдѣ ограды высотою меньше двухъ аршинъ, на верху этихъ каменныхъ стѣнъ прикрѣпляется проволока съ шипами, чтобы трудно было перелѣзть; караульщиковъ и собакъ совсѣмъ нѣтъ, только для птицы выставляются пугалы. Виноградники въ Швейцаріи обрабатываются съ большею заботливостью, чѣмъ у насъ въ Туркестанѣ. Ранней весной всѣ отправляются откапывать изъ земли виноградныя лозы. Когда послѣднія подрастутъ, ихъ прикрѣпляютъ къ прямымъ палкамъ соломой, вымоченной въ водѣ, чтобы послѣдняя не ломалась. Черезъ нѣкоторое время, когда лозы вырастутъ выше аршина, ихъ подрѣзаютъ, а усы обрываютъ, для того, чтобы сокъ шелъ въ грозди. Кромѣ того, постоянно лозы поливаютъ, полятъ, такъ что работы хватаетъ на все лѣто. И нужно сказать правду,—виноградники въ Швейцаріи имѣютъ очень красивый и чистенькій видъ, совершенно отличный, чѣмъ у насъ въ Туркестанѣ. Всѣ склоны горъ покрыты виноградниками.

Рабочій день швейцарца начинается около 4 час. утра. Сначала работаютъ до 9 час. Тогда садятся отдыхать и закусываютъ (кусокъ хлѣба съ сыромъ и небольшой стаканъ вина), и снова принимаются за работу. Въ 12 час. уходятъ обѣдать домой. За обѣдомъ подается супъ, въ рѣдкихъ случаяхъ жаркое; чаще подается мясо, вареное въ супѣ, подъ какимъ-нибудь соусомъ, всегда съ салатомъ и картофелемъ и какая-нибудь зелень, напр., капуста, шпинатъ или фасоль. Если есть фрукты, то лакомятся и ими, но въ очень маленькомъ количествѣ. Напр., крошечная вѣточка винограда, 2—3 сливы, $^1/_2$ яблока... Затѣмъ отдыхаютъ одинъ часъ. Послѣ отдыха снова идутъ въ виноградники и работаютъ до 4 ч. Къ этому времени или приходятъ домой пить кофе (gouter) или же кофе приносятъ изъ дому, къ 7 час. вечера всѣ возвращаются домой ужинать и ложатся спать въ 9—10 ч.

Въ концѣ Сентября или въ началѣ Октября начинается сборъ винограда; это народный праздникъ въ Швейцаріи. Тогда всѣ учебныя заведенія распускаются на 2 недѣли, а университеты на 3 дня и всѣ отправляются на сборъ, гдѣ поются особаго рода пѣсни и время, особенно у молодежи проходитъ очень весело. При этомъ удержался еще такого рода обычай: молодой человѣкъ, собирающій виноградъ съ молодой дѣвушкой имѣетъ право поцѣловать ее столько разъ, сколько найдетъ онъ забытыхъ ею виноградныхъ кистей. А не досмотрѣть гроздей не трудно, потому что виноградъ растетъ густымъ кустомъ, въ листвѣ котораго не видны ягоды.

Каждый мужчина въ Швейцаріи, по крайней мѣрѣ въ Canton de Vaud и даже дѣвушка можетъ зарабатывать въ виноградникѣ въ день

50—60 сантимовъ (20—25 коп.). Женскій трудъ тамъ цѣнится одинаково съ мужскимъ и тамошніе рабочіе не получаютъ по 60—70 к., какъ у насъ въ Туркестанѣ при окучиваніи хлопка и на виноградникахъ. Въ виду мѣстнаго интереса, позволю себѣ упомянуть о слѣдующемъ любопытномъ фактѣ: проходя однажды по проѣзжей дорогѣ между виноградниками недалеко отъ Monteiller, я замѣтила, что въ одномъ мѣстѣ, гдѣ раньше былъ большой виноградникъ, вдругъ оказался пустырь... Я узнала, что на этомъ виноградникѣ появилась болѣзнь, и правительство немедленно срыло весь зараженный виноградникъ, уплативъ хозяину доходность его за нѣсколько лѣтъ, лишь бы болѣзнь не распространялась на сосѣдніе виноградники. Вообще Швейцарское правительство тщательно наблюдаетъ за здоровымъ состояніемъ виноградниковъ, а хозяева съ непостижимой для насъ заботливостью собираютъ и приберегаютъ всякій соръ (fumier), который подбираютъ даже на улицахъ и относятъ въ свои виноградники для удобренія почвы. Располагая только небольшими участками земли, швейцарцы въ теченіе вѣковъ пріучили себя къ разумной бережливости и воздержанности: ни въ костюмахъ, ни въ обстановкѣ домовъ, ни въ домашнемъ меню у нихъ нѣтъ ничего лишняго, а между тѣмъ вездѣ чисто, опрятно, прилично. Столъ ихъ не обиленъ кушаньями, но можетъ казаться достаточнымъ для удовлетворенія голода. Не удивительно послѣ этого, если одна молодая иностранка, увидѣвъ въ Ташкентѣ за вечернимъ чаемъ разныя печенья и варенья, сухари и домашнія булки была изумлена такимъ обиліемъ и сказала, что заграницей въ бѣдной семьѣ часто заяцъ служитъ одинъ день для жаркого, а на другой день для супу.

Швейцарцы и на время смотрятъ какъ на деньги, хотя они и не американцы, а именно 6 дней недѣли они усердно работаютъ, отнюдь не допуская никакихъ уклоненій отъ работы. Все при этомъ ими выполняется методично въ строгомъ порядкѣ; никакихъ похмѣлій послѣ праздниковъ и прогуловъ они не допускаютъ. Воскресенье здѣсь свято чтутъ и никто въ этотъ день не станетъ работать. Съ ранняго утра всѣ они одѣваются въ праздничное платье и съ молитвенниками въ рукахъ идутъ въ церковь, гдѣ въ чинномъ порядкѣ слушаютъ проповѣдь пастора и принимаютъ участіе въ пѣніи псалмовъ. При этомъ я не могу удержаться, чтобы не сказать, что церковная служба кальвинистовъ всегда производила на меня грустное впечатлѣніе своимъ однообразіемъ и монотонностью, но во всякомъ случаѣ я должна отдать справедливость швейцарскимъ кальвинистамъ, что они весьма религіозны и воскресные дни чтятъ отъ мала до велика. Остальное время дня въ праздники швейцарцы употребляютъ на визиты къ знакомымъ и на прогулки. Мнѣ никогда не приходилось видѣть на улицахъ мер-

твецки пьяныхъ, валяющихся на дорогѣ, а тѣмъ болѣе такихъ оборванцевъ, какими являются наши зачаулинцы [1]).

Пока шло время отпуска моей компаніонки, мы постепенно знакомились съ окрестностями и, между прочимъ, встрѣтились съ семействомъ пастора Gagnebin, который былъ духовнымъ отцомъ моей компаніонки. Этотъ пасторъ имѣлъ въ своей семьѣ, жену, сестру, трехъ дочерей и двухъ сыновей. Всѣ дѣти были взрослые. Старшій сынъ былъ на медицинскомъ факультетѣ, а младшій кончалъ гимназію. Пасторъ нанималъ большой домъ въ Лозаннѣ и принималъ къ себѣ разныхъ иностранокъ, желающихъ изучать французскій языкъ, о чемъ я написала своимъ роднымъ. Получивъ отъ нихъ разрѣшеніе, я осталась въ пансіонѣ этого пастора, чтобы прослушать полный курсъ французскаго языка. У него въ это время жили: 4 шведки, 5 нѣмокъ, 2 англичанки, 3 голландки и я, русская. Пасторъ, жена его и дочери должны были давать намъ уроки по 3 часа каждый день. Каждая изъ насъ за 150 фр. въ мѣсяцъ имѣла комнату, отопленіе [2]), освѣщеніе и столъ. Я переѣхала туда въ Августѣ и поселилась въ одной комнатѣ съ нѣмкой. Помѣщеніе было очень недурное. Домъ въ 2 этажа; внизу были: гостиная, столовая, классная, кабинетъ пастора, кухня и кладовая, а наверху наши комнаты и спальни всѣхъ членовъ семьи. Около дома былъ садикъ, обнесенный каменной стѣной, гдѣ мы проводили много часовъ. Оттуда открывался чудный видъ на озеро. Будни мы проводили такъ: утромъ въ 7 часовъ раздавался звонокъ, будившій насъ, затѣмъ въ 8 второй, по которому мы должны были сейчасъ же спускаться внизъ къ утренней молитвѣ и къ чаю. Въ столовой въ это время уже былъ кто-нибудь изъ семьи пастора, чтобы прочитать молитву. Всѣ садились и слушали. Если кто-нибудь опаздывалъ, то платилъ 10 сантимовъ, которые клали въ стоящую тутъ же на столѣ копилку. Деньги эти шли на пріобрѣтеніе книгъ для домашней библіотеки. Затѣмъ мы здоровались и садились пить чай или кофе по желанію, съ хлѣбомъ и сливочнымъ масломъ и брали сколько угодно. Окончивъ чай мы шли снова наверхъ, собирали свои книги, тетради и въ 9 часовъ спускались въ классную, гдѣ оставались до 12 часовъ. Въ это время мы писали французскія сочиненія, диктовку, дѣлали разборъ, читали и разсказывали. Въ 12 часовъ наши занятія кончались и мы уходили наверхъ, чтобы приготовиться къ завтраку, который бывалъ въ часъ пополудни. Снова раздавался звонокъ, потомъ молитва и штрафъ съ опоздавшаго. За завтракомъ давалось намъ всегда холодное жаркое, оставшееся отъ обѣда наканунѣ, съ салатомъ и кар-

[1]) Синонимъ извѣстныхъ въ Россіи босяковъ.

[2]) Очень плохое, такъ что мы сильно мерзли въ комнатахъ.

тофелемъ, какая-нибудь зелень, затѣмъ фрукты или сладкое и сыръ. Подавалось также красное вино. Послѣ завтрака мы уходили къ себѣ готовить уроки и оставались въ своихъ комнатахъ до 2½ час., когда опять раздавался звонокъ, приглашающій насъ съ работами на маленькую стеклянную веранду. Тамъ мы усаживались съ работой и поочередно читали вслухъ. Этимъ чтеніемъ я была очень недовольна, такъ какъ выборъ книгъ былъ черезчуръ дѣтскій, чѣмъ я неудовлетворялась и какъ-то разъ уже зимой доставила большое неудовольствіе пастору, сказавъ, что хочу читать произведенія современныхъ классическихъ писателей и записалась въ библіотеку. За чтеніемъ или за разговоромъ время шло незамѣтно до 4 час., когда двѣ изъ насъ (дежурныя) шли готовить чай и тартинки изъ хлѣба съ масломъ. Самый чай заранѣе уже приготовлялся въ кухнѣ въ чайникахъ, а мы обязаны были только разливать его и по окончаніи все убрать. Затѣмъ мы шли гулять, всѣ вмѣстѣ и возвращались къ обѣду въ 7 ч., который тоже начинался звонкомъ и молитвой. За обѣдомъ намъ давали супъ, жаркое и сладкое; по окончаніи обѣда читалась библія. Вечеръ мы проводили въ гостиной, дѣлая что угодно. Въ 10 час. всѣ шли спать и въ 10½ должны уже были тушить огонь.

Такая жизнь, быть можетъ, покажется очень скучной, но тамошняя молодежь, и въ особенности барышни не скучаютъ. Жизнь швейцарской дѣвушки, особенно въ Лозаннѣ, рѣзко отличается отъ жизни нашихъ русскихъ барышень, живущихъ въ городахъ и скучающихъ отъ ничего недѣланія. Такъ было пріятно, что скуки, этой всемірной болѣзни, здѣсь не было. Родители обращаютъ большое вниманіе на дѣтей и распредѣляютъ день ихъ такъ, чтобы они не скучали. Вечера въ Швейцаріи, какъ танцовальные, такъ и карточные не въ модѣ. Театры бываютъ рѣдко; въ спектакляхъ молодыя дѣвушки не участвуютъ, но за то всѣ онѣ, за рѣдкимъ исключеніемъ, посѣщаютъ конференціи (публичныя лекціи), которыя даются почти каждый день, и ходятъ на какіе-нибудь курсы: садоводства, домоводства, кулинарнаго искусства и проч. Собираются иногда вмѣстѣ съ работой почитать, поболтать, поиграть, но никогда не держатся поодаль отъ родителей. У насъ часто бывали подруги барышень пастора и проводили съ нами «après-midi» работая и разговаривая въ нашей компаніи. Пусть для многихъ такая однообразная жизнь кажется скучной, но мое личное мнѣніе таково, что воспитаніе ихъ лучше нашего. День распредѣляется одинаково, какъ у бѣдныхъ, такъ и у богатыхъ. Конечно, при такомъ образѣ жизни, молодыя дѣвушки, выходя замужъ, становятся хорошими женами и матерями. Часто приглашаются и молодые люди въ семейные дома, но отнюдь не для танцевъ, а для того, чтобы устроить всевозможныя игры, шарады или пѣніе и музыку.

Каждую субботу въ нашемъ домѣ происходила уборка, и мы обязаны были выбивать ковры, чистить мебель и вытирать пыль. Это называлось «économie domestique». Въ этотъ день уроковъ не было и мы, окончивъ уборку, шли на базаръ погулять и поглядѣть и никогда ничего неприличнаго не встрѣчали тамъ. Улицы во время базара бывали всегда закрыты отъ ѣзды въ экипажахъ. Утромъ, въ воскресенье всѣ шли въ церковь, гдѣ прослушивали проповѣдь пастора и возвращались домой. Этотъ день былъ самый непріятный для меня, такъ какъ намъ ничего не позволялось дѣлать, ни работать, ни даже читать. Таковъ ужъ обычай у кальвинистовъ. Вотъ тогда то сильнѣе всего чувствовалось одиночество.

Зимою я надумала слушать лекціи по французской литературѣ, которыя должны были читаться въ университетѣ. Я и моя подруга нѣмка отправились записаться и внести деньги въ университетъ (10 франковъ въ три мѣсяца за 2 еженедѣльныя лекціи). Пришли мы къ секретарю университета (это былъ старичекъ лѣтъ 60) съ просьбой записать наши фамиліи и мѣсто жительство, что требовалось. Говорю, что я такая-то и что пріѣхала изъ Ташкента. Старичекъ такъ и остановился. «Какъ изъ Ташкента, изъ Средней Азіи? Ну это вы первая такая дальняя слушательница». И долго онъ разспрашивалъ меня про Ташкентъ. Уйти, не удовлетворивъ его любопытства, было неудобно, и мы проговорили съ нимъ около часу. Разспрашивалъ онъ про климатъ, образъ жизни и занятія жителей, про земледѣліе, сельское хозяйство, однимъ словомъ все его интересовало. Лекціи бывали два раза въ недѣлю. Профессоръ André читалъ очень хорошо и на его лекціи являлось масса слушательницъ. Онъ умѣлъ заинтересовать насъ, примѣняясь къ нашему развитію и несовершенному знанію языка и кромѣ того онъ, помимо его умѣнья читать, въ высшей степени умѣло обходилъ все, что могло сконфузить молодыхъ слушательницъ. Осенью и весной мы дѣлали постоянно маленькія экскурсіи, иногда на пароходѣ, иногда на желѣзной дорогѣ въ окрестности Лозанны. Болѣе всего мы любили ѣздить въ Montreux и Glion (небольшое мѣстечко надъ станціей Territet). Въ Vevey мы садились на электрическую желѣзную дорогу, на которой можно было проѣхать до Шильонскаго замка, въ которомъ съ 1530—1537 былъ заключенъ знаменитый Бонивaръ Женевскій, мученикъ за вѣру и патріотизмъ. Спустившись въ Territet, мы направлялись пѣшкомъ въ Шильонскій замокъ и спускались въ самую темницу Шильонскаго узника, которая до половины выдолблена въ гранитномъ утесѣ и своды которой, поддерживаемые 7-ю колоннами, опираются на дикую неотесанную скалу. Мы видѣли и то кольцо, къ которому была прикрѣплена цѣпь Бонивара и впадины на полу у подошвы этой колонны, вытоптанныя ногами несчастнаго

Бонивара, который, будучи прикованъ къ цѣпи, семь лѣтъ ходилъ по одному и тому же мѣсту. Я видѣла надпись, сдѣланную Байрономъ, который спускался въ эту темницу и невольно вспомнила, какъ узникъ говорилъ въ поэмѣ:

Взгляните на меня: я сѣдъ,
Но не отъ хилости и лѣтъ...
Тюрьма разрушила меня.
Лишенный сладостнаго дня,
Безъ воздуха въ цѣпяхъ,
Я медленно дряхлѣлъ и чахъ,
И жизнь казалась безъ конца,
Удѣлъ несчастнаго отца:
За вѣру—смерть и стыдъ цѣпей,
Удѣломъ сталъ и сыновей...
День приходилъ, день уходилъ,—
Шли годы—я ихъ не считалъ:
Я, мнилось, память потерялъ
О перемѣнахъ на земли;
И люди наконецъ пришли
Мнѣ волю бѣдную отдать
За что и какъ? О томъ узнать
И не помыслилъ я: давно
Считать привыкъ я за одно
Безъ цѣпи-ль я, въ цѣпи ли былъ
Я безнадежность полюбилъ...
Я къ цѣпи руку пріучилъ.
И—столь себѣ невѣрны мы!
Когда за дверь своей тюрьмы
На волю я перешагнулъ—
Я о тюрьмѣ своей вздохнулъ.

Дорога идетъ все время между разными виллами, отелями и садами. Особенно красивы самые дома, утопающіе въ цвѣтахъ и чудныхъ садахъ, разбитыхъ кругомъ нихъ. Въ Montreux, этомъ чудномъ уголкѣ, побродивъ по улицамъ, мы садились на funiculaire (зубчатая желѣзная дорога) и отправлялись въ Glion, откуда открывался дивный видъ на Rocher de Nay и на Dent de jaman. Было непріятно въ первый разъ ѣхать по этой фуникулярной желѣзной дорогѣ, такъ страшно смотрѣть, какъ вагонъ цѣпляется за зубчатую рельсовую нить, а еще страшнѣе чувствовать и думать: а ну, какъ вагонъ сорвется? непріятно и жутко дѣлается, когда видишь совсѣмъ близко передъ собой скалы, которыя точно растутъ по мѣрѣ того, какъ поднимаешься. Но это непріятное ощущеніе ослаблялось прелестными картинами тамошней природы. Безмятежное голубое озеро такъ и блистало на солнцѣ, Dent du Midi величественно красовался и возвышался надъ другими утесами, а внизу широкая долина Роны со своими городками, рощицами и лѣсами. Какимъ-то ничѣмъ ненарушимымъ покоемъ вѣетъ отъ этого чуднаго

уголка земли съ его тихимъ лазурнымъ озеромъ. А дальше виднѣлись грозныя вершины Савойскихъ горъ, которыя, несмотря на свою громаду, кажутся издали совсѣмъ прозрачными, нѣжно-розоваго цвѣта. Прежде, когда я видѣла лазурь озера на полотнѣ, я не вѣрила, чтобы такъ могло быть въ дѣйствительности, а теперь все это было передъ глазами.

Какъ-то разъ, гуляя по городу, я встрѣтила толпу мужчинъ и женщинъ съ духовыми инструментами. На первыхъ были красныя куртки, а на вторыхъ темныя платья и шляпы вродѣ старинныхъ капотовъ съ красными лентами, на которыхъ была надпись: «Armée de Salut». Дома мнѣ сказали, что это члены «Арміи Спасенія» и прибавили, что если я хочу, то можно будетъ посѣтить одно изъ ихъ собраній. Я не отказалась и какъ-то разъ въ воскресенье, мы отправились въ залъ Арміи Спасенія. Заплативъ по 10 сантимовъ, мы вошли въ довольно большую комнату, уставленную рядами стульевъ. Впереди возвышалась большая эстрада, обитая краснымъ сукномъ. Тутъ-же, недалеко отъ входа, продавались брошюры салютистовъ, ихъ пѣснопѣнія и фотографіи наиболѣе извѣстныхъ ихъ президентовъ, лейтенантовъ, лейтенантшъ, капитановъ и капитаншъ и пр. На эстрадѣ помѣщалось піанино, гитары, бубны, барабаны, и другіе духовые инструменты. Тамъ-же размѣстились «*братья* и *сестры*». Когда залъ наполнился слушателями, на эстраду вышелъ молодой человѣкъ и обратился къ публикѣ со слѣдующими словами: «помолимся Господу Богу и попросимъ его, что-бы онъ помогъ намъ, поддержалъ насъ и пр.». Потомъ онъ прочиталъ молитву, досталъ томикъ стиховъ «Арміи Спасенія» и началъ перелистывать его. Братья и сестры стали приготовлять свои инструменты. Затѣмъ ораторъ прочелъ первыя строки избранной имъ пѣсни, чтобы присутствующіе тоже могли найти ее въ своихъ томикахъ, и далъ знакъ начинать пѣніе подъ аккомпаниментъ оркестра. Темпъ былъ очень быстрый, веселый, дѣйствующій на публику воодушевляющимъ образомъ, весьма напоминающій наши плясовыя пѣсни. Когда музыка стихла, вышелъ тотъ же ораторъ и объявилъ, что сейчасъ одинъ изъ новообращенныхъ братьевъ разскажетъ, какъ онъ обратился ко Христу. На эстрадѣ появился молодой человѣкъ, который, видимо конфузясь, началъ нѣчто вродѣ исповѣди. Онъ описывалъ свою прежнюю жизнь, жизнь кутилы; какъ онъ былъ совершенно разочарованъ въ концѣ концовъ и хотѣлъ даже покончить съ собою, но вдругъ встрѣтился какъ-то съ однимъ изъ членовъ «Арміи Спасенія» и послѣ нѣсколькихъ бесѣдъ съ послѣднимъ у молодого человѣка опять явилось желаніе продолжать земную жизнь. И вотъ уже нѣсколько времени, какъ онъ состоитъ членомъ общества. Въ отвѣтъ на его исповѣдь въ публикѣ слышится сдержанный смѣхъ. Каявшійся не оканчиваетъ и исчезаетъ. Послѣ того началось снова пѣніе и музыка. Таковъ приблизительно

характеръ собраній членовъ Арміи Спасенія. Салютисты дѣлаютъ очень много добра, но жаль, что ихъ собранія обставлены такъ балаганно.

Время летѣло незамѣтно и подошло Рождество. Насъ освободили отъ уроковъ на двѣ недѣли и тутъ я впервые начала скучать. Опредѣленнаго дѣла не было, читать и гулять цѣлыми днями надоѣдало. На первый день Рождества намъ устроили елку, безъ которой въ Швейцаріи праздникъ не въ праздникъ. Проживъ 4 дня въ полномъ бездѣйствіи, я наконецъ не выдержала и выпросилась съѣздить въ Женеву, чтобы сходить въ православную церковь. Пасторша не имѣла ничего противъ моей поѣздки, и я отправилась въ пансіонъ, рекомендованный ею, гдѣ была одна знакомая барышня, которая бывала въ семействѣ пастора. Съ нею ходила я въ русскую церковь, осматривала городъ и была одинъ разъ въ оперѣ. Женева очень красивый городъ, въ немъ много интереснаго, между прочимъ въ большомъ кафедральномъ соборѣ хранится деревянное кресло Кальвина. Есть консерваторія, громадный залъ для концертовъ, опера, ратуша, гдѣ я обратила вниманіе на лѣстницу, имѣющую вмѣсто ступеней наклонный подъемъ, который позволялъ членамъ ратуши въѣзжать въ залу засѣданій верхомъ или въ носилкахъ. Пробывъ въ Женевѣ 2 дня, я уѣхала въ Лозанну, гдѣ 31-го Декабря встрѣчала Новый годъ. Встрѣча эта имѣла домашній характеръ. Въ этотъ вечеръ въ Лозаннѣ ходятъ маскированные только по улицамъ. Новый годъ считается здѣсь очень большимъ праздникомъ, болѣе важнымъ, чѣмъ даже Пасха. Остальные дни каникулъ мы провели очень недурно, потому что выпалъ снѣгъ и мы катались на конькахъ и на салазкахъ прямо по улицамъ. Этимъ послѣднимъ удовольствіемъ увлекались всѣ, особенно англичане. Я уже говорила выше, что Лозанна расположена на холмахъ, почему легко можно было кататься на спускахъ.

Наступила наконецъ и Пасха, которую мы провели очень скучно. Этотъ праздникъ почти ничѣмъ не отличался отъ простого воскресенья, если только не считать крашенныхъ яицъ, которыя, впрочемъ, совершенно не носятъ такого религіознаго характера, какъ у насъ въ Россіи. На крашенныхъ яйцахъ въ Лозаннѣ дѣлаютъ всевозможныя надписи стихами или прозой, предназначая ихъ для кого-нибудь. Проповѣдь пастора въ этотъ день была самая обыкновенная, если не считать его прибавленія, относительно того какъ проводятъ этотъ день въ другихъ государствахъ и проповѣдникъ обратилъ вниманіе слушателей и на Россію, разсказавъ болѣе подробно о томъ, какъ мы готовимся къ этому великому празднику и какъ проводимъ его. Въ общемъ Пасха прошла очень скучно и на душѣ не было такого религіознаго праздничнаго настроенія.

Я очень интересовалась также внутреннимъ устройствомъ начальныхъ швейцарскихъ школъ, но мнѣ съ большимъ трудомъ удалось получить на это разрѣшеніе, такъ какъ щвейцарцы неохотно пускаютъ въ свои школы постороннихъ посѣтителей. Мнѣ пришлось лично просить директора этихъ школъ о разрѣшеніи, и только при содѣйствіи пастора, у котораго я жила, я получила билетъ на входъ въ школы гдѣ я не мало поражалась умѣлому распредѣленію уроковъ, такъ какъ уроки теоретическіе чередовались съ уроками гимнастики, пѣнія и рукодѣліемъ у дѣвочекъ. Росписаніе уроковъ довольно сложное, но весьма аккуратно выполняется преподавателями и этимъ достигается то, что время даромъ не тратится, дѣти не утомляются и не шалятъ, а въ тоже время достигаютъ хорошаго успѣха.

Вскорѣ послѣ Пасхи мы стали собираться на лѣто въ горы. Выбрана была очень хорошенькая деревушка Champery въ Canton Valais, гдѣ наняли для насъ деревянный chalet въ три этажа съ балконами и полной меблировкой. Видъ на горы былъ чудный, особенно на глетчеръ Susanfe и вершину Dent Blanche. Въ Champery мы сразу стали гулять по горамъ, не страдая особенно отъ жары, тогда какъ послѣднее время въ Лозаннѣ было очень душно. Тутъ же воздухъ былъ до того чистъ и свѣжъ, что мы не обращали вниманія на время и ходили по окрестностямъ въ самую жару. Горы тамъ очень красивы, всюду покрыты лѣсомъ, а въ долинахъ пасется скотъ. У каждаго животнаго привѣшанъ на шеѣ довольно большой плоскій колокольчикъ изъ мѣди, вершковъ 5—6 длиною и 2 шириною. Иногда подбираютъ въ стадѣ цѣлую мелодію изъ колокольчиковъ. — Глетчеръ, который постоянно былъ на виду, сильно привлекалъ меня и мнѣ вздумалось побывать тамъ. Со мной вмѣстѣ собралась одна шведка, и мы, посовѣтовавшись съ пасторомъ, разрѣшившимъ намъ сдѣлать эту экскурсію отправились къ извѣстному въ Champery гиду, который бывалъ на глетчерѣ по крайней мѣрѣ разъ 500. Въ Швейцаріи гидами служатъ люди уже зрѣлыхъ лѣтъ, имѣющіе отъ правительства разрѣшеніе и отвѣчающіе за судьбу ввѣряемыхъ имъ людей. Никакая экскурсія не обходится тамъ безъ проводниковъ, но какъ-то разъ въ бытность мою въ Champery, былъ такой несчастный случай: два молодыхъ путешественника незнающіе, совершенно дороги, отправились на глетчеръ безъ гида, оставивъ женъ своихъ въ ближайшей деревнѣ. Они были легко одѣты и не имѣли съ собой ничего необходимаго для экскурсіи. Прошло нѣсколько дней послѣ ихъ ухода; извѣстій никакихъ не было. Обезпокоенныя жены обратились къ правительству съ просьбой помочь имъ въ поискахъ и вскорѣ нашли несчастныхъ туристовъ съ проломленными черепами. Они поскользнулись, упали на ледъ съ громадной высоты и разбились. Нашъ гидъ посовѣтовалъ намъ запастись короткимъ костюмомъ, который не мѣшалъ бы ходьбѣ, затѣмъ попросилъ насъ пріобрѣсти

палки съ острыми наконечниками, темные большіе очки, и маски и особые ботинки со вбитыми въ подошвы гвоздями, чтобы не скользили ноги. Когда все было готово, мы выступили рано утромъ, захвативъ съ собою хлѣба, яицъ и теплую одежду. Дорога сначала пролегала по густому лѣсу; каждый часъ гидъ давалъ намъ отдыху 5 минутъ. Особенной жары мы не чувствовали, такъ какъ шли все время въ тѣни и любовались громадными папоротниками, которые сплошь застилали пространство между деревьями. Послѣ 5 часовой ходьбы мы вышли на открытую долину, гдѣ стоялъ почернѣвшій отъ времени деревянный chalet; это было перепутье туристовъ, отправляющихся въ экскурсію на глетчеръ или Dent Blanche. Мы вошли, поздоровались съ хозяйкой (старой дѣвушкой лѣтъ 50) и просили ее приготовить намъ завтракъ, а сами пошли осматривать chalet. Въ нижнемъ этажѣ была громадная комната съ земляным поломъ, которая изображала и столовую и кухню. Большое мѣсто занималъ тамъ старинный очагъ съ вертеломъ. Стояли простые деревянные столы и стулья. Въ верхнемъ этажѣ находилось нѣсколько комнатъ, вся меблировка которыхъ заключалась въ кроватяхъ съ соломенными тюфяками, такими же подушками и небольшими столиками. Здѣсь отдыхали обыкновенно туристы. Пока мы осматривали chalet, завтракъ былъ уже готовъ, и мы съ аппетитомъ принялись за ветчину, сыръ, масло и кофе. За завтракомъ мы распрашивали хозяйку о ея жизни и не мало дивились, узнавъ, что она живетъ совершенно одна. Въ полуверстѣ отъ нея живетъ ея сестра. Она занимается молочнымъ хозяйствомъ и доставляетъ въ chalet молочные продукты. Послѣ завтрака гидъ заставилъ насъ отдохнуть еще съ часъ и затѣмъ мы снова выступили въ дорогу. Лѣсъ уже кончился и намъ пришлось взбираться по скаламъ, иногда почти на четверенькахъ. Вотъ тутъ-то незамѣнимую услугу оказали намъ гвозди, вбитые въ подошвѣ и не позволявшіе намъ скользить. Дорога становилась труднѣе и труднѣе, тропинка была мѣстами настолько узка, что съ трудомъ помѣщались двѣ ноги, такъ что мы подвигались шагъ за шагомъ. Съ одной стороны возвышались скалы, съ другой былъ обрывъ, на днѣ котораго бушевалъ горный потокъ. Наконецъ подошли мы къ обледенѣлому снѣгу; глазамъ было невыносимо больно, и мы одѣли темныя очки и маски, чтобы не сжечь лица. Солнце сильно жгло, идти было очень трудно, особенно когда мы стали подниматься по этому снѣгу; ноги наши скользили, и гидъ связалъ насъ веревкой на 2 аршинномъ разстояніи другъ отъ друга. Когда мы дошли до льда, проводникъ вырубалъ ступеньки на льду, чтобы дать намъ воможность добраться до самаго ледника. Намъ приходилось останавливаться въ ожиданіи, пока можно было сдѣлать шагъ впередъ. Наконецъ мы подошли къ цѣли нашего путешествія. Это было громадное скопленіе

льда съ расщелинами въ нѣсколько аршинъ глубиной и мѣстами даже много глубже, гдѣ ледъ казался нѣжно голубого цвѣта. Гидъ не отпускалъ насъ отъ себя ни на минутку, боясь, что мы упадемъ въ пропасть или въ расщелину. Съ ледника открывался замѣчательный видъ на другія снѣжныя вершины. Полюбовавшись видами, мы стали спускаться и когда мы прошли самое опасное мѣсто, гидъ развязалъ насъ и позволилъ намъ однимъ спускаться по снѣгу, опираясь на палку и стоя на ногахъ. Мы много смѣялись, потому что падали часто и измокли до невозможности, а было уже поздно. Гидъ заторопилъ насъ, и мы, добравшись до земли, сѣли закусывать и запивать холодной водой изъ ледника. Пока мы уничтожали свои запасы, наши ботинки сушились на солнцѣ. Отдохнувъ немного, мы уже не останавливаясь дошли до нашей стоянки. Спускаться было много хуже, и не будь у насъ такой короткой одежды, мы бы зацѣплялись за каждый кустъ или выступъ скалы. Солнце уже почти закатилось, когда мы подошли къ шалашу и мы остались ночевать. Хозяйка устроила намъ постель и подушки изъ свѣжаго и душистаго сѣна, и мы спали самымъ крѣпкимъ сномъ. Утромъ я отправилась осматривать молочную ферму нашей хозяйки, смотрѣла, какъ дѣлаютъ сыръ, масло и любовалась коровами, которыя отличаются своимъ ростомъ и молочностью, но за то они и не дешевы (стоятъ около 600 франковъ—200 руб.). Въ тотъ же день мы вернулись домой.

Черезъ недѣлю я уже стала собираться въ путь и уѣхала, покидая съ грустью этотъ чудный уголокъ земли, но грусть ослаблялась радостнымъ чувствомъ надежды увидѣть скоро родныхъ и родной Ташкентъ.

Въ заключеніе я не могу не сдѣлать небольшого сравненія между Женевскимъ озеромъ и однимъ изъ нашихъ наиболѣе красивѣйшимъ въ Азіи озеромъ Иссыкъ-куль (теплое озеро) которое мнѣ также удалось видѣть. Иссыкъ-куль гораздо величественнѣе, такъ какъ площадь его равняется приблизительно 5,780 километрамъ и оно въ десять разъ больше Женевскаго. Цвѣтъ воды на Иссыкъ-кулѣ такой же, какъ и въ Женевскомъ, но самая поверхность не такая спокойная, какъ въ послѣднемъ, такъ какъ на срединѣ Иссыкъ-куля часто вздымаются волны. Горы на другой сторонѣ озера Иссыкъ-куля кажутся такими же прозрачными, какъ и цѣпь Савойскихъ горъ. И еще контрастъ: на Иссыкъ-кулѣ вѣчное безмолвіе, и ничѣмъ не нарушимая тишина, тогда какъ на берегахъ Лемана жизнь такъ и кипитъ. Впрочемъ быть можетъ когда нибудь и нашъ прелестный Иссыкъ-куль пріобрѣтетъ также всемірную извѣстность, какою пользуется Женевское озеро, и тогда на пустынныхъ берегахъ его появятся виллы, отели и закипитъ жизнь на подобіе швейцарской.

А. Жемчужникова.

Разсказъ о покойномъ К. П. Фонъ-Кауфманѣ.

Отличительною чертою характера покойнаго Генералъ-Губернатора Туркестанскаго края К. П. фонъ-Кауфмана было самое неподдѣльное, иногда чисто юношеское благодушіе. Несмотря на свой почтенный возрастъ и высокое служебное положеніе, покойный Генералъ-Губернаторъ необыкновенно сердечно относился къ дѣтямъ, умѣлъ ихъ приласкать и ободрить, а иногда не отказывался и пошутить съ ними. При всемъ этомъ покойный всегда помнилъ, что дѣтямъ извѣстнаго возраста необходимо учиться и потому, сколько было возможно, онъ направлялъ дѣтей къ школѣ, къ образованію. Заботы перваго Туркестанскаго Генералъ-Губернатора о народномъ образованіи въ краѣ хорошо всѣмъ извѣстны и приводимый ниже разсказъ характеризируетъ его, какъ добродушнаго начальника въ его заботахъ объ образованіи мальчика-инородца.

Мы жили,—разсказывалъ мнѣ Шакирджанъ Ишаевъ,—въ азіатской части Ташкента, за стѣнкой городского генералъ-губернаторскаго сада, у самой стѣны сада съ западной стороны. Къ этой части азіатскаго города прилегала въ мусульманское время дорога, которая шла между домомъ правителя канцеляріи и теперешней конюшней при домѣ Генералъ-Губернатора; чрезъ арыкъ Ангаръ былъ перекинутъ мостъ. Этою дорогою мы напрямикъ выходили изъ азіатской части въ русскую часть города и проходили почти чрезъ задній дворъ генералъ-губернаторскаго дома (впослѣдствіи эту улицу закрыли). Жили мы въ сартовской полуразвалившейся саклѣ. Семейство у моего отца было большое (насъ было четыре брата и три сестры), и жили мы

крайне бѣдно. Съ матерью я часто выходилъ по упомянутой улицѣ въ русскую часть города. Мать моя въ то время занималась стиркой бѣлья на богатыхъ татаръ, братъ старшій жилъ у портного-татарина въ ученьи, а отецъ, какъ мулла, вѣчно колотился около торговцевъ-татаръ, жившихъ въ сараяхъ на базарѣ въ азіатской части; сестры мои были тогда еще очень молодыя и находились всегда дома. Я учился въ школѣ *(мактабъ-хана)*, которая существовала при мечети, въ сѣверномъ углу генералъ-губернаторскаго сада, въ десяти шагахъ отъ нашей квартиры. Я уже умѣлъ писать и читать по-татарски, а также зналъ нѣсколько полусловъ по-русски, ибо и тогда отецъ съ матерью, въ присутствіи постороннихъ мусульманъ и мусульманокъ, говорили о своихъ секретахъ по-русски. Отецъ мой считался тогда знатокомъ русскаго языка и закона, и потому не рѣдко приходили къ нему сарты за совѣтомъ. Въ его *полномъ* знаніи русскаго языка и мы въ то время не сомнѣвались, но впослѣдствіи познанія его въ русскомъ языкѣ оказались ничтожными: онъ не могъ двухъ словъ правильно связать по-русски.

Мать моя нерѣдко посылала меня собирать хворостъ и щепки въ саду при домѣ Генералъ-Губернатора для нагрѣванія воды въ котлѣ во время стирки бѣлья, а хвороста и щепокъ въ этой части генералъ-губернаторскаго сада было много. Эта сторона сада тогда не была приведена въ порядокъ; хотя дорожки уже были намѣчены, но рабочихъ никогда незамѣчалось тамъ, и вообще въ эту часть сада почти никто не заглядывалъ, а потому я свободно собиралъ тамъ хворостъ и перебрасывалъ его чрезъ невысокій заборъ прямо къ матери во дворъ. Съ теченіемъ времени я совсѣмъ освоился съ этою частью генералъ-губернаторскаго сада и вздумалъ построить тамъ, на одномъ арыкѣ, для своей забавы толчею и мельницу. Толчею я живо смастерилъ, такъ что она, небольше какъ чрезъ 2 часа, стала уже стучать пестами надъ поставленными подъ нихъ камешками, а надъ мельницей работы было мнѣ не мало: нужно было сдѣлать турбину, жернова, устроить подпруду и сдѣлать желобокъ. Все это я сдѣлалъ и поставилъ турбину, а надъ жерновами задумался, какъ и изъ чего ихъ сдѣлать. Я рѣшилъ сдѣлать жернова изъ толстыхъ черепковъ разбитой корчаги и сталъ округлять ихъ о гальку. Вотъ разъ сижу я въ саду и старательно округляю свои маленькіе жернова и совсѣмъ увлекся своей работой... Вдругъ, откуда ни возьмись, подошли ко мнѣ два военныхъ господина. Одинъ изъ нихъ былъ Генералъ-Губернаторъ К. П. фонъ-Кауфманъ, а другой его адъютантъ. Они подошли ко мнѣ сзади такъ тихо, что я, усердно занятый своей работой—треніемъ черепковъ, замѣтилъ ихъ только тогда, когда они стояли уже около меня. Оглянулся я и испугался... Куда дѣвались мои жернова!.. Я вскочилъ на

ноги, стрѣлой бросился бѣжать къ забору и сдѣлалъ прыжокъ.., но сорвался со стѣны и свалился внизъ. Не успѣлъ я сдѣлать второй прыжокъ, какъ молодой офицеръ (адъютантъ) быстрыми шагами подошелъ ко мнѣ, и я, обернувшись къ нему, остановился у самаго забора съ вытаращенными отъ испуга глазами... Но офицеръ смотрѣлъ на меня ласково и улыбался. Тогда и я нѣсколько успокоился. Офицеръ взялъ меня за плечо, за рубашку и повелъ обратно къ моей мельницѣ, у которой стоялъ самъ генералъ фонъ-Кауфманъ. Когда я подошелъ, генералъ заговорилъ со мной такъ ласково и милостиво, съ такой пріятной успокаивающей улыбкой, что я немного ободрился, но продолжалъ удивленно смотрѣть ему въ глаза. Генералъ погладилъ меня по головѣ и потрепалъ по плечамъ, и что-то говорилъ. Я чувствовалъ, что онъ хвалилъ меня, но понялъ и запомнилъ только его слова: «хорошій мальчикъ, умный мальчикъ»... Затѣмъ онъ сказалъ: «ты татаринъ? Гдѣ твой домъ?» Въ отвѣтъ я кивалъ головой и рукой указалъ по направленію чрезъ заборъ... Мнѣ такъ и хотѣлось убѣжать отъ нихъ, а они между собой продолжали что-то говорить и смѣялись, указывая другъ-другу на мою мельницу и толчею... Наконецъ, генералъ спросилъ меня: «по-русски знаешь?» И я отвѣтилъ: «знаешь»... Затѣмъ онъ, указывая на мельницу, повидимому, сказалъ, чтобы я продолжалъ свою работу, снова потрепалъ меня по плечамъ и съ ласковой улыбкой тихонько началъ отходить отъ моей мельницы...

Какъ только они отошли отъ меня на нѣсколько шаговъ, я моментально подбѣжалъ къ забору—и маршъ черезъ заборъ домой. Дома я ни слова никому не сказалъ о происшедшемъ, потому что отецъ у меня былъ очень суровый человѣкъ и билъ меня всегда за мои шалости.—Но прошло съ того времени самое большое 3—4 дня (въ эти дни я пересталъ бывать въ саду), какъ явился къ намъ около 4—5 часовъ пополудни сартъ и потребовалъ моего отца. Я игралъ въ это время на дворѣ, а отецъ былъ въ саклѣ. Отецъ вышелъ къ сарту, а я ни живъ, ни мертвъ слѣжу за нимъ, потому что, хотя сарта этого совсѣмъ не зналъ, но лицо его показалось мнѣ почему то знакомымъ. Вдругъ сартъ повелительно сказалъ моему отцу, что его требуетъ генералъ-губернаторскій садовникъ и велѣлъ привести того сына, который въ саду Генералъ-Губернатора строилъ мельницу... Услыхалъ это я, и совсѣмъ остолбенѣлъ. На вопросы отца, обращенные къ сарту—зачѣмъ? почему? и проч., сартъ ничего не отвѣчалъ, а только говорилъ: «*айда*». Тогда отецъ мой очень сердито посмотрѣлъ на меня, торопливо надѣлъ на себя халатъ, чалму, взялъ длинную свою палку и, обращаясь къ матери, сказалъ по-татарски, этотъ нашъ сынъ не перестанетъ шалить до тѣхъ поръ, пока не сниметъ съ насъ нашихъ головъ. «Потомъ отецъ взялъ меня за руку такъ больно, что у меня слезы выкатились изъ глазъ и сказалъ: «*айда кафиръ, нима таши кылдынгъ*» (то есть: пойдемъ невѣрный, что ты еще натворилъ?). И вотъ повели меня несчастнаго на дворъ генералъ-губернаторскаго дома. Всѣ братья и сестры вытаращали глаза и остались удивленными, не понимая, въ чемъ дѣло. Добрая мать моя, единственная моя заступница отъ побоевъ отца, провожала меня съ прискорбіемъ на лицѣ, ибо она знала, что въ случаѣ чего нибудь отецъ меня не пожалѣетъ. Но меня ожидало вовсе не то, чего я боялся... Сартъ привелъ насъ чрезъ Ангаръ въ садъ Генералъ-Губернатора, къ домику, гдѣ жилъ садовникъ Маляновскій и сказалъ, что мы пришли. У дверей этого домика мы немного подождали; потомъ вышелъ садовникъ, торопливо застегивая свои пуговицы. Лицо у него было не страшное, и онъ, обратившись къ сарту, спросилъ: «*эти*»? Сартъ сказалъ: «*да*». Отецъ мой въ это время что-то, должно быть, хотѣлъ сказать, но садовникъ, торопливо стремясь впередъ, сказалъ: «*айда*»! и повелъ насъ по извилистымъ усыпаннымъ пескомъ дорожкамъ къ террасѣ генералъ-губернаторскаго дома, что́ съ западной стороны. На террасѣ стоялъ самъ Генералъ-Губернаторъ К. П. фонъ-Кауфманъ съ однимъ офицеромъ, у котораго, помню—на головѣ не было ни одного волоса. Подходя къ террасѣ, садовникъ снялъ шапку, а отецъ свою чалму. У отца лицо было до того взволновано, что его передергивало. Бѣдняжка,—какъ мнѣ все это помнится, чалму взялъ подъ мышку, палку бросилъ, и руки сложилъ на грудь. Тоже и я сдѣлалъ. Садовникъ доложилъ объ насъ генералу и отошелъ въ сторону, сказавъ намъ, чтобы мы поднялись на террасу. Когда мы поднимались, Генералъ-Губернаторъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ къ намъ на встрѣчу и сказалъ съ ласковой улыбкой: «*Вотъ, вотъ! Онъ самый*»... До этой улыбки, лицо у моего отца было совершенно блѣдное; а когда онъ увидѣлъ ласковую улыбку генерала, то, повидимому, нѣскодько успокоился. Генералъ-Губернаторъ близко подошелъ къ намъ и сказалъ отцу «*это твой сынъ*»? Отецъ что-то забормоталъ, а Генералъ-Губернаторъ подошелъ ко мнѣ, погладилъ меня по головѣ, потрепалъ по плечамъ и сказалъ: «*Ты будешь у меня толмачъ*»... Отецъ все это время, что-то бормоталъ и низко кланялся ему. Генералъ, узнавъ, что отецъ мой живетъ бѣдно сказалъ, что назначитъ мнѣ въ мѣсяцъ 10 рублей. Отецъ, услыхавъ это, бухъ въ ноги генералу отъ радости. Онъ, вѣдь, ожидалъ грознаго выговора отъ Генералъ-Губернатора за мои шалости въ саду и кромѣ того былъ подавленъ бѣдностію и никогда, можетъ быть, въ жизни своей не имѣлъ въ рукахъ цѣликомъ десять рублей. Мой старшій братъ жилъ у татарина-портного за двѣ тилли (6—8 руб.) въ годъ, а тутъ вдругъ 10 руб. въ мѣсяцъ!.. Когда мой отецъ упалъ въ ноги генералу, то, адъютантъ его, Михайловъ поспѣшно поднялъ его за халатъ. Затѣмъ генералъ приказалъ садовнику

держать меня въ саду въ качествѣ своего переводчика, а мнѣ сказалъ: «*Ты будешь у меня хорошій мальчикъ* и проч.». Отецъ отъ радости ничего не могъ отвѣчать, а только кланялся въ знакъ благодарности. Затѣмъ, указавъ рукой на мою грязную рубашку и на разорваные штаны, генералъ приказалъ отцу одѣть меня приличнѣе и, вынувъ изъ своего кармана бумажникъ, выдалъ моему отцу 10 руб. на одежду для меня и отпустилъ насъ...

Съ этого дня мы были уже богаты и счастливы. Генералъ часто ходилъ со мной по саду, водилъ меня всегда за руку и всегда относился очень ласково. Часто перепадали мнѣ отъ него подарки, которые я цѣликомъ относилъ домой, такъ что вообще положеніе моихъ родителей поправилось. Не больше, какъ чрезъ два или три мѣсяца они купили себѣ въ русской части города, въ 4-й слободкѣ (находилось тогда въ юго-западной части крѣпости, а теперь уже и слѣдовъ *нѣтъ* отъ этой слободки) домъ за 40 руб., а черезъ нѣкоторое время затѣмъ отецъ купилъ тамъ же торговую баню, и мы совсѣмъ разбогатѣли...

«Генералъ- Губернаторъ приказалъ садовнику Маляновскому взять меня къ себѣ и учить русской грамотѣ. Я устроился у Маляновскаго вполнѣ хорошо: обѣдалъ и ужиналъ вмѣстѣ съ нимъ; въ свободное отъ уроковъ время бѣгалъ по саду, ловилъ птичекъ, строилъ на арыкахъ мельницы и толчеи, а вечеромъ спокойно спалъ на особой кровати. Маляновскій время отъ времени заставлялъ меня читать книжку, твердить урокъ, а Генералъ-Губернаторъ, когда выходилъ въ садъ, спрашивалъ, какъ я занимаюсь и какъ успѣваю въ чтеніи и письмѣ. Генералъ, бывало, увидитъ меня въ саду, — подзоветъ къ себѣ, спроситъ, какъ я поживаю и что дѣлаю, а затѣмъ возьметъ за руку и поведетъ съ собой по саду. Подойдетъ генералъ къ арыку, увидитъ мою толчею, остановится, поглядитъ и похвалитъ,—и идетъ дальше... Въ то время я уже хорошо понималъ по-русски и могъ твердо и увѣренно отвѣчать на вопросы Генералъ-Губернатора.

Такъ шли дни и недѣли... Я чувствовалъ себя вполнѣ довольнымъ и счастливымъ. И Маляновскій однажды сказалъ мнѣ: «теперь ты уже лучше меня читаешь и пишешь; надо отдать тебя въ русскую школу...»

Прошло такимъ образомъ еще нѣсколько времени, какъ наступилъ нашъ (мусульманскій) праздникъ. И вотъ, по приказанію Генералъ-Губернатора, мнѣ сшили рубашку изъ бѣлаго канауса и шаровары изъ краснаго канауса; купили черные опойковые сапоги, а также кушакъ и шляпу. Кромѣ того мнѣ выдали канаусный камзолъ русскаго покроя. Когда я нарядился такимъ франтомъ, Маляновскій сказалъ мнѣ, чтобы я шелъ домой и гулялъ три дня по случаю праздника. Я самъ былъ радъ тогда, но еще больше радовались мои родные, глядя на меня.

Черезъ три дня я возвратился къ Маляновскому и онъ сказалъ мнѣ: «Генералъ-Губернаторъ приказалъ отдать тебя въ русскую школу». Я ждалъ, когда это будетъ и былъ радъ. Долго ждать мнѣ не пришлось. Черезъ день или черезъ два, утромъ пришелъ къ Маляновскому смотритель генералъ-губернаторскаго дома, капитанъ Писаревскій (онъ былъ душа-человѣкъ) и сказалъ мнѣ, что сейчасъ отведетъ меня въ школу. Я торопливо одѣлся и пошелъ съ нимъ въ русское училище. Училище тогда помѣщалось въ домѣ, гдѣ теперь магазинъ Дружкина, и имъ завѣдывала тогда жена убитаго подъ Ташкентомъ офицера, г-жа Жуйкова. У нея была помощница Степанида Тимофеевна. Фамилію ея я незналъ. Она большею частію учила рукодѣлью дѣвочекъ, которыя въ этой школѣ учились вмѣстѣ съ мальчиками. Степанида Тимофеевна была очень добрая барыня (она была вдова). У меня и теперь рисуется въ воображеніи доброе выраженіе ея лица. Она весьма старательно и толково разсказывала и объясняла намъ прочитанное. Ко всѣмъ дѣтямъ относилась она очень добродушно и ласково, а на меня обращала даже особенное вниманіе и занималась со мной больше чѣмъ съ другими дѣтьми. Она не разъ говорила мнѣ: «*ты, Шакирджанъ, долго не забудешь меня...*» Слова ея глубоко запали мнѣ въ душу и я дѣйствительно никогда не забуду ея доброты. Эта барыня была доброй наставницей и второю матерью моей. Русскіе мальчики нерѣдко поддразнивали меня за неправильное произношеніе словъ; я тоже цапался съ ними, но никого не трогалъ самъ, а наказанія отбывалъ съ ними вмѣстѣ. Черезъ годъ, благодаря трудамъ и заботамъ моихъ учительницъ, я былъ однимъ изъ первыхъ учениковъ школы. На экзаменѣ Генералъ-Губернаторъ фонъ-Кауфманъ лично присутствовалъ и остался очень доволенъ моими успѣхами, похвалилъ меня и назвалъ своимъ воспитанникомъ. Уѣзжая изъ училища, генералъ приказалъ мнѣ явиться къ Маляновскому на другой день. На другой день, около 11 ч. утра, когда я съ Маляновскимъ пришелъ въ пріемный залъ, генералъ встрѣтилъ меня съ ласковой улыбкой и сказалъ: «*Вотъ видишь,—ты у меня совсѣмъ другой человѣкъ сталъ... Какой ты молодецъ сталъ! Старайся-же хорошо учиться и будешь хорошимъ человѣкомъ*». При этомъ изъ сосѣдней комнаты вынесли красный шелковый съ полосками бухарскій халатъ и серебряные часы. Все это генералъ подарилъ мнѣ. Затѣмъ, въ 1879 г., я составилъ русско-туземный словарь и преподнесъ одинъ экземпляръ Генералъ-Губернатору. Генералъ К. П. фонъ-Кауфманъ принялъ меня въ кабинетѣ, раскрылъ мою книжку и прочиталъ татарскія слова, написанныя русскими буквами: «*Мунда зарурь нимарсаляръ табуларъ му икянь*». Это онъ ясно и

отчетливо прочиталъ, такъ что я удивился. За словарь генералъ подарилъ мнѣ 100 руб. и приказалъ доставить 10 экземпляровъ, которые онъ подарилъ Бухарскимъ посланникамъ, находившимся въ то время въ Ташкентѣ».

Поводомъ къ этому разсказу послужила случайная моя встрѣча съ Шакирджаномъ Ишаевымъ 13 іюля 1899 года близъ мѣста первоначальнаго погребенія покойнаго Константина Петровича. Я просилъ Шакирджана записать для меня этотъ разсказъ, которому я придалъ настоящую редакцію, придерживаясь оригинала, изложеннаго инородцемъ-татариномъ.

Н. Остроумовъ.

Что даетъ средне-азіатская мусульманская школа въ образовательномъ и воспитательномъ отношеніяхъ?

Къ числу туземныхъ мусульманскихъ школъ принадлежатъ:

1) *Мактабъ* (или *мактабъ-хана*) [1] — начальная школа грамотности. Этихъ школъ, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, въ Туркестанскомъ краѣ (въ Сыръ-Дарьинской, Ферганской и Самаркандской областяхъ), имѣется 4632 съ 44773 учащимися.

2) *Даляиль-хана* имѣются въ Ферганской области въ числѣ 4. Въ нихъ учащіеся (всего числомъ 56) обыкновенно совершенно незнакомые съ арабскимъ языкомъ, заучиваютъ наизусть особыя молитвы *даляиль-и-хайратъ*, написанныя на арабскомъ языкѣ, вслѣдствіе чего содержаніе ихъ для большинства учащихся навсегда остается малоизвѣстнымъ.

3) *Кары-хана* [2] представляетъ собою столько-же школу, сколько и особый видъ пріюта для слѣпыхъ, ибо ея учениками и постоянными обитателями въ громадномъ большинствѣ случаевъ являются слѣпцы, по большей части взрослые, занимающіеся здѣсь исключительно заучиваніемъ наизусть корана.

Такихъ *Кары-хана* въ трехъ вышеупомянутыхъ областяхъ имѣется 333 съ 1203 учащимися. (Большая часть этихъ школъ (312) находится въ Ферганѣ).

4) *Мадраса* [3]—высшая мусульманская школа, ученики которой,

[1]) مكتب *мактабъ* въ переводѣ съ арабскаго значитъ — мѣсто, гдѣ пишутъ, гдѣ учатся писать.

خانه *хана* — домъ, комната, помѣщеніе.

[2]) قارى *кары* — чтецъ корана.

[3]) مدرسه *мадраса* въ переводѣ съ арабскаго значитъ — мѣсто, гдѣ учатъ, гдѣ читаютъ лекціи.

муллы, подъ руководствомъ *мударрисовъ*, преподавателей, изучаютъ главнымъ образомъ арабскій языкъ, священный въ глазахъ мусульманъ, такъ какъ на немъ написанъ коранъ и мусульманское вѣро- и законоученіе.

Всѣхъ мадраса въ трехъ вышеупомянутыхъ областяхъ 277 съ 7935 учащимися.

Наиболѣе важными въ образовательномъ и воспитательномъ отношеніяхъ представляются *мактабъ* и *мадрасѣ*. Но прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію учебныхъ программъ и способовъ преподаванія, принятыхъ и искони практикуемыхъ въ этихъ школахъ, считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько общихъ словъ о томъ, въ какомъ положеніи находится теперь наука въ Средней Азіи, и о тѣхъ отношеніяхъ, которыя сложились у туземныхъ мусульманъ къ наукѣ вообще и къ мусульманской наукѣ въ особенности.

Мусульманская наука. Ея прошлое и настоящее.

Что касается собственно мусульманской науки, то въ первое время существованія ислама вся она заключалась въ коранѣ, считающемся мусульманами божественнымъ откровеніемъ и являющемъ собою посмертный сборникъ главнѣйшихъ изрѣченій и поученій мусульманскаго пророка, который, заимствовавъ наибольшую часть провозглашенныхъ имъ доктринъ изъ Закона Моисеева, основалъ теократическое государство, религіозные и государственные законы котораго столь тѣсно связаны между собою ихъ основной идеей, что во многихъ случаяхъ трудно рѣшить, гдѣ кончается религія и начинается государственное право.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, вслѣдствіе совершенной безсистемности корана и крайней неясности многихъ его мѣстъ, непосредственное руководствованіе однимъ этимъ кодексомъ во многихъ случаяхъ представлялось и представляется совершенно невозможнымъ.

Поэтому, вслѣдъ за смертью Мухаммада, вошло въ обычай въ тѣхъ случаяхъ, для которыхъ не находилось вполнѣ опредѣленнаго рѣшенія въ коранѣ, обращаться за совѣтами къ ученикамъ и соподвижникамъ пророка, прося ихъ припомнить какое-либо такое изрѣченіе или дѣйствіе послѣдняго, изъ котораго было-бы видно, какъ-бы рѣшилъ въ данномъ случаѣ самъ Мухаммадъ. Впослѣдствіе всѣ эти преданія записывались и получили общее названіе *хадисовъ*.

Кромѣ того, записывались также и юридическія рѣшенія *(фатвà)* первыхъ мусульманскихъ законовѣдовъ, къ числу которыхъ прежде всего относятся первые четыре *халифа*. Нѣсколько позже мусульманскіе богословы и законовѣды приступили къ систематизированію доктринъ, заключающихся въ коранѣ, хадисахъ и фатвахъ, и къ составленію комментаріевъ къ этимъ тремъ главнѣйшимъ источникамъ мусульманскаго вѣро- и законоученія, въ результатѣ чего получился, такъ называемый, *шаріатъ*, заключающій въ себѣ систематическое изложеніе основныхъ доктринъ ислама и комментаріевъ къ онымъ.

Такимъ образомъ, на первыхъ-же порахъ существованія ислама, въ силу необходимости систематизировать и комментировать ученіе, провозглашенное «печатью пророковъ» [1]), создалась мусульманская богословско-юридическая наука, настолько заполонившая умы разработывавшихъ ее ученыхъ, что послѣдніе безповоротно признали въ ней универсальную науку всѣхъ наукъ, дающую отвѣты на всѣ тѣ вопросы, которые могутъ возникать въ сферѣ и религіозной, и семейной, и общественной жизни правовѣрнаго. Впрочемъ, на установленіе среди мусульманъ первыхъ вѣковъ такого рода отношеній къ шаріату были еще и другія причины.

Во первыхъ, есть нѣсколько хадисовъ, дающихъ право предположить [2]), что самъ мусульманскій пророкъ старался установить эти отношенія къ исламу, а потому поощрялъ своихъ послѣдователей къ пріобрѣтенію знаній проповѣдывавшагося имъ ученія. Такъ напр., согласно одному хадису, онъ сказалъ: «изучайте *фараизъ* (мусульманское наслѣдственное право) — въ немъ половина человѣческаго знанія».

Во вторыхъ, мы врядъ ли впадемъ въ ошибку, если скажемъ, что еврейство, столь сильно вліявшее на исламъ во время его возникновенія [3]), несомнѣнно наложило свою руку и на эту сторону мусульманской жизни, пріучивъ мусульманъ признавать за науку только богословіе и право [4]), при чемъ знаніе арабскаго языка, на которомъ написанъ коранъ и на которомъ, по вѣрованіямъ мусульманъ, говоритъ самъ Богъ, сдѣлалось необходимымъ не для однихъ только теологовъ,

---

[1]) Мусульмане считаютъ Мухаммада послѣднимъ и совершеннѣйшимъ пророкомъ, а потому называютъ его *хатам-уль-анбія* — печать пророковъ.

[2]) Съ нашей точки зрѣнія далеко не всѣ хадисы могутъ считаться заслуживающими довѣрія. Но для истаго мусульманина сомнѣній этого рода не должно существовать, ибо неотвергнутые до сего времени мусульманскими богословами хадисы, тѣмъ самымъ признаны достовѣрными; а, во-вторыхъ, богословы послѣднихъ вѣковъ зачастую аргументируютъ богословскія и юридическія положенія угрозой: «кто этому не вѣритъ, тотъ да будетъ считаться вѣроотступникомъ, а жена его да будетъ разведена съ нимъ». (По шаріату вѣроотступничество одного изъ супруговъ влечетъ за собою немедленное расторженіе брака).

[3]) Разборъ этого вопроса см. въ Справочной Книжкѣ Самаркандской Области за 1898 г., стр. 1—93.

[4]) Искони держась этого взгляда, евреи сохранили его до послѣдняго времени См. «Очерки домашней и общественной жизни евреевъ». Алексѣевъ. 1896 г.

но также и прежде всего для юристовъ, а потому языкъ этотъ вскорѣже сдѣлался государственнымъ языкомъ для всего халифата. Его изученіе было непремѣннымъ условіемъ успѣшнаго общенія между мусульманскими народами, а равно и дальнѣйшаго распространенія знаній [1]).

Однако-же такія отношенія къ шаріату, повидимому, долгое время были достояніемъ однихъ лишь мусульманскихъ законовѣдовъ; не только народныя массы, но даже и сами народные представители долгое еще время относились крайне индифферентно къ дѣламъ религіи вообще и къ ея изученію въ частности. «Послѣ Кадисійской побѣды (637), которая отдала Персію въ руки арабамъ, оказалось, что при раздѣлѣ добычи остался еще большой излишекъ. Халифъ Омаръ написалъ полководцу раздѣлить этотъ излишекъ между тѣми воинами, которые знаютъ на память наиболѣе длинные отрывки изъ корана. Полководецъ созвалъ храбрецовъ, которые больше всѣхъ содѣйствовали побѣдѣ и спросилъ знатнаго Амира Ибнъ-Мади-Кариба, что онъ знаетъ. «Ничего», отвѣчалъ тотъ, «я принялъ исламъ въ Йеменѣ и слишкомъ много воевалъ, чтобы еще заниматься кораномъ!» — «Ну, а ты?» спросилъ полководецъ у Битра Таифскаго. «Я знаю больше, чѣмъ Амиръ, я знаю: во имя Бога милосерднаго». Но кромѣ этихъ словъ и онъ ничего больше не зналъ.

Побѣдителямъ-арабамъ, поселившимся въ Африкѣ, даже вѣкъ спустя не было еще извѣстно, что коранъ запрещаетъ пить вино.

Изъ халифовъ только первые четыре были преданы исламу. Халифы же Омейядскіе были или крайне безразличными, или прямо невѣрующими. Что при ихъ дворѣ въ Дамаскѣ было много христіанъ, занимавшихъ важныя должности въ управленіи, это мелочь въ сравненіи съ другими фактами [2]).

Валидъ II дошелъ уже до того, что на общественную молитву посылалъ вмѣсто себя какую нибудь изъ своихъ наложницъ, а кораномъ пользовался какъ цѣлью для стрѣльбы [3]).

Если укорененіе ислама и ознакомленіе съ его догматами шло очень малоуспѣшно среди самихъ арабовъ, то еще хуже это дѣло стояло среди народовъ, постепенно покорявшихся арабами-завоевателями, причиной военныхъ успѣховъ которыхъ былъ не религіозный фанатизмъ, а «съ одной стороны грабительская жажда добычи, вызывавшая обычную арабскую храбрость, и строгая дисциплина, выработанная Мухаммадомъ, а съ другой стороны — внутренняя слабость Персіи и Византіи, прекрасно извѣстная арабамъ».

[1]) А. Мюллеръ. Исторія ислама. Т. II, стр. 154.
[2]) А. Крымскій. Мусульманство и его будущность. Стр. 19—20.
[3]) Тамъ-же, стр. 21.

Такъ напр., Кутайба трижды бралъ Бухару и трижды лишался ея, при чемъ обращенные уже имъ въ мусульманство жители снова отпадали отъ ислама. Когда, наконецъ, въ 4-й разъ Кутайба взялъ городъ, онъ лишь съ большимъ трудомъ ввелъ тамъ открытое исповѣданіе мусульманства, при чемъ однако-же, по свидѣтельству историка, бухарцы лишь по наружности придерживались ислама, а въ душѣ оставались идолопоклонниками.

Кутайба принужденъ былъ размѣстить своихъ арабовъ въ жилищахъ туземныхъ жителей, для наблюденія за религіозной жизнью послѣднихъ. Каждую пятницу онъ приказывалъ призывать на молитву людей, объявляя, что каждому, кто придетъ на молитву, онъ заплатитъ 2 диргема. Первое время послѣ обращенія въ мусульманство жители Бухары читали коранъ на персидскомъ языкѣ и не могли научиться арабскому языку. Когда наставало время *рукуа* въ намазѣ (поясной поклонъ), особо назначенный для этого сзади ихъ стоящій человѣкъ произносилъ «*бакнита накнитъ*», а когда приходило время дѣлать *саджда* (земной поклонъ), тотъ-же человѣкъ произносилъ: «*нунія нуни*» [1]). Тѣмъ не менѣе, какъ мы уже замѣтили выше, среди избранныхъ адептовъ мусульманской науки, вскорѣ же (во II вѣкѣ мусульманской эры) основавшихъ нѣсколько школъ, наука эта крѣпла и развивалась, постепенно обращаясь изъ зерна, именуемаго кораномъ, въ вѣтвистое древо шаріата, съ развитіемъ котораго увеличилось и религіозное и гражданское значеніе арабскаго языка.

Въ половинѣ II вѣка мусульманской эры, одновременно съ перенесеніемъ халифата въ Багдадъ, при свободомыслящихъ богдадскихъ халифахъ, начинается, къ сожалѣнію, крайне недолго продолжавшійся разсцвѣтъ научной дѣятельности мусульманъ.

При багдадскихъ халифахъ установились постоянныя почти сношенія съ Византіей и Индіей; наиболѣе извѣстные греческіе философы и писатели переводились на арабскій языкъ, при чемъ въ этотъ послѣдній вошло не мало греческихъ словъ. Агенты халифовъ посѣщали образованныя страны того времени, пріобрѣтая различнѣйшія сочиненія для перевода ихъ на арабскій языкъ, благодаря чему часто случалось, что многія европейскія сочиненія того времени появлялись прежде всего у арабовъ, на арабскомъ языкѣ. Въ одномъ только Багдадѣ было болѣе 30 публичныхъ библіотекъ. Халифомъ Мамуномъ было основано въ Багдадѣ великое учрежденіе подъ названіемъ «домъ наукъ»; тутъ же помѣщалась библіотека и астрономическая обсерваторія; все это состояло подъ управленіемъ свѣдущаго Сельма и было сборнымъ пунктомъ для множества ученыхъ, независимо отъ школы въ Джун-

[1]) Мухаммадъ Наршахи. Переводъ Н. Лыкошина, стр. 62—64.

дешапурѣ, начавшихъ заливать арабскую почву потокомъ греческихъ познаній [1]).

Арабскіе путешественники, посѣщая отдаленныя, невѣдомыя тогда страны, успѣли сдѣлать очень многое по части географіи. Достаточно сказать, что имѣющіяся нынѣ у насъ свѣдѣнія о похоронныхъ обрядахъ нашихъ предковъ, славянъ язычниковъ, сравнительно недавно почерпнуты нами изъ арабскихъ источниковъ. Арабскіе математики того времени разработали теорію десятичныхъ дробей и сдѣлали очень много въ области тригонометріи и алгебры, тогда какъ другіе арабскіе ученые трудились надъ астрономіей, медициной и философіей.

Однако же этотъ непродолжительный періодъ увлеченія свободомыслящихъ богдадскихъ халифовъ пріобрѣтеніемъ знаній не далъ для умственной жизни послѣдующихъ поколѣній мусульманскихъ народовъ сколько нибудь значительныхъ результатовъ, ибо вскорѣ же наступила реакція: по мѣрѣ того, какъ духовная власть стала ускользать изъ рукъ халифовъ, индифферентно относившихся къ дѣламъ религіи, ихъ болѣе практичные преемники поспѣшили заключить союзъ съ духовенствомъ; началось преслѣдованіе всего того, что улемы признавали ересью, не исключая философіи, математики и естественныхъ наукъ. Попутно съ усиленной разработкой мусульманскихъ богословія и права, т. е. того, что нынѣ извѣстно подъ общимъ именемъ шаріата, идеи греческихъ и иныхъ философовъ и ученыхъ начали или передѣлывать такъ, чтобы не получалось противорѣчій съ шаріатомъ, или же просто-таки отвергаться, если идеи эти не поддавались вышесказанной переработкѣ. Кругъ умственной жизни мусульманскихъ ученыхъ быстро и крѣпко замкнулся для того, чтобы болѣе уже не разомкнуться своими собственными силами.

Вмѣстѣ съ тѣмъ центръ мусульманской интеллигентной жизни постепенно передвигался на востокъ, при чемъ и самый характеръ этой жизни съ теченіемъ времени постепенно перемѣнялся къ худшему: математика, медицина и естественныя науки замерли въ Багдадѣ; «... столь радостно зазеленѣвшій ростокъ до того заглохъ..., что много вѣтвей науки оказались заглохшими и послѣ того ужъ никогда больше не оживали въ Персіи».

Здѣсь, какъ и вообще на восточныхъ окраинахъ бывшаго халифата, научная и литературная дѣятельность въ послѣдующіе вѣка вспыхивала время отъ времени, но, во-первыхъ, сравнительно очень ненадолго, а, во-вторыхъ, въ моменты этихъ вспышекъ изъ числа тѣхъ наукъ, которыя мы въ настоящее время признаемъ за науки, вниманіе мѣстныхъ ученыхъ привлекала главнымъ образомъ исторія; значительно

[1]) А. Мюллеръ. Исторія ислама. Т. II, стр. 203.

меньше занимались географіей, астрономіей и лексикографіей. Въ Персіи было написано громадное число стихотвореній на самыя разнообразныя темы, при чемъ добрая половина этихъ произведеній — мистическаго характера и содержанія.

Выдающіеся персидскіе поэты первыхъ восьми вѣковъ мусульманской эры въ послѣдующее время всегда служили образцами для новѣйшихъ поэтовъ Фарезма (Хива), Ферганы, Бухары, Афганистана и мусульманской Индіи; но произведенія этихъ послѣднихъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ представляютъ собою слабое и по большей части довольно грубое подражаніе персидскимъ классикамъ такъ же, какъ подражанія новѣйшихъ бухарскихъ меценатовъ меценатамъ былого времени.

Наука, литература, искусства — все начинаетъ быстро и замѣтно мельчать въ Центральной Азіи; настолько замѣтно, что это не ускользаетъ отъ вниманія туземца, который, сопоставляя прошлое съ настоящимъ и наглядно видя превосходство перваго, постепенно проникается представленіемъ о томъ, что это прошлое завершило все то, что человѣчеству суждено было сдѣлать въ области его умственной и духовно-нравственной жизни; что всѣ идеалы, все относительное, достижимое для человѣка совершенство тамъ, въ этомъ прошломъ, равнаго которому не можетъ быть ни теперь, ни послѣ; а потому, желающему достигнуть возможнаго совершенства не остается ничего болѣе, какъ учиться у этого прошлаго и по возможности подражать ему, ибо въ немъ все совершенно, ничто не можетъ подлежать ни критикѣ, ни сомнѣнію.

Въ Средней Азіи, послѣ распаденія царства Тимура, мѣстныя интеллигентныя силы расходовались преимущественно на изученіе и дальнѣйшую схоластическую разработку деталей богословія и права, при чемъ въ этихъ случаяхъ писали исключительно на арабскомъ языкѣ. Насколько велики были знанія тогдашнихъ мѣстныхъ ученыхъ по части шаріата и арабскаго языка, можно судить по тому, что такія авторитетныя и общеизвѣстныя между всѣми мусульманами сунитами книги (шаріата), какъ Хидая-и-шарифъ, Хикмат-уль-айнъ и Джам-уррумузъ, были написаны въ Ферганѣ, Бухарѣ и Сѣверномъ Афганистанѣ. Авторъ книги Хидая-и-шарифъ, отправившись на поклоненіе въ Мекку, получилъ приглашеніе занять кафедру и умеръ, будучи *мударрисомъ* (профессоромъ) одного изъ мединскихъ мадраса.

Не принесла пользы дѣлу науки и та доля свободомыслія, которая проникла было въ мусульманство, главнымъ образомъ въ Персіи и въ Средней Азіи, попутно съ развитіемъ мистическаго ученія суфизма (дервишизмъ), нѣкоторые адепты котораго, преслѣдуя идею достиженія возможно большей духовной чистоты, отрицали важ-

ность большинства каноническихъ установленій религіи (намазъ, постъ, и т. под.).

Причиной сказаннаго, какъ кажется, было то обстоятельство, что персы, очень склонные къ умозрительной философіи, никогда, повидимому, не проявляли ни склонности, ни особой способности къ занятіямъ точными, положительными науками; суфисты же (по крайней мѣрѣ наиболѣе свободомыслящіе), хотя и освободили свой умъ изъ темницы мусульманскаго богословія, но въ свою очередь, не интересовались ничѣмъ, кромѣ самаго суфизма и пререканій съ ортодоксами. Кромѣ того, моментъ наибольшей энергіи суфійскаго движенія относится къ тому времени, когда шаріатъ успѣлъ уже въ значительной мѣрѣ поработить мусульманскій умъ, забывшій о наукахъ, изучавшихся въ Багдадѣ.

Дабы не быть голословными и вмѣстѣ съ тѣмъ, пользуясь подходящимъ случаемъ, познакомить читателя съ малоизвѣстными у насъ характерными произведеніями этого рода персидскихъ поэтовъ-мистиковъ, послѣдователей ученія суфизма (или дервишизма, какъ его называютъ нѣкоторые европейскіе ученые), приведемъ нѣсколько отрывковъ.

Шамс-и-тавризи, обращаясь къ паломникамъ, отправившимся на поклоненіе въ Мекку, говоритъ:

ای قـــوم بحج رفته کجـــایید کجـــایید
معشوق طمین جاست بیآئید بیآئید

О, отправившіеся на поклоненіе въ Мекку! Гдѣ вы? Гдѣ вы? Возлюбленная [1]) здѣсь! Вернитесь! Вернитесь!

Шарафъ на ту-же тему разсуждаетъ такимъ образомъ:

اگر یابم شبی ناگه من آن سلطان خوبانرا
سر اندر پای او آرم فداسازم دل و جـــانرا
روم در بتکده شینم به پیش بت کنم سجده
کنم طداف میخانه ببو سم پـــای مستانرا
به گرد کعبه کی گردم که روی یار من کعبه است
اگر یـــابم خریداری فرو شم دین و ایمان را
فـــروزم آتش از دل بسوزم قـــبلـــهٔ عـــالم
پس آنکه کعبه میسازم من آن ابروی جاناوا
مگو تو این سخن کفراست اگر گوئی شوی کافر
برو ای مدعیٔ نادان چه دانی سر مستانرا

[1]) Подъ именемъ *возлюбленной* мистики разумѣютъ Бога.

Если случайно мнѣ удастся встрѣтить ночью [1]) эту повелительницу красавицъ,
Я припаду головой къ ея ногамъ; я отдамъ [2]) ей сердце и душу.
Я пойду въ капище идоловъ [3]), сяду передъ кумиромъ [4]) и стану класть ему земные поклоны.
Я буду совершать священные обряды [5]) вокругъ кабака [6]), буду цѣловать ноги [7]) (находящихся тамъ) пьяныхъ [8]).
Съ какой стати я буду совершать обходы вокругъ *Каабы*, когда моя *Кааба* — это лицо моей возлюбленной.
Если бы я нашелъ покупателя, я продалъ бы ему религію и вѣру [9]).
Разожгу (священный) огонь [10]) въ своемъ сердцѣ и спалю имъ міровую [11]) *Каабу*.
Послѣ того, какъ сдѣлаю своей *Каабой* брови [12]) моей возлюбленной.
«Не говори этого (Шарафъ); Это слова невѣрія; если ты будешь говорить такъ, тебя почтутъ вѣроотступникомъ».
Поди прочь, самомнительный дуракъ; что ты смыслишь въ тайнахъ пьяныхъ.

Подобное этому стихотворенію находимъ и у Низами:

دوش رفتم بخرابـــات مـــرا راه نـــبـــود
میزدم ناله و فـــریـــاد زمـــن کس نشنود

[1]) *Зикръ*, мистическое радѣніе, по большей части производится ночью.

[2]) Т. е. мою возлюбленную. А подъ именемъ возлюбленной, какъ уже замѣчено выше, мистики, *суфіи*, разумѣютъ Бога.

[3]) Подъ именемъ капища идоловъ мистики разумѣютъ тѣ *ханона* и *танія*; въ которыхъ совершаются ихъ радѣнія.

[4]) Кумиръ — Богъ, котораго *суфи* долженъ любить болѣе всего въ мірѣ.

[5]) *Тавафъ*, священные семикратные обходы вокругъ *каабы*, Меккскаго храма, совершаемые паломниками во время поклоненія этой святынѣ.

[6]) Подъ именемъ вина, запрещеннаго исламомъ, мистики разумѣютъ *экстазъ*, радѣніе, приводящее ихъ въ то состояніе религіознаго экстаза, во время котораго по ихъ мнѣнію душа *суфія* (иначе *салика*, принадлежащаго *сулюку*, ордену) вступаетъ въ общеніе съ Божествомъ. Поэтому подъ именемъ кабака, входъ въ который для мусульманина считается преступнымъ и позорнымъ, разумѣютъ мѣсто производства радѣнія, производя которыя, *халка*, кругъ составленный *закирами*, совершающими *закръ*, постепенно подвигаясь справа налѣво, совершаетъ тѣмъ самымъ подобіе *тавафа*, т. е. обхода вокругъ *каабы*.

[7]) При совершеніи *товафа* вокругъ *каабы*, поломники цѣлуютъ высокій порогъ двери, ведущей въ храмъ.

[8]) Подъ именемъ пьяницы *(рында)* или пьянаго *(мастъ)* разумѣется *суфи*, мистикъ, находящійся въ состояніи религіознаго экстаза.

[9]) Для истаго *суфія* достиженіе духовной чистоты важнѣе соблюденія уставовъ религіи.

[10]) Мистики часто уподобляютъ себя огнепоклонникамъ.

[11]) Т. е. Меккскую.

[12]) Т. е. ликъ, лицо.

و نه بد هیچ کس از باده فروشان بیدار
یا چو من مست بد و هیچ کسم در نکشود
نصفی بگذشت ز شب بیشتر و یاکمتر
رندی از غرفه بر آورد سر و رخ بنمود
گفتمش در بکشا گفت بر هرزه مکوی
که در ین نیم شبان بهر تو در نکشود
این نه مسجر که بهر لخطه درت بکشایند
که تو دیر آئی و اندر صف پیش استی زود
این خوابات مغان است در و مستان اند
شاهد و شمع و شراب و نی و آواز سرود

Вчера я пошелъ въ кабакъ, но не могъ войти туда;
Сколько я ни кричалъ, никто меня не услышалъ.
Не бодрствовалъ ни одинъ изъ продавцевъ вина [1]).
Ни одинъ изъ подобныхъ мнѣ пьяныхъ; никто не отворилъ мнѣ двери,
Было около полночи, можетъ быть немного больше или немного меньше,
Когда, наконецъ, какой-то пьяница высунулъ голову.
Я сказалъ ему: «отвори дверь». А онъ сказалъ: «не говори глупостей.
«Кто станетъ отворять тебѣ дверь въ полночь.
«Это не мечеть, дверь которой всегда отворена для тебя,
«И гдѣ ты, опоздавъ, все-таки становишься въ переднихъ рядахъ.
«Это кабакъ огнепоклонниковъ; здѣсь пьяные.
«Здѣсь красавица; здѣсь освѣщеніе; здѣсь вино, флейты и звуки пѣнія [2])».

Уморъ Хаямъ говоритъ:

یك دستم بمصحف یك دستم بجام
یا کافر مطلقم یا مسلمان تمام

Въ одной рукѣ у меня Писаніе [3]), а въ другой кубокъ съ виномъ [4]);
Одно изъ двухъ: или я абсолютный Кяфиръ, или безусловный мусульманинъ.

Сади старается доказать ортодоксу несостоятельность абсолютнаго запрещенія мусульманамъ употреблять спиртные напитки:

[1]) Разумѣется *теитъ* или *пиръ*.

[2]) Разумѣется *зикръ*, радѣніе, заключающееся главнымъ образомъ въ повторительномъ произнесеніи имени Божія.

[3]) Т. е., коранъ и шаріатъ.

[4]) Т. е., ученіе суфизма, которое въ его первоначальныхъ формахъ было противоположно исламу.

من خون رزان خورم تو خون کسان
انصاف بده کدام یکی خو نخوار تر یم

Я пью кровь виноградной лозы; а ты пьешь кровь людей.
Разсуди самъ, кто изъ насъ двухъ кровожаднѣе.
Бидлилъ, разсуждая на тему о нравственности, идетъ еще далѣе:

ساکن بت خانه باش مر دم را آزاری مکن
من بخور مصحف بسبدز آتش اندر کعبه زن

Пей вино, сжигай священныя книги, сожги *Каабу*,
Живи въ капищѣ идоловъ, но лишь не обижай человѣка.

Таковы были въ общихъ чертахъ характеръ и направленіе умственной дѣятельности наиболѣе свободомыслящихъ суфистовъ, дѣятельности, которая при болѣе благопріятныхъ условіяхъ могла бы сослужить службу дѣлу измѣненія того положенія, въ которомъ находилась и находится мусульманская наука, но не сослужила этой службы по причинамъ, отмѣченнымъ уже нами выше.

Переходя къ общему взгляду на современное положеніе науки у мусульманъ Средней Азіи и резюмируя все сказанное выше, мы считаемъ себя въ правѣ сказать, что нынѣ туземецъ-мусульманинъ подъ именемъ науки (вообще) разумѣетъ главнымъ образомъ шаріатъ, а затѣмъ уже часть сочиненій по части этики и случайно сохранившіеся, случайно не забытые обрывочки того, что нѣкогда изучалось и разрабатывалось въ Багдадѣ.

Къ числу этихъ обрывочковъ отнесемъ прежде всего математику, изъ которой до сего времени помнятъ и знаютъ *лишь четыре дѣйствія съ простыми числами*. Именованныхъ чиселъ, дробей, отношеній, пропорцій и проч. не знаютъ и не изучаютъ. Арабское названіе дробей извѣстно всѣмъ хорошо грамотнымъ туземцамъ; но теоріи дробей они не знаютъ.

Въ области геометріи сохранились лишь смутныя воспоминанія о способахъ измѣренія площадей, при чемъ при измѣреніи этомъ всякіе вообще треугольники и четыреугольники принимаются за прямоугольные; иначе говоря, одна которая либо сторона принимается за основаніе, а другая, прилежащая къ ней, за высоту. Для измѣренія же площади круга, послѣдній дѣлятъ на секторы, которые тоже принимаютъ за прямоугольные треугольники.

Еще менѣе извѣстна алгебра. Во всей Средней Азіи не найдется болѣе десятка ученыхъ туземцевъ, которые въ сферѣ этой науки знаютъ что либо сверхъ ея названія.

Лучшія, но теперь, конечно, совсѣмъ почти устарѣвшія сочиненія по географіи принадлежатъ древнимъ арабскимъ путешественникамъ и ученымъ. Послѣднія изъ сколько нибудь сносныхъ географическихъ

описаній въ Средней Азіи появились, насколько намъ извѣстно, лѣтъ 400 тому назадъ и, вмѣстѣ съ книгами историческаго содержанія, очень мало популярны и мало распространены среди туземцевъ, отдающихъ предпочтеніе такимъ сборникамъ измышленій на географическія темы, какъ напр., *маклюмат-уль-афакъ*, въ которомъ говорится объ островахъ, населенныхъ людьми съ собачьими головами, о деревьяхъ, на которыхъ вмѣсто плодовъ выростаютъ живые скорпіоны, и иныхъ столь же диковинныхъ вещахъ.

Въ столь же печальномъ, убогомъ видѣ находятся медицина и естественныя науки.

Выше мы замѣтили уже, что имѣется большое число историческихъ сочиненій (преимущественно на персидскомъ языкѣ); но туземцы не считаютъ исторію за науку, а потому историческими книгами большинство не интересуется и не читаетъ ихъ.

Таково современное положеніе въ Средней Азіи того, что у насъ принято называть наукой и научной литературой.

Отношенія средне-азіатскихъ мусульманъ къ наукѣ и къ ея представителямъ.

Теперь посмотримъ, какія отношенія къ этой наукѣ рекомендуютъ мусульманину шаріатъ, и мусульманская духовно-нравственная литература, какъ и все мусульманское, тѣсно связанная съ основными устоями ислама. Прежде всего обратимся къ корану, въ которомъ, между прочимъ, сказано: «онъ (коранъ) *истинно* отъ Господа твоего...» (11,20).

«Къ вамъ отъ Бога пришелъ *свѣтъ* и *ясное писаніе*...» (5,18).

«Это писаніе—нѣтъ сомнѣнія въ томъ—есть *руководство* благочестивымъ...» (2,1).

«—*читайте* изъ корана столько, сколько можете» (73,20).

«Мы (Богъ) изложили его на арабскомъ языкѣ, для того, чтобы вы *понимали*...» (43,2).

Слѣдовательно коранъ, а вмѣстѣ съ нимъ и шаріатъ, ибо послѣдній есть не болѣе, какъ детальное, коментированное изложеніе доктринъ, заключающихся въ первомъ, суть *истина*, *свѣтъ*, *ясное писаніе* и *руководство* благочестивымъ [1]), руководство, которое надо *читать* и *понимать*, дабы имѣть возможность усвоить его и руководиться имъ, преслѣдуя въ своей земной жизни одну главнѣйшую задачу—спасаніе души.

[1]) شريعت *шаріатъ* или شرع *шара*, въ переводѣ съ арабскаго, значитъ *путь*, т. е., вѣроятный, прямой путь къ спасенію.

Въ томъ же коранѣ находимъ такой стихъ: «—они встрѣтили одного слугу изъ слугъ нашихъ, на котораго Мы (Богъ) *низвели нашу милость*, и которому *Мы дали познать высшее знаніе*» (18,64). Слѣдовательно, усвоеніе знанія, свѣта истины есть высочайшая милость, высочайшій даръ Божій, ниспосылаемый тѣмъ избранникамъ, даръ, котораго долженъ жаждать каждый вѣрующій, каждый ищущій спасенія своей души и вѣчнаго блаженства. Каждый, по мѣрѣ своихъ силъ и способностей, долженъ заботиться о пріобрѣтеніи посильной (и предвѣчно предопредѣленной ему) доли знанія, которое само по себѣ, по существу, безпредѣльно такъ же, какъ безпредѣленъ Богъ, начало истины [1]) и источникъ всѣхъ знаній. Знаніе, наука—это безпредѣльное. море. *Талибъ* (طالب), ищущій, домогающійся пріобрѣтенія знанія, уподобляется человѣку, сидящему на берегу моря и пьющему его воду. Онъ никогда не будетъ въ состояніи выпить все это необъятное количество воды. Вмѣстѣ съ тѣмъ, подобно богатому, не имѣющему нравственнаго права отказать въ просимой у него нищимъ милостынѣ, знающій не имѣетъ права отказать въ сообщеніи своихъ знаній тому, кто обращается къ нему за этимъ.

Персидскій поэтъ—мыслитель, разсуждая о житейской роли знанія, подъ которымъ онъ, какъ мусульманинъ, конечно, разумѣетъ прежде всего шаріатъ, говоритъ такъ:

بنی آدم از علم یابد کمال
نه از حشمت و جاه مال و منال
چو شمع از پی علم باید گداخت
که به علم نتوان خدا را شناخت
برو دامن علم گیر استوار
که علمت رساند بدار القرار
میاموز جز علم گر عاقلی
که به علم بودن بود غافلی

Сыны человѣческіе совершенствуются знаніемъ,
А не роскошью и богатствомъ.
Свѣчу (освѣщающую твой смиренный путь) надо отливать изъ соли знанія,
Ибо безъ знанія ты не можешь познать Бога.
Иди и отдай себя подъ защиту науки,
Ибо она только можетъ дать тебѣ успокоеніе.
Не учись ничему, кромѣ науки, если ты умный человѣкъ,
Ибо не учиться—это значитъ не радѣть (о спасеніи своей души).

[1]) Одно изъ именъ Божіихъ есть *Хаккъ* (حق), что въ прямомъ значеніи—истина.

Въ *Дурр-уль-Аджаибъ*, одной изъ многочисленныхъ книгъ духовно-нравственнаго содержанія, находимъ нижеслѣдующія разсужденія:

Сонъ ученаго лучше, чѣмъ *(намазъ)* молитва неуча.

Лучше пробыть одинъ часъ въ обществѣ ученаго, негонящагося за наживой, чѣмъ молиться тысячу лѣтъ.

Быть въ обществѣ ученаго безсребреника все равно, что быть въ обществѣ какого-нибудь пророка, что въ свою очередь равносильно прощенію грѣховъ въ день страшнаго суда.

Для Бога нѣтъ человѣка угоднѣе такого ученаго, который въ своихъ поступкахъ всегда руководиться наукой (т. е. шаріатомъ).

Слѣдуетъ уважать тѣхъ, кого Богъ просвѣтилъ свѣтомъ знанія; они украшеніе земли такъ-же, какъ звѣзды украшеніе неба.

Поддержкою государственнаго порядка служатъ: знанія ученыхъ, правосудіе султана, щедрость богатыхъ и молитвы бѣдняковъ.

Отсюда истекаетъ и взглядъ на тѣ отношенія, которыя обязательны для учащагося по отношенію къ его учителю.

То почтеніе, которое мусульманинъ обязанъ оказывать своему учителю (хотя и бывшему) должно быть больше почтенія, оказываемаго родителямъ. Побои учителя, говоритъ мусульманская мудрость, полезнѣе ласкъ родителей. Родители низводятъ душу человѣка съ неба на землю; учитель помогаетъ ей взойти съ земли на небо.

Бурхан-эт-динъ, авторъ книги *Хидая-и-шарифъ*, полагаетъ, что съ почтеніемъ слѣдуетъ относиться не только къ самому учителю, но даже и къ его потомкамъ [1]).

Въ книгѣ *Адаб-уль-мутаалли-минъ* находимъ, между прочимъ, нижеслѣдующія указанія относительно того, въ чемъ и какъ должно выражаться рекомендуемое исламомъ уваженіе къ учителю.

Пророкъ сказалъ: «кто преподалъ мнѣ хотя бы одинъ только стихъ корана, тотъ мой хозяинъ». Халифъ-Али сказалъ: «тотъ, кто показалъ мнѣ хотя бы одну только букву, тѣмъ самымъ пріобрѣлъ надо мной права хозяина».

Кто не уважаетъ науки, ученыхъ и своихъ учителей, тотъ никогда не извлечетъ для себя никакой пользы изъ усвоенныхъ имъ знаній.

Вѣжливый ученикъ во время пути не долженъ идти впереди своего учителя.

Онъ не долженъ садиться на то мѣсто, на которомъ раньше сидѣлъ *муаллимъ* (учитель).

Онъ не долженъ ни начинать разговоръ ранѣе своего учителя, ни слишкомъ много говорить въ его присутствіи, даже и на тему урока.

[1]) Туземцы до сего времени исполняютъ это по отношенію къ потомкамъ наиболѣе чтимыхъ ими *ишановъ*, къ такъ называемымъ *пиръ-зада*. Пиръ тоже, что *Ишанъ*.

Ученикъ долженъ являться на урокъ аккуратно, въ назначенное для того время. Явясь на урокъ, онъ не долженъ стучаться въ дверь той комнаты, въ которой живетъ или учитъ *муаллимъ*, а смиренно ждать его появленія, сидя накорточкахъ или стоя за дверью.

Во время урока ученикъ безъ необходимости не долженъ сидѣть излишне близко къ учителю; разстояніе между ними должно быть приблизительно *на одинъ лукъ* (изъ котораго стрѣляютъ).

Ученику, даже взрослому, рекомендуется не умствуя, учить то, что прикажетъ учитель.

Ученикъ долженъ избѣгать такихъ поступковъ, которыми онъ можетъ разсердить или огорчить своего учителя. Если послѣдній грустенъ, не надо безъ особой нужды безпокоить его вопросами.

Такимъ образомъ, въ теоріи, а равно и въ практикѣ стараго времени исламъ отводитъ и отводилъ наукѣ и ея представителямъ очень высокое, очень видное мѣсто.

Далеко не то мы видимъ въ настоящее время. По мѣрѣ того, какъ мусульманская наука, по крайней мѣрѣ въ Средней Азіи, дѣлалась все болѣе и болѣе схоластической, мелочной и меркантильной, нисходя до рѣшенія вопроса о точныхъ размѣрахъ той награды, которая должна быть дана за то или другое богоугодное дѣло, или о томъ, при помощи какой уловки [1]) можно получить эту награду съ возможно меньшей матеріальной затратой, вся вообще мусульманская жизнь тоже размѣнивалась на мелочи и падала во всѣхъ ея проявленіяхъ, при чемъ главной причиной, главнымъ импульсомъ этого паденія былъ, все вытѣснившій собою, шаріатъ съ его мелочнымъ, меркантильнымъ направленіемъ. (Въ книгахъ шаріата, подобно талмуду, заключаются разрѣшенія такихъ, напр., вопросовъ: можно ли мусульманину пить воду, оставшуюся въ чашкѣ послѣ того, какъ изъ нея пилъ невѣрный? Какихъ размѣровъ долженъ быть прудъ для того, чтобы присутствіе въ немъ дохлой рыбины не дѣлало-бы воду поганой? Можно-ли полоскать ротъ во время поста, не нарушивъ каноническихъ постановленій о послѣднемъ». При посредствѣ какихъ уловокъ (حيله) можно обойти то или другое постановленіе ислама? и т. п.

Та же мелочность и меркантильность шаріата, приведшія его адептовъ къ изученію длиннаго ряда уловокъ (حيله), привели къ неискренности отношеній въ сферѣ религіи и гражданскаго закона, которая, проникнувъ дальше, наложила глубокій отпечатокъ на весь нравственный обликъ туземца-мусульманина.

Нынѣ въ житейской практикѣ всѣ вышеприведенныя постановленія, касающіяся отношеній къ наукѣ и ея представителямъ, испол-

[1]) حيله

няются лишь по наружности. На словахъ всѣми признается вышеохарактеризованное значеніе науки и учености; но на самомъ дѣлѣ наука цѣнится только тогда, когда изъ нея можно извлечь какую-либо матеріальную пользу; а то почтеніе, которое должно было-бы оказываться, согласно основнымъ мусульманскимъ положеніямъ, знанію [1]), въ громадномъ большинствѣ случаевъ, минуя это послѣднее, оказываютъ служебному положенію и туго набитому кошельку. Наружное почтеніе, оказываемое завѣдомо ученому человѣку, всегда усугубляется съ того момента, когда онъ назначается на должность казія. То же произошло и съ отношеніями къ учителю. Ученикъ, обращаясь къ учителю, называетъ его *таксыръ* (господинъ). Когда учитель входитъ въ комнату и встаетъ, всѣ ученики вскакиваютъ со своихъ мѣстъ, складываютъ руки на животѣ и смиренно наклоняютъ головы внизъ и нѣсколько вправо, потупляя при этомъ взоры; при встрѣчѣ съ учителемъ на улицѣ, его привѣтствуютъ *салямомъ* и поклонами, для чего конные нерѣдко слѣзаютъ съ лошадей. Тѣмъ не менѣе, въ теченіе многолѣтнихъ сношеній съ туземцами, не разъ приходилось убѣждаться въ томъ, что случаи дѣйствительно почтительныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ душевныхъ отношеній къ своимъ учителямъ крайне рѣдки; много разъ лично приходилось убѣждаться въ томъ, что учителей хулятъ заглаза, передразниваютъ и распускаютъ про нихъ самые неблагопріятные слухи такъ же, какъ все это продѣлывается и относительно другихъ лицъ, къ которымъ шаріатъ никакого особеннаго почтенія не рекомендуетъ.

Намъ кажется, что гораздо больше искренности и душевности въ отношеніяхъ туземныхъ педагоговъ къ ихъ ученикамъ; но, къ сожалѣнію, иногда эти отношенія омрачаются тѣмъ, что на учащихся, какъ мы увидимъ это ниже, смотрятъ какъ на доходную статью, а потому бываютъ предусмотрительнѣе относительно тѣхъ, кто богаче.

Все же, желая оставаться безпристрастными, мы должны сказать, что среди туземныхъ *мударрисовъ*, преподавателей въ мадрасахъ, далеко не рѣдки такіе, которые, любя преподавательское дѣло и вѣруя въ полезность и непреложность сообщаемыхъ ими свѣдѣній, дѣлаютъ все зависящее отъ нихъ для того, чтобы дать учащимся возможно большее количество знаній. Ихъ отношенія къ учащимся мягки, душевны и искренни, къ своимъ ученикамъ, по крайней мѣрѣ къ лучшимъ, наиболѣе симпатичнымъ изъ нихъ, мударрисы относятся, какъ къ младшимъ товарищамъ. Послѣднему, по всей вѣроятности, немало способствуетъ и большой сравнительно возрастъ учащихся (отъ 15 до 40 лѣтъ) и большая продолжительность пребыванія ихъ въ мадрасѣ,

[1]) Въ такъ называемыхъ *маджлисахъ* (засѣданіяхъ) по правую руку султана и въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ нимъ должно отводиться мѣсто *улемамъ*, ученымъ.

а слѣдовательно и продолжительность общенія съ учителемъ. Доказательствомъ того, что такія отношенія дѣйствительно существуютъ и даже освящены мусульманскимъ обычаемъ, служитъ то обстоятельство, что, не смотря на глубокое почтеніе къ личности учителя, рекомендуемое шаріатомъ, ученикъ имѣетъ право, даже во время урока, вести съ учителемъ научный споръ, что не считается нарушеніемъ ни школьной дисциплины, ни общепринятыхъ правилъ вѣжливости.

По этому поводу мы можемъ привести слѣдующій лично извѣстный намъ случай, имѣвшій мѣсто въ одномъ изъ мадрасá Туркестанскаго края. Во время урока, когда *мударрисъ* объяснялъ только-что прочитанный арабскій текстъ какой-то книги, одинъ изъ присутствовавшихъ на урокѣ взрослыхъ уже учениковъ замѣтилъ преподавателю, что онъ, какъ кажется, ошибается; что такое-то слово или выраженіе слѣдуетъ понимать иначе. Учитель отвергъ замѣчаніе *муллы* [1]). Послѣдній возразилъ снова. Завязался горячій споръ, во время котораго мударрисъ вспылилъ, погорячился, вскочилъ съ своего мѣста, ударилъ ученика книгой по головѣ и выгналъ его изъ *дарс-ханы* (классная комната, аудиторія). Черезъ нѣсколько же минутъ старичку стало стыдно своей запальчивости; а, во-вторыхъ, онъ сообразилъ, что ученикъ былъ правъ. Муллà, смиренно сидѣвшій за дверью, немедленно же былъ позванъ въ аудиторію. Мударрисъ въ присутствіи всей *джамаà* (классъ) извинился передъ своимъ ученикомъ, сознавшись въ томъ, что онъ былъ дважды неправъ; при этомъ онъ сказалъ, что, для окончательнаго примиренія съ пострадавшимъ, завтра онъ придетъ къ нему въ гости, въ его *худжру* (келью). На слѣдующій день вечеромъ побитый *муллà* волей-неволей долженъ былъ устроить пирушку, при посредствѣ которой недоразумѣніе было окончательно устранено, а добрыя отношенія между мударрисомъ и его ученикомъ вполнѣ установлены.

Охарактеризовавъ въ общихъ чертахъ современное отношеніе туземной мусульманской науки и тѣ отношенія къ ней самой и ея представителямъ, которыя постепенно устанавливались здѣсь на почвѣ основныхъ положеній ислама, перейдемъ къ ознакомленію съ двумя главнѣйшими видами туземной школы, съ *мактáбомъ* и *мадрасá*, и начнемъ, конечно, съ перваго.

Мактабъ.

Мактабъ (иначе *мактабъ-хана*), какъ уже было замѣчено выше, есть начальная школа грамотности.

Мактабы имѣются какъ въ городахъ, такъ равно въ *кишлакахъ* (селеніяхъ) и въ аулахъ кочевого населенія.

[1]) Учащіеся въ мадрасáхъ называются *муллами*.

Въ громадномъ большинствѣ случаевъ мактабъ открывается при мечети ея прихожанами, при чемъ учебныя занятія производятся или въ самой послѣдней, или въ особыхъ кельяхъ, имѣющихся при многихъ, особенно городскихъ мечетяхъ. Рѣже, главнымъ образомъ въ городахъ, гдѣ много грамотнаго люда, ищущаго заработка, мактàбъ открывается частнымъ лицомъ на свой страхъ; такіе мактабы по большей части помѣщаются въ домахъ открывающихъ ихъ учителей. Наконецъ, въ наиболѣе рѣдкихъ случаяхъ, мактабъ открывается при мадрасà или при кары-ханѣ.

Женскіе мактабы, сравнительно малочисленные, въ большинствѣ случаевъ помѣщаются въ домахъ открывающихъ ихъ учительницъ (атунъ). Иногда подъ такую школу уступаетъ комнату на внутреннемъ дворѣ какая нибудь богатая семья, въ которой имѣются дѣвочки школьнаго возраста.

Въ школахъ, состоящихъ при мечетяхъ и представляющихъ собой, какъ мы уже замѣтили, преобладающій типъ, на должность учителя приходомъ приглашается *имамъ* [1]) или *азанчи (муэдзинъ)* данной мечети, а въ случаѣ ихъ отказа, неспособности или другихъ какихъ-либо причинъ, постороннее лицо.

Въ городахъ *дамулла* (учитель) условленной платы по большей части не получаетъ. По четвергамъ каждый ученикъ *(шакирдъ, шакирдъ-бала)* приноситъ ему такъ называемый *пейшамбаликъ (пейшамба* — четвергъ) — деньги, хлѣбъ, муку, рисъ и т. п., — размѣры котораго зависятъ отъ благосостоянія той семьи, къ которой принадлежитъ учащійся. Кромѣ того, по окончаніи каждаго особаго отдѣла выучки, т. е. механическаго прочтенія той или другой книги, *дамулла* получаетъ отъ родителей небольшіе подарки; а ежегодно, передъ наступленіемъ праздника *Рамазана*, школьники (во многихъ мѣстностяхъ Туркестанскаго края) ходятъ вечеромъ по своему приходу *славить* и все собранное отдаютъ своему учителю. Этотъ обычай ведется теперь главнымъ образомъ въ кишлакàхъ и называется *рамазанлыкъ*.

Въ отдаленныхъ отъ городовъ кишлакахъ, гдѣ грамотныхъ людей сравнительно мало, трудъ *дамуллы* оплачивается лучше и всегда почти зерновымъ хлѣбомъ.

Число учениковъ мактàба рѣдко бываетъ больше 30 (въ возрастѣ отъ 5 до 15 лѣтъ); иногда оно нисходитъ до 10 и даже до 5 человѣкъ. Учитель по большей части одинъ: но иногда, при большомъ числѣ учащихся, онъ выбираетъ себѣ помощниковъ изъ лучшихъ

[1]) *Имамъ*—настоятель мечети, приглашаемый на эту должность прихожанами. Имамомъ можетъ быть каждый взрослый мусульманинъ, обладающій достаточнымъ знаніемъ вѣро-устава.

старшихъ учениковъ, приблизительно по одному на десять. Такой помощникъ дамуллы называется *халифа* (или *хальпа*).

Отецъ, или какой-либо родственникъ, приводитъ мальчика въ школу, къ учителю, вручивъ которому незначительный подарокъ, обращается къ нему приблизительно съ такой рѣчью: «*таксыръ* [1]), мы поручаемъ вамъ нашего ребенка. Учите его и бейте; если вы даже и убьете его, мы не будемъ на васъ въ претензіи, ибо побои учителя лучше ласкъ родителей. Мясо ваше; кости наши».

Большинство учителей пользуется даннымъ имъ родителями правомъ самымъ широкимъ образомъ. Въ свое время мы знали не мало дѣтей, въ буквальномъ смыслѣ слова бѣжавшихъ изъ мактаба потому только, что они не могли вынести методичности учительскаго битья, въ особенности же по головѣ. Есть, конечно, учителя, гуманное обращеніе которыхъ съ дѣтьми не оставляетъ желать ничего лучшаго; но въ общемъ битье распространено очень сильно. У многихъ существуетъ даже увѣренность, что безъ этой мѣры никакого проку отъ ученья не будетъ и не можетъ быть.

Обученіе или, вѣрнѣе, выучка начинается съ того, что *дамулла* беретъ вновь поступившаго ученика за руку и заставляетъ его повторять за собой непонятныя для мальчика арабскія слова первой *суры* корана, заучивъ которыя наизусть (всего нѣсколько строкъ), переходятъ къ заучиванію буквъ арабскаго алфавита, для чего буквы пишутся учителемъ на деревянной дощечкѣ (или жестяной пластинкѣ) съ ручкой. Такая дощечка называется *лявхъ* (لوح), что въ переводѣ съ арабскаго значитъ скрижаль. Послѣ того, какъ мальчикъ усвоитъ всѣ буквы, переходятъ къ складамъ (حجه *хиджà*) по способу «*буки азъ ба*», что въ значительной мѣрѣ осложняется еще и слогами съ титлами.

Заучиваніе буквъ и зубреніе слоговъ продолжается, смотря по возрасту и способностямъ ученика, отъ 3 мѣсяцевъ до года.

Послѣ слоговъ переходятъ къ *лафтіяку*, представляющему собою часть корана. По этой книжкѣ мальчикъ выучивается механически и безсознательно разбирать непонятныя ему арабскія слова. (Иногда механически же прочитывается весь коранъ).

Послѣ *лафтіяка* переходятъ къ *чаркитàбу* (на персидскомъ языкѣ, непонятномъ для учениковъ тюрковъ), сборнику выдержекъ изъ шаріата, преимущественно по части религіознаго права. *Чаркитàбъ* проходится или, вѣрнѣе, заучивается такъ же механически, какъ и *лафтіякъ*. Въ день разбирается по нѣсколько строкъ, при чемъ *дамулла* учитъ одной только правильности произношенія прочитаннаго текста.

Послѣ *чаркитàба* въ разныхъ школахъ въ разной послѣдовательности, но все тѣмъ же, чисто механическимъ способомъ, прочитыва-

[1]) *Таксыръ* — господинъ.

ются *Ходжа-Хафизъ, Бидыль, Суфи-Алла-яръ, Фазули* и др. Это все сборники стихотвореній, написанныхъ одни на персидскомъ, а другіе на тюркскомъ языкѣ и совершенно неприспособленныхъ къ дѣтскому пониманію.

Къ письму переходятъ лишь послѣ того, какъ учащійся достаточно освоится съ механическимъ чтеніемъ. Однако же не надо думать, что мальчикъ выучивается въ мактабѣ писать; онъ выучивается лишь выводить буквы и только въ рѣдкихъ случаяхъ можетъ написать подъ диктовку самую простенькую фразу, и то съ массою ошибокъ. Четыремъ правиламъ ариѳметики въ очень немногихъ мактабахъ, въ видѣ исключенія, обучаются лишь наиболѣе способные изъ старшихъ учениковъ.

Старшіе и наиболѣе грамотные ученики, и то опять-таки не во всѣхъ мактабахъ, получаютъ свѣдѣнія по части совершенія омовеній и намазовъ. Эта религіозная сторона обученія въ мактабѣ слабѣе всѣхъ прочихъ; учащіеся гораздо болѣе воспринимаютъ здѣсь по части правилъ уставной мусульманской вѣжливости или, вѣрнѣе сказать, наружной почтительности, что является до нѣкоторой степени необходимой подготовительной ступенью къ переходу въ мадраса, гдѣ складываніе рукъ на животѣ, напусканіе на себя смиреннаго вида, опусканіе глазъ долу и дѣланная мягкость и даже слащавость рѣчи зачастую доводятся до степени значительной приторности.

Обученіе въ мактабѣ продолжается отъ 2 до 5 лѣтъ. Занятія производятся ежедневно, за исключеніемъ пятницъ и двухъ годовыхъ праздниковъ, *Рамазана* и *Курбана*. Иногда, по соглашенію съ родителями, дѣти мѣсяца на два распускаются на каникулы.

Ученики собираются рано утромъ, вскорѣ послѣ восхода солнца; за часъ или за два до полудня ихъ отпускаютъ домой завтракать; въ полдень они собираются снова и сидятъ еще часа два, а то и до вечера.

Въ мактабѣ, какъ это принято вообще у туземцевъ, ученики сидятъ на полу въ рядъ вдоль стѣнъ; старшіе по большей части у стѣны, противоположной входной двери, а младшіе ближе къ послѣдней, раздѣляясь на *джамаа*, т. е., группы соучащихся, заучивающихъ одно и тоже мѣсто одной и той же книги.

Съ каждой такой группой учитель занимается отдѣльно. Эти занятія производятся такимъ образомъ. Учитель садится противъ данной группы и читаетъ одну или нѣсколько строкъ разучиваемаго текста. Мальчики, мѣрно покачиваясь туловищемъ впередъ и назадъ, очень громко, нараспѣвъ вторятъ ему, слѣдя глазами по книгѣ, а ухомъ за произношеніемъ *дамуллы*. Когда послѣдній убѣдится въ томъ, что всѣ ученики данной группы достаточно правильно произносятъ показанныя имъ строки, онъ предоставляетъ имъ самимъ долбить это далѣе, безъ

конца выкрикивая одно и тоже, а самъ переходитъ къ слѣдующимъ. Такимъ образомъ всѣ ученики выкрикиваютъ во весь голосъ, то что каждому изъ нихъ задано учителемъ. Младшіе, учащіе склады, тоненькими дискантами, но очень громко пищатъ: «*бе алифъ-ба, пе алифъ-па, те алифъ-та...*».

Учащіе Хаджи-Хафиза, средніе по возрасту, но крайніе по шаловливости, щипля другъ друга, жуя лепешки и вырывая ихъ изъ рукъ другъ друга, и при этомъ неистово раскачиваясь, кричатъ: «*азм-и-дидар-и-ту дорад джан бар ляб омада боз гардад я барун ровад чи ист фирман-и-шумо*». Въ это же время сидящіе съ Суффи-Алла-яромъ громче другихъ орутъ: «*джаланнам узра бир купрюк прур ах ушал купрюк сырат отлик гузар гох...*» Одинъ изъ шалуновъ, доканчивая строфу Хаджи-Хафиза «*чи ист фирмон-и-шумо*» и озираясь на сидящаго поодаль дамуллу, хотѣлъ было откусить кусокъ лепешки, но въ это самое время его сосѣдъ съ лѣвой стороны ловкимъ движеніемъ вырвалъ ее у него изъ рукъ и жадно вцѣпился въ нее зубами. Завязалась драка, немедленно привлекшая къ себѣ вниманіе бдительнаго и чуткаго педагога. Раздался его оглушительный крикъ: «*уку! э!*» (читай! эй!), и конецъ длинной, тонкой, но очень крѣпкой палочки звонко ударился о головы шалуновъ.

Даже и при благопріятныхъ условіяхъ, кончая курсъ въ мактабѣ, туземный мальчикъ пріобрѣтаетъ умѣнье механически читать тѣ лишь книги, по которымъ онъ учился (другія книги разбираются имъ съ громаднымъ трудомъ), и выводить буквы или списывать съ оригинала. Въ противномъ случаѣ мальчикъ (или даже юноша) оставляетъ школу съ званіемъ *чаламулла*, невполнѣ грамотнаго, умѣющаго только читать, или же, наконецъ, уходитъ оттуда, унося лишь смутныя воспоминанія о существованіи какихъ-то замысловатыхъ крючковъ, точнаго смысла и значенія которыхъ постигнуть ему не удалось.

Даже при поверхностномъ ознакомленіи съ туземнымъ бытомъ, бросается въ глаза то обстоятельство, что на ряду съ громаднымъ количествомъ мактабовъ, мы находимъ среди туземцевъ еще болѣе громадное число неграмотныхъ.

Это объясняется, во-первыхъ, такъ сказать, органическими свойствами ихъ школъ грамотности; а, во-вторыхъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что знанія, выносимыя изъ мактаба (даже при благопріятныхъ условіяхъ), представляются почти непримѣнимыми къ потребностямъ обыденной жизни, а потому съ наибольшимъ успѣхомъ могутъ эксплоатироваться лишь въ качествѣ подготовительнаго курса для поступленія въ мадраса, куда попадетъ сравнительно ничтожная часть бывшихъ школьниковъ. Большинство остальныхъ, вернувшись къ обычнымъ занятіямъ своихъ семей, не находятъ занимательнымъ для себя механи-

ческое перечитываніе давно опостылѣвшаго Хафиза или Бидыля, забываютъ тѣ скудные начатки грамотности, которые они успѣли унести изъ мактаба, и мало по малу возвращаются въ первобытное состояніе, совершая это съ тѣмъ большей легкостью, что доступныхъ для своего пониманія книгъ на родномъ языкѣ не находятъ ни въ частныхъ библіотекахъ, ни въ книжныхъ лавкахъ на базарѣ.

Мадраса.

Благоустроенное *мадрасà* имѣетъ видъ правильнаго четырехугольника, огороженнаго высокой, въ нѣсколько саженей, кирпичной стѣной, къ внутренней сторонѣ которой вплотную, безъ промежутковъ между ними, пристраиваются: *Худжрà*, очень маленькія обыкновенно кельи, въ которыхъ помѣщаются учащіеся *(муллы)*, а иногда и преподаватели *(мударрисы)*, если ихъ много и если они проживаютъ въ самомъ мадраса; *дарсъ-ханà*, классная комната (иногда ихъ бываетъ двѣ или даже нѣсколько), и, наконецъ, мечеть.

По срединѣ двора, который въ хорошо устроенныхъ мадрасахъ всегда вымащивается кирпичемъ, обыкновенно имѣется, такъ-называемая, *тааратъ-ханà*, маленькая комнатка для производства установленныхъ религіей омовеній; а за наружной стѣной зданія иногда устраивается баня, въ которой тѣже омовенія производятся въ зимнее время.

Передній фасъ наружной стѣны принято украшать куполомъ, вѣнчающимъ входъ въ мадраса. Часто по угламъ того же передняго фаса воздвигаются небольшія башенки, иногда служащія вмѣстѣ съ тѣмъ и минаретами. Кровли келій, классныхъ комнатъ и мечетей въ лучшихъ мадраса сводчатыя, кирпичныя.

Средніе размѣры келій, въ которыхъ обыкновенно помѣщается отъ 3 до 5 муллъ, рѣдко превосходятъ 4×6 арш., зачастую нисходятъ до 3×4.

Двери и окна келій выходятъ во внутренній дворъ мадраса. Впрочемъ, окна зачастую совсѣмъ не дѣлаются; ихъ замѣняютъ дверными фрамугами, которыя на зиму оклеиваются тонкой бумагой.

Печей въ кельяхъ нѣтъ; для варки пищи (въ каждой кельѣ) есть *мури*, каминъ съ прямой незакрывающейся трубой. Обогрѣваются, если у обитателя данной *худжры* имѣются средства для пріобрѣтенія углей, у такъ-называемаго *сандàля*. *Сандаль* устраивается такъ: въ глинобитномъ полу комнаты выдѣлывается *аташ-дàнъ*, углубленіе, въ которое кладутся прогорѣвшіе (не пылающіе), но горячіе еще угли; надъ углями ставится *сандаль*, табуретъ, который сверху покрывается большимъ ватнымъ одѣяломъ; подъ одѣяломъ скопляется нагрѣтый воздухъ, въ которомъ грѣютъ ноги, а отчасти и руки, подсовывая ихъ подъ одѣяло.

Въ кельяхъ всегда почти тѣсно, темно, а зимой холодно и нерѣдко сыро.

Еще болѣе темно, холодно и сыро въ *дарсъ-ханѣ*, въ классной комнатѣ, которая въ большомъ мадраса представляетъ собою сравнительно просторную сводчатую комнату (10×10, а иногда и болѣе) съ кирпичнымъ поломъ, съ такой же маленькой двустворчатой дверью, какъ и въ кельяхъ и съ еще болѣе, чѣмъ въ кельяхъ, бѣднымъ освѣщеніемъ, ибо при тѣхъ же почти средствахъ свѣтоснабженія, объемъ освѣщаемаго пространства здѣсь гораздо больше.

Находящаяся при каждомъ мадраса мечеть, помѣщаясь между кельями, какъ и всѣ вообще туземныя мечети, имѣетъ видъ галлереи или террасы, открытой со стороны противоположной *кыблѣ*, т. е., той сторонѣ свѣта, обращаясь къ которой мусульмане молятся.

Такимъ образомъ своимъ внѣшнимъ видомъ мадраса болѣе всего напоминаетъ монастырь, на который встарину оно походило еще и многими особенностями своей внутренней жизни.

Вышеописанный видъ, какъ уже было замѣчено, имѣютъ лишь большія, благоустроенныя мадраса. Малыя мадраса, значительная часть которыхъ особымъ благоустройствомъ не отличаются, представляютъ много отступленій отъ основного типа этихъ построекъ; а именно: внутренній дворъ имѣетъ болѣе или менѣе неправильную форму и не мощенъ; мечеть помѣщается не подъ одно съ кельями, стоитъ особо отъ нихъ и въ строительномъ отношеніи не имѣетъ съ ними ничего общаго; кровли не сводчатыя, а деревянныя, крытыя глиной; во дворѣ помѣщается прудъ, обсаженный деревьями, что всегда имѣется при мечетяхъ, но никогда почти не встрѣчается на внутреннихъ мощеныхъ дворахъ большихъ мадраса; входомъ въ такія малыя мадраса служатъ крытые туземные ворота, а не сводчатый портикъ съ куполомъ; фасы внутренняго двора обыкновенно не сплошь застроены.

Устройство мадраса и снабженіе его *вакфомъ*, т. е. доходнымъ имуществомъ считалось и считается *савабомъ*, богоугоднымъ, душеспасительнымъ дѣломъ, за совершеніе котораго въ будущей жизни предстоитъ награда.

Послѣдняя всегда была приманкой, привлекавшей состоятельныхъ лицъ къ сооруженію зданія для мадраса и снабженію послѣдняго вакуфнымъ имуществомъ. Строителями нѣкоторыхъ изъ этихъ школъ были ханы и эмиры; но въ данномъ случаѣ они являлись въ роли частныхъ лицъ, ибо считалось, что мадраса учреждались на ихъ личныя, а не на государственныя средства.

Подъ именемъ *вакфа* шаріатъ разумѣетъ имущество, доходы съ котораго на вѣчныя времена посвящаются въ пользу какого-либо бого-

угоднаго учрежденія или дѣла, при чемъ имущество, обращенное въ вакфъ, перестаетъ быть достояніемъ жертвователя.

То юридическое лицо, въ пользу котораго учреждается вакфъ, должно быть неуничтожаемымъ. Оттого вакфъ обыкновенно жертвуется въ пользу или какого-либо богоугоднаго и общеполезнаго учрежденія (школа, мазаръ, мостъ и т. п.), или лица съ его потомствомъ, или въ пользу цѣлаго класса лицъ, какъ напр., бѣдныхъ.

Такимъ образомъ вакфъ учреждается на вѣчныя времена, а потому считается вѣчнымъ, неуничтожаемымъ; въ случаѣ же уничтоженія того юридическаго лица, въ пользу котораго былъ учрежденъ данный вакфъ, послѣдній долженъ быть переданъ другому подобному же юридическому лицу съ тѣмъ однако же условіемъ, чтобы съ мусульманской точки зрѣнія это второе назначеніе было бы богоугоднымъ такъ же, какъ и первое.

Въ виду того, что вакфъ учреждается на вѣчныя времена, слѣдуетъ заботиться о возможномъ охраненіи его; поэтому доходы съ даннаго вакфа прежде всего (по мѣрѣ дѣйствительной необходимости), должны расходоваться на поддержаніе самого вакуфнаго имущества; остающаяся затѣмъ часть обращается на опредѣленную жертвователемъ цѣль.

Если данный вакфъ почему-либо перестаетъ давать доходъ, онъ можетъ быть проданъ, а на вырученныя отъ этой продажи деньги должно быть пріобрѣтено новое имущество, по возможности эквивалентное прежнему.

По мнѣнію имама Абу-Халифы въ вакфъ можно обращать только недвижимыя имущества, а изъ движимыхъ лишь лошадей и оружіе, какъ предметы необходимые при веденіи священныхъ войнъ. Другіе мусульманскіе богословы и юристы этого мнѣнія не раздѣляютъ. До послѣдняго времени въ Средней Азіи въ вакфъ обращались: пахотныя земли, сады, каравансараи, лавки, бани, мельницы, крупорушки, дома, деньги, книги, земледѣльческій инвентарь.

Право на владѣніе или, вѣрнѣе, на пользованіе доходами съ вакфъ укрѣпляется за даннымъ юридическимъ лицомъ такъ-называемой *вакфъ-намой*, грамотой, въ которой значатся: имя учредителя вакфа и время учрежденія послѣдняго; границы завѣщанной земли и ея количество; число обращенныхъ въ вакфъ лавокъ, каравансараевъ и пр., съ подробнымъ указаніемъ мѣста нахожденія каждаго такого имущества; указаніе того, кто долженъ избираться на должность мутаваллія, завѣдывающаго вакфомъ; порядокъ эксплоатаціи вакфа, и порядокъ расходованія поступающихъ съ него доходовъ.

Вакфъ-нама, хотя бы даже и данная ханомъ или эмиромъ, должна быть засвидѣтельствована каріемъ.

Въ большей части мадраса Туркестанскаго края раздѣлъ вакуфнаго дохода производится нижеслѣдующимъ образомъ: прежде всего, по мѣрѣ дѣйствительной надобности, выдѣляется сумма, необходимая для производства ремонта *(шикаст-у-рихтъ)* какъ самаго зданія мадраса, такъ равно и вакуфныхъ построекъ; $^1/_{10}$ остатка *(товліятъ)* поступаетъ въ пользу мутаваллія, а $^1/_3$ или $^1/_4$ того же остатка *(мадрасъ)* въ пользу мударриса или мударрисовъ, если ихъ нѣсколько; остальное дѣлится между муллами (учащимися), имамомъ и азанчіемъ, находящимся при мадраса мечети, цирульникомъ и дворникомъ, при чемъ въ большей части мадрасà ученикъ старшаго класса *(ала)* получаетъ вдвое болѣе ученика средняго *(аусатъ)*, а этотъ послѣдній вдвое больше ученика младшаго класса *(адна)*.

Отъ поступающаго въ мадраса требуется одно лишь умѣнье механически читать. Поэтому юношамъ, приходящимъ издалека и неизвѣстнымъ мударрису, иногда, въ случаѣ какихъ-либо сомнѣній, производится испытаніе въ умѣньи читать и писать.

Въ мадрасà, какъ и въ мактàбѣ, продолжительность прохожденія полнаго курса не опредѣлена, а самый курсъ раздѣляется на отдѣлы, состоящіе въ изученіи одной или нѣсколькихъ книгъ, перечисленіе которыхъ будетъ сдѣлано ниже, при чемъ въ мадрасà учащіеся уже неограничиваются однимъ только механическимъ чтеніемъ проходимыхъ здѣсь по большей части арабскихъ книгъ: мударрисъ объясняетъ имъ содержаніе прочитаннаго текста, весьма часто заучиваемаго наизусть, дѣлая при этомъ подстрочный переводъ на тюркскій или таджикскій языкъ.

Такимъ образомъ, по мѣрѣ прохожденія все большаго и большаго числа книгъ, ученики мадраса попутно съ этимъ пріобрѣтаютъ все большія и большія знанія арабскаго языка, ибо тѣ объясненія прочитываемаго арабскаго текста, которыя даются мударрисомъ, служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ и упражненіями въ переводахъ съ арабскаго языка на тюркскій или таджикскій, смотря по тому, на которомъ изъ нихъ даются объясненія.

По установившемуся обычаю прохожденіе учебнаго курса въ мадраса начинается изученіемъ такъ-называемаго *аввалъ-и-ильмъ* (начало науки). Это нѣчто въ родѣ краткаго мусульманскаго катехизиса (4—5 страницъ небольшого формата), изложеннаго на персидскомъ языкѣ въ вопросахъ и отвѣтахъ такъ же, какъ и нѣкоторыя другія книги, проходимыя въ мадрасà.

Аввалъ-и-ильмъ выучивается наизусть въ теченіе нѣсколькихъ дней, послѣ чего приступаютъ къ прохожденію самаго курса, первый отдѣлъ котораго грамматическій. А именно, при изученіи книгъ *сыга* (صيغه), *занджани* (نجانى), *ихляль* (اعلال), *музи* (معزى), *авамиль* (عوامل) и *хара-*

катъ (حركات), изъ коихъ первая только на персидскомъ языкѣ, а остальныя на арабскомъ, учащіеся знакомятся съ частными отдѣлами арабскихъ этимологіи и синтаксиса.

Ознакомившись съ перечисленными книгами (всѣ онѣ очень невелики и, кромѣ того, нерѣдко ихъ проходятъ съ большими пропусками), переходятъ къ систематическому учебнику арабской грамматики, называемому *капія* (или правильнѣе *кафія*—كافيه), послѣ чего знакомятся съ книгой *шарх-мулла* (شرح ملا), представляющей собою комментаріи къ вышеназванной *капія*.

Изученіе вышеуказанныхъ книгъ зачастую длится года три, причемъ учащіеся за это время успѣваютъ настолько освоиться съ арабскимъ языкомъ, что получаютъ возможность безъ особаго труда слѣдить за послѣдующими отдѣлами курса.

(Прохожденіе перваго, грамматическаго, отдѣла учебнаго курса мадраса считается совершенно необходимымъ по арабской поговоркѣ—الصرف ام العلوم و النحو ابو ها,—что значитъ: этимологія мать наукъ, а синтаксисъ отецъ ихъ).

Вмѣстѣ съ тѣмъ никто и не думаетъ о систематическомъ изученіи тюркскаго языка, на которомъ говорятъ, и персидскаго, на которомъ читаютъ и пишутъ. Оттого нерѣдки случаи, когда образованный по своему туземецъ, очень безграмотно пишетъ на своемъ родномъ языкѣ. Такія пренебрежительныя отношенія къ родному языку вошли въ привычку, и даже сложилась поговорка, гласящая о томъ, что ترکی نجاست لسان و بی شرافت لسان فارسی قباحت و لسان—арабскій языкъ святыня; персидскій—гадость, а тюркскій—нечисть).

Далѣе общепринятый въ мадрасахъ учебный курсъ распадается на два отдѣла: общеобразовательный—*мушкалятъ* (مشكلات) и юридическій—*масаля* (مسئله).

Желающіе получить возможно болѣе полное образованіе одновременно изучаютъ и мушкалятъ и масаля. Муллы съ среднимъ, такъ сказать, спросомъ на ученость предпочитаютъ мушкалятъ. Муллы кишлачныхъ (сельскихъ) мадраса, готовящіеся къ роли мелкихъ деревенскихъ книжниковъ, а равно всѣ тѣ, кто не разсчитываетъ идти когда-либо далѣе имама мечети, изучаютъ только масаля, при чемъ въ большинствѣ случаевъ проходятъ лишь незначительную часть полнаго курса, а именно, одну лишь книгу *мухтасар-уль-викая* (см. ниже) или даже первую часть этой книги, гдѣ говорится объ омовеніяхъ, молитвѣ, постѣ, *зякать* (уставная мусульманская подать) и *хаджъ* (паломничество въ Мекку).

При прохожденіи общеобразовательнаго курса (мушкалятъ), учащіеся знакомятся съ нижеслѣдующими книгами:

1) *Шамсія* (شمسيه)—логика.

2) *Хашія* (حاشيه)—добавленія и комментаріи къ предыдущей книгѣ.

3) *Акаидъ* (عقايد)—догматика.

4) *Талзибъ* (تهذيب)—діалектика.

5) *Хикмат-уль-айнъ* (حكمت العين)—книга метафизическаго содержанія, въ которой, между прочимъ, имѣется отдѣлъ астрологіи и космографіи.

6) *Мулла-Джаляль* (ملا جلال)—частью логика, а частью богословіе.

7) *Тавзихъ* (توضيع)—изложеніе свѣдѣній о коранѣ, о *хадисахъ* (каноническія преданія), о соборныхъ рѣшеніяхъ *(иджма)* и о такъ-называемыхъ *кыясъ* (аналогіи, допускаемыя при рѣшеніи богословскихъ и юридическихъ вопросовъ).

8) *Мушкат-и-Шарифъ* (مشكات شريف) — каноническія преданія *(хадисъ)*.

9) *Тафсир-и-казы-и-Байзави* (تفسير قاضی بيضاوی)—объясненія къ корану.

Слѣдуетъ однако же имѣть въ виду, что въ настоящее время въ мадрасахъ Туркестанскаго края, за исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ кокандскихъ мадраса, вышеизложенная программа выполняется очень рѣдко; нынѣ громадное большинство муллъ уходитъ изъ мадраса, познакомившись лишь съ книгами: *Шамсія*, *Хашія*, *Акаидъ* и *Хикмат-уль-айнъ*. Книгу *Талзибъ* или совсѣмъ не проходятъ, или же проходятъ очень сокращенно (зачастую всего какихъ-нибудь 2—3 страницы). Книги *Мулла-Джаляль* и *Мушкатъ-и-шярифъ* изучаются лишь очень и очень немногими.

При прохожденіи юридическаго курса (масаля), учащіеся знакомятся съ книгами:

1) *Фикх-и-кайдани* (فقه كيدانی)—ученіе о дѣяніяхъ безусловно и условно обязательныхъ, одобрительныхъ, неодобрительныхъ и запрещенныхъ.

2) *Мухтасаръ-уль-викая* (مختصر الوقايه)—краткое изложеніе религіознаго и государственнаго права.

3) *Шарх-уль-викая* (شرح الوقايه) и

4) *Хидая-и-шарифъ* (هداية شريف) содержатъ въ себѣ подробный разборъ тѣхъ вопросовъ (и ихъ частностей), которые вкратцѣ разсматриваются въ книгѣ *Мухтафасаръ-уль-викая*.

Полный курсъ масаля проходятъ тѣ только, кто разсчитываетъ со временемъ занять должность казія, муфтія или агляма, или же почему-либо считаетъ необходимымъ для себя болѣе или менѣе обстоятельное знакомство съ мусульманской юриспруденціей.

Кромѣ тѣхъ книгъ, которыя выше были уже перечислены нами и изученіемъ которыхъ исчерпывается обычная, такъ сказать, уставная

учебная программа мадраса, иногда, по желанію муллъ и съ согласія мударрисовъ, учащіеся приватно знакомятся еще съ главнѣйшими персидскими мѣстными поэтами, а также съ восточной медициной, географіей и проч. [1]).

Дѣтьми эти муллы маялись въ мактабѣ надъ преодолѣніемъ трудностей механическаго чтенія стиховъ Хафиза, Фузули или Бидыля. Теперь, въ мадрасѣ, они маются надъ преодолѣніемъ трудностей пониманія безконечнаго числа запутанныхъ и туманныхъ мѣстъ у такихъ поэтовъ-мистиковъ, какъ Бидыль, Тамси-тавризи, Низами, Ахмадъ-Ясави, Миръ-Али-Ширъ и т. п., гдѣ отдаленные намеки, метафоры, метафизика всякаго рода и, наконецъ, масса отступленій отъ грамматическихъ нормъ дѣлаютъ пониманіе многихъ произведеній этихъ авторовъ малодоступнымъ не только для учащейся молодежи, но даже и для лицъ, обладающихъ въ этомъ отношеніи большой сравнительно опытностью.

По издревле установившемуся обычаю ученики мадрасѣ дѣлятся на три разряда или класса: младшій—*адна*, средній—*аусатъ* и старшій—*алла*.

Въ младшемъ классѣ или разрядѣ муллы числятся до изученія ими книги *Акаидъ* (см. выше перечисленіе книгъ, проходимыхъ въ мадраса); въ среднемъ—отъ изученія *Акаидъ* до перехода къ книгѣ *Мулла-Джалялъ*. Начавъ изучать эту послѣднюю, они получаютъ званіе *алла*.

Продолжительность пребыванія въ каждомъ изъ трехъ классовъ или разрядовъ не опредѣлена ни обычаемъ, ни какими-либо правилами и находится въ зависимости отъ успѣшности прохожденія книгъ, положенныхъ для каждаго класса. Такъ, напр., для младшаго класса этотъ срокъ колеблется отъ 3 до 10 лѣтъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ раньше нерѣдко наблюдались случаи, когда особенно ревностные муллы, исходя изъ того представленія, что наука есть неисчерпаемое море, оставались въ своей alma mater до преклонныхъ лѣтъ, продолжая изучать богословіе и право по книгамъ, не входящимъ въ учебную программу мадрасѣ и зачастую кончая свою жизнь въ стѣнахъ послѣдняго.

Та медленность, съ которой положенныя по программѣ книги проходятся учениками туземныхъ мадраса, зависитъ главнымъ образомъ отъ крайняго несовершенства туземныхъ способовъ преподаванія и отъ того, что это послѣднее ведется на арабскомъ языкѣ, вообще весьма трудно усваиваемомъ, вслѣдствіе сложности и, если можно такъ выразиться, замысловатости его грамматической конструкціи.

Уроки начинаются вслѣдъ за совершеніемъ утренняго намаза, т. е., вскорѣ послѣ восхода солнца.

[1]) Занятія по уставной программѣ называются *катта-дарсъ*,—большія или главныя лекціи. Приватныя занятія, продолжающіяся иногда и во время лѣтнихъ каникулъ—*кичикъ-дарсъ*, малыя лекціи.

Дарсъ-хана, аудиторія (если только за неимѣніемъ таковой занятія не производятся въ одной изъ ученическихъ келій, *худжра*), какъ уже было замѣчено выше, обыкновенно представляетъ собою довольно большую комнату съ кирпичнымъ поломъ, съ маленькой двустворчатой дверью и съ скуднымъ освѣщеніемъ, при чемъ здѣсь, какъ и въ другихъ туземныхъ жилищахъ мебель отсутствуетъ; она замѣняется коврами или кошмами, на которыхъ сидятъ, поджавъ подъ себя ноги. Мударрисъ обыкновенно занимаетъ такъ-называемый *торъ* (تور), почетное мѣсто комнаты; онъ сидитъ на полу, спиной къ стѣнѣ, противъ входной двери, дабы муллы, входя въ *дарсъ-хану* и произнося положенный въ этихъ случаяхъ у мусульманъ *салямъ*, безпрепятственно могли бы привѣтствовать своего учителя еще и пояснымъ поклономъ, отвѣшивая который, принято, для выраженія особой почтительности, складывать кисти рукъ на животѣ.

Послѣ того какъ мударрисъ войдетъ въ *дарсъ-хану*, займетъ свое мѣсто и кашлемъ или другимъ какимъ-либо знакомъ дастъ знать, что онъ готовъ начать урокъ, въ аудиторію входитъ такъ-называемая *джамаа*, громогласно произнося *салямъ* и кланяясь.

Подъ именемъ *джамаа* (جماعه) разумѣется партія учениковъ, отъ 5 до 20 и болѣе человѣкъ, изучающихъ одно и тоже мѣсто одной и той же книги. Такихъ *джамаа* у каждаго мударриса бываетъ нѣсколько.

Войдя въ *дарсъ-хану* и выстроившись въ одну или въ двѣ шеренги, муллы садятся въ 3—4 шагахъ противъ мударриса, тоже поджавъ ноги и развернувъ книги на томъ мѣстѣ, на которомъ былъ законченъ предыдущій урокъ.

Книга кладется или прямо на полъ, или на особую низенькую подставку. Дабы уменьшить разстояніе между книгой и глазами, сидятъ нѣсколько согнувшись, а такъ какъ положеніе получается довольно напряженное и утомительное, то, чтобы уменьшить напряженіе спинныхъ мышцъ, учащіеся слегка покачиваются всѣмъ корпусомъ впередъ и назадъ.

Одинъ изъ учениковъ данной *джамаа* служитъ чтецомъ, а потому носитъ арабское названіе *кары*. *Кары* читаетъ очередное мѣсто проходимой книги, а мударрисъ, поправивъ произношеніе, объясняетъ, во-первыхъ, значеніе отдѣльныхъ арабскихъ словъ, еще неизвѣстныхъ ученикамъ, а, во-вторыхъ, общій смыслъ прочитаннаго отрывка, при чемъ для лучшаго выясненія мысли, заключающейся въ этомъ отрывкѣ, обыкновенно приводится нѣсколько подходящихъ примѣровъ.

Эта объяснительная часть урока и тѣ пріемы, при посредствѣ которыхъ даются объясненія, у многихъ мударрисовъ не оставляетъ желать ничего лучшаго; если имъ и можно сдѣлать какой-нибудь упрекъ

въ этомъ отношеніи, то развѣ лишь за многорѣчивость и излишество приводимыхъ примѣровъ.

Размѣръ текста, объясняемаго на урокѣ, а въ зависимости отъ этого и продолжительность урока зависятъ отъ воли мударриса, который, при добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу, старается сообразоваться съ силами, способностями и подготовкой учащихся. Вообще же говоря, въ теченіе урока обыкновенно разбирается нѣсколько строкъ и ученье идетъ крайне медленно, не смотря на то, что большинство муллъ, проходя только мушкилятъ или масаля, въ каждый данный моментъ имѣютъ дѣло съ одной лишь книгой или, иначе говоря, съ однимъ предметомъ преподаванія. Главной причиной такой медленности и относительной малоуспѣшности является то, что изучаемыя книги написаны на чуждомъ для учащихся арабскомъ языкѣ, ознакомиться съ которымъ въ достаточной мѣрѣ большинство успѣваетъ лишь по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, проведенныхъ въ мадрасѣ.

Объ окончаніи урока мударрисъ даетъ знать возгласомъ: «*аллахъ акбаръ*» (великъ Богъ). Ученики встаютъ со своихъ мѣстъ и удаляются, а вмѣсто нихъ въ *дарсъ-хану* входитъ вторая *джамаа*, за ней третья, и т. д. до тѣхъ поръ, пока въ аудиторіи не перебываютъ всѣ муллы, учащіеся у даннаго мударриса.

Говорятъ, что прежде, когда учениковъ въ мадрасахъ было больше, чѣмъ теперь, учебныя занятія шли отъ восхода солнца до сумерекъ.

Урокъ весьма часто прерывается по самымъ разнообразныхъ поводамъ, каковы: совершеніе намаза, завтракъ, обѣдъ или питье чая, которыя происходятъ тутъ же, въ аудиторіи, приходъ посторонняго лица и т. п. Вообще, *дарсъ-хана* похожа больше на кабинетъ или на квартиру мударриса, чѣмъ на классную комнату, въ которую, по нашимъ понятіямъ, входъ постороннимъ воспрещается.

Эта особенность внутренняго быта мадрасѣ производитъ впечатлѣніе простоты, доходящей до халатности, которой, опять таки съ нашей точки зрѣнія, отличается вся вообще общественная жизнь туземца.

Въ младшемъ классѣ, до перехода къ книгѣ *Шарх-мулла*, урокъ обыкновенно начинается повтореніемъ того, что читалось и говорилось наканунѣ, при чемъ эти повторенія въ большинствѣ случаевъ производятся посредствомъ вопросовъ, предлагаемыхъ мударрисомъ.

Послѣ перехода къ книгѣ *Шарх-мулла* — повторенія предыдущаго урока прекращаются, замѣняясь занятіями съ *мукаррирами*, репетиторами, имѣющимися во всѣхъ сколько нибудь значительныхъ мадрасахъ.

Обязанности *мукаррировъ* несутъ обыкновенно или лучшіе ученики старшаго класса, или тѣ изъ окончившихъ уже курсъ мадраса, которые желаютъ этимъ путемъ попасть въ число кандидатовъ на должность мударриса.

Занятія съ мукаррирóмъ идутъ совершенно въ томъ же порядкѣ, какъ и съ мударрисомъ. При этомъ считается желательнымъ, чтобы объясненія репетитора были-бы, по возможности, тождественными съ объясненіями мударриса; поэтому часто случается, что муллы, не находя подходящаго мукаррира въ своемъ мадраса, идутъ репетироваться или въ чужое мадраса, или даже на домъ къ приватному мукарриру.

Выше мы замѣтили уже, что съ переходомъ къ книгѣ *Шарх-мулла* прекращаются повторенія предыдущаго урока. Одновременно съ этимъ по большей части прекращаются и тѣ вопросы, при посредствѣ которыхъ въ началѣ курса мударрисъ убѣждается къ томъ, что объясненное усвоено его учениками.

Далѣе заботы объ этомъ усвоеніи предоставляются самимъ учащимся, а за помощью въ этомъ дѣлѣ имъ рекомендуется обращаться къ мукарриру. На обязанности мударриса отнынѣ лежитъ одно лишь объясненіе текста, прочитаннаго на урокѣ.

Такъ какъ способности учениковъ, входящихъ въ составъ данной *джамаа*, всегда почти неодинаковы, то часто случается, что въ дѣйствительности за курсомъ слѣдитъ только часть *джамаа*, т. е. наиболѣе способные и прилежные ученики. Остальные, являясь на уроки мударриса или на занятія съ репетиторомъ, лишь дѣлаютъ видъ что учатся.

Даже въ случаѣ самаго неуспѣшнаго ученья многіе изъ такихъ учениковъ, не оставляя своей *джамаа*, слѣдуютъ за ней до конца. Нерѣдки случаи, когда они, пройдя весь уставной курсъ мадраса á la Гоголевскій Петрушка и не зная ничего изъ пройденнаго, оставляютъ свою alma mater со званіемъ *хатмъ кылланъ* (или *хатмъ карда*), т. е. окончившихъ полный курсъ.

Такіе случаи наиболѣе часты между молодыми людьми изъ состоятельныхъ семей; а возможность сказаннаго обусловливается, во первыхъ, тѣмъ, что для многихъ состоятельныхъ туземцевъ нужно не знаніе, а лишь право говорить, что они учились въ такомъ-то мадраса; а, во вторыхъ, отсутствіемъ какой бы то ни было провѣрки знаній.

Вышеотмѣченныя нами медлительность и крайне малая успѣшность учебныхъ занятій въ мадрасáхъ зависитъ также и отъ крайней ограниченности учебныхъ дней въ году. Дни недѣли раздѣляются на учебные, *тахсыль*, и неучебные, *таатыль*, назначенные на отдыхъ, на повтореніе пройденнаго и на занятія предметами, не входящими въ обычную учебную программу мадрасѣ. Учебныхъ дней въ недѣлѣ четыре: суббота, воскресенье, понедѣльникъ и вторникъ; а неучебныхъ три: среда, четвергъ и пятница. Кромѣ того, учебныхъ занятій небываетъ во время поста, продолжающагося мѣсяцъ, во время двухъ годовыхъ праздниковъ, Рамазáна и Курбáна, въ общей сложности продолжающихся около двухъ недѣль, и въ теченіе лѣтнихъ каникулъ,

т. е. съ начала мая и по конецъ сентября. Такимъ образомъ учебныхъ дней въ году не болѣе 110. Вмѣстѣ съ тѣмъ учащійся обыкновенно беретъ у своего мударриса ежедневно одинъ только урокъ, продолжающійся въ среднемъ не болѣе $1^1/_2$ часовъ. Поэтому для большинства муллъ количество учебнаго времени въ теченіе недѣли не превышаетъ 6, а въ теченіе года 165 часовъ. Въ дѣйствительности же для большинства учащихся число учебныхъ часовъ въ году значительно менѣе указаннаго, ибо не только муллы, но даже и мударрисы весьма часто манкируютъ уроками.

Внутренній бытъ мадраса.

Нельзя, конечно, отрицать того, что особенности внутренняго быта мадраса̀ не могутъ не отражаться въ большей или меньшей степени на развитіи въ обучающихся и воспитывающихся здѣсь муллахъ тѣхъ или другихъ нравственныхъ сторонъ. А потому, прежде чѣмъ перейти къ обзору воспитательной части въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, скажемъ нѣсколько словъ о бытѣ муллъ (учащихся), проживающихъ въ мадраса̀, имѣя въ виду, что нынѣ, со времени учрежденія надъ мадрасами инспекторскаго надзора [1]), нѣкоторыя, наиболѣе крупныя шероховатости этого быта, вродѣ превращенія келій въ ночлежные пріюты и проч., въ значительной мѣрѣ сглажены стараніями мѣстнаго (русскаго) учебнаго начальства, но что сущность дѣла, зависящая отъ тѣхъ ультра-мусульманскихъ устоевъ, на которыхъ зиждется вся жизнь этой школы, остается такой же, какой она была и во времена ханскаго владычества.

Выше мы сказали уже, что зданіе мадраса̀ состоитъ изъ большого или меньшаго числа келій, въ которыхъ живутъ учащіеся (муллы), классной комнаты и мечети, помѣщающейся между кельями.

Въ кельѣ, въ зависимости отъ ея размѣровъ и числа муллъ, проживающихъ въ данномъ мадраса, помѣщается отъ одного до четырехъ учащихся. Въ большинствѣ же случаевъ двое.

Внутренняя обстановка кельи по большей части проста до убожества. На земляномъ или кирпичномъ полу постланы циновки, а поверхъ ихъ кошмы, полàсы [2]) или дешевенькіе, обыкновенно сильно

[1]) Въ 1890 году была учреждена должность 3-го инспектора народныхъ училищъ Туркестанскаго края, на котораго временно были возложены приведеніе въ полную извѣстность всѣхъ мадраса̀ края и завѣдываніе ими; а въ 1896 году всѣ народныя училища края, не исключая и туземныхъ, были раздѣлены между инспекторами, при чемъ вмѣсто прежнихъ двухъ раіоновъ было образовано три.

[2]) Тонкій коверъ безъ ворса.

потертые коврики. Въ углу, на день, сложены плоскія туземныя подушки и ватныя одѣяла, служащія вмѣстѣ съ тѣмъ и матрацами. Въ нишахъ нѣсколько книгъ и деревянный пеналь съ чернильницей и камышевыми перьями. На приступкахъ камина маленькій чугунный котелокъ для варки пищи, мѣдный или чугунный кувшинчикъ, служащій и чайникомъ и умывальникомъ, одна или двѣ небольшихъ плоскихъ чайныхъ чашки и небольшое глиняное или деревянное блюдо.

У очень бѣдныхъ муллъ зачастую нѣтъ даже и этой убогой утвари, за которой они, по мѣрѣ надобности, обращаются къ обитателямъ сосѣднихъ келій.

У очень богатыхъ относительная роскошь выражается въ расписныхъ стѣнахъ и потолкахъ кельи, въ дорогихъ коврахъ, въ окованныхъ крашеной жестью сундукахъ для храненія платья, провизіи, книгъ и проч., помѣщающихся обыкновенно въ одномъ и томъ же сундукѣ и, наконецъ, въ относительномъ обиліи болѣе цѣнной и изящной посуды.

Общаго хозяйства въ мадрасахъ нѣтъ. Каждый долженъ самъ заботиться о пріобрѣтеніи пищи и одежды, наибольшая часть которыхъ добывается муллами на ихъ собственныя средства, ибо лишь въ самыхъ богатыхъ мадрасахъ, которыхъ во всемъ краѣ не болѣе 30 [1]), мулла младшаго класса получаетъ отъ 10 до 40 рублей въ годъ; въ мадрасахъ, обладающихъ меньшими вакуфными имуществами, эти получки колеблются отъ 1 до 10 рублей, а въ 46 мадрасахъ муллы совсѣмъ не получаютъ, вслѣдствіе или отсутствія вакуфнаго имущества, или такой его ничтожности, при которой общій доходъ мадраса̀ не превышаетъ 50 рублей въ годъ, чего не хватаетъ даже на ремонтъ зданія такого мадраса̀.

Итакъ, каждый долженъ самъ заботиться о пріобрѣтеніи пищи, одежды и учебниковъ.

Вслѣдствіе этого, особенно въ городахъ, гдѣ недостатокъ въ денежныхъ средствахъ всегда даетъ себя знать гораздо чувствительнѣе, чѣмъ въ кишлакѣ, муллы каждаго почти мадраса̀ очень рѣзко дѣлятся на зажиточныхъ и бѣдныхъ, при чемъ эта имущественная рознь сказывается тѣмъ рѣзче, чѣмъ богаче и благоустроеннѣе мадраса̀ и чѣмъ большей славой учености пользуются его мударрисы, ибо желающихъ поступить въ такое мадраса всегда находится много среди разныхъ слоевъ туземнаго общества.

Эта имущественная рознь муллъ, живущихъ подъ одной кровлей, такъ стара и такъ сильна, что давно уже установилось особое названіе *кашакъ-мулла* (قشاق ملا), подъ которымъ разумѣются бѣднѣйшіе

[1]) Всѣхъ мадраса въ Сыръ-Дарьинской, Ферганской и Самаркандской областяхъ около 300.

изъ туземныхъ мусульманскихъ студентовъ, бытъ коихъ настолько типиченъ, что нельзя обойти его молчаніемъ.

Въ разрядъ *кашакъ-мулла* попадаютъ главнымъ образомъ бѣднѣйшіе новички-муллы, жители отдаленныхъ, глухихъ кишлаковъ, поступающіе въ городскіе мадраса.

Сартъ вообще очень изворотливъ и во многихъ отношеніяхъ похожъ на еврея [1]): но городской сартъ по этой части ушелъ гораздо дальше кишлачнаго, котораго онъ чуть не на каждомъ шагу проводитъ съ изумительнымъ искусствомъ и не меньшей наглостью.

Выросшій за плугомъ кишлачникъ, съ дѣтства наслышавшійся объ изумляющихъ деревенщину продѣлкахъ ловкихъ горожанъ, попадая въ такіе мѣстные центры, какъ Кокандъ, Ташкентъ и Самаркандъ, робѣетъ, теряется и, обладая очень малымъ запасомъ знаній и практическаго умѣнья, иначе говоря, будучи вооруженъ неизмѣримо хуже горожанина для городской борьбы за существованіе, легко попадаетъ въ разрядъ пролетаріата, тѣмъ болѣе, что приходя сюда съ спеціальной цѣлью пріобрѣтенія знаній, требующей, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ, большей усидчивости, онъ почти не имѣетъ времени для постороннихъ занятій.

Вскорѣ же послѣ поступленія въ мадраса, принесенный изъ кишлака скудный запасъ денегъ и продуктовъ, въ родѣ муки, риса и бараньяго сала, истощается; помощь или далека, или ея и совсѣмъ нельзя ожидать, ибо средства семьи очень незначительны,—и вотъ начинаются недоѣданіе, голодовки, поиски кредита и поиски заработковъ, зачастую надолго отвлекающихъ *кашакъ-муллу* отъ занятій науками.

Если есть надежда на полученіе вакуфной стипендіи или денежной помощи изъ дому, муллы обращаются прежде всего къ кредиту: ближайшіе хлѣбники, мясники и мелочные лавочники всегда охотно снабжаютъ ихъ провизіей въ долгъ, до перваго *таксыма*, дѣлежа вакуфнаго дохода между личнымъ составомъ мадраса, что происходитъ въ мадрасахъ, обладающихъ одними только земельными вакфами, разъ въ годъ, въ началѣ зимы, а въ мадрасахъ, имѣющихъ лавки, бани, каравансараи и т. п., или ежемѣсячно, или разъ въ 2—3 мѣсяца.

Если ресурсовъ, въ видѣ вакуфной стипендіи или помощи изъ дому, не имѣется, муллѣ-пролетарію приходится искать заработковъ, изъ которыхъ мы упомянемъ о трехъ наиболѣе характерныхъ.

Въ Туркестанскомъ краѣ лишь въ недавнемъ времени стало за-

[1]) Исламъ, возникшій главнымъ образомъ на почвѣ талмуда, заимствовалъ отъ послѣдняго и его крайнюю меркантильность. Поскольку мусульманство можетъ считаться лишь нѣкоторымъ видоизмѣненіемъ іудейства, читатель можетъ усмотрѣть въ статьѣ «Исламъ и Законъ Моисея». Справочная книжка Самаркандской Области, 1898 г., стр. 1—93.

мѣтно развиваться литографское дѣло, при чемъ туземцы предприниматели начали въ большихъ количествахъ издавать главнымъ образомъ тѣ книги, которыя употребляются въ мактабахъ, въ качествѣ учебниковъ, каковы: Чаркшабъ, Суфи-Алла-Яръ и др.

Раньше эти книги, требовавшіяся и нынѣ требующіяся въ очень большомъ количествѣ [1]), были всегда рукописными такъ же, какъ и большинство остальныхъ мусульманскихъ книгъ, находящихся въ употребленіи у туземцевъ.

Такимъ образомъ переписка книгъ (на тюркскомъ, персидскомъ и арабскомъ языкахъ) въ очень недавнемъ еще прошломъ представляла собой обширный промыселъ, находившійся въ рукахъ частью спеціалистовъ—*катибовъ*, обладавшихъ хорошимъ почеркомъ, частью же учащейся молодежи, занимавшихся (и занимающихся) перепиской учебниковъ и другихъ книгъ небольшой сравнительно стоимости.

Нынѣ часть этого заработка отнята у переписчиковъ литографіями, но, вслѣдствіе предпочтенія, отдаваемаго туземцами рукописнымъ книгамъ передъ литографированными [2]) и печатными, переписчики, и среди ихъ и бѣднѣйшіе муллы все еще имѣютъ этотъ заработокъ, размѣры котораго, въ зависимости отъ совершенства почерка, колеблются отъ 15 до 60 коп. въ день.

Въ теченіе девятилѣтняго непрестаннаго общенія съ мадрасами намъ неоднократно приходилось наблюдать случаи, когда пронырливый и низкопоклонный мулла, обладающій скудными матеріальными средствами, пристраивается къ одному изъ наиболѣе состоятельныхъ муллъ своего же мадраса и состоитъ при немъ въ роли чего-то средняго между слугой и прихлебателемъ: подметаетъ келью, покупаетъ провизію, приготовляетъ пищу и заискиваетъ всѣми способами, за что пользуется даровымъ питаніемъ и, кромѣ того, изрѣдка получаетъ мелкія подачки.

Почти при каждомъ мударрисѣ имѣются такіе же прислужники изъ муллъ, пользующіеся въ этихъ случаяхъ особыми привиллегіями и поблажками.

У туземцевъ, такъ же какъ и у насъ, каждый, мнящій себя интеллигентомъ, старательно избѣгаетъ, такъ называемаго, чернаго труда. Вмѣстѣ съ тѣмъ каждый мулла, даже только что поступившій въ мадраса, мнитъ себя принадлежащимъ къ интеллигенціи, къ *алль-и-фазлъ*, а потому черную работу считаетъ не вяжушейся съ его интеллектуальнымъ достоинствомъ.

[1]) Въ Сыръ-Дарьинской, Ферганской и Самаркандской областяхъ учащихся въ мактабахъ считаться около 45000.

[2]) Въ свою очередь лишь графированнымъ книгамъ *(чатна)* отдается предпочтеніе передъ печатными *(басма)*, ибо первыя больше походятъ на рукопись.

Однако же голодъ заставляетъ иногда, такого quasi—интеллигента, еще недавно ходившаго за плугомъ или работавшаго кетменёмъ въ кишлакѣ, скрѣпя сердце, мириться съ необходимостью черной работы. Но ложный стыдъ мѣшаетъ ему сдѣлать это открыто. Подъ какимъ нибудь подходящимъ предлогомъ онъ уходитъ на нѣсколько дней или даже недѣль изъ мадраса и работаетъ въ качествѣ поденьщика гдѣ нибудь на отдаленной окраинѣ города или въ пригородномъ кишлакѣ, гдѣ его никто не знаетъ.

Такимъ образомъ для большинства муллъ, во время ихъ пребыванія въ мадраса, наиболѣе жгучимъ является вопросъ о средствахъ къ существованію, каковой вопросъ не менѣе жгучъ и для большинства мударрисовъ, по большей части не обладающихъ личными средствами, достаточными для вполнѣ безбѣднаго существованія.

Выше мы упомянули уже о томъ почтеніи, съ которымъ религія обязываетъ мусульманина относиться къ мусульманской наукѣ, къ представителямъ и носителямъ этой науки, которые вмѣстѣ съ тѣмъ считаются и свѣточами мусульманскаго книжническаго правовѣрія.

Въ этомъ-то и лежитъ главнѣйшая нравственная причина тяготѣнія къ мадраса всѣхъ тѣхъ, кто, не имѣя ни крупнаго капитала, ни возможности занять сколько нибудь значительное и доходное служебное мѣсто, желаетъ во что бы то ни стало занять болѣе или менѣе видное общественное положеніе, каковымъ для сложившаго уже человѣка является положеніе *мударриса* (преподавателя въ мадраса), а для вступающаго въ жизнь положеніе *муллы* (учащагося).

Это тяготѣніе къ мадраса, конечно, тѣмъ больше, чѣмъ значительнѣе его вакуфныя имущества и ихъ доходность и чѣмъ больше его слово, какъ разсадника знаній и правовѣрія. Но сложность устанавливающихся такимъ образомъ соотношеній далеко еще не исчерпывается сказаннымъ. Мударрисы избираются муллами; начальство лишь утверждаетъ ихъ въ этихъ должностяхъ. Кромѣ того, при переходѣ отъ одной книги къ другой, а равно и при переходѣ изъ низшаго разряда (или класса) въ слѣдующій высшій, муллы, по возможности, устраиваютъ *зіафатъ* (угощеніе) для мударриса и своихъ *памдарсовъ* (соучащихся, товарищей по *джамаа*), дѣлая при этомъ мударрису подарки, размѣръ которыхъ зависитъ отъ благосостоянія дарящихъ.

Въ свою очередь мударрисы всегда имѣютъ возможность дѣлать всевозможныя поблажки угоднымъ и полезнымъ для нихъ муллам: они потворствуютъ манкированіямъ муллъ уроками; пользуясь отсутствіемъ экзаменовъ и какого либо учебнаго контроля переводятъ ихъ въ старшіе классы, не взирая на совершенную неудовлетворительность знанія пройденной части курса и т. п.

Такимъ образомъ муллы находятся въ нѣкоторой зависимости отъ мударрисовъ, а мударрисы въ зависимости отъ муллъ. Это издавна уже породило цѣлый лабиринтъ весьма сложныхъ соотношеній, далеко не могущихъ назваться нравственными, при чемъ лицепріятіе мударрисовъ всегда парализировало установленіе между муллами того, что мы разумѣемъ подъ именемъ товарищества, а вмѣстѣ съ вышеуказанной зависимостью мударрисовъ отъ муллъ, породило среди послѣднихъ безконечныя интриги, взаимную зависть, наушничество, кляузничество и своеволіе, съ которымъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ исторія, приходилось бороться даже бухарскимъ эмирамъ и кокандскимъ ханамъ, при чемъ всего этого тѣмъ больше, чѣмъ больше мударрисовъ въ одномъ и томъ же мадраса, чѣмъ на большее число партій разбиваются его муллы.

Въ мадрасахъ, обладающихъ значительными вакуфными имуществами, мударрисы по большей части находятся во враждебныхъ или, по крайней мѣрѣ, въ недружелюбныхъ отношеніяхъ съ мутавалліями, завѣдывающими вакуфными имуществами, сдающими ихъ въ аренду и представляющими въ мадраса доходы, для раздѣла ихъ между личнымъ составомъ школы, при производствѣ каковыхъ раздѣловъ мутавалліи нерѣдко публично уличаются мударрисами и муллами въ разнаго рода неблаговидныхъ продѣлкахъ, что заставляетъ такихъ мутавалліевъ искать себѣ сторонниковъ среди старшихъ муллъ, а главнымъ образомъ среди *мукаррировъ* (репетиторовъ) и младшихъ мударрисовъ, изъ коихъ первые смотрятъ въ мударрисы, а вторые ждутъ лишь удобнаго случая, чтобы изъ младшихъ сдѣлаться старшими.

Въ рѣдкомъ мадраса среди старшихъ муллъ нѣтъ, такъ называемыхъ, *ивазар'овъ*, смутьяновъ, вѣчно чѣмъ-нибудь недовольныхъ, вѣчно подстрекающихъ остальныхъ муллъ на разнаго рода выходки и манифестаціи по адресу то мударіса, то мутаваллія, смотря потому, противъ кого въ данное время они имѣютъ *зубъ*.

Если въ мадраса нѣсколько мударрисовъ, то лишь одинъ или два изъ нихъ дѣйствительно исполняютъ лежащія на нихъ обязанности преподавателей. Остальные являются въ мадраса только въ дни раздѣла вакуфныхъ доходовъ.

Мударрисы, проживающіе въ одномъ и томъ же мадраса, нерѣдко всячески дискредитируютъ другъ друга въ глазахъ муллъ, стараясь переманить къ себѣ учениковъ своихъ соперниковъ.

Въ первое время учрежденія надъ мадрасами инспекторскаго надзора, на каждомъ шагу констатировались случаи, когда мударрисы бѣдныхъ или безъ вакуфныхъ мадраса, благодаря личнымъ связямъ съ мударрисами и мутавалліями относительно богатыхъ школъ того же рода, не взирая на то, что давно уже кончили курсъ, числились уче-

никами этихъ послѣднихъ, имѣя тамъ кельи и получая вакуфныя стипендіи по званію учениковъ старшаго класса, при чемъ никогда не являлись въ тѣ мадраса, гдѣ числились мударрисами. Обыкновенно они проживали въ тѣхъ мадрасахъ, гдѣ числились муллами и гдѣ, занимая привиллегированное положеніе, имѣли отдѣльныя кельи, въ которыхъ обучали муллъ, приходившихъ къ нимъ со стороны и обучавшихся у нихъ за особую плату, при чемъ въ тѣхъ мадрасахъ, гдѣ они числились мударрисами, муллы пользовались лишь кельями, а уроки по необходимости должны были брать у приватныхъ мударрисовъ, ибо своихъ мударрисовъ зачастую не знали даже по имени.

Громадное число лицъ, числившихся муллáми, имѣвшихъ кельи и получавшихъ изъ года въ годъ вакуфныя стипендіи, никогда не являясь на уроки [1]) и зачастую оставаясь навсегда полуграмотными, занимались своими частными дѣлами, не имѣющими ничего общаго съ изученіемъ шаріáта, пользовались кельями лишь какъ ночлежными пріютами.

Лишь въ недавнемъ сравнительно времени учебнымъ начальствомъ былъ упраздненъ совершенно незаконный и идущій въ разрѣзъ съ требованіемъ вакуфныхъ документовъ [2]) обычай продажи келій, при которомъ мутаваллiи и мударрисы за ничтожную сравнительно плату продавали частнымъ лицамъ право *потомственнаго* пользованія кельей и полученія вакуфной стипендіи, что представляло большія матеріальныя выгоды для покупателей, которые за 100—200 рублей получали право безсрочнаго пользованія кельей и ежегоднаго полученья 20—40 рублей стипендіи.

Мы врядъ ли впадемъ въ преувеличеніе, если скажемъ, что до сего времени мадрасà являютъ собой гнѣздилища всевозможныхъ нравонарушеній, гнѣздилища интригъ и затаенной взаимной вражды сочленовъ ихъ личнаго состава.

Иногда достаточно самаго незначительнаго повода для того, чтобы эта затаенная вражда превратилась въ вспышку ожесточенной распри съ дракой, съ размазываніемъ по лицу крови, выступившей изъ маленькой царапины, съ умышленнымъ нарушеніемъ порядка въ костюмѣ, съ кляузными, нерѣдко ложными, жалобами и доносами, съ настойчивыми требованіями смѣщенія мударриса и т. п.

Эта мрачная сторона внутренней жизни мадрасà не можетъ проходить и не проходитъ безслѣдно для учащихся и воспитывающихся

[1]) По шаріату неявка въ мадрасà въ теченіе полугода лишаетъ муллу права на вакуфную стипендію.

[2]) Всѣ вакуфные документы предоставляютъ право пользованія кельями и полученія вакуфныхъ стипендій лишь тѣмъ муллам, которые фактически состоятъ въ числѣ учащихся.

здѣсь муллъ, получающихъ вкусъ и привычку къ интриганству, къ кляузничеству и даже къ лжесвидѣтельству.

Заканчивая этотъ краткій обзоръ внутренняго быта мадрасà [1]), скажемъ нѣсколько словъ о каникулахъ. Выше, говоря объ учебной программѣ и способахъ ея выполненія, мы упомянули, между прочимъ, о томъ, что лекціи въ главнѣйшихъ мадрасахъ раздѣляются: *Каттадарсъ*, главныя лекціи, на которыхъ проходится уставной учебный курсъ, и *Кичикъ-дарсъ*, малыя лекціи, необязательныя, на которыхъ занимаются предметами, не входящими въ уставную учебную программу, какъ напр., восточная, главнымъ образомъ, персидская литература.

Съ этими необязательными предметами небольшая сравнительно часть муллъ знакомятся частью во время учебнаго семестра, а главнымъ образомъ во время каникулъ, если мударрисы не покидаютъ на это время своихъ мадрасà.

Въ городахъ, вслѣдствіе ужасающей лѣтней духоты, даже самые ревностные мударрисы бываютъ принуждены прекращать *Кичикъ-дарсъ* на время самыхъ сильныхъ жаровъ, что бываетъ въ іюнѣ и въ іюлѣ мѣсяцахъ.

Въ кишлакахъ, особенно же находящихся въ предгорьяхъ, гдѣ лѣтнія температуры гораздо умѣреннѣе и гдѣ не бываетъ особенно душныхъ, истомляющихъ ночей, *Кичикъ-дарсъ* нерѣдко продолжается въ теченіе всего лѣта, при чемъ муллы городскихъ мадраса, если они вполнѣ располагаютъ своимъ временемъ и желаютъ продолжать свои занятія въ относительно прохладной мѣстности, нерѣдко переселяются на время каникулъ въ кишлачныя (сельскія) мадраса, играющія въ этихъ случаяхъ роль нашихъ дачъ.

Однако же эти муллы составляютъ исключеніе. Большинство или, вѣрнѣе, всѣ, какъ горожане, такъ равно и кишлачники, имѣющіе сады или пашни, разбредаются по-домамъ и въ теченіе всего лѣта занимаются хозяйствомъ. Безземельные бѣдняки, уже прошедшіе первую часть книги *Мухтасар-уль-викая* и обладающіе свѣдѣніями, требующимися отъ имàмовъ, спѣша эксплоатировать полученныя ими въ мадраса знанія и заработать что-нибудь на зиму, направляются въ глухіе, удаленные отъ городовъ кишлаки, богатые хлѣбомъ и бѣдные грамотѣями, гдѣ пристраиваются на лѣто или имàмами мечетей, или учителями мактàбовъ, получая свой гонораръ натурою, зерновымъ хлѣбомъ, который, при возможности, они стараются привести съ собой въ городъ, дабы продать его тамъ въ концѣ осени или даже зимой, дождавшись обычнаго въ это время повышенія цѣнъ на продукты сельскаго хозяйства.

[1]) Мы боимся вдаваться въ дальнѣйшія подробности, ибо въ противномъ случаѣ рискуемъ быть заподозрѣнными въ умышленномъ сгущеніи красокъ.

Воспитательное значеніе шаріата.

Вышеуказанныя нами особенности внутренняго быта мадраса, несомнѣнно, не могутъ не вліять на развитіе въ муллахъ нѣкоторыхъ несимпатичныхъ сторонъ; но эти стороны имѣютъ болѣе или менѣе общечеловѣческій характеръ; сами по себѣ онѣ не могутъ еще превратить учащагося здѣсь туземнаго юношу въ фанатика и изувѣра.

Посмотримъ же теперь, что превращаетъ его въ яраго мусульманина, въ глазахъ котораго все человѣчество дѣлится на мусульманъ и *кяфировъ*, а всѣ дѣянія на разрѣшенныя и запрещенныя; которыя самъ на каждомъ шагу уклоняясь отъ этого, старается убѣдить другихъ, что единственный путь спасенія, это путь, указанный шаріатомъ; что малѣйшее уклоненіе отъ этого пути есть *кюфръ*, невѣріе и вѣроотступничество, и что какъ бы ни былъ добродѣтеленъ *кяфиръ*, ему не миновать предвѣчно уготованной для него геены огненной [1]).

Посмотримъ, что превращаетъ этого еще не установившагося юношу, готоваго, при иныхъ условіяхъ, къ воспринятію «добраго, славнаго, вѣчнаго», въ лицемѣрнаго фанатика, проповѣдывающаго необходимость поста и наѣдающагося во время этого поста тайкомъ отъ самыхъ близкихъ къ нему людей, въ прямого наслѣдника тѣхъ представителей ветхозавѣтнаго уклада, которымъ Божественный Учитель сказалъ: «горе вамъ книжницы и фарисеи, лицемѣри, яко затворяте царствіе небесное предъ человѣки: вы бо не входите, ни входящихъ оставляете внити» [2]).

Какъ ни мала воспитательная роль семьи, въ особенности же такой, гдѣ старшіе мужчины не принадлежатъ къ классу *улема*, книжниковъ, поглотившихъ мудрость шаріата и духовно-нравственной литературы, и мактаба, низшей школы, гдѣ учащійся до 14—15 лѣтъ все еще остается на положеніи полуребенка, которому многое еще прощается, а все же мальчикъ и въ семьѣ и въ мактабѣ подготовляется до нѣкоторой степени къ тому, чтобы сдѣлаться со временемъ истымъ мусульманиномъ.

По меньшей мѣрѣ его стараются увѣрить въ томъ, что по достиженіи 10—12-лѣтняго возраста онъ долженъ наравнѣ со взрослыми ежедневно совершать пятикратные намазы, не ѣсть ничего съ утра до вечера во время *рузы*, поста, *имѣть намѣреніе* когда-либо отправиться на поклоненіе въ Мекку и т. п.

Его заставляютъ оказывать внѣшніе знаки почтенія старшимъ, не вмѣшиваться въ ихъ разговоръ и не говорить въ ихъ присутствіи особенно громко.

[1]) Коранъ 3, 21; 3, 79; 9, 81; 14, 21.
[2]) Отъ Матѳея гл. 23, ст. 13.

Онъ знаетъ, что русскихъ всѣ зовутъ кяфирами; что это очень бранное слово; что дѣдушка энергично плюетъ каждый разъ, когда мимо ихъ воротъ проѣзжаютъ русскіе; что у русскихъ зимой бываетъ праздникъ, когда они купаютъ въ водѣ своихъ идоловъ и т. п.

Все это онъ знаетъ; но все это какъ-то слабо проникаетъ въ его душу, скользитъ по ней, оставляя лишь слабые, поверхностные слѣды. Да иначе и быть не можетъ. Дѣдъ и отецъ говорятъ, что надо молиться пять разъ въ день; а между тѣмъ дѣдъ самъ молится только два или три раза, а отецъ, занятый торговыми дѣлами совершаетъ намазы даже не каждый день, а лишь изрѣдка. Въ прошлую *рузу* онъ засталъ мать въ чуланѣ въ то время, когда она ѣла тамъ потихоньку ото всѣхъ лепешку и погрозила побить его, если онъ скажетъ объ этомъ отцу и дѣдушкѣ [1]).

Дѣдушка хвастается тѣмъ, что онъ ни разу не осквернилъ своего языка произнесеніемъ русскихъ словъ и ни разу не былъ въ русскомъ городѣ. Дѣдушкѣ хорошо это говорить: онъ старикъ и не знаетъ, какъ хорошо у русскихъ. Внукъ не согласенъ съ мнѣніемъ дѣдушки. Положимъ, если во время проѣзда русскаго мимо ихъ дома онъ стоитъ на крышѣ или вообще находится въ болѣе или менѣе обезпеченномъ положеніи, онъ, вмѣстѣ съ сосѣдскими ребятишками, не отказываетъ себѣ въ удовольствіи крикнуть: «кяфиръ! уль!» [2]) подобно тому, какъ обзываетъ не совсѣмъ хорошими словами и заѣхавшаго въ городъ киргиза. Все это такъ. Но, во-первыхъ, при каждой встрѣчѣ съ русскими лицомъ къ лицу ему доставляетъ большое удовольствіе хвастнуть знаніемъ нѣсколькихъ русскихъ словъ или даже фразъ; а, во-вторыхъ, у русскихъ, правду сказать, много очень заманчивыхъ вещей, не смотря на то, что они кяфиры. Взять хотя бы елку, на которую отецъ бралъ его съ собой прошлой зимой. Да одна ли елка! Подите въ русскій городъ; посмотрите какіе дома, какія лошади, чего-чего только нѣтъ въ русскихъ магазинахъ.

Когда онъ выростетъ, и будетъ богатымъ, онъ непремѣнно, непремѣнно будетъ жить въ русскомъ городѣ. Положимъ, вонъ Алимъ-Хаджу зовутъ *чокунды* [3]) за то, что живетъ между русскими; а все-таки, небось, когда онъ ѣдетъ въ фаэтонѣ на резиновыхъ шинахъ, всѣ встаютъ и говорятъ *ас-салям-алейкюм*! Нѣтъ, что ни говори, а въ русскомъ городѣ, хорошо, весело!

Большинство тѣхъ юношей, которые поступаютъ въ мадраса въ возрастѣ 14 до 16 лѣтъ, приходятъ сюда лишь съ очень слабыми слѣдами воздѣйствія на нихъ мусульманскаго книжничества и фарисей-

[1]) У туземцевъ имѣется даже заимствованный отъ персовъ терминъ, *руза-хуръ*, которымъ именуются лица, нарушающія мусульманскія постановленія о постѣ.
[2]) Невѣрный! Издохни!
[3]) Крещеный; выкрестъ.

ства; они еще въ значительной мѣрѣ цѣльныя, непосредственныя натуры, отзывчивыя, очень наблюдательныя и далеко не лишенныя природнаго веселаго юмора, всегда готовыя посмѣяться и пошутить, когда весело, пожалѣть тѣхъ, кого жалко, дать сдачи тому, кто на это напрашивается.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, поступая въ мадраса, они попадаютъ прежде всего въ среду людей, которые стараются, по крайней мѣрѣ по внѣшности, думать, говорить и дѣйствовать *по уставу*, заключающемуся въ шаріатѣ и въ дополняющей его духовно-нравственной литературѣ, силящихся установить точныя правила, согласно которымъ человѣкъ долженъ мыслить и дѣйствовать во всѣхъ, даже мельчайшихъ случаяхъ его повседневной жизни.

Поэтому-то вновь поступающіе въ мадраса муллы, въ особенности прибывающіе изъ отдаленныхъ кишлаковъ, рѣзко отличаются отъ вымуштрованныхъ, всегда низкопоклонныхъ, выработавшихъ особую легкость и плавность походки и всѣхъ вообще тѣлодвиженій староучащихся муллъ.

Новички, неестественно молчаливые и хмурые, на всѣхъ косятся, всѣхъ сторонятся, боясь сказать и ступить *не по уставу*, вслѣдъ за чѣмъ обыкновенно слѣдуютъ, если не отъ мударриса, то отъ старшихъ муллъ, рѣзкія замѣчанія и даже окрики, въ родѣ «*ахмакъ! Бей-адабъ!*» и проч. [1]).

Приступая къ изученію мусульманской мудрости, *нау-толибъ* (новичекъ), одновременно съ этимъ становится въ необходимость изученія и условныхъ, уставныхъ приличій или, вѣрнѣе сказать, внѣшнихъ проявленій того, что разумѣется подъ словомъ *хилымъ* (حلم кротость, привѣтливость) и *хюсн-и-хулкъ* (حسن خلق благонравіе) и что является наслѣдіемъ не столько ученія корана, сколько ученія суфистовъ.

Въ коранѣ есть такое мѣсто: « — походка твоя пусть будетъ скромная. Говори голосомъ тихимъ, потому что самый непріятный изъ голосовъ есть голосъ осла» (гл. 31, ст. 18). Однако отцами современнаго кодекса мусульманскихъ приличій по справедливости должны считаться представители суфизма, установившіе и взглядъ на *хилымъ* и на *хюсн-и-хулкъ* какъ на благовоспитанность [2]), обязательную для каждаго *суфи* столько же, сколько *тоуба* (покаяніе), *зулдъ* (благочестіе, переходящее въ аскетизмъ), *таваккуль* (упованіе на Бога), *сабръ* (терпѣніе, доводимое до стоицизма), *риза* (искреннее довольство всѣмъ тѣмъ, что ниспосылаетъ Богъ, не исключая и несчастій) и т. п.

[1]) Дуракъ! Невѣжа.

[2]) ادب عبارتست از تحسین اخلاق
و تهذیب اقوال واحوال (تسم اوّل — انیس الطا لبین)

Фактическое достиженіе такого нравственнаго совершенства, конечно, можетъ быть удѣломъ лишь сравнительно немногихъ, наиболѣе сильныхъ, такъ сказать, избранныхъ натуръ. Большинство же усваиваютъ не сущность, а лишь внѣшнія проявленія, внѣшнія блестки этой сущности, при чемъ ихъ *хилымъ* и *хюсю-и-хулкъ* не идутъ далѣе лицедѣйства.

Новичекъ, непрестанно окруженный этимъ лицедѣйствомъ, попутно съ изученіемъ арабской грамматики и гораздо быстрѣе ея, усваиваетъ не только умѣнье, но и привычку опускать глаза долу, ходить искусственно, плавной походкой, говорить цвѣтисто, вкрадчиво и льстиво. Готовясь къ роли книжника, онъ, часто незамѣтно для самого себя, превращается вмѣстѣ съ тѣмъ и въ фарисея, чему, какъ увидимъ это ниже, въ значительной степени способствуетъ впослѣдствіи изученіе шаріата, тщательно разбирающаго, между прочимъ, вопросъ о томъ, какимъ образомъ, не дѣлая прямого нарушенія закона, можно обойти этотъ послѣдній.

Обучивъ въ достаточной мѣрѣ арабскому языку, мударрисъ приступаетъ къ преподаванію главнѣйшихъ основъ шаріата, основъ мусульманскаго вѣро- и законоученія, внѣдряя въ умъ и въ душу учащагося представленія о правовѣріи и о невѣріи, о разрѣшенномъ и запрещенномъ, о нравственномъ и безнравственномъ, о поощряемомъ, игнорируемомъ и наказуемомъ.

Такимъ образомъ, онъ, мударрисъ, является главнымъ руководителемъ своихъ учениковъ въ дѣлѣ ихъ воспитанія и тогда трудно бываетъ сказать, которая изъ двухъ ролей главенствуетъ:—роль учителя или роль воспитателя. Старшіе муллы, къ которымъ ихъ младшіе товарищи весьма часто обращаются за разъясненіями и совѣтами, дѣйствуя въ этомъ случаѣ вполнѣ солидарно съ мударрисомъ, являются его прямыми помощниками въ дѣлѣ воспитанія остальныхъ муллъ.

Но если мударрисъ и старшіе муллы являютъ собой главныхъ руководителей въ дѣлѣ воспитанія, то главнѣйшей основой самого послѣдняго являются шаріатъ и духовно-нравственная мусульманская литература, которые уже по одному этому заслуживаютъ ихъ тщательнаго всесторонняго изученія, и которые мы необходимо должны разсмотрѣть съ точки зрѣнія ихъ воспитательнаго значенія.

Въ основѣ мусульманскаго вѣро- и законоученія лежитъ коранъ, признаваемый мусульманами за божественное откровеніе и заключающій въ себѣ на ряду съ ученіемъ о Богѣ, ангелахъ, пророкѣ, раѣ и адѣ и постановленіями объ обязательныхъ омовеніяхъ, молитвѣ, постѣ и благотворительности, длинный рядъ другихъ постановленій, касающихся семейныхъ, брачныхъ и наслѣдственныхъ правъ, купли и продажи, займа, залога, договоровъ, суда, государственнаго управленія, войны и даже краткихъ трактатовъ по части астрономіи и космографіи.

Такое разнообразіе содержанія корана дало поводъ мусульманскимъ богословамъ утверждать, что кораномъ исчерпывается вся человѣческая мудрость, что въ немъ, при умѣньи, можно найти прямые или косвенные отвѣты на всѣ тѣ вопросы, которые могутъ возникнуть въ человѣческомъ умѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, крайняя сжатость и еще большая безжизненность изложенія корана, неясность нѣкоторыхъ устанавливаемыхъ имъ положеній и противорѣчія однихъ положеній другимъ, породили необходимость въ систематическихъ разъясненіяхъ или комментаріяхъ, сводъ коихъ нынѣ разумѣется подъ общимъ именемъ шаріата, имѣющаго громадное сходство съ талмудомъ, который будучи по существу комментаріемъ къ закону Моисея, вмѣстѣ съ послѣднимъ являетъ собою главнѣйшій источникъ заимствованій, сдѣланныхъ мусульманскимъ пророкомъ, вслѣдствіе чего мусульманство во многихъ отношеніяхъ можетъ разсматриваться, лишь какъ оригинальное видоизмѣненіе іудейства.

Пророкъ позаимствовалъ у евреевъ ученіе о единствѣ Божіемъ, объ ангелахъ, о раѣ, о чистомъ и нечистомъ, объ очищеніи, о жертвоприношеніи и искупительной жертвѣ, о запретныхъ степеняхъ родства, о животныхъ, запрещенныхъ къ употребленію въ пищу, о судѣ и правосудіи, о войнѣ съ невѣрными, о рабствѣ, о преступленіяхъ и наказаніяхъ, о возмездіи и проч.

Мусульманскіе богословы пошли въ этомъ отношеніи далѣе и заимствовали отъ евреевъ, вѣрнѣе, отъ еврейскихъ книжниковъ ихъ отношенія къ закону и особый имъ однимъ свойственный методъ его изслѣдованія, отличающійся, какъ увидимъ это нѣсколько ниже, крайними схоластичностью, мелочностью и меркантильностью.

Если современный намъ мусульманинъ желаетъ получить основанное на законѣ рѣшеніе того или другого вопроса, онъ обыкновенно обращается уже не къ корану и его дополненіямъ [1]), какъ это дѣлалось въ первые вѣка ислама, а къ одной изъ тѣхъ книгъ шаріата, которыя въ его странѣ считаются наиболѣе авторитетными и популярными.

Книги шаріата, разновременно вышедшія изъ подъ пера разныхъ авторовъ, написаны почти по одной и той-же программѣ.

Въ общихъ чертахъ ихъ содержаніе сводится къ нижеслѣдующему.

I. Религіозное (каноническое) право.

1) Очищеніе (омовеніе).
2) Молитва (намазъ).

[1]) *Хадисы*, записанныя каноническія преданія и *Фатва*, юридическія рѣшенія первыхъ мусульманскихъ законовѣдовъ, къ числу которыхъ прежде всего относятся первые четыре халифа.

3) Зякатъ (обязательная милостыня, собираемая правительственными чиновниками въ пользу бѣдныхъ и на веденіе священной войны).
4) Постъ.
5) Паломничество въ Мекку.

II. Юридическія дѣйствія.

1) Общія положенія.
2) Обязательство.
3) Договоръ съ цѣлью полученія эквивалента (торговля, наймъ, заемъ).
4) Залогъ.
5) Довѣренность, поручительство, товарищество.
6) Вещное право (общія положенія).
7) Владѣніе и собственность.
8) Земельное владѣніе и орошеніе земли.
9) Права и обязанности собственниковъ сосѣднихъ земель.
10) Вакуфъ (имущества, пожертвованныя на богоугодныя цѣли).
11) Наслѣдственное право.

III. Личное и семейное право.

1) Бракъ.
2) Разводъ.
3) Молочное родство.
4) Послѣдствія брака относительно дѣтей.
5) Опека.
6) Рабство.
7) Лица, находящіяся на особомъ положеніи (найденыши, гермофродиты, безвѣстно отсутствующіе и др.).

IV. Уголовное право.

1) Общія положенія.
2) Кровавая месть.
3) Прелюбодѣяніе.
4) Употребленіе вина.
5) Кража.
6) Разбой.
7) Вѣроотступничество.
8) Мятежъ.

V. Государственное право.

1) Верховная власть.
2) Отправленіе правосудія.

3) Священная война.
4) Война для сохраненія внутренняго порядка.
5) Чиновники и управленіе государствомъ.

Нѣсколько выше мы замѣтили, что мусульманскіе богословы заимствовали отъ еврейскихъ книжниковъ ихъ отношенія къ закону [1]) и ихъ методъ его изслѣдованія, отличающійся схоластичностью, мелочностью и меркантильностью. Приведемъ рядъ примѣровъ изъ разныхъ частей шаріата, предоставивъ читателю самому судить о томъ, поскольку мы были правы, высказавъ вышеизложенную мысль [2]).

Въ коранѣ (гл. 5, ст. 8—9) сказано: «Вѣрующіе! когда вы хотите совершить молитву, то умывайте свои лица и свои руки до локтей, и отирайте ваши головы и ваши ноги до щиколотокъ. Если бываете осквернены истеченіемъ во время сна, то очищайтесь; . . .»

Въ виду этого постановленія, шаріатъ обязываетъ каждаго мусульманина совершать *талоратъ* (омовеніе): передъ совершеніемъ намаза, при странствованіи, передъ тѣмъ, чтобы дотронуться до корана, послѣ совокупленія, по учиненіи естественныхъ надобностей, женщинамъ послѣ мѣсячнаго очищенія и родовъ; послѣ изверженія сѣмени, послѣ прикосновенія къ мертвымъ тѣламъ, и вообще послѣ прикосновенія ко всѣмъ тѣмъ предметамъ, которые считаются нечистыми или оскверненными ихъ соприкосновеніемъ съ нечистотой.

Для омовенія можно употреблять воду семи родовъ, а именно: дождевую, морскую, рѣчную, колодезную, родниковую, отъ снѣга и отъ града. Но эта вода дѣлается запрещенной для омовеній, если она присвоена незаконнымъ образомъ, согрѣта на солнцѣ или, вслѣдствіе той или другой внѣшней причины, сама сдѣлалась нечистой. Нечистой же она становится отъ соприкосновенія съ нечистыми предметами [3]) въ томъ случаѣ, если ея кубическое измѣщеніе (объемъ) менѣе объема куба, ребро котораго равно одному локтю съ четвертью.

Въ зависимости отъ той цѣли (или причины), съ которой производится омовеніе, оно можетъ быть полнымъ *(гуслъ)* или неполнымъ *(вузу)*.

Вузу въ общихъ чертахъ должно совершаться такимъ образомъ: прежде всего мусульманинъ долженъ произнести про себя намѣреніе

[1]) Т. е. къ Закону Моисееву, лежащему въ основаніи іудейскаго вѣро- и законоученія такъ же, какъ коранъ лежитъ въ основаніи ислама.

[2]) Лицамъ, незнакомымъ съ талмудомъ, рекомендуемъ прекрасные труды Н. Переферковича: «Талмудъ. Мишна и Тосефта. Критическій переводъ. 1899» и «Что такое Шулханъ-Арухъ? 1899».

[3]) Свиньи и собаки. Все опьяняющее. Все умершее естественной смертью. Трупы и молоко животныхъ, запрещенныхъ для употребленія въ пищу. Калъ, моча и иныя истеченія. Все, что находилось въ соприкосновеніи съ упомянутыми предметами.

(нійятъ) совершить установленное религіей омовеніе. Затѣмъ, произнося «во имя Бога, Милостиваго, Милосердаго», онъ троекратно моетъ сначала правую, а потомъ лѣвую руку. Вымывъ руки, онъ вплескиваетъ правой рукой небольшое количество воды въ ротъ и полощетъ его три раза. Такъ же онъ полощетъ носъ, вбирая воду ноздрями. Затѣмъ онъ троекратно моетъ лицо и руки, сперва правую, а затѣмъ лѣвую до локтей. Потомъ смачиваетъ голову, расчесываетъ бороду пальцами, чиститъ уши и смачиваетъ шею рукой, послѣ чего троекратно моетъ ноги до щиколотокъ, сперва правую, а затѣмъ лѣвую.

Весь обрядъ омовенія долженъ быть произведенъ въ указанномъ порядкѣ, безъ нарушенія и прерванія онаго. Въ противномъ случаѣ совершеніе обряда считается *недѣйствительнымъ*.

Съ такой же подробностью шаріатъ регламентируетъ ритуалъ и другихъ религіозныхъ обрядовъ, не исключая даже и уставной пятикратной молитвы, такъ называемаго *намаза*. Несоблюденіе правилъ, установленныхъ шаріатомъ относительно времени и мѣста совершенія намаза, одежды, въ которой онъ совершается, порядка произнесенія молитвословій, совершенія поясныхъ и земныхъ поклоновъ и т. п., съ мусульманской точки зрѣнія дѣлаютъ такую молитву тоже недѣйствительной.

Уже изъ одного этого читатель можетъ заключить, какое громадное значеніе придаетъ исламъ обрядности, формѣ. Непрестанныя старанія и заботы о соблюденіи этой внѣшней формы, и зачастую только одной этой формы, давно уже породили у мусульманъ привычку игнорировать сущность самого дѣла.

Намазъ, уставная молитва мусульманина, не есть актъ не только общенія, но даже и стремленія его души къ Божеству, ибо, совершая намазъ, онъ, по необходимости, долженъ прежде всего думать и заботиться о точномъ исполненіи, въ установленномъ порядкѣ, всѣхъ тѣхъ мелочей, соблюденіе которыхъ совершенно необходимо для того, чтобы его намазъ не оказался недѣйствительнымъ, ибо въ этомъ послѣднемъ случаѣ не только пропадаютъ даромъ понесенные имъ труды, но онъ, какъ несовершившій намаза de jure, теоретически [1]) становится еще кромѣ того въ положеніе грѣшника, ибо совершеніе намаза есть *фарз-и-аинъ*, дѣяніе абсолютно обязательное для каждаго взрослаго и здороваго мусульманина.

Вотъ причина, по которой суфисты, даже совсѣмъ омусульманившіеся суфисты позднѣйшаго времени, не рѣшающіеся, подобно ихъ древнимъ предшественникамъ, отрицать каноническаго ритуала, уста-

[1]) Мы говоримъ *теоретически* потому, что въ настоящее время на практикѣ масса туземцевъ совсѣмъ не исполняетъ постановленій религіи о молитвѣ.

новленнаго шаріатомъ, видя въ молитвѣ средство общенія человѣческой души съ Богомъ, не только никогда не могутъ ограничиться и удовлетвориться одними лишь уставными намазами, но полагаютъ, что въ этомъ отношеніи *зикръ* (радѣніе) стоитъ выше намаза, не производящаго на душу ортодоксальнаго мусульманина того восхищающаго и потрясающаго впечатлѣнія, котораго вѣрующій суфистъ ищетъ въ *зикрѣ*.

Насколько шаріатъ мелочно требователенъ въ отношеніи внѣшней формы, настолько же онъ и меркантиленъ. Съ этой чертой ислама мы необходимо встрѣтимся еще разъ ниже, тамъ, гдѣ будемъ говорить о мусульманской духовно-нравственной литературѣ. Теперь же, не останавливаясь долго на, такъ называемомъ, *кяфаратѣ* (كفارت), искупительной милостынѣ, цѣною которой мусульманинъ можетъ откупиться отъ такихъ грѣховъ, какъ несоблюденіе разнаго рода каноническихъ постановленій религіи, несоблюденіе правилъ относительно общенія съ женами, принесеніе ложной присяги и т. п., остановимся на удачу на любой изъ частей шаріатнаго ученія, хотя бы, напримѣръ, на ученіи о *махрѣ* (مهر), свадебномъ *подаркѣ*, дѣлаемомъ женихомъ невѣстѣ, при заключеніи между ними брака.

Спрашивая у дѣвушки о ея согласіи на бракъ, ей обязательно должны сообщить имя жениха, а количество условленнаго *махра* можетъ быть и не сообщено [1]).

Махръ не можетъ быть по стоимости менѣе 10 дирамовъ (7 золотниковъ серебра). Большій *махръ* можетъ быть условленъ по соглашенію.

Если вслѣдъ за совершеніемъ брака одинъ изъ супруговъ умретъ, *махръ* все-таки долженъ быть уплаченъ или мужемъ наслѣдникамъ жены, или женѣ наслѣдниками мужа.

Если послѣ заключенія брака совершится *хыльват-и-сахиха* (صحيحه خلوت), *махръ* можетъ быть истребованъ женою немедленно же. Подъ именемъ *хыльват-и-сахиха* разумѣется совмѣстное пребываніе супруговъ въ такой обстановкѣ, при которой нѣтъ никакихъ препятствій для совершенія ими полового акта. Подъ препятствіями же въ данномъ случаѣ разумѣется все то, что можетъ мѣшать совершенію упомянутаго акта со стороны *физическаго состоянія* (болѣзнь, несовершеннолѣтіе, сумасшествіе, сонъ, нахожденіе въ пути или въ мечети), со стороны *шаріата* (время поста, молитвы и *ихрама*, когда религія воспрещаетъ приближаться къ женамъ) и со стороны *внѣшнихъ впечатлѣній* (менструаціи, присутствіе въ той же комнатѣ какого-либо живого существа и т. п.).

Если послѣ заключенія брака *хыльват-и-салиха* не было, то жена можетъ требовать (при разводѣ, напр.) *лишь половину* условленнаго *махра*.

[1]) Источники: هداية شريف — جامع الرموز — بحر المنافع и ردّ المختر

Если же размѣръ *махра* при заключеніи брака не былъ обусловленъ, и затѣмъ послѣдовалъ разводъ до совершенія *хыльват-и-сахиха*, то жена имѣетъ право лишь на *мута* (متعه), подъ именемъ котораго разумѣется даръ, въ видѣ платка, рубахи или покрывала, стоимостью не менѣе 5 дирамовъ.

Если при заключеніи брака размѣръ *махра* не былъ опредѣленъ, а *хыльват-и-сахиха* состоялся, жена имѣетъ право на *махр-и-мисль* (مهر مثل), т. е. такой *махръ*, какой въ мѣстѣ ея жительства получаютъ женщины, равныя ей по общественному положенію.

Если при опредѣленіи *махра* предлагаемый предметъ былъ названъ родовымъ или видовымъ названіемъ (напр., «верблюдъ», «лошадь» и т. п.), то предполагается предметъ среднихъ качествъ или средней стоимости, или же стоимость предмета среднихъ качествъ.

Приведемъ еще нѣсколько характерныхъ статей того же брачнаго права.

Пища, одежда и помѣщеніе должны даваться женамъ одинаково, не взирая на то, будутъ ли онѣ мусульманки или «имѣющія Писаніе», т. е. христіанки или еврейки, совершеннолѣтнія или несовершеннолѣтнія; но, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, онѣ должны быть *способными къ фактическому сожитію*.

Мужъ можетъ лишить свою жену содержанія въ случаѣ ея непослушанія (какъ напр., въ случаѣ ея самовольныхъ отлучекъ изъ дому, или въ случаѣ безпричиннаго отказа ему, мужу, въ фактическомъ сожитіи).

Если оба супруга одновременно отправляются въ путь (каждый по своимъ личнымъ дѣламъ), и имъ случайно придется ѣхать вмѣстѣ, то мужъ долженъ во все время путешествія давать женѣ такое же содержаніе, какое она получала на мѣстѣ; но онъ не обязанъ нанимать для нея лошадь или арбу.

Мужъ имѣетъ право запретить родителямъ, дѣтямъ отъ другого мужа и родственникамъ своей жены входить въ ея комнату, ибо помѣщеніе, данное женѣ, остается *собственностью* мужа. Но онъ не имѣетъ этого права въ томъ случаѣ, если помѣщеніе жены не представляетъ собой его собственности.

Отмѣтивъ такія особенности шаріата, какъ крайнія мелочность и меркантильность его общаго направленія, нельзя обойти молчаніемъ и нѣкоторыхъ другихъ его сторонъ, имѣющихъ не меньшее воспитательное значеніе по отношенію къ тѣмъ, кто, посвятивъ много лучшихъ лѣтъ своей жизни изученію этого кодекса, готовится къ роли проводника шаріатнаго ученія въ сферу народной жизни.

Богословы и законовѣды первыхъ вѣковъ ислама, разработывая вопросы богословія и гражданскаго права на почвѣ постановленій ко-

рана, изъ которыхъ многія отличаются крайними неясностью и неопредѣленностью, весьма часто расходились даже въ основныхъ принципіальныхъ взглядахъ, что породило массу противорѣчій въ шаріатѣ. Такъ напр., одни изъ законовѣдовъ признаютъ пьянымъ того, кто, подъ вліяніемъ вина, говоритъ и дѣйствуетъ несвойственнымъ ему образомъ; другіе же соглашаются признать человѣка пьянымъ тогда только, когда человѣкъ оказывается не въ состояніи отличать небо отъ земли [1]).

Одни законовѣды совсѣмъ не признаютъ за мужемъ права увозить жену изъ мѣста ея постояннаго жительства; другіе полагаютъ, что онъ можетъ требовать ея сопутствія на протяженіи не болѣе трехдневнаго пути.

Обиліе такихъ разногласій даетъ возможность трактовать разнаго рода вопросы и юридическіе случаи различно, въ зависимости отъ тѣхъ или другихъ частныхъ обстоятельствъ, что при общеизвѣстной подкупности казіевъ является одной изъ главныхъ причинъ неправосудія, царящаго въ мусульманскихъ судахъ и возможности обхода разнаго рода шаріатныхъ постановленій, касающихся не только гражданскаго, но и каноническаго (или религіознаго) права.

Этому послѣднему не мало способствуетъ также и нижеслѣдующее обстоятельство.

Выше мы уже упомянули о томъ, какимъ мелочнымъ формализмомъ отличаются многіе регламенты шаріата. Соблюденіе и точное выполненіе всѣхъ этихъ мелочныхъ формальностей въ большинствѣ случаевъ представляется крайне тягостнымъ въ обиходѣ средняго человѣка, а потому мусульманинъ, не рискуя совершенно игнорировать требованія шаріата, давно уже началъ изобрѣтать такъ-называемыя *хиля* [2]) (حيله), уловки, при посредствѣ которыхъ, пользуясь нѣкоторыми особенностями шаріата, въ случаяхъ надобности можно, на совершенно законномъ основаніи, обходить постановленія этого кодекса.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Согласно шаріатнымъ постановленіямъ о разводѣ, этотъ послѣдній можетъ быть окончательнымъ, что достигается троекратнымъ заявленіемъ мужа о томъ, что онъ развелся со своей женой, и неокончательнымъ, послѣ котораго бракъ возстановляется безъ соблюденія особыхъ обрядностей, при чемъ даже и случайно вырвавшееся у мужа заявленіе о разводѣ не можетъ быть отмѣнено ни имъ самимъ, ни судомъ.

Теперь представимъ себѣ такой случай.

---

[1]) Употребленіе опьяняющихъ напитковъ запрещено кораномъ. Пьянство же по шаріату, наказуется плетьми.

[2]) حيله *хиля*—хитрость; уловка; обходъ закона.

Мужъ, какъ это нерѣдко случается, желая удержать жену отъ посѣщеній какой-либо пріятельницы или родственницы, объявляетъ ей, что если она пойдетъ туда, то онъ разведется съ ней окончательнымъ разводомъ (اوچ طلاق).

Черезъ нѣсколько времени обстоятельства измѣняются; личные интересы мужа требуютъ, чтобы его жена отправилась по весьма важному дѣлу туда, ходить куда ей запрещено подъ страхомъ окончательнаго развода. Идти необходимо. Отмѣнить свое рѣшеніе мужъ не можетъ по шаріату. Разводиться съ женой безъ права возстановленія брака, онъ не желаетъ. Какъ тутъ быть?

На выручку является такъ-называемая *хиля-и-машлура*, знаменитая, общеизвѣстная *хиля*.

Мужъ даетъ женѣ неокончательный разводъ (بر طلاق); жена отправляется въ запретный домъ уже въ качествѣ не жены, а разведенной; по возвращеніи ея оттуда бракъ, какъ было замѣчено выше, возстановляется безъ соблюденія особыхъ формальностей.

Еще примѣръ.

По шаріату владѣтельница раба не можетъ быть его женой.

Я имѣю женатаго раба и хочу жениться на этой женщинѣ. Для этого я дарю упомянутаго раба его женѣ. Послѣдняя не можетъ быть женой лично принадлежащаго ей раба, вслѣдствіе чего бракъ расторгается на основаніи подлежащихъ статей шаріата, а я получаю возможность жениться уже на разведенной рабынѣ.

Эти отношенія къ шаріату, какъ къ кодексу, многія требованія котораго на практикѣ являются крайне неудобо выполнимыми, вслѣдствіе чего значительное число лицъ всегда изыскиваетъ способъ обойти законъ при его же посредствѣ, установились, несомнѣнно, очень давно, ибо во многихъ мусульманскихъ государствахъ давно уже возникли должности, такъ называемыхъ, *кази-раисовъ*, на которыхъ возлагался надзоръ за исполненіемъ частными лицами требованій каноническаго, торговаго и иныхъ уставовъ, шаріата [1]), при чемъ лица, уличавшіяся въ неисполненіи этихъ уставовъ, немедленно же и публично подвергались тѣлесному наказанію черезъ слугъ *раисовъ*, сопровождавшихъ послѣднихъ, во время ихъ объѣздовъ городовъ и селеній, и вооруженныхъ такъ называемыми *дарра*, толстыми ременными нагайками [2]).

Такимъ образомъ, при ханскомъ правительствѣ въ Средней Азіи однимъ изъ краеугольныхъ камней поддерживанія въ народѣ наружнаго благочестія являлись и являются *кази-раисы*. Въ роли другого

---

[1]) Непосѣщеніе мечетей, несоблюденіе постовъ, обмѣриваніе и обвѣшиваніе и т. п

[2]) Въ Туркестанскомъ краѣ *раисы* упразднялись по мѣрѣ постепеннаго занятія нами отдѣльныхъ городовъ и областей. Въ Бухарѣ они существуютъ и понынѣ.

такого же камня понынѣ повсемѣстно являются, такъ-называемые, *уляма*, ученые, книжники, о дѣятельности которыхъ мы упомянемъ нѣсколько ниже.

Вернемся къ дальнѣйшему обзору воспитательнаго значенія того, что изучаютъ и съ чѣмъ сталкиваются муллы въ мадрасахъ.

Выше, говоря о способахъ выполненія учебной программы въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ, мы упомянули, между прочимъ, о томъ, что давно установившійся обычай допускаетъ на лекціяхъ дебаты муллъ не только между собою, но даже и съ преподавателями, *мударрисами*, что является весьма естественнымъ, вслѣдствіе уже отмѣченнаго нами обилія противорѣчій и недомолвокъ въ самомъ шаріатѣ, дающихъ возможность трактовать одинъ и тотъ же вопросъ самымъ различнымъ образомъ.

Широкая практика этого рода съ теченіемъ времени вырабатываетъ въ муллахъ большое пристрастіе къ спорамъ вообще, большое умѣнье говорить, умѣнье быть находчивымъ въ спорахъ и, къ сожалѣнію, большое умѣнье, если можно такъ выразиться, подтасовывать факты и освѣщать ихъ такъ, какъ это требуется для даннаго случая.

Попутно съ этимъ, изученіе шаріата дѣлаетъ муллъ крайне нетерпимыми ко всему немусульманскому, ибо признавъ Евангеліе божественнымъ откровеніемъ [1]), признавъ тотъ фактъ, что въ сердца послѣдователей Христа Богъ вложилъ состраданіе и добродушіе [2]), разрѣшивъ мусульманамъ жениться на дочеряхъ «имѣющихъ Писаніе», т. е., на дочеряхъ христіанъ и евреевъ, мусульманскій пророкъ, считая современное Евангеліе искаженнымъ, главнымъ образомъ въ отношеніи ученія о св. Троицѣ [3]), причислилъ христіанъ и евреевъ къ невѣрнымъ [4]), которые ни въ какомъ случаѣ не могутъ разсчитывать на спасеніе [5]) и не должны быть друзьями магометанъ [6]), и которыхъ слѣдуетъ истреблять при первой возможности [7]). Слово *кяфиръ* (невѣрный, немусульманинъ) въ обиходѣ мусульманской жизни, по крайней мѣрѣ въ обиходѣ мусульманъ Средней Азіи, являетъ собою, между прочимъ, одно изъ самыхъ позорныхъ ругательствъ, при чемъ назвавшій *кяфиромъ* мусульманина, въ особенности же ученаго, *уляма*, по шаріату подвергается тяжкому наказанію.

[1]) «— Мы (Богъ) дали ему (Христу) Евангеліе; въ немъ правота и свѣтъ, подтвердившіе то, что прежде него было въ Законѣ; ...», Коранъ 5, 50.

[2]) «— въ сердца послѣдователей его (Христа) Мы (Богъ) вложили добродушіе и состраданіе;...». Коранъ, 57, 27.

[3]) «— не допускайте излишества въ вашу вѣру! говорите о Богѣ только истину. Мессія Іисусъ, сынъ Маріи, есть только посланникъ Бога, есть слово Его, низведенное имъ въ Марію, есть духъ Его. Вѣруйте въ Бога и въ посланниковъ Его, и не говорите: троица... не можетъ быть, чтобы у Него были дѣти;...». Коранъ, 4, 169.

[4]) Коранъ, 2, 99 и 3, 93.

[5]) Коранъ, 3, 21; 14, 21; 3, 8; 9, 81. «Невѣрныхъ толпами погонятъ къ геенѣ, и когда они подойдутъ къ ней, отверзутся врата ея». Коранъ, 39, 71.

[6]) Коранъ, 3, 27; 9, 23; 60, 1.

[7]) «Когда встрѣтитесь съ невѣрными, то сѣкайте съ нихъ головы до толѣ, покуда не сдѣлаете совершеннаго имъ пораженія...». Коранъ, 47, 4.

«— убивайте многобожниковъ, гдѣ ни найдете ихъ;...». Коранъ, 9, 5.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Бухарѣ, по постановленію казіевъ, былъ казненъ черезъ побіеніе камнями туземецъ, уличенный въ оскорбленіи (словомъ) мусульманской религіи. По свидѣтельству одного русскаго, бывшаго случайнымъ зрителемъ этой ужасной казни, въ самомъ началѣ ея большинство присутствовавшаго простонародья въ ужасѣ бѣжали въ разныя стороны; въ роли же самыхъ лютыхъ палачей оказались мударрисы и муллы мѣстныхъ мадраса.

Въ переводѣ на русскій языкъ арабское слово *шаріатъ* значитъ *путь*, т. е., прямой, вѣрнѣйшій (и вмѣстѣ съ тѣмъ единственный) путь къ спасенію. Малѣйшее уклоненіе отъ этого пути, малѣйшее отступленіе отъ этихъ правилъ, установленныхъ шаріатомъ, ставитъ человѣка въ положеніе *аси* (عاصى) грѣшника, *мятежника*, неповинующагося велѣніямъ Божіимъ, въ теченіе 13 вѣковъ вкось и вкривь толкуемыхъ отцами мусульманской религіозной общины.

Вмѣстѣ съ тѣмъ мы видѣли уже, какъ педантичны и мелочны многія требованія шаріата, и какъ трудно, какъ непосильно для средняго человѣка точное выполненіе всѣхъ этихъ мелочей, въ буквальномъ смыслѣ слова безчисленныхъ, ибо шаріатъ силится регламентировать по возможности всю и государственную и общественную, и частную жизнь адептовъ этого ученія.

Такимъ образомъ мусульманинъ, подобно еврею-талмудисту, вѣчно живетъ между молотомъ и наковальней, между физической невозможностью не только выполнить, но даже и знать всѣ мелочныя требованія шаріата съ одной стороны и страхомъ земной *(кази-раисъ)* и небесной кары за неисполненіе этихъ требованій съ другой.

Но такъ какъ нѣтъ другого положенія, изъ котораго не было бы выхода, то и мусульманинъ нашелъ возможность приспособиться къ упомянутой тяжкой для него особенности шаріата: не будучи въ состояніи выполнить всѣхъ требованій послѣдняго, онъ махнулъ рукой на нѣкоторыя изъ нихъ и сталъ лишь прикидываться ревностнымъ ихъ исполнителемъ, сталъ лицемѣрить и фарисействовать; не будучи же въ состояніи, за другими дѣлами, въ подробностяхъ знать всѣ мелочныя требованія мусульманскаго кодекса, онъ давнымъ-давно уже рѣшилъ, что за нѣкоторое вознагражденіе *уляма*, книжники, согласятся знать все то, что необходимо знать истому мусульманину, желающему по мѣрѣ силъ и возможности регулировать свою жизнь регламентами шаріата.

И онъ не ошибся въ своихъ разсчетахъ.

Обмѣривая и обвѣшивая на базарѣ лишь простаковъ, недогадывающихся о томъ, что на всякій случай у него имѣются и правильныя и неправильныя гири, облегчая себѣ разными, недопускаемыми шаріатомъ способами, муки поста тайкомъ отъ жены и дѣтей, онъ благополучно уклоняется отъ плетей *кази-раиса*. Вмѣстѣ съ тѣмъ книжники, въ качествѣ юрисконсультовъ, за весьма умѣренное вознагражденіе, оказываютъ ему весьма цѣнныя услуги; они научаютъ его наиболѣе дешевыми способами очищать посуду, оскверненную случайно попавшей туда мышью или лягушкой и откупаться отъ разныхъ содѣянныхъ имъ прегрѣшеній, обходить, при помощи вышеупомянутыхъ *хиля*, постановленія шаріата и т. п.

Такимъ образомъ толпа постепенно привыкла къ мысли о томъ, что существованіе клики книжниковъ, руководящихъ ею и спасающихъ ее отъ геены огненной, совершенно необходимо, и что справедливость требуетъ отъ каждаго изъ этой толпы не скупиться на прокормленіе этой клики, ибо, во-первыхъ, безъ нея пропадешь, а, во-вторыхъ, это божіи люди, способствующіе спасенію ея, толпы, душъ и столь обремененные дѣлами этого рода, что о добываніи хлѣба насущнаго иными способами они не имѣютъ времени и думать. Въ свою очередь книжники и фарисеи, будучи лицемѣрными паче всѣхъ остальныхъ, и издавна получивъ вкусъ къ книжнической дѣятельности, постепенно привыкли, во-первыхъ, относиться къ наукѣ, какъ къ *сабаб-и-аукат* (سبب اوقات), какъ къ способу добывать жизненныя средства, а, во-вторыхъ, непрестанно держать толпу въ увѣренности, что безъ нихъ, книжниковъ, она пропадетъ и что даяніе имъ, книжникамъ, средствъ къ жизни являетъ собою насколько богоугодное дѣло, настолько же и одну изъ главнѣйшихъ религіозно-нравственныхъ обязанностей этой толпы.

Это послѣднее направленіе съ чрезвычайной яркостью, сказалось въ такъ-называемыхъ *рисаля* [1]), книжечкахъ, авторы которыхъ стараются доказать божественное происхожденіе разнаго рода ремеслъ и промысловъ, при чемъ самымъ настойчивымъ образомъ требуютъ отъ земледѣльцевъ, штукатуровъ, плотниковъ и иного рабочаго люда подачекъ *улямамъ*, грозя ослушникамъ карами небесными.

Для примѣра возьмемъ земледѣльческую *рисалю*.

Въ ней, кромѣ изложенія земледѣльческаго завѣта, т. е., тѣхъ нравственныхъ обязанностей (въ родѣ правдивости, щедрости и пр.), которыя лежатъ на земледѣльцѣ, говорится еще и о томъ, что земледѣліе имѣетъ за собой божественное происхожденіе; что первый плугъ

[1]) رساله *рисаля* — трактатъ; посланіе.

былъ сдѣланъ Архангеломъ Гавріиломъ изъ райскаго дерева *туби;* что изъ рая же имъ были выведены первые возы, и былъ вынесенъ первый хлыстъ; говорится тамъ, что Гавріилъ самъ провелъ нѣсколько первыхъ бороздъ и потомъ передалъ плугъ въ руки перваго пророка Адама; что земледѣліе — лучшее изъ занятій человѣческихъ, такъ какъ предаваясь ему, человѣкъ можетъ легче сохранить свою нравственность; что оно велико уже по одному тому, что плодами рукъ земледѣльца питаются равно и бѣдные и богатые, и слабые и сильные, и малые и великіе. Въ заключеніе составители этой *рисали* (подобно составителямъ рисалей плотниковъ, кузнецовъ, штукатуровъ и др.), стараются увѣрить земледѣльца въ томъ, что если онъ будетъ отдавать нѣкоторую часть урожая (такъ-называемая *хакк-улла*) въ пользу *уляма*, то въ будущей жизни получитъ за это такую же награду, какую получатъ убитые на войнѣ съ невѣрными, построившіе 1000 мадраса или 1000 мечетей или давшіе одежду 1000 неимущимъ людямъ, и что каждый, кто усумнится въ вышесказанномъ, да будетъ признанъ вѣроотступникомъ, а жена его да будетъ разведена съ нимъ [1]).

Воспитательное значеніе мусульманской духовно-нравственной литературы.

Выше мы имѣли случай упомянуть о томъ, что обучающіеся въ мадрасахъ *муллы*, при желаніи съ ихъ стороны, кромѣ прохожденія уставной, такъ сказать, учебной программы, знакомятся здѣсь, между прочимъ, также и съ восточной литературой, главнымъ образомъ персидской, однимъ изъ важнѣйшихъ отдѣловъ которой, по крайней мѣрѣ въ воспитательномъ отношеніи, является тотъ, который мы позволяемъ себѣ назвать литературой духовно-нравственной, зиждящейся, какъ и все чисто-мусульманское, на основныхъ устояхъ ислама, представляющей собою обширный комментарій къ шаріату, который самъ по себѣ есть комментарій къ корану, и играющей въ жизни среднеазіатскихъ мусульманъ приблизительно такую же роль, какую книги *шулханъ-арухъ* играютъ въ жизни евреевъ-талмудистовъ.

То, что мы позволили себѣ назвать духовно-нравственной литературой, для большого удобства ея разсмотрѣнія и изученія, можетъ быть подраздѣлено на четыре категоріи.

Къ первой категоріи мы склонны отнести тѣ (по большей части относительно новѣйшія) произведенія, въ прозѣ и стихахъ (книги,

[1]) هر كيم مونكا شك كيلتور سه اوزى كافر و خاتونى طلاق بولغاى
По шаріату вѣроотступничество одного изъ супруговъ-мусульманъ влечетъ за собою растроженіе брака.

главы книгъ, трактаты, монографіи), которыя представляютъ собою популярныя и подробныя изложенія отдѣльныхъ частей или даже отдѣльныхъ статей шаріата, нерѣдко предлагаемыхъ въ болѣе или менѣе образныхъ формахъ [1]).

Къ числу этихъ произведеній относятся ثبات العاجزين и مسلك المتقين Суфи-Алла-Яра нѣкоторыя главы книги كيمياء سعادت—المسايئل و العقايد и زبدة и т. п. Въ послѣдней изъ названныхъ книгъ въ общедоступной формѣ и съ большими подробностями излагаются шаріатныя ученія: объ обязательномъ, одобряемомъ, неодобряемомъ и запрещенномъ; о смертныхъ грѣхахъ; объ омовеніи; о намазѣ; о смертномъ часѣ; объ омовеніи покойника; о законѣ; о постѣ; о *хаджѣ* (поклоненіе мекскому храму); о словахъ и выраженіяхъ, произнесеніе которыхъ дѣлаетъ мусульманина вѣроотступникомъ; о разводѣ и пр.

Произведенія этой категоріи (на персидскомъ и тюркскомъ языкахъ, въ стихахъ и прозѣ, благодаря общедоступности изложенія, являютъ собою прекрасное орудіе для ознакомленія темныхъ народныхъ массъ съ тѣми шаріатными мудростями и мудрствованіями, почерпаніе которыхъ непосредственно изъ книгъ шаріата для большинства представляется невозможнымъ, вслѣдствіе незнакомства съ арабскимъ языкомъ, на которомъ написаны книги шаріата, предусмотрительно не переводимыя книжниками съ священнаго арабскаго языка, на другіе, несвященные.

Ко второй категоріи отнесемъ книги, части книгъ, трактаты, монографіи и безчисленныя отдѣльныя стихотворенія, авторы которыхъ стараются установить принципіальные взгляды на общіе и частные вопросы, такъ сказать, отвлеченной нравственности, весьма часто аргументируя излагаемыя ими положенія текстами корана и книгъ *хадисъ* и иллюстрируя ихъ житейскими примѣрами, сравненіями, уподобленіями и т. п.

Какъ на представителя произведеній этой категоріи, укажемъ прежде всего на общеизвѣстную въ Средней Азіи книгу «*Ахмяк-и-мухсининъ*», въ которой трактуется: о молитвѣ; о добросовѣстномъ исполненіи человѣкомъ лежащихъ на немъ обязанностей; о молитвѣ за другихъ людей; о благодарности Богу за все то, что онъ ниспосылаетъ человѣку; о терпѣніи; о покорности волѣ Божіей; объ упованіи на Бога; о цѣломудріи; о борьбѣ со страстями; о кротости и смиреніи; о правдивости и правосудіи; о прощеніи; о состраданіи; о щедрости; объ исполненіи даннаго обѣщанія; о необходимости заботиться о слугахъ и т. п.

Въ нѣкоторыхъ главахъ вышеупомянутой книги *кимія-и-саадатъ* (كيمياء سعادت) говорится: о познаніи самого себя; объ изслѣдованіи

[1]) Какъ, напр., описаніе *сырата* у Суфи-Алла-Яра, всего ثبات العاجزين

свойствъ человѣческой души; о гнѣвѣ и другихъ страстяхъ человѣческихъ; о необходимости сдерживать свои страсти и пр.

Громадное число крупныхъ и мелкихъ стихотвореній многочисленныхъ персидскихъ поэтовъ также посвящены разбору и изслѣдованію частныхъ вопросовъ нравственности, нерѣдко изложенныхъ въ видѣ поученій или наставленій.

ترا گر صبوری بود دستیار
بدست آوری دولت پیدار
صبوری بود کار پیغمبران
نه پیچند زو روی دین پروران
صبوری کشاید در کام جان
که جز صابری نیست مفتاح آن
. . . . . .
صبوری بهر حال اولی بود
که در ضمن او چند معنی بود
صبوری ترا کامکاری دهد
زرنج و بلار ستگاری دهد

«Если терпѣніе сдѣлается твоимъ помощникомъ,
«Ты пріобрѣтешь устойчивое благосостояніе.
«Терпѣніемъ отличались пророки;
«О немъ не забывали люди благочестивые.
«Терпѣніе отворяетъ двери твоихъ желаній;
«Отъ этихъ дверей нѣтъ другого ключа, кромѣ терпѣнія.
. . . . . .
«Во всѣхъ случаяхъ (жизни) терпѣніе есть наилучшее;
«Есть много ручательствъ за это.
«Терпѣніе даетъ тебѣ исполненіе твоихъ желаній;
«Оно спасаетъ тебя въ болѣзняхъ и несчастіяхъ».

چار چز در جهان خوش کردن
یاد گر ای جوان اگر مردی
خلق نیکو و را ستی گفتن
عیب پو شیدن و جوا نمردی

«Юноша! Въ мірѣ я особенно полюбилъ четыре вещи; запомни ихъ, если ты мужчина; это — благонравіе, правдивость, умѣнье прощать и великодушіе».

Къ третьей категоріи произведеній духовно-нравственной литературы отнесемъ всѣ тѣ книги, трактаты и отдѣльныя стихотворенія, которыя заключаютъ въ себѣ не отвлеченное, а практическое житейское ученіе о нравственности, а равно и кодексы мусульманскихъ приличій.

Изъ числа послѣднихъ укажемъ на книгу «*Адаб-ус-салихинъ*», имѣющуюся на русскомъ языкѣ, въ переводѣ Н. С. Лыкошина. Въ ней съ большими подробностями говорится о томъ, какъ мусульманинъ долженъ держать себя, какія правила вѣжливости онъ долженъ соблюдать и какія молитвы слѣдуетъ читать въ разныхъ случаяхъ повседневной жизни: входя въ чужой домъ, привѣтствуя лицъ разныхъ общественныхъ положеній, ложась спать, избирая себѣ ту или другую одежду, отправляясь и находясь въ путешествіи, находясь въ обществѣ собесѣдниковъ и сотрапезниковъ, при посѣщеніи больного, при встрѣчѣ и угощеніи гостей и даже въ спальнѣ своей жены.

Къ четвертой категоріи мы относимъ тѣ, какъ прозаическія, такъ равно и поэтическія произведенія, которыя, устанавливая этическія начала отношеній мусульманина къ различнѣйшимъ явленіямъ жизни вообще, въ своей совокупности могутъ быть названы философіей бытія.

Произведенія этой категоріи крайне многочисленны; но мы, не рискуя излишне утомлять вниманіе читателя, приведемъ, какъ и раньше, лишь самое ограниченное число образцовъ.

Прежде всего упомянемъ о, такъ называемой, «*Зафаръ-нама*» Абузар-Джамлура, изложенной въ видѣ вопросовъ, якобы задававшихся авторомъ его учителю, и отвѣтовъ послѣдняго.

«Дѣла человѣка совершаются его стараніями, или по предопредѣленію? — Старанія человѣка одно изъ орудій предопредѣленія».

«Какимъ долженъ быть юноша, и какимъ долженъ быть старикъ? — Юноша долженъ быть стыдливымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ мужественнымъ; старикъ долженъ быть мудрымъ и осторожнымъ».

«Чего человѣкъ ищетъ и никогда не находитъ вполнѣ? — Здоровья, веселья и преданнаго друга».

«Кто можетъ быть названъ истинно щедрымъ? — Тотъ, кто, давая, радуется».

«Чего мнѣ просить у Бога? — Здоровья, безопасности и богатства».

«Что усугубляетъ знанія человѣка? — Его правдивость».

«Что нужно для того, чтобы не имѣть надобности во врачѣ? — Меньше ѣсть, меньше спать и меньше говорить».

«Что такое сонъ? — Легкая смерть».

«Что такое смерть? — Тяжелый сонъ».

Хафизъ, отмѣчая въ одномъ изъ своихъ стихотвореній нѣкоторыя несообразности человѣческаго бытія, говоритъ, между прочимъ:

ابلهان را همه شربت زگلاب و قند ست
قوت دانا همه از خون جگر می بینم
اسپ تازی شده مجروح بزیر پالان
طوق زرین همه در گردن خر می بینم

«Глупцы упиваются шербетомъ изъ розовой воды и сахара;
«А на долю умныхъ людей остается только та кровь, которой обливаются ихъ сердца.
«Скаковые кони изнемогаютъ подъ вьючными сѣдлами,
«Тогда какъ золотую сбрую я вижу на ослахъ».

Саади, бросая ретроспективный взглядъ на (земную) исторію человѣчества, говоритъ:

دنیا بمثال یك رباط دو در است
هر روز درین سراچه قوم دیگر است

«Міръ подобенъ постоялому двору (стоящему на самой дорогѣ) и имѣющему входныя и выходныя ворота: ежедневно въ этомъ зданьицѣ все новые и новые люди».

Слѣдуетъ однако же имѣть въ виду, что современный намъ кодексъ мусульманской нравственности, будучи весьма тѣсно связаннымъ съ ученіемъ ислама, тѣмъ не менѣе не можетъ считаться зиждящимся на основахъ одного только этого ученія.

Въ разныхъ мѣстахъ корана мы находимъ изрѣченія, которыми мусульманамъ *рекомендуются* — благочестіе, покорность Богу, повиновеніе родителямъ и властямъ, милосердіе и состраданіе, благотворительность, доброта, благонравіе, правдивость, прощеніе, умѣренность, и *порицаются* — убійство, самоубійство, воровство, прелюбодѣяніе, пьянство, распутство всякого рода, ложь, лицемѣріе, лихва, корыстолюбіе, скупость, гордость, расточительность, азартныя игры, неблагодарность, заочная хула, насмѣшки, подозрительность и торопливость. Вотъ, въ сущности, все, что мы находимъ въ коранѣ по этому поводу.

Остальное внесено въ мусульманскую жизнь главнымъ образомъ суфизмомъ, о которомъ вскользь мы упомянули уже выше и къ которому мы необходимо должны вернуться снова, въ виду той громадной роли, которую онъ игралъ и продолжаетъ играть въ жизни большей части мусульманскихъ народовъ.

Въ своей основѣ *суфизмъ* (иначе называемый иногда *дервишизмомъ* или *мюридизмомъ*), зародившійся, какъ ересь, еще въ первые вѣка ислама, не только не имѣетъ ничего общаго съ послѣднимъ, но даже и противоположенъ ему, ибо исламъ проповѣдуетъ строгій монотеизмъ, а суфизмъ являетъ собою проповѣдь пантеизма въ самомъ широкомъ значеніи этого слова. Кромѣ того, суфизмъ, отличаясь мистическимъ направленіемъ, чуждымъ корану, рекомендуетъ своимъ послѣдователямъ стезю навѣяннаго христіанствомъ и буддизмомъ подвижничества, аскетизма, безусловно отрицаемаго кораномъ [1]).

[1]) «—въ сердца послѣдователей его (Христа) Мы (Богъ) вложили добродушіе и состраданіе; а подвижничество—его выдумали они сами: *Мы* имъ *не предписывали его*,...» (Коранъ 57, 27).

Послѣ продолжительной борьбы между двумя этими ученіями, исламъ, не оказавшійся въ состояніи совсѣмъ подавить суфизмъ, долженъ былъ признать его исламскимъ ученіемъ; а суфисты, въ свою очередь, сдѣлали много уступокъ исламу, прикрывшись при этомъ текстами корана и *хадисовъ*, что не представляло особой трудности, вслѣдствіе неясности многихъ мѣстъ обоихъ послѣднихъ.

Суфизмъ, раньше проповѣдывавшій единство міровой матеріи и нераздѣльность ея отъ божества, отрицавшій идею несотворенности корана, необходимость для суфіевъ (или дервишей) принадлежности не только къ исламу, но и вообще къ какой либо религіи и многое тому подобное, впослѣдствіи, стараніями его примирителей съ исламомъ, настолько проникся идеями послѣдняго, настолько омусульманился, что его позднѣйшіе адепты, въ родѣ Хаджи-Абду-Кадыра-Гиждувани, забывая о томъ, что по существу они все же суфисты, говорили своимъ ученикамъ: «бѣгите суфизма; ищите спасенія въ чтеніи корана».

Тѣмъ не менѣе и до сего времени суфизмъ все еще во многомъ разнится отъ ислама въ его чистомъ, ортодоксальномъ видѣ.

Исламъ не допускаетъ никакихъ критическихъ отношеній къ доктринамъ, заключающимся въ коранѣ. Самое большое, что дозволяется вѣрующему, это выводъ умозаключеній, не представляющихъ противорѣчій духу корана, при посредствѣ аналогій *(кыясъ)*.

Суфизмъ, на оборотъ, даетъ значительную свободу мышленія, не исключая даже и критическихъ отношеній къ доктринамъ, провозглашеннымъ кораномъ, что однако же не мѣшаетъ вольнодумцу суфисту выдавать себя за истаго мусульманина, ибо во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ онъ съ удивительнымъ искусствомъ умѣетъ прикрываться, если не текстами корана и хадисовъ, то, по крайней мѣрѣ, изрѣченіями наиболѣе авторитетныхъ мусульманскихъ богослововъ.

Мусульманинъ ортодоксальнаго направленія, въ виду существованія въ шаріатѣ положеній о тѣхъ случаяхъ, когда постъ, вообще обязательный для него, становится необязательнымъ (болѣзнь, нахожденіе въ пути), можетъ, по аналогіи установить взглядъ на необязательность и другихъ предписанныхъ ему дѣйствій въ такихъ же аналогичныхъ случаяхъ. Но онъ никогда не рѣшится возбудить вопросъ о томъ, дѣйствительно ли нуженъ *намазъ*, обязательность котораго для каждаго мусульманина въ коранѣ выражена совершенно ясно. Ужъ одно возбужденіе такого вопроса дѣлаетъ его *кяфиромъ*, невѣрнымъ.

Крайній *суфи*, по крайней мѣрѣ *суфи* прошлаго времени, не только не стѣсняется возбуждать такого рода вопросы, но даже и утверждаетъ, что *зикръ* (радѣніе), приводящій человѣка въ состояніе религіознаго экстаза, полезнѣй и душеспасительнѣй уставнаго намаза, не производящаго на душу такого сильнаго впечатлѣнія, какъ *зикръ* [1]).

Исламъ есть *преданіе* себя Богу, *покорность* волѣ Божіей, безпрекословное исполненіе Его велѣній. Вѣрующій мусульманинъ ортодоксъ можетъ быть только *рабомъ* Божіимъ, ищущимъ спасенія своей души, для котораго мечта о достиженіи святости уже сама по себѣ грѣховна, ибо святость есть даръ, даваемый Богомъ лишь Его избранникамъ. Тѣмъ менѣе онъ можетъ мечтать о дарѣ пророчества, ибо Мухаммадъ, по ученію корана, *послѣдній* и совершеннѣйшій изъ пророковъ, вслѣдствіе чего послѣ него никакихъ пророковъ быть не можетъ, а равно не можетъ быть и людей равныхъ ему. *Тасаввуфъ* (суфизмъ) есть стремленіе къ духовной, нравственной чистотѣ *(сафа)*, достигая которой, *суфи* постепенно приближается къ абсолютной чистотѣ или, вѣрнѣе, къ абсолютной святости, т. е. къ Богу. Путемъ непрестанныхъ упражненій въ зикрѣ и въ другихъ богоугодныхъ дѣлахъ, онъ настолько очищаетъ себя отъ скверны грѣха, что съ теченіемъ времени, въ этомъ отношеніи, становится равнымъ своему *пиру* (наставнику). Это состояніе называется *фана-фи-пиръ* (или *фана-фи-шейкъ*). Идя въ томъ же направленіи и далѣе, онъ можетъ достигнуть не только *фана-фи-расулъ*, равенства *расулю*, т. е., пророку, но даже и *фана-фи-улла*, равенство Богу.

Вскорѣ послѣ завоеванія арабами Самарканда, въ Согдѣ появился нѣкій Муканна, объявившій себя Богомъ и надѣлавшій не мало хлопотъ тамошнимъ мусульманамъ; а въ Ташкентѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ умеръ вліятельный въ свое время Ахмадъ-ишанъ, выдававшій себя за пророка и еще при жизни считавшійся многими за святого.

Подъ давленіемъ необходимости примѣниться къ исламу и примириться съ нимъ, суфизмъ, конечно, не могъ въ теченіе своего болѣе чѣмъ тысячелѣтняго существованія оставаться in statu quo. Онъ постепенно видоизмѣнялся, пока, наконецъ, изъ самостоятельнаго ученія, даже въ своихъ основахъ противоположнаго исламу, не превратился въ одну изъ сектъ послѣдняго.

Тѣмъ не менѣе онъ внесъ въ жизнь, въ понятія и міровоззрѣніе мусульманъ, цо крайней мѣрѣ мусульманъ Средней Азіи, очень много оригинальнаго, такого, чего не заключаетъ въ себѣ ортодоксальный исламъ, что навсегда запечатлѣлось на страницахъ обширной литературы суфизма, и что до сего времени такъ или иначе продолжаетъ имѣть воспитательное значеніе для мѣстнаго мусульманскаго общества вообще и для учащейся мусульманской молодежи въ особенности.

[1]) Отрицаніе необходимости намаза, поста, паломничества въ Мекку и проч. находимъ у такихъ поэтовъ-суфистовъ, какъ Бидаль, Низами, Шаме-и-тавризи, Шарафъ и многіе другіе.

Отмѣтимъ нѣкоторыя, наиболѣе характерныя стороны того воспитательнаго воздѣйствія суфизма, которое до сего времени съ особенной яркостью сказывается въ стѣнахъ средне-азіатскихъ мадраса.

Отцы суфизма издревле рекомендовали своимъ ученикамъ и послѣдователямъ не только благонравіе и ласковость въ обращеніи съ людьми, но даже кротость, смиреніе и самоуничиженіе.

Къ сожалѣнію, на практикѣ, въ теченіе многихъ вѣковъ въ подраставшихъ поколѣніяхъ развивалась одна только внѣшняя сторона, однѣ лишь внѣшнія проявленія вышеуказанныхъ качествъ, вслѣдствіе чего искренняя ласковость обращенія постепенно превратилась въ приторную и всегда напускную слащавость рѣчи и всего вообще обращенія съ окружающими, а кротость и сознательное смиреніе въ напускную приниженность, въ то, что у насъ попросту называется подхалимствомъ [1]). На эту тему у Суфи-Алли-Яра есть такое стихотвореніе:

كيل اى مؤ من همیشه خوش عنانه بول
مسلمان بولسه هر كيم مهر بان بول
آچيلغای سن انی كور گانده گل ديك
تواضع آيلا خدمتگار و قل ديك
سر يغ ياغ ديك آنگا بولغيل ملايم
سچرك ليك نی عسل ديك آيلا دايم

«Правовѣрный, будь всегда ласковымъ и пріятнымъ въ обращеніи съ каждымъ мусульманиномъ. Встрѣчай его съ улыбкой, напоминающей собою распускающуюся розу; будь услужливъ, на подобіе слуги или раба. Будь въ обращеніи съ нимъ мягокъ, какъ коровье масло; говори ему рѣчи сладкія, какъ медъ».

Нынѣ эти слащавость, напускное смиреніе и дѣланная приниженность нигдѣ, въ туземной жизни, не практикуются такъ широко, какъ въ стѣнахъ мадраса.

Выше мы сказали уже, что однимъ изъ главныхъ элементовъ суфизма, преслѣдующаго идею нравственнаго совершенства и уничтоженія въ человѣкѣ его индивидуальности, всегда былъ аскетизмъ. Отъ *мюрида*, ученика, послушника, всегда требовалось и требуется безусловное отреченіе отъ своей воли, безусловная покорность не только волѣ Божіей, но даже и волѣ его *муршида*, иначе *пира* или *ишана*, его наставника и руководителя.

Поэтому *мюридъ* обязывается развивать въ себѣ терпѣніе, умѣнье бороться со всѣми присущими ему страстями и похотями, умѣренность въ пищѣ и питьѣ, умѣнье довольствоваться тѣмъ, что имѣется, умѣнье

[1]) Читателю, быть можетъ, неизвѣстно, что это слово происходитъ отъ арабскаго حليم *халимъ*, что значитъ ласковый, кроткій, смиренный.

не только покоряться волѣ Божіей, но даже и радоваться всему ниспосылаемому Богомъ, не исключая всевозможныхъ несчастій.

Тѣмъ, кто въ состояніи достигнуть такой высокой степени нравственнаго совершенства, рекомендуется *факръ* (فقر) добровольная бѣдность, добровольное отреченіе отъ обладанія какимъ либо имуществомъ.

Наконецъ, нѣкоторые изъ суфистовъ, вопреки ученію корана, абсолютно отрицающему монашество, рекомендуютъ безбрачіе [1]).

Аскетизмъ никогда не былъ и не можетъ быть посильнымъ для средняго, заурядnаго человѣка. Вмѣстѣ съ тѣмъ принадлежность къ ордену и желаніе быть не хуже другихъ, въ свою очередь, не могли не порождать у суфіевъ желанія если не быть, то по крайней мѣрѣ казаться аскетами. Въ результатѣ, конечно, не могло получиться ничего, кромѣ ханжества, притворства и лицемѣрія.

Тоже случилось и съ *факромъ*, обѣтомъ добровольной бѣдности.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что на этомъ поприщѣ были совершенно искренніе подвижники. Отказавшись отъ обладанія какимъ бы то ни было имуществомъ, они по необходимости должны были существовать подаяніями, количества которыхъ, въ зависимости отъ популярности даннаго лица, доходили иногда до колоссальныхъ размѣровъ.

Искренніе подвижники тратили скоплявшіяся такимъ образомъ богатства на дѣла благотворительности; не искренніе не гнушались обращеніемъ ихъ въ собственность.

Мало по малу *факръ* обратился въ весьма доходный промыселъ, и нынѣ та наглость, съ которой ишаны вымогаютъ *(назръ)* (نذر) отъ своихъ мюридовъ, сдѣлалась самымъ обычнымъ, самымъ заурядnымъ явленіемъ жизни мусульманъ Средней Азіи.

Въ началѣ этого труда, говоря о томъ, что представляетъ собою современная намъ мусульманская наука въ Средней Азіи, мы позволили себѣ привести нѣсколько образцовъ поэтическихъ произведеній того отрицательнаго направленія, которое, подъ вліяніемъ суфизма, одно время получило весьма широкое распространеніе особенно въ Персіи никогда не отличавшейся большой приверженностью къ буквѣ ортодоксальнаго ислама.

Въ виду громадности того образовательнаго и воспитательнаго значенія, которое персидская литература издревле имѣла для Средней Азіи, ея представители отрицательнаго направленія заслуживаютъ серьезнаго вниманія, а потому, вновь вернувшись къ нимъ, отмѣтивъ нѣсколько немаловажныхъ для изслѣдуемаго нами вопроса фактовъ.

[1]) Въ завѣщаніи Абду-Халыка-Гиждувани сказано:

در عقد نكاح مشو چون نكاح كنی در طلب دنيا
افتی و در طلب دنيا فوت دين است

Такъ напр., Шàмс-и-тавризи не стѣсняется отрицать свою принадлежность къ какой-бы-то ни было религіи.

چه تدبیر ای مسلمانان که من خود را نمیدانم
نه تـــرسا و یهودیـــم نه گبر و نه مسلمانم

«Что же мнѣ дѣлать, мусульмане, если я самъ не знаю, кто я такой! Я не многобожникъ, не іудей, не огнепоклонникъ; но я и не мусульманинъ».

Тотъ же поэтъ, признавая идею предопредѣленія верхомъ несправедливости, говоритъ:

از فلك چه میخوا هی در زمین چه میجوئی
گنبذ ظلم است آن چادر خیال است این

«Чего ты хочешь отъ неба? Чего ты ищешь на землѣ? То—куполъ, въ которомъ царитъ неправосудіе. Это—театръ маріонетокъ (не имѣющихъ своей свободной воли)».

Другой, удивляясь тому успѣху, который такъ часто глупцы имѣютъ въ жизни, восклицаетъ:

ای فلك كار تو باشد دایم ابله پروری
در علوم ببتمیزی از كه كم بودیم مـــا

«О, небо! Ты всегда такъ заботливо относительно дураковъ. Но чѣмъ я хуже ихъ въ отношеніи глупости».

Это направленіе не прошло безслѣдно и для Средней Азіи, одинъ изъ поэтовъ которой, жалуясь Богу на небо, иносказательно обвиняетъ послѣднее въ несправедливости за то, что оно отдало предпочтеніе Мухаммаду передъ Христомъ.

آلهی قـــارا یسون فلك نیلك یـــوزی
جفا برله جفت و فـــا برله طـــاق
عیسی دیك كشیكا بیریب ایشاك
ایشاك دیك كشیكا بیریب مینگ براق

Народная молва приписываетъ это стихотвореніе Миръ-Али-Ширу (Наваи), который въ вступленіи къ одной изъ своихъ поэмъ упрекаетъ небо въ нѣкоторыхъ, кажущихся ему несовершенствахъ міровданія, въ несоотвѣтствіи идеи возмездія идеѣ предопредѣленія и т. п.

Эти и подобныя имъ произведенія, конечно, не могутъ не производить впечатлѣнія на болѣе пытливые умы и особо воспріимчивыя натуры; а потому, какъ не силенъ нравственный гнетъ шаріата, какъ не велика его способность закабалять человѣческій умъ и направлять его въ требуемую исламомъ сторону, *шаккакъ*—شكاك (сомнѣвающійся, атеистъ) никогда не могъ считаться абсолютно несуществующимъ въ стѣнахъ мадраса.

В. Наливкинъ.

Жизнеспособна-ли Турція?

(Изъ журнала «Revue des Revues», №№ 14 и 15 1899 г.).

Уже сто лѣтъ, какъ агонія Турціи, періодически прерывающаяся энергическими конвульсіями, не перестаетъ быть зрѣлищемъ ужаса и изумленія для всего цивилизованнаго міра. Между тѣмъ этотъ турецкій народъ, расположившійся въ Европѣ лагеремъ и пріобрѣвшій всеобщую извѣстность звѣрствами своими и несходящимъ съ очереди вопросомъ о его наслѣдствѣ, изъ всѣхъ народовъ въ мірѣ наименѣе намъ извѣстенъ въ нравахъ его и идеяхъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что данныя, у насъ имѣющіяся, объ условіяхъ, въ какихъ живутъ дикари Патагоніи, положительнѣе и обильнѣе тѣхъ, какія имѣются у насъ о характерѣ турокъ. Притомъ, если насчитывается не мало хулителей турокъ, то, и обратно, есть у нихъ и восторженные защитники. Высказывающіяся о нихъ сужденія не имѣютъ въ себѣ должной мѣры, потому что каждое изъ нихъ довольствуется соображеніемъ однѣхъ лишь наиболѣе выдающихся чертъ внѣшняго быта ихъ: войны, звѣрскія избіенія, покойное ничегонедѣланіе среди сельской тиши, гостепріимство.

Каково же въ дѣйствительности умственное состояніе турокъ? Какая мечта подкрѣпляла ихъ во время ихъ быстрыхъ завоеваній? И какая другая мечта обольщала ихъ иллюзіями въ эпоху не менѣе быстраго ихъ упадка? Наконецъ, какому моральному кризису подчинялись они, въ теченіе нашего вѣка продѣлавъ троекратно тѣ чудовищныя звѣрства надъ христіанами, которыя представляютъ въ исторіи явленіе жестокостей, въ своемъ родѣ единственное? Существенно серьезные вопросы эти, въ отношеніи которыхъ европейское общество обнаруживаетъ полнѣйшее невѣдѣніе, мы и хотимъ въ дальнѣйшемъ изложеніи разъяснить послѣ совершеннаго путешествія, съ цѣлью изу-

ченія дѣла на мѣстѣ. Мы перенесемъ читателей въ неизвѣданную доселѣ область турецкихъ идей и мысли, какъ намъ открылись онѣ въ наблюденіяхъ надъ наиболѣе видными ихъ представителями. Чтобы понять прошлое турка и предугадать, какая судьба можетъ ждать его въ близкомъ будущемъ, мы вскроемъ черепъ его и посмотримъ, какія представленія преобладаютъ въ мозгу его.

I. Душа турка.

Первобытная религія турокъ въ Центральной Азіи состояла въ культѣ воды, воздуха, земли съ жертвоприношеніями близь большихъ деревьевъ. И теперь еще во всей Анатоліи и окрестъ Константинополя можно видѣть гигантскіе платаны, окруженные сохранившимся къ нимъ стародавнимъ почтеніемъ. Выступивъ изъ своей древней родины, эти турки дѣлались поочередно буддистами, несторіанцами-христіанами, магометанами, съ совершеннѣйшимъ безразличіемъ, подчиняясь однимъ лишь случайностямъ своихъ завоеваній и требованіямъ политическимъ. Эта полная беззаботность въ дѣлѣ морали уравновѣшивалась въ нихъ духомъ солидарности, дисциплиною, безропотнымъ послушаніемъ вождю. Племя солдатъ, они обладали всѣми достоинствами и недостатками солдата въ походѣ: они рубаки и грубіяны, но съ тѣмъ вмѣстѣ простые и великодушные люди, они упрямы, но зато тверды въ своемъ самосознаніи, безъ переходныхъ ступеней бросаются они отъ гнѣва къ шуткѣ и отъ напряженнѣйшихъ трудовъ къ непробудимой праздности.

Пророкъ турокъ. Переваливъ въ долину Анатоліи, походные люди эти почувствовали въ себѣ потребность въ физическомъ отдыхѣ, къ которой присоединилось и желаніе облечь и утвердить ихъ чувствованіе въ конкретной формѣ опредѣленнаго культа. Они основали въ Коніи Сельджукское царство Румъ (Римъ) и назвались Руми (Римляне), — именемъ, которымъ они продолжаютъ и понынѣ называть всѣхъ грековъ. Такимъ образомъ они открыто выставили себя прямыми наслѣдниками Византіи. Но на почвѣ религіознаго самоопредѣленія они оказались въ положеніи затруднительномъ. Религія грековъ и армянъ, среди которыхъ они жили, имъ нравилась своей кротостью, но не была въ глазахъ ихъ достаточно вліятельною, такъ какъ была религіею побѣжденныхъ. Исламъ уже утратилъ прежнее надъ ними обаяніе. Его раздирали расколы, и Халифъ его, содержавшійся въ заточеніи родственными имъ турками-чингисханидами, вскорѣ былъ даже преданъ обезглавленію, какъ любой заурядный преступникъ.

Изъ этихъ политическихъ и нравственныхъ условій родилась въ XIII столѣтіи религія *кружащихся*, дервишей, очень распространенная и понынѣ у турокъ и, при почтительномъ отношеніи къ магометанству, утверждающаяся однако на началахъ, совершенно противоположныхъ

исламскимъ. Мы называемъ ее религіею, а не сектой, потому что кружащіеся не опираются ни на коранъ, ни на Евангеліи, а на своей собственной спеціальной книгѣ—Месневи,—непосредственно продиктованной самимъ Богомъ Джелаледдину-руми. «Магометъ имѣлъ свое божественное откровеніе, но и у Джелаледдина было свое», говоритъ поговорка кружащихся.

Сынъ тюркскаго князя, исполнявшаго одновременно обязанности философа-наставника, врача и юриста-законодателя въ Балхѣ, Джелаледдинъ въ этомъ далекомъ уголкѣ Азіи ознакомился съ идеалами и народами Китая, Индіи, Туркестана и Персіи. Политическіе перевороты и смуты гнали его вмѣстѣ съ отцомъ изъ города въ городъ. Онъ побывалъ въ Константинополѣ, распрашивалъ греческихъ монаховъ и ученыхъ, ознакомился съ переводами классиковъ, вступалъ въ бесѣды съ духовными и феодальными дворянами всѣхъ долинъ, собралъ значительное количество легендъ, усвоилъ слѣды культа Митры, прочелъ основательно Авицену, упражнялся въ алхиміи. Онъ имѣлъ такимъ образомъ рѣдкое счастіе собрать въ себѣ всѣ знанія своего времени.

Турецкій пантеизмъ. Месневи имѣетъ обычную разговорную форму. Учитель наединѣ съ ученикомъ своимъ Хиссамединомъ затрогиваетъ всѣ житейскія задачи и вопросы, чтобы вывести изъ нихъ заключенія о томъ, какъ слѣдуетъ вести себя и жить въ этомъ мірѣ. Изъ устъ его не исходитъ ни единаго фанатическаго утвержденія. Наставленія его раскрываются въ притчахъ, напоминающихъ манерою притчи Христовы. И въ притчахъ этихъ проходятъ одно за другимъ Іисусъ и Марія, Али и Магометъ, визири и халифы, караваны въ пустынѣ и корабли на морѣ Оманскомъ. Въ концѣ одной изъ киликійскихъ легендъ приводятся Фукидидовы и Платоновы разсужденія. Сроднившись съ зрѣлищемъ различныхъ народовъ, Джелаледдинъ располагаетъ многочисленные образы и формулы эти съ необычайною легкостью, напоминающею ясность Ренана. «Атеизмъ и вѣра проявленія одной и той же любви къ безконечному, какъ золото и мѣдь продукты одной и той же химіи». — «Ты говоришь о морѣ и волнахъ, и однако и то и другое одна лишь стихія: такъ и люди волны Божіи и возвращаются по смерти всѣ въ лоно Божіе». — «Если кто скажетъ тебѣ: недалеко отсюда огонь, — не довольствуйся этимъ; пойди на самое мѣсто, посмотри своими собственными глазами; и этого еще мало, — помѣсти тѣло свое въ сверкающую стихію, чтобы она обожгла тебя, и тогда ты можешь сказать: это огонь».

Разъяснивъ своему юношѣ обязанности его въ отношеніи себя самого, заключающіяся въ томъ, чтобы не полагаться на свои чувства, остерегаться слѣпого подчиненія и подражанія, упражняться въ опы-

тахъ; указавъ ему обязанности въ отношеніи къ ближнему, сводящіяся къ отреченію, самоотверженію, сознанію того, что другіе люди могутъ имѣть идеалы неодинаковые съ его собственными, Джелаледдинъ объявляетъ ему, что нужно сообразоваться съ политическими обстоятельствами, никогда не отклоняясь отъ принциповъ своихъ, и что, призванный къ устроенію дѣлъ государственныхъ, онъ долженъ исполнять обязанности свои съ величайшею снисходительностью и терпимостью къ людямъ. Такова мораль его. Но что такое представляетъ Богъ Джелаледдина? Онъ опредѣленъ въ знаменитомъ четверостишіи, составляющемъ исповѣданіе вѣры кружащихся. «Я не зналъ, что ты и видимое и невидимое, и то, что въ тѣлахъ, и то, что въ душахъ;— я искалъ Твое существованіе во всей вселенной, — и, наконецъ, постигъ, что вся вселенная — Ты». Это чистѣйшій пантеизмъ. Самое имя Аллаха исключается въ этой формулѣ. Турецкая душа, какъ сложили ее обычаи Центральной Азіи и послѣдовательныя связи съ Китаемъ, Индіей, изящной Персіей и ученой Греціей, открывается цѣликомъ переложенною въ Месневи человѣкомъ, на устахъ своихъ сохраняющимъ неизмѣнное спокойствіе и свѣтлую улыбку Будды.

Джелаледдинъ понималъ дѣйствіе на душу музыки. Вотъ каковъ, и понынѣ практикуемый, внѣшній культъ, установленный имъ. Въ кругломъ залѣ, со стѣнами, расписанными легкими фресками, изображающими кипарисовыя деревья и луга, еженедѣльно по вторникамъ сходятся кружащіеся. Послѣ чтенія одной изъ главъ Месневи, музыканты начинаютъ игру на гитарахъ и віолончеляхъ, къ которымъ присоединяются звуки флейтъ и тамбуриновъ. Затѣмъ кружащіеся открываютъ священный танецъ: кружась быстро около самихъ себя, они дѣлаютъ кругъ вдоль зала, тяготѣя въ двойномъ круженіи этомъ къ лицу, стоящему въ центрѣ, майданджи-баши, вертящемуся также кругомъ себя самаго; точное подобіе эволюцій солнечной нашей системы.

Джелаледдинъ учредилъ монашескіе ордена, получившіе строгую дисциплину и миссію распространять месневи въ Малой Азіи. Задача ихъ была легка, хоть имъ и приходилось бороться противъ параллельной пропаганды корана. Месневи надъ этимъ послѣднимъ имѣлъ преимущество въ томъ, что обладалъ внѣшнимъ культомъ, пріятнымъ по доставляемымъ имъ ощущеніямъ, и особенно въ томъ, что онъ былъ написанъ по тюркско-персидски, на языкѣ, знакомомъ всѣмъ туркамъ, для которыхъ, напротивъ, арабскій языкъ совершенно непонятенъ.

Новая религія достигла успѣховъ значительныхъ. Джелаледдинъ умѣлъ сродниться съ идеями всякихъ народовъ. Къ нему шли за наставленіемъ и христіане и мусульмане, и уже вскорѣ онъ пользовался настоящею папскою властью въ Коніи, властью, въ одно и то же время и религіозною, и политическою, и научною, подобной той, какую пріобрѣлъ въ городѣ Баллѣ отецъ его. По смерти послѣдняго Сельджукида тюркскіе князья предложили ему корону Рума. Джелаледдинъ ея не принялъ. Онъ промолвилъ загадочно: «Кажется, люди эти думаютъ, что я не султанъ». Дѣйствительно, онъ носилъ при жизни и передалъ въ наслѣдство преемникамъ своимъ титулъ Шейхъ-Султана (философа-императора).

Послѣдніе остались въ Коніи, въ качествѣ верховныхъ главъ кружащихся, посредниковъ въ спорахъ между тюркскими властителями, примирителей между магометанами и христіанами. Будучи папами румскаго царства, свѣтскую инвеституру его они передали династіи Османовъ. Къ потомку Джелаледдина по взятіи Константинополя обратился Магометъ II за утвержденіемъ его въ качествѣ монарха, и до сихъ поръ ни одинъ султанъ не становится законнымъ государемъ, пока посолъ философа-императора не прибудетъ въ Стамбулъ и не опояшетъ его мечемъ Османа въ Эюбской мечети. Коронованіе султановъ не что иное, какъ торжество инвеституры.

Хранители гробницы пророка, его реликвій и легендарнаго его завѣщанія, которое откроется лишь послѣ окончательнаго угасанія Османскаго рода, философы-императоры, въ глубинѣ деревянныхъ дворцовъ своихъ, содержимыхъ на доходы со ста селеній, продолжаютъ и понынѣ еще быть живымъ воплощеніемъ все болѣе и болѣе приходящаго въ забвеніе идеала терпимости, кротости нравовъ и примирительнаго соглашенія противоборствующихъ религій. Въ нихъ лишь однихъ живутъ еще тѣ качества образцовой учтивости, которыя характеризуютъ столь распространенный нѣкогда на Востокѣ типъ *челеби* персидскаго дворянина, настоящаго феодальнаго сеньера, который популяризировала картинная торговля Тавриса, изобразивъ его верхомъ на бѣломъ скакунѣ, проѣзжающимъ по покрытомъ высокими тюльпанами лугу, съ соколомъ на рукѣ и съ головой, обращенной назадъ по направленію къ принцессѣ съ длинными рѣсницами.

Утративъ ихъ прежнее обаяніе, кружащіеся продолжаютъ занимать въ турецкомъ обществѣ положеніе вліятельное. Джелаледдинъ постановилъ правиломъ, чтобы каждый кружащійся занимался обязательно какимъ-нибудь ремесломъ или профессіею. Изъ кружащихся выходили люди науки, мастера во всѣхъ отрасляхъ промышленной дѣятельности, музыкальные композиторы и поэты, въ манерѣ Горація. Если они и не находятъ уже многочисленныхъ слушателей и послѣдователей, то все же и теперь еще образуютъ болѣе просвѣщенный элементъ въ населеніи. Съ рукой, положенной на грубыя плеча солдатъ и жандармовъ, изъ которыхъ состоитъ почти исключительно турецкое общество, они являются интимными ихъ совѣтниками, молчаливыми ихъ исповѣдниками. Душѣ турка они напоминаютъ далекое ея прошлое, погружаютъ ее въ

давно испытанныя ощущенія, неслышно внѣдряя въ нее мораль китайскихъ мудрецовъ, грандіозную индійскую философію, изящную обходительность испанскихъ придворныхъ, и назидаютъ своихъ слушателей въ той мысли, что въ общемъ итогѣ жизнь годится и для иныхъ утѣшеній, чѣмъ радости, какія добываются сабельными и кулачными ударами.

II. Турція подъ властью султановъ румелійскихъ.

Месневи важнѣйшій источникъ, какимъ только мы можемъ располагать, для пониманія умственнаго состоянія турокъ-завоевателей. Безъ этой книги нельзя было бы понять самаго вступленія ихъ въ Европу, не соединявшагося, какъ доказывается историческими фактами, ни съ какою идеею пропаганды религіозной. Передъ выступленіемъ въ городъ Османъ испросилъ себѣ благословеніе Джелаледдина и соединился съ Михаиломъ Козлобородымъ, греческимъ княземъ, въ сообществѣ съ которымъ овладѣлъ Виѳиніей и осадилъ Бруссу. Михаилъ добился сдачи города при помощи переговоровъ. Эти греческіе генералы находились, повидимому, въ тайномъ согласіи съ престарѣлымъ Алексѣемъ, который, терпя недостатокъ и въ деньгахъ и въ воинахъ, стремился помочь своей слабости искусною дипломатіею. Дѣло шло о томъ, чтобы отвратить турецкое нашествіе отъ Константинополя и направить его на враговъ Имперіи сербовъ и болгаръ. Большой человѣкъ того времени, Алексѣй, былъ увѣренъ, что въ столкновеніи этомъ взаимно сгубятъ себя всѣ его противники. Отнюдь не желая биться съ Орканомъ, сыномъ Османа, онъ сдѣлалъ его своимъ зятемъ. Онъ устроилъ ему пышный пріемъ въ Константинополѣ, гдѣ отпразднована была свадьба, послѣ которой Ѳеодора переѣхала въ брусскій дворецъ съ грекомъ-духовникомъ своимъ и служанками-христіанами. Турки углубились въ лѣса Сербіи, гдѣ былъ убитъ султанъ ихъ Мурадъ. Баязетъ, недовольный изворотами греческой политики и въ то же время подкупленный воинственною внѣшностью сербовъ, предложилъ имъ союзъ свой, женился на дочери царя ихъ Маріи, подобно Ѳеодорѣ, оставшейся также христіанкою, и, пользуясь ненавистью славянъ къ Византіи, приступилъ вмѣстѣ съ ними къ осадѣ ея. Она была бы взята, если бы этому не помѣшало появленіе Тамерлана. Въ Ангорской битвѣ Баязетъ видѣлъ переходъ турецкихъ воиновъ на сторону непріятеля и сражался съ сербами-христіанами. Его плѣнъ въ Самаркандѣ позволилъ всѣмъ мелкимъ турецкимъ князькамъ возвратить себѣ независимость, и династія Османовъ получила бы бытіе свое уже съ этихъ поръ, если бы у сыновей Баязета не были преобразованы янычары.

Янычары. — Что такое въ сущности были эти янычары, сила которыхъ укрѣпила турецкую власть? Сбродъ грековъ, армянъ и каппадокійцевъ, изъ которыхъ Орканъ организовалъ особый армейскій корпусъ, не требуя отъ нихъ перехода въ мусульманство. Орканъ привелъ ихъ къ отцу Бекташу, престарѣлому отшельнику довольно грязноватому, представлявшему нѣкоторое подобіе шутника Діогена, но пользовавшемуся репутаціей праведника у мусульманъ и у христіанъ. По турецкимъ источникамъ произошла такая сцена. «У васъ нѣтъ ни племеннаго родства, ни общей вѣры», сказалъ имъ этотъ человѣкъ. «Но что за важность, дѣти мои, когда люди питаются изъ одного общаго котла, развѣ не настоящіе они братья другъ другу? Съ этого дня я нарекаю васъ *братьей по чреву*». Втыкая затѣмъ въ тюрбанъ начальника ложку, онъ продолжалъ: «Вотъ это будетъ знакомъ вашего единенія, а начальника вашего, стоящаго здѣсь передъ вами, называйте *главнымъ поваромъ*». Шутка эта, которая должна была, конечно, вызвать въ полку взрывъ хохота, была принята, однако, серьезно. Ложка съ котломъ стала знакомъ единенія янычаровъ, а генералъ ихъ, и въ скромномъ нарядѣ, ему данномъ Орканомъ, и въ соболяхъ, бархатѣ и алмазахъ, украшавшихъ его въ послѣдующіе вѣка, никогда не носилъ иного титула, кромѣ званія чорбаджи-баши (главнаго повара).

Янычары получали на свое продовольствіе значительное количество риса и жаренаго мяса; имъ разрѣшалось вино, выплачивалось ежедневное жалованье и полагалась доля изъ всякой добычи военной и выкупа, налагавшагося на взятые города. Выгоды эти привлекали массами волонтеровъ въ новообразованный корпусъ, сразу выдвинувшійся впередъ своею храбростью, своею грубостью и чрезвычайною вольностью нравовъ и идей. Старыми, еще и нынѣ ходячими, легендами указывалось, что юноши христіане подвергались будто бы пыткамъ и силою принуждались къ принятію ислама, и затѣмъ уже только вводились въ составъ корпуса. Теперь мы знаемъ въ точности, какова была религія янычаровъ, такъ какъ, если не существуетъ на свѣтѣ ихъ самихъ, то остались живы духовники ихъ и наставники въ вѣрѣ. Это бекташи.

Бекташи. — Въ горахъ Малой Азіи и до самаго Константинополя бекташи пользуются моральнымъ вліяніемъ, подобнымъ вліянію кружащихся. Но, допустивъ послѣднихъ въ мусульманское общеніе, турки смотрятъ на бекташей, какъ на отверженцевъ. Бекташи не совершаютъ ни пятикратныхъ молитвъ, ни омовеній, не соблюдаютъ постовъ, не читаютъ корана. Вино у нихъ считается въ большомъ почетѣ. У нихъ бываютъ тайныя собранія, имѣются посвященные и знаменитая тайна, преемственно передающаяся изъ рода въ родъ однимъ лишь начальникамъ ордена. Ученіе бекташей можетъ быть резюмировано такъ: Бога нѣтъ, нѣтъ жизни загробной, рай и адъ на землѣ; міръ есть подобіе шатра, въ которомъ люди находятъ себѣ кратковре-

менное пристанище, пока не возвратятся въ ничтожество, изъ котораго вышли. Вслѣдствіе всего этого, выраженія христіане, мусульмане, іудеи не имѣютъ никакого смысла; люди всѣ равны. Одна лишь сила управляетъ міромъ и сила божественная: это любовь. Отсюда ученіе усложняется и раздваивается, въ зависимости отъ того, толкуется ли любовь духовно или же чувственно. Любовь оплодотворяетъ землю, умножаетъ количество жизней; любовь порождаетъ добродѣтель, поддерживающую человѣческія общества; любовь даруетъ людямъ иллюзію счастія. Вино, потому что оно удваиваетъ энергію чувства, даетъ радость и сближаетъ людей другъ съ другомъ, есть напитокъ по преимуществу, наилучшее средство противъ золъ жизни. Какъ могло зародиться такое ученіе въ горахъ Малой Азіи? Мы находимся здѣсь, очевидно, передъ остатками культа Анагиды, великой богини Арменіи, Каппадокіи и Понта. Анагида была богиней любви и плодородія и девизъ ея серпъ (любовь) сохраняется и теперь еще золотыми буквами, начертанный на стѣнахъ армянскихъ церквей. Одна изъ обрядностей культа ея, весьма осложненнаго таинствами и посвященіями, состояла въ ежегодныхъ ночныхъ сходбищахъ, на которыя мужья собирались въ сопровожденіи своихъ женъ; когда погашались огни, мужчины и женщины сходились парами другъ съ другомъ въ потьмахъ наудачу, подчиняясь вдохновенію, къ нимъ снисходившему отъ богини, «матери оплодотворяющихъ сѣмянъ». Обычай этотъ дозволенъ у бекташей и нынѣ; но практикуется регулярно у однихъ лишь горцевъ-есидовъ; въ городахъ же онъ существуетъ лишь скрытно, подъ предлогомъ и наименованіемъ «средства противъ безплодія». Бекташи, давшіе обѣтъ цѣломудрія, носятъ кольца въ ушахъ, какъ то дѣлалось и у холостяковъ-жрецовъ Анагиды. У богини имѣлись и другіе жрецы, выкрикивавшіе свои молитвы, сопровождая ихъ пляскою на горящихъ угольяхъ. Двойныя радѣнія эти сохранились въ орденѣ крикуновъ-дервишей, которымъ они и дали успѣхъ ихъ. Турки, въ совершенномъ невѣдѣніи языческихъ источниковъ этихъ зрѣлищъ, видятъ въ нихъ проявленіе могущества своихъ Аллаха и Магомета.

Вотъ моральное явленіе, надъ которымъ стоитъ задуматься: среди политической смуты, порожденной нашествіемъ турокъ на византійскія земли, два языческихъ культа, знаменитыхъ и процвѣтавшихъ въ Малой Азіи во времена Митридата, культъ Митры (солнца),—давшій кружащимся ихъ коловратное радѣніе,—и культъ Анагиды,—сохранившійся у бекташей,—пользуются упадкомъ побѣдившаго ихъ христіанства для того, чтобы возродиться вновь къ жизни подъ новыми формами.

Въ періодѣ упадка въ исторіи Турціи вліяніе кружащихся и бекташей было однородно. И тѣ и другіе проповѣдывали терпимость,

сплачивали отдѣльныя народности. Турки примкнули въ особенности къ кружащимся. Бекташи пріобрѣли себѣ адептовъ среди грековъ, армянъ, албанцевъ, отчасти и турокъ. Разнообразнымъ соціальнымъ элементамъ этимъ они открывали наилучшую почву для примиренія, отмѣняя всяческія религіи и замѣщая ихъ правилами, которыя одобрили бы Эпикуръ и Вакхъ. Османская династія пріобрѣла себѣ въ бекташахъ превосходныхъ вербовщиковъ солдатъ. Мы должны считать ихъ истинными организаторами тѣхъ значительныхъ силъ христіанскихъ, которыя именовались янычарами. Такимъ образомъ, религія янычаровъ была однимъ явнымъ невѣріемъ.

Греко-турецкая имперія. Присутствіе въ турецкихъ арміяхъ грековъ, сербовъ и янычаровъ, заодно съ турками трудившихся надъ созданіемъ имперіи, составляло явное нарушеніе предписаній корана. Турки не замѣчали этого. По правдѣ говоря, они и сами-то были мусульманами лишь по имени. Почитаемый, но неудобопонятный, коранъ не имѣлъ никакого вліянія надъ ихъ душами. Настоящими руководителями совѣсти ихъ были кружащіеся. Гибкая мораль Мешеви позволяла имъ двигаться въ лабиринты народовъ и религій съ ловкостью и тактомъ изумительными, если вспомнить безшабашнаго рубаку, каковъ турокъ нашего времени. Не только утилизировались, сообразно способностямъ ихъ, въ арміи и флотѣ, христіане, но и съ городами завоеванными обращались съ такою осмотрительностью, которая не оставляла въ нихъ сожалѣнія объ ихъ прошломъ. Новые властители установляли подати, не обращали вниманія на вѣроисповѣдные расколы, обезпечивали безопасность путей сообщенія, открывали торговлѣ долгую перспективу развитія. Переходъ власти имперской отъ Палеологовъ къ Османамъ не былъ событіемъ рѣзкимъ, перемѣной крутой,—какъ у насъ учатъ въ школахъ. Онъ не былъ сопряженъ ни съ торжествомъ какой либо одной народности надъ другою, ни съ подавленіемъ какой либо религіи религіею новой. При осадѣ Константинополя главнымъ визиремъ у Магомета былъ грекъ, лучшими воинами—янычары, бывшіе христіанами, и самымъ взятіемъ города онъ обязанъ былъ европейцу, датчанину Орбану, отдавшему для него самыя большія орудія того времени. Правда, Магометъ въѣхалъ верхомъ на конѣ въ храмъ Св. Софіи, который уже служилъ при крестоносцахъ конюшнею, и не сумѣлъ воспрепятствовать своему войску въ теченіе трехъ дней грабить столицу, въ которой воины Христа опрокидывали и сплавляли въ огнѣ статуи, жгли дворцы, увезя съ собой всѣ реликвіи, золото и шелка. Изъ такихъ крайностей, свойственныхъ воинамъ того времени, не должно выводить заключенія, что Магометъ былъ фанатикъ. У него никогда и въ мысли не было распространеніе Ислама. Завоеваніе его было чисто политическое, и какъ только оно закончи-

лось, онъ не сталъ хлопотать объ освященіи его ни у калифа Квирскаго, ни у шерифа Мекки. У копійскаго папы испросилъ онъ себѣ инвеституру на греческое владѣніе, къ которому, какъ мы видѣли уже, турки стремились со времени ихъ вступленія въ Малую Азію. Изъ полумѣсяца Діаны, эмблемы города Цилантіи, онъ сдѣлалъ знакъ для знаменъ своихъ и выбилъ медаль съ своимъ изображеніемъ и девизомъ: «Мухаммедъ, Императоръ Грековъ».

Чѣмъ было вызвано быстрое паденіе Имперіи, основанной на такихъ правильныхъ оцѣнкѣ и употребленіи силъ христіанскихъ и мусульманскихъ? Причины этого мы отыщемъ въ томъ новомъ умственномъ состояніи, какое пріобрѣтено было турками въ XVI столѣтіи. Никогда ни одинъ народъ не подвергался болѣе полному моральному превращенію. Нельзя было бы уразумѣть ни побѣдъ турокъ безъ Месневи, ни паденія ихъ безъ корана. Духъ первой книги создалъ и укрѣпилъ Имперію, духъ же второй готовится довершить до конца ея гибель.

III. Турція подъ властію Султановъ-халифовъ.

Шатобріанъ во времена реставраціи говорилъ: «Стоитъ къ концу простой палки приладить треуголку да сѣрый сюртукъ, чтобы вернуть всю Францію къ Наполеону». Эта неотразимая сила реликвій имѣетъ не меньшее вліяніе и на волю мусульманъ, которые не смотря на то однихъ христіанъ обвиняютъ въ кумиропоклонствѣ. Кувшинъ для воды, соломенный коврикъ, плащъ и знамя, перенесенныя Селимомъ изъ Каира въ Стамбулъ, произвели настоящій переворотъ въ понятіяхъ, послѣдствія котораго тяготѣютъ и по нынѣ роковымъ гнетомъ надъ падающей Турціей. Вмѣстѣ съ этими вещами, ему принадлежавшими, пророкъ Магометъ какъ бы самолично совершилъ свое вшествіе въ столицу Константиновъ. Легенда, до тѣхъ поръ терявшаяся въ пустынной дали, пріобрѣла яркую выпуклость и очертанія. Лобызаніе «священнаго плаща» сдѣлалось ежегоднымъ празднествомъ турокъ и знаменіе этого одѣянія доставило султанамъ титулъ халифовъ.

Эти реликвіи провожала изъ Квира многочисленная свита преподавателей и студентовъ Эль-Азгара. Эта знаменитая высшая школа, посѣщавшаяся часто болѣе чѣмъ 20000 учащихся, съ XII вѣка была богословскимъ центромъ мусульманскаго міра и въ то же время очагомъ огромнаго по своей численности религіознаго пролетаріата. Приходя постепенно въ упадокъ, въ годы, предшествовавшіе Селимову завоеванію, она сдѣлалась исходнымъ пунктомъ страшнаго гоненія, которому подверглись христіане Египта. Пропитанные духомъ нетерпимости, ученики Эль-Азгара отплыли въ Константинополь съ ревностью миссіонеровъ и съ иллюзіями искателей приключеній. Турецкая имперія съ ея полуобращенными въ исламъ народностями

открывала умственной дѣятельности ихъ широкое поле пропаганды, а алчности ихъ—золото, дворцы, доходныя должности. Въ разсчетахъ своихъ они не обманулись. Солиманъ учредилъ для нихъ іерархическую систему, для которой взялъ въ образецъ греческій патріархатъ. Онъ облачилъ ихъ въ широкія черныя одежды и вооружилъ пастырскими посохами православныхъ священнослужителей. Онъ одарилъ ихъ значительными тосіями. Первымъ дѣломъ ихъ было укрѣпить въ ихъ родахъ должности эти на вѣчныя времена. Такимъ образомъ установилась наслѣдственная жреческая каста, члены которой захватили въ свое вѣдѣніе всѣ мѣста магистратуры, городской и судебной, и должности преподавательскія и учебныя. Они получили во власть свою и имперскія учрежденія и народное образованіе. Престижъ ихъ возросъ еще болѣе, благодаря роскоши величественныхъ мечетей, которыя соорудили Солиманъ и преемники его въ подражаніе Св. Софіи. Въ нихъ-то и предприняли они укоренить изученіе корана въ мозгу тысячъ софтовъ, предназначавшихся въ свою очередь, къ распространенію его въ провинціяхъ.

Психологическіе элементы турецкаго фанатизма. Въ чемъ состоитъ обученіе корану? Вотъ какъ оно практикуется въ наши дни. Ученикъ, совсѣмъ еще юный, долженъ выучить коранъ наизустъ, не понимая арабскаго языка его. Онъ начинаетъ съ перваго стиха первой главы, переходитъ затѣмъ къ первому стиху главы второй, и въ томъ же порядкѣ идетъ дѣло и далѣе. Когда онъ затвердитъ наизустъ первые стихи 30 главъ, изъ которыхъ состоитъ книга, онъ переходитъ къ вторымъ стихамъ тѣхъ же главъ, потомъ къ третьимъ. Когда онъ окончитъ изученіе корана въ этомъ смыслѣ, его заставляютъ учить его наоборотъ, начиная съ послѣднихъ стиховъ. Каждый стихъ должно разобрать по складамъ, затвердить наизустъ и пропѣть, какъ какую-нибудь мелодію. Сидя на корточкахъ, вперивъ глаза въ текстъ, раскачиваясь тѣломъ въ непрерывномъ движеніи человѣка, сидящаго верхомъ на верблюдѣ, присоединяя свой голосъ къ одновременно-звучащимъ голосамъ сосѣдей, ученикъ богословія выростаетъ, какъ автоматъ, слѣпо поглощаемый запоминаніемъ нескладнаго Магометова руководства. Палка, которой били по пятамъ, курбашъ, въ послѣднее время оставленный, замѣненъ заушеніями. Немногіе ученики выносятъ до конца эту моральную пытку. Разумъ же свихивается у каждаго. Силы мозга ихъ бываютъ совершенно развиты въ шестнадцать лѣтъ. Безконечное, неистовое повтореніе однѣхъ и тѣхъ же фразъ на непонятномъ, но сверхъестественномъ языкѣ, — языкѣ Аллаха, — отнимаетъ у нихъ всякую способность къ размышленію. На всю жизнь, — наперекоръ всѣмъ высшимъ наукамъ, какія они будутъ изучать впослѣдствіи,—они останутся фанатиками-декламаторами, механическими тол-

кователями корана. И изъ всей массы этихъ кроткихъ, сухихъ, повелительныхъ, противорѣчащихъ другъ другу положеній, то, что извлечется ученикомъ существеннаго, сводится къ слѣдующему: коранъ есть собезначальное, предшествовавшее творенію, слово Божіе; признающіе это слово, имѣютъ право на счастіе въ этомъ мірѣ и въ будущемъ; Богъ даруетъ имъ царство небесное и земное; они созданы для вѣчнаго наслажденія; наоборотъ, тѣ, кто не признаетъ корана, невѣрные,—и благо, что число ихъ не уменьшается,—должны находиться въ подчиненіи и въ этомъ мірѣ и въ будущемъ; и въ этой жизни и послѣ смерти удѣлъ ихъ—страданіе. Но что, пройдя коранъ, хадисы и сунну, задерживается въ памяти ученика еще болѣе,—это легенда о самомъ Магометѣ. Мѣсто, въ душѣ христіанина занятое нагорною проповѣдью и сценою крестнаго распятія, въ душѣ мусульманина занято исторіей вождя партіи, пролагающаго путь къ утвержденію идей своихъ сабельными ударами, грабящаго караваны враговъ своихъ и избивающаго непокорныя племена.

Перенесемъ же мысленно въ XVI столѣтіе эти стихіи кораническаго ученія нашихъ дней; вообразимъ себѣ ученыхъ Эль-Азгара учителями въ Стамбульскихъ мечетяхъ, съ ихъ пустословіемъ, мимикою и фантазіею арабовъ-комедьянтовъ, съ ихъ ненавистью къ самому имени христіанина; подумаемъ о томъ громадномъ впечатлѣніи, какое должны были производить и на учителей и на учениковъ побѣды Солимана; объ осажденной Вѣнѣ, завоеванномъ Багдадѣ, турецкихъ арміяхъ, носящихся отъ Персіи до Гибралтара и отъ Дуная до Іемена; представимъ себѣ картину тысячъ софтовъ, бродящихъ по всѣмъ провинціямъ, впереди и позади отрядовъ, обремененныхъ добычей, выкрикивающихъ и мѣшающихъ въ общемъ шумѣ имена Аллаха, Магомета и Солимана-Халифа, и мы найдемъ тутъ всѣ источники турецкаго фанатизма.

Съ тѣхъ поръ турокъ всегда охваченъ будетъ одной и той же неизмѣнной идеей: турки первый изъ всѣхъ народовъ; Богъ, дѣянія и велѣнія коего неизмѣнны и неотмѣнимы, самъ Богъ даровалъ ему господство надъ всѣми христіанами въ настоящемъ и въ будущемъ. Всѣ помышленія свои будетъ онъ выводить изъ этого твердаго убѣжденія, и посолъ Франціи, Россіи или Австріи, брошенный въ казематы Семибашеннаго Замка, будетъ внушать ему такое же къ себѣ презрѣніе, какъ и самый послѣдній бѣднякъ изъ его раіи.

Такъ-то именно, путемъ изумительнѣйшаго заблужденія человѣческаго сознанія, заслуга побѣдъ и завоеваній, которыми обязаны энергіи невѣрныхъ янычаровъ и силѣ артиллеріи, созданной тѣми же христіанами,—приписана была исламу и Магомету, плащъ котораго, конечно, не былъ бы захваченъ въ добычу безъ пушекъ Солимовыхъ. Слѣдствіе было принято за причину, и презрѣніе, внушавшееся побѣжденными христіанами, распространилось и на произведенія ихъ промышленности,

на ихъ торговлю, на ихъ понятія. Этотъ народъ турецкій, отъ природы мало расположенный къ моральнымъ изученіямъ, но умѣвшій первымъ воспользоваться изобрѣтеніемъ Орбана и всѣми современными усовершенствованіями въ дѣлѣ военномъ и морскомъ, давшій очень рѣзкіе примѣры терпимости въ брачныхъ союзахъ своихъ съ христіанками, допустилъ, безъ всякаго сопротивленія навязать себѣ ученіе, наиболѣе закрывающее путь духу изслѣдованія, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда Европа подходила уже къ задачамъ новой науки и когда Бекон обнародовалъ свою новую систему. Среди возрастающаго прогресса нашей эпохи, турокъ, упоенный побѣдами и удовлетворенный сполна знаніемъ своего откровенія, медленно засыпаетъ въ косной, неизлѣчимой безсознательности, и коранъ становится для него настоящимъ гасильникомъ, которымъ и до нашихъ дней онъ горделиво продолжаетъ вѣнчать оцѣпенѣлую свою голову.

Какъ далеки мы отъ наставленій, Джелаледдина: «Сынъ мой, считай тождественными всѣ религіи: вотъ три урны, онѣ имѣютъ различныя формы, но вода, въ нихъ налитая, одна и та же». Подобно вѣющему отъ пустыни самуму дыханіе Магометово изсушило въ душѣ турокъ пышный цвѣтъ мыслей Месневи. Каста жреческая обрушилась на всѣ факторы, поддерживавшіе старый идеалъ. Кружащіеся смирялись и улыбались, укрывшись за своею пассивною философіею. Но бекташи съ ихъ шутками, безбожными пѣснями и распущенными нравами были несговорчивы. Вмѣстѣ съ янычарами составили они очагъ невѣрія и свободолюбивыхъ развлеченій. Учители корана рѣшили нанести имъ сильный ударъ, когда въ царствованіе Магомета IV, отмѣненъ былъ наборъ въ армію молодыхъ грековъ. Организуя съ тѣхъ поръ невѣрующую армію изъ однихъ лишь дѣтей и родственниковъ старыхъ янычаровъ, они надѣялись сдѣлать ее болѣе дисциплинированною и болѣе мусульманской. Мѣра эта установила полный политическій разрывъ между мусульманами и христіанами. Результатомъ ея было увеличеніе мужскаго народонаселенія въ Архипелагѣ, и она послужила такимъ образомъ приближенію независимости Греціи. Въ городахъ христіанъ заставили носить одѣяніе, указывавшее на ихъ подчиненное положеніе, строить дома безъ наружныхъ украшеній и не выше опредѣленной очень малой величины. Именовать ихъ стали не иначе, какъ презрительнымъ и унижающимъ прозвищемъ раій, т. е. дойнаго скота. Фанатическія идеи, принесенныя изъ Эль-Азгара, произвели свое дѣйствіе не сразу. Народъ не отказывается со дня на день отъ привычныхъ понятій. Потребовалось сто лѣтъ повтореній и настояній, чтобы, пропитавшись въ глубину души турецкой, идеи эти пустили въ ней крѣпкіе корни. Въ настоящее время онѣ царятъ въ ней въ качествѣ неизмѣннаго, постояннаго чувства.

Народъ безъ рода и отечества.

Турки забирали въ ложе свое всѣ побѣжденныя національности. Въ результатѣ войнъ Селима и Солимана мусульманскія дѣвушки страны Черкесовъ, Сиріи, Египта, Аравіи замѣстили собой въ гаремахъ женщинъ греческихъ. Со времени своего усыпленія турки начали испытывать какое-то инстинктивное отвращеніе къ христіанской плоти. Въ то же самое время рынки Африки ввели въ избыткѣ въ дома ихъ черныхъ невольницъ и евнуховъ. Домашній космополитизмъ, слагавшійся изъ стихій варварскихъ, въ свою очередь, примкнулъ къ вліянію религіи, чтобы начисто изгладить въ душѣ турокъ всякое національное чувство.

Одинъ видный турецкій публицистъ, у котораго я разъ вечеромъ на берегахъ Босфора обѣдалъ, сказалъ мнѣ: «Цивилизація, м. г., слагается изъ двухъ сторонъ, одной моральной, другой матеріальной». Поднявъ свой ножъ, онъ опустилъ его на скатерть перпендикулярно, чтобы рѣзче выразить раздѣленіе. «Конечно, европейцы изобрѣтеніемъ пара превзошли насъ нынѣ въ матеріальномъ отношеніи, но мы имѣемъ надъ ними превосходство моральное. Такъ, законъ обязываетъ ихъ имѣть общеніе съ одною лишь женщиною, они же имѣютъ его, нарушая законъ, со многими. Нашъ законъ, болѣе сообразный съ природою, дозволяетъ намъ быть многоженцами, что мы и дѣлаемъ. Морально такимъ образомъ мы высшія существа, ибо всякій человѣкъ долженъ держаться своего закона. (Чтеніе французскихъ романовъ и въ самомъ дѣлѣ заставляетъ думать мусульманъ, что всѣ христіане прелюбодѣи). «Въ нашемъ обществѣ нѣтъ проституціи» закончилъ хозяинъ торжественно. На самомъ же дѣлѣ законъ Магомета дѣлаетъ изъ каждаго дома мусульманскаго пріютъ терпимости. Здѣсь мы касаемся внутреннихъ, интимныхъ причинъ паденія турокъ.

Что такое у турокъ семья? Она ни въ чемъ не похожа на внутренній бытъ христіанскаго міра, на эти маленькія соціальныя ячейки, въ которыхъ человѣкъ проводитъ и отпечатлѣваетъ на всемъ свою личность, въ которыхъ мужъ и жена живутъ одной общей жизнью, гдѣ сливаются голоса ихъ и самые ихъ характеры, гдѣ около нихъ создается на благо выростающимъ дѣтямъ мягкая нравственная атмосфера, заимствующая отъ мужчины силу и нѣжность отъ женщины. Въ домѣ турка стѣна: съ одной стороны держатся самцы, съ другой самки; на одной половинѣ продолжаетъ жить духъ и языкъ казармы, на другой ютятся кокетство и ревность соперницъ-женщинъ. И въ той и въ другой половинѣ живутъ существа постороннія другъ другу и чуждыя: негры, поставляемые чрезъ Бенгали, нубійскіе евнухи, черкешенки, проданныя отцами своими, рабыни изъ племени латовъ и

албанцевъ. Никакое общеніе чувствъ не связываетъ однихъ съ другими существа эти, выроставшіе въ дальнихъ мѣстностяхъ и въ дѣтствѣ своемъ говорившія на языкахъ, несродныхъ съ турецкимъ.

Они не образуютъ плотной, компактной массы вокругъ хозяина дома иначе, какъ лишь по одеждѣ въ удовлетвореніи запросовъ желудковъ ихъ. И самъ хозяинъ, въ свою очередь, привязанъ къ центральной власти лишь въ силу той же и единственной нужды въ хлѣбѣ. Турецкое семейство, въ маломъ, настоящее изображеніе Имперіи. Сирійцы, арабы, курды, черкесы, босняки и татары, участвующіе въ управленіи Имперіею, не заинтересованы въ существованіи ея ни единою страстью, перешедшею къ нимъ съ завѣтами предковъ, никакою патріотической привязанностью. Обремененные женами, дѣтьми, рабынями и бѣдными родственниками, они нуждаются, чтобы жить, въ бюджетѣ, который имъ нельзя держать въ равновѣсіи, не предаваясь открытому взяточничеству. Для нихъ государство—добыча, а султанъ—распредѣлитель злата и должностей; онъ главный поваръ, разливающій по открытымъ ртамъ ихъ ежедневные раціоны, они пребываютъ въ рабскомъ ему подчиненіи, подобно тому, какъ повинуются имъ собственные рабы ихъ.

Этимъ всецѣлымъ отсутствіемъ національнаго чувства объяснять должно и тираническое всемогущество у турокъ мусульманской религіи. Между чуждыми другъ другу личностями, составляющими семью, между людьми многоразличныхъ происхожденій, образующими правительство, исламъ—необходимая и единственная моральная связь. И сила его тѣмъ внушительнѣе, что, имѣя принципомъ униженіе христіанина, онъ даетъ какъ бы божественную санкцію грабежамъ и гоненіямъ, составляющимъ основу дѣйствующаго нынѣ режима. Со словомъ молитвы *бисмилляи* совершаются всюду великія избіенія. Тартюфы мусульманскаго міра, всѣ служители Іелдиза, всѣ министры и чиновники Имперіи пять разъ въ день прерываютъ свои занятія, чтобы омыть себѣ руки до локтей и пасть ницъ на коврѣ, лицомъ къ Меккѣ. Нигдѣ въ исламѣ не придается большей непрерѣкаемости священнымъ текстамъ, какъ въ Турціи, нигдѣ такъ строго и механически не соблюдаются посты, омовенія и моленія.

Турецкій юноша нашихъ дней можетъ получить воспитаніе въ свѣтской школѣ, можетъ одѣваться по лондонской модѣ, носить монокль, кататься на велосипедѣ, играть въ клубѣ и составить себѣ даже маленькую философскую библіотечку. Подъ европейскимъ лакомъ этимъ онъ не будетъ оттого ни болѣе нравственнымъ, ни болѣе патріотомъ, чѣмъ всякій рядовой турокъ безъ образованія. Это потому, что ежеминутно погружается онъ въ разрушительныя ощущенія семьи своей, посѣщаемаго имъ министерства и дворцовыхъ переднихъ. Наиболѣе

поразительный примѣръ невліятельности европейскаго образованія на характеръ турка данъ Назимомъ-пашею, который былъ *младо-туркомъ* и сторонникомъ конституціи, не поколебался принять доходную должность министра полиціи и сдѣлаться палачемъ у Абдулъ-Гамида.

Отступленіе ордъ. Но есть еще другое соціальное явленіе, не менѣе этихъ нравовъ содѣйствующее укорененію въ Турціи фанатизма.

Турецкое правительство не считаясь съ тѣмъ, что утрачивало постепенно провинцію за провинціей, сохраняло упорно тѣ же самые кадры чиновниковъ, тѣ же самыя издержки на нихъ, тотъ же домашній тонъ и строй управленія, между тѣмъ какъ изъ этихъ утраченныхъ областей, Крыма, Греціи, Валахіи, Сербіи, Болгаріи, Босніи, также какъ и съ занятаго русскими Кавказа, всѣ мусульмане, не подчинившіеся европейскимъ порядкамъ управленія и правильному режиму экономическому, методически выселялись и продолжаютъ выселяться и понынѣ въ мѣстности, остающіяся подъ турецкимъ владычествомъ, въ тѣ счастливыя мѣстности, гдѣ они могутъ себѣ бродить и скитаться, подобно кочевникамъ, по разнымъ мѣстамъ, и грабить лошадей, овецъ, жизненные припасы и считать себя свободными отъ налоговъ. Такого рода одичалое населеніе Имперіи возросло въ теченіе этого вѣка въ прямой пропорціи съ уменьшеніемъ производителей цѣнностей. Каждая неудача Турціи сопровождалась особымъ нашествіемъ варваровъ, налагавшимъ на раію лишнія тягости и работы.

Преобладающіе и господствующіе элементы мусульманской Турціи слагаются въ настоящее время изъ этихъ грабительскихъ ордъ и изъ сластолюбцевъ-чиновниковъ. Нетрудно понять естественный союзъ, установившійся между этими обоими сортами существъ, совершенно между собою несходныхъ. И въ самомъ дѣлѣ, между сибаритами босфорскихъ побережій и грубыми курдами, между этими курдами и племенемъ магометанскихъ критянъ, говорящихъ по гречески, между шайкой блѣднолицыхъ албанцевъ и племенемъ бронзово-кожихъ бедуиновъ не существуетъ ничего общаго ни въ правахъ, ни въ преданіяхъ, ни въ языкѣ. Но какъ ни чужды они одни другимъ, люди эти чувствуютъ себя сближенными общей потребностью въ пропитаніи. Одно и только одно убѣжденіе ихъ одушевляетъ: они имѣютъ въ этомъ мірѣ право на праздное существованіе; они имѣютъ право жить трудомъ христіанъ; они вправѣ держать послѣднихъ въ состояніи вѣчнаго подчиненія на положеніи «дойнаго скота». Въ Карахиссарѣ во время армянскихъ избіеній муллы останавливали умерщвленіе женщинъ и дѣтей словами: «У дерева надо отнять его вѣтви, но не вырывать его съ корнями, чтобы дѣти, наученные примѣромъ, выростали въ подчиненіи и вновь служили бы туркамъ съ вѣрностью». «Убивайте взрослыхъ, говорили тѣ же люди въ Константинополѣ, но щадите дѣтей,

такъ какъ они будутъ годны намъ на завтра». Христіанинъ, въ понятіяхъ мусульманъ, созданъ Богомъ на службу туркамъ изъ рода въ роды, безъ конца и срока.

Панисламизмъ, какъ видно, не одна лишь мозговая болѣзнь; это и вопросъ чрева. Панисламизмъ—это оборонительный союзъ, въ который вошли всѣ плохо-снабженные средствами для борьбы въ современной жизни. Личности, испытывающія затрудненія изъ-за расточительныхъ вкусовъ, инстинктивно соединены съ номадами и горцами-опустошителями подъ эгидой корана, для борьбы на жизнь и на смерть противъ нашествія европейцевъ, для неподчиненія христіанскому понятію о томъ, что человѣкъ долженъ жить въ потѣ лица своего, и для подавленія массовыми избіеніями возмущенія рабовъ-поставщиковъ пропитанія ихъ, *раіи*,—этихъ сильныхъ и древнихъ туземныхъ расъ, которыя подъ вѣковымъ ярмомъ и при жизни подъ всегдашнею угрозою, пріобрѣли склонность къ труду, бережливости и размышленію, откуда они извлекаютъ теперь ихъ сознаніе личнаго и національнаго достоинства и свое стремленіе къ освобожденію. Въ этомъ всѣ причины тройнаго мученичества демократіи греческой, болгарской и армянской.

Реформы будутъ непримѣнимы въ Турціи до тѣхъ поръ, пока въ ней будетъ длиться мусульманскій режимъ. Отъ людей, нѣсколько вѣковъ спеціализировавшихся въ грубости, праздности, грабежѣ и разнузданнѣйшей чувственности, требовать, чтобы они признали за собой тѣ же права и обязанности, какъ ихъ «стадо», значитъ требовать отъ нихъ, чтобы они умерли отъ стыда и отъ голода.

IV. Реформы.

Имѣется однако своя исторія у турецкихъ реформъ. Въ 1839 году Решидъ-Паша въ розовомъ павильонѣ Сераля прочелъ знаменитый хатти, переложеніе декларации о правахъ человѣка. Что же за чудо приключилось съ Турціей, что въ ней состоялось событіе, въ такой мѣрѣ противорѣчащее разслѣдованному нами характеру турка? Въ 1839 году, когда болѣзненный шестнадцатилѣтній принцъ наслѣдовалъ Махмуду, Мегеметъ-Али только что отнялъ у имперіи Египетъ, Палестину, Сирію и Киликію; Ибрагимъ-паша довелъ войска свои до воротъ Константинополя, четыре священныхъ города Мекка, Медина, Дамаскъ и Іерусалимъ, и весь Исламъ возстали противъ Османской династіи. Халифатъ de facto не существовалъ уже болѣе. У Турціи оставалась одна лишь армія: она была уничтожена Ибрагимомъ въ Низобѣ, въ день восшествія принца на престолъ; оставался флотъ, еще способный безпокоить Египетъ; адмиралъ Ахмедъ-паша отвелъ его къ Александріи и передалъ Мегемету-Али. Въ то же время русскіе требовали отъ Порты, чтобы она дозволила имъ вступить на ту-

рецкую территорію подъ предлогомъ освобожденія ея отъ египтянъ. Султанъ и министры его кинулись къ ногамъ пословъ, которыхъ они нѣсколько лѣтъ ранѣе заключили бы въ оковы. Турки видѣли это ошеломительное зрѣлище,—повелителя ихъ и халифа, вынужденнаго молить гяуровъ, чтобы они спасли его отъ руки мусульманъ. Не могло быть болѣе страшнаго удара ихъ гордости; но какъ ни сильно потрясъ онъ ихъ фанатизмъ, онъ все же не внушилъ бы имъ мысли о провозглашеніи раіи за равныхъ себѣ.

Пожалованіе реформъ было вынужденнымъ кокетничаньемъ со стороны визирей Решида, Фуада и Али по отношенію сначала къ Пальмерстону и затѣмъ къ Наполеону III. Англія не только желала, она требовала этихъ реформъ, въ которыхъ Пальмерстонъ находилъ самые сильные свои доводы въ доказательство московскаго варварства. Что сдѣлано было для угнетенныхъ грековъ университетами, то же самое думалъ этотъ министръ сдѣлать въ пользу турокъ и противъ Россіи чрезъ англиканское духовенство. Чрезъ десять лѣтъ послѣ жестокихъ избіеній христіанъ въ Греціи, клержимены начали толковать о «честномъ и добромъ мусульманинѣ», между тѣмъ порицая одновременно грубыя суевѣрія православныхъ и возставая горячо противъ обожателей Пр. Дѣвы, *маріолатровъ*,—по выраженію, изобрѣтенному ими при этомъ случаѣ. То были элементы анти-русскаго крестоваго похода, предшествовавшаго Крымской кампаніи и освящавшаго ее въ глазахъ ханжествующаго населенія Англіи. Эта религіозная реторика, которой лицемѣріе было разоблачено лишь Гладстономъ, казалась вполнѣ убѣдительной современникамъ того и другого берега Ламанша. Близорукость Луи-Филиппа и гуманитаризмъ Наполеона III легко поймались въ эту ловушку, и Франція была увлечена къ союзу съ Англіей для подавленія въ Египтѣ Мегемета-Али, союзника ея, который заграждалъ англичанамъ дорогу въ Индію, и для униженія подъ Севастополемъ русскихъ, вступленіе которыхъ въ Константинополь вредило непосредственно однимъ лишь британскимъ интересамъ. Занятіе Кипра и Нильской долины были результатомъ этого маневра, веденнаго съ хладнокровіемъ и смѣлостью, достойными удивленія. Турецкія же реформы стоили столько же, сколько могло стоить и по своей продолжительности, и по искренности англо-французское соглашеніе.

Если бы дѣло это предоставили туркамъ, они удовольствовались бы тѣмъ, что переписали бы акты реформы красивыми письменами съ золотыми, красными и зелеными буквами на императорскихъ пергаментахъ да на томъ и покончили бы. Но англичанамъ нужны были факты, реальное; они этого и добились. Въ продолженіе всего перваго преобразовательнаго періода, Турція имѣла двухъ властителей: Абдулъ-Меджида, чахоточнаго государя, влачившаго чахлую жизнь свою въ

кіоскахъ и садахъ Босфора въ сообществѣ женщинъ и музыкантовъ, и *Кучукъ-Падишаха* (маленькаго императора), которымъ былъ лордъ Каннингъ. Каннингъ окружилъ себя дервишами. Онъ былъ первый изъ европейцевъ, увидѣвшій въ нихъ не фанатиковъ, но адептовъ цивилизаціи. Онъ катался въ открытой коляскѣ, окруженный кружащимися, посѣщалъ ихъ монастыри, заучилъ на память философскія изреченія, научился по-турецки и завоевалъ себѣ сердца наиболѣе несговорчивыхъ пашей, бросая имъ въ лицо тѣ крѣпкія казарменныя ругательства, до которыхъ они такіе охотники. Онъ повторялъ всѣмъ мусульманамъ, что никогда не было на свѣтѣ религіи, болѣе возвышенной, чѣмъ исламъ. И какъ было ему не обойти простоту турокъ, ему, который, пригласивъ на обѣдъ маршала Сентъ-Арно, принялъ его семейно, окруженный женой и дѣтьми, подкупилъ христіанскою набожностью очага своего, молитвой, которою начался и закончился обѣдъ, и къ концу вечера добился отъ него отозванія одного изъ энергичнѣйшихъ пословъ, какихъ имѣла въ Портѣ Франція, г. Тувенеля.

Когда англичанинъ, всегда остающійся человѣкомъ практическимъ, задумаетъ играть комедію, никто не можетъ превзойти его въ дипломатіи. Пальмерстонъ, Каннингъ и Биконсфильдъ, три творца туркофильства, принадлежатъ къ этой театральной школѣ англичанъ-парламентаріевъ.

Итакъ, реформы турецкія были британскою выдумкою. Тому простѣйшее и осязательное доказательство мы имѣемъ въ томъ, что всѣ турки, сторонники преобразованій, получили въ странѣ своей прозвище *ингилизъ* (англичанинъ); такъ и донынѣ говорятъ ингилизъ-Мехмедъ-бей, ингилизъ-Али-паша...

Въ чемъ состояли эти реформы, дававшія въ продолженіе цѣлаго двадцатипятилѣтія отцамъ и дѣдамъ нашимъ иллюзію свободы? Христіанамъ было дозволено сбросить облаченія, ихъ отличавшія отъ турокъ; они получили право строить такіе же дома, какъ и мусульмане; почти абсолютная свобода печати дала мѣсто на языкахъ турецкомъ, греческомъ и армянскомъ переводамъ французскихъ произведеній и появленію романовъ, пьесъ и стиховъ, обнаружившихъ большое довольство жизнью; свѣтскія школы заставили думать о торжествѣ духа изслѣдованія; театры переполнились публикой, даже для турецкихъ женщинъ нашлось въ нихъ мѣсто, и между тѣмъ какъ анархія продолжала царить въ провинціяхъ, Константинополь, подобно Каиру, пріобрѣлъ тотъ видъ элегантной ярмарки, который Наполеонъ III придалъ Парижу и который стали перенимать всѣ столичные города.

Но за этими поверхностными и наружными перемѣнами, передѣлался ли самый характеръ турка? Обратилась ли турецкая душа, на-

фантазированная кораническимъ обученіемъ, къ какому-нибудь новому идеалу? Если мы наведемъ справки у современныхъ писателей, а именно у апостола освободительныхъ идей, Кемаль-бея, то найдемъ въ книгахъ ихъ какую-то нескладную смѣсь мусульманскихъ предоставленій и французскихъ формулъ. Завоеваніе Испаніи, халифъ Омаръ, Кербела, Мекка и фразы Руссо сталкиваются другъ съ другомъ въ стихахъ ихъ и въ прозѣ, чтобы въ концѣ концовъ придти къ представленію о томъ же панисламизмѣ, въ нѣдрахъ котораго мусульманская личность найдетъ себѣ будто бы большую личную свободу. Стало быть, не было для турокъ никакого чувствительнаго улучшенія въ области моральной: идея отечества въ мозгу ихъ осталась по прежнему слитою съ идеей религіи. Явленіе весьма знаменательное: обвѣянные тѣмъ же вѣтромъ свободы, принесеннымъ на Востокъ Англіею и Франціею, христіане-греки, болгары и армяне, съ своей стороны, стремятся къ исполненію одного лишь пламеннаго желанія: жить жизнью независимой и національной. Такимъ образомъ, прикосновеніе къ Европѣ только усилило и съ той и съ другой стороны отчужденіе, созданное кораномъ.

Переворотъ Мидхада-паши. — Мидхадъ пришелъ къ убѣжденію, что онъ могъ бы, при помощи конституціи, видоизмѣнить и слить воедино столь рѣзко расходившіеся дотолѣ характеры, каковы христіанское и мусульманское населенія Турціи. Въ 1875 году, если не ошибаемся, онъ сдѣлалъ опытъ образованія христіанскаго войска. Хасанъ-Риза, военный министръ, проходя на смотру первый славянскій контингентъ, удивилъ офицеровъ, командовавшихъ по-турецки, тѣмъ, что обратившись къ солдатамъ громкимъ голосомъ крикнулъ имъ: *слушай!* на ихъ родномъ языкѣ. Въ слѣдующемъ году организовали особый баталіонъ изъ волонтеровъ, выбранныхъ изъ христіанъ и изъ мусульманъ. На его знамени фигурировали скрещенные вмѣстѣ полумѣсяцъ и крестъ. Эти новые янычары приведены были къ Шейхъ-уль-исламу и къ патріархамъ, давшимъ имъ свои благословенія. Но противъ кого-же выступали они въ походъ? Противъ Сербовъ? И въ то время, когда на красномъ лоскутѣ нашивались двѣ непримиримыя эмблемы, вся болгарская долина окровавлена была избіеніями, ужасы которыхъ равнялись однимъ звѣрствамъ въ Арменіи. Есть одна черта въ его жизни, характеризующая Мидхада-пашу лучше, чѣмъ цѣлый томъ біографіи. Въ то время, когда онъ правилъ Дунайскими областями, около него былъ учитель, одновременно обучавшій его французскому языку и исторіи Франціи. «Я хочу быть Кольберомъ Турціи», имѣлъ онъ привычку повторять въ эту эпоху своимъ приближеннымъ и занимался устройствомъ дорогъ, обсаженныхъ деревьями, школъ, фабрикъ и кафе-шантановъ. Когда онъ былъ посланъ въ Багдадъ, украшенный имъ въ томъ же фасонѣ, учитель и ученикъ перешли отъ царствованія Людовика XIV къ страницамъ, излагавшимъ событія революціи. Пылкій умъ Мидхада пораженъ былъ образомъ головы королевской, показываемой освобожденному народу. Здѣсь, на берегахъ Тигра, готовилъ онъ свой coup d'état. Для Турціи ему грезились драматическій конецъ эры тирановъ, свой Людовикъ XVI, свой парламентъ. Онъ покинулъ Багдадъ мятежникомъ и всѣ мысли свои направилъ къ осуществленію переворота. Оттоманскія палаты слишкомъ малое время засѣдали, чтобы можно было судить о качествѣ ихъ трудовъ. Рѣчи, которымъ онѣ давали мѣсто, были совершенно безцвѣтныя, за исключеніемъ одного засѣданія. Когда турецкіе депутаты подняли вопросъ о господствѣ турецкаго языка и обязательности его для всѣхъ школъ христіанскихъ, вождь греческой партіи горячо воспротивился этому, доказывая, что языкъ этотъ не заключалъ въ себѣ никакихъ элементовъ цивилизаціи, ни единаго способнаго къ усвоенію выраженія для науки, искусства и морали. Пренія оживились, и въ концѣ ихъ греческій лидеръ со всѣми сторонниками покинулъ залъ засѣданія.

Неудача 1878 г. доказала, впрочемъ, убѣдительно неприложимость формулы свободы къ причинамъ разложенія Турціи. Опытъ съ реформами въ результатѣ привелъ лишь къ подавляющей реакціи Абдулъ-Гамидова царствованія. Подъ владычествомъ магометанскимъ и халифскимъ пытаться ставить христіанъ и мусульманъ на одну политически равную ногу было безуміе, — и потому-то они оказались раздѣленными нынѣ цѣлой рѣкой крови.

Младо-турки. — Недовольные чиновники, образующіе нынѣ младотурксскую партію, ни въ чемъ не расходятся съ доктринами Кемаля, котораго учениками они являются. Подобно ему они стоятъ замкнутые въ религіозной идеѣ. Панисламизмъ, деклараціи примѣнительно къ французскому кодексу, — вотъ содержаніе статей ихъ журналовъ. Они хотятъ за одинъ разъ и парламента и халифатства! Мурадъ-бей представляетъ намъ живой образецъ антономіи, существующей между аватами, которые, подъ именемъ конституціи, младо-турокъ считалъ своей обязанностью дѣлать раіамъ, и истинными его чувствами въ отношеніи ихъ; Муратъ-бей не ощутилъ никакого угрызенія совѣсти, публикуя въ Рущукѣ анонимную брошюру, въ которой онъ проповѣдуетъ избіеніе армянъ, какъ средство укрѣпить исламъ; затѣмъ онъ сдѣлалъ себѣ изъ избіеній этихъ ступеньку, сталъ въ положеніе великаго патріота въ Лондонѣ и Парижѣ, искалъ содѣйствія армянскихъ комитетовъ и Ахмеда-Ризы противъ султана, попытался увлечь хедива къ идеѣ аравійскаго халифата и въ концѣ концовъ позволилъ подкупить себя Абдулъ-Гамиду, которому передалъ все, что онъ видѣлъ и слыхивалъ. Многіе чиновники предшествовали и слѣдовали за Мурадъ-беемъ въ его круговыхъ поѣздкахъ по Европѣ, закончившихся корыстнымъ

отступничествомъ, и молодая Турція не имѣла бы, собственно, права ни на какое вниманіе, если бы она не украшалась и не поддерживалась личностью Ахмеда-Ризы, издателя *Мешвереta*.

Ахмедъ-Риза принадлежитъ къ старой турецкой фамиліи. Отецъ его Ингилизъ-Али-бей, былъ посломъ въ Вѣнѣ, министромъ народнаго просвѣщенія, затѣмъ былъ сосланъ въ Конію за свои либеральныя идеи. Его мать, австріячка, воспитала всѣхъ дѣтей своихъ, читая имъ Шиллера. Въ Парижѣ, гдѣ получилъ онъ школьное образованіе, Ахмедъ-Риза посѣщалъ исключительно одинъ лишь узкій и доктринерскій кружокъ, которымъ руководствуетъ Пьеръ Лафиттъ. Отъ главы позитивистовъ заимствовалъ онъ всѣ свои абстрактныя формулы. Онъ любитъ прежде всего слова: порядокъ, прогрессъ, система, которые повторяетъ при каждомъ случаѣ и которымъ придаетъ значеніе универсальной панацеи. Онъ убѣжденъ, что конституція излечитъ Турцію отъ всѣхъ ея недуговъ. Ахмедъ-Риза совсѣмъ не революціонеръ въ родѣ Мидхада-паши. Онъ даже не политическій дѣятель. Неумѣренность въ чтеніи книгъ дѣлаетъ его неспособнымъ ни понимать людей, ни управлять ими. Равнымъ образомъ никогда не переходилъ онъ отъ слова къ дѣлу. Далекій отъ этого, онъ надѣется, что мудрость дипломатіи и мудрость самаго Абдулъ-Гамида убѣдятся когда-нибудь въ превосходствѣ программы его, осуществленія которой онъ ждетъ отъ ихъ доброй воли! Серьезный, грустный, съ преждевременно посѣдѣвшими волосами, весьма приличный въ своей внѣшности, Ахмедъ-Риза имѣетъ складъ ума нѣмца-профессора, упорно стоящаго на одной точкѣ зрѣнія, и вовсе не похожъ на главу партіи. И, однако, Абдулъ-Гамидъ боится его. Не разъ подсылалъ онъ къ нему десятокъ приближенныхъ своихъ, дѣлавшихъ ему самыя выгодныя предложенія для возвращенія въ Константинополь. Послѣдній изъ этихъ посланцевъ былъ Сурури-бей, вотчимъ Ахмеда-Ризы. Онъ принесъ ему чекъ на 5.000 фунтовъ (115.000 франковъ).—«Сожалѣю, что Вы мой родственникъ», сказалъ ему изгнанникъ, и съ простотою, по истинѣ великою, отвелъ его къ дверямъ помѣщенія, занимаемаго имъ на 5 этажѣ, въ улицѣ Монжъ.

Старо-турки. — Мы видѣли уже, какъ у сторонниковъ реформъ,—принадлежатъ ли они къ первоначальной группѣ Кемаля или къ нынѣшимъ младо-туркамъ—упорно держится, наперекоръ ихъ французской реторикѣ, непреодолимая антипатія, одушевляющая мусульманъ Турціи противъ христіанъ. Старо-турки и слышать не хотятъ никакихъ разговоровъ о конституціи и о равенствѣ. Но эта нетерпимость въ отношеніи политики не исключаетъ въ нихъ чувствъ человѣколюбія, явно обнаружившихся во время армянскихъ избіеній. Скутари, лежащій на азіатскомъ берегу Босфора, славится турецкимъ своимъ

населеніемъ наиболѣе древняго происхожденія и наиболѣе привязаннымъ къ расовымъ преданіямъ: вмѣстѣ съ Кади-кіоемъ Скутари былъ единственнымъ столичнымъ пригородомъ, гдѣ не было избіеній. Старотурецкія семьи, населяющія его, формально отказались позволить, чтобы кровавое дѣло это совершилось на ихъ глазахъ. Въ Кади-кіоѣ маршалъ Фаубъ-паша сѣлъ верхомъ на коня и въ теченіе сорока восьми часовъ, пока продолжалась рѣзня, самолично стоялъ на стражѣ, чтобы не допустить приближенія шаекъ убійцъ. Въ Бруссѣ губернаторъ Мунирь-паша, вынужденный выбирать между приказами Ильдизскаго дворца и своей человѣческой совѣстью, рѣшился спасти свою область отъ смерти и грабежа и былъ лишенъ за то должности. И наряду съ простымъ муллой Ейюбскимъ, укрывшимъ въ своемъ помѣщеніи два десятка армянъ какимъ жалкимъ представляется намъ Мурадъ-бей, отправившійся къ Гладстону умолять его о словѣ сочувствія либераламъ туркамъ. «По правдѣ сказать, я мало ихъ видѣлъ», отвѣтилъ ему великій старецъ, «и желаю, чтобы число ихъ умножилось»!

Эти акты самопожертвованія и покровительственной защиты со стороны старо-турокъ доказываютъ сохранившійся еще въ душѣ племени слѣдъ того древняго идеала, носителями котораго продолжаютъ быть кружащіеся и бекташи. Но эти дервиши становятся все менѣе и менѣе вліятельными. Несомнѣнно, что день, въ который падетъ халифатъ, откроетъ для нихъ эру возрожденія и что они будутъ, какъ прежде, трудиться надъ сближеніемъ мусульманъ съ христіанами. А пока, охваченные вялостью окружающихъ нравовъ, вынужденные преклоняться передъ оффиціальнымъ положеніемъ о томъ, что всяческая мудрость и исторія берутъ свое начало въ исламѣ, они утратили всякую силу и способность къ иниціативѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и смыслъ древнихъ пантеистическихъ и греческихъ философій, составляющихъ основаніе ихъ ученій. Они уже не распространяютъ болѣе идей; они лишь сохраняются въ состояніи пережитковъ.

Коротко говоря, ни старые, ни молодые турки не могутъ спасти Турцію отъ ея гибели. Курды, лазы, албанцы, сирійскіе арабы,—вотъ кто хозяйничаетъ теперь въ Имперіи. Они повелѣваютъ въ войскахъ, они расчищаютъ провинціи, они же распоряжаются и въ Илдизѣ. Справедливо указывалось, что среди Рахибовъ, Назимовъ, Ханаповъ, Иззетовъ, Абулъ-Гудовъ, составляющихъ совѣтъ султана, нѣтъ ни одного настоящаго турка. Противъ всемогущихъ варваровъ этихъ, порѣдѣвшіе послѣдователи кружащихся и еще болѣе рѣдкіе сторонники реформъ не могли бы и противостать стойкимъ образомъ, будучи связаны съ ними религіею, нравами и нуждой въ пропитаніи и присущей каждому турку, и фанатику и просвѣщенному, идеей о томъ, что нѣтъ отечества внѣ ислама. Если Турція мусульманская съ покорностью под-

чиняется въ наши дни правленію султана-убійцы, это значитъ, что, въ силу того явленія, какое мы назвали выше «отступленіемъ ордъ», соціальный порядокъ ея находится въ состояніи прямо преступномъ.

Въ чемъ же разрѣшеніе турецкаго вопроса?

Рѣшеніе это не есть что-нибудь имѣющее прійти къ намъ изъ будущаго. Оно совершается передъ глазами нашими уже цѣлое столѣтіе: это раздробленіе Турціи на различныхъ началахъ: національностей, автономій, присоединеній. Иные дивятся, что операція эта не совершается разомъ и заключаютъ изъ этого, что Турція обладаетъ еще жизненною силою. Сравнивать и измѣрять продолжительность существованія какого-либо государства по мѣрѣ продолжительности человѣческаго существованія было бы ребячествомъ. Сообразимъ, что отдѣлено отъ Турціи въ одно лишь царствованіе Абдулъ-Гамида: Болгарія, Герцеговина, Боснія, Восточная Румелія, Ѳессалія, Эривань, Карсъ, Батумъ, Кипръ, Египетъ, Тунисія, Критъ... Трудно представить себѣ, чтобы какая-либо Имперія раскраивалась на куски съ большею быстротою. Постепенное разчлененіе: вотъ единственное и въ то же время правильное рѣшеніе. Чтобы передѣлать и исправить турка, нѣтъ иного способа, какъ ввести его въ ярмо. Мы это можемъ видѣть въ Босніи, въ Болгаріи и въ областяхъ, ставшихъ русскими: лишь только мусульманское правленіе для него прекратилось, турокъ дѣлается дисциплинированнымъ солдатомъ, мирнымъ раіей, воздѣлывателемъ полей. Недугъ Турціи кроется ни въ чемъ иномъ, какъ лишь въ исламской системѣ правленія. Мы говоримъ здѣсь не о философіи этой религіи, а объ ея политическихъ принципахъ, осуждающихъ христіанина на вѣчное униженіе, и объ ея морали, поддерживающей нравы, наиболѣе противорѣчащіе требованіямъ современнаго государства. Законъ Корана, родившійся изъ условій жизни въ пустынѣ, превосходный законъ для номадовъ, негровъ, африканцевъ и другихъ тому подобныхъ существъ, сдѣлался чудовищною нелѣпостью въ Константинополѣ. Въ Имперіи, которая, чтобы держать въ единеніи столько различныхъ народностей, нуждалась въ самыхъ снисходительныхъ правилахъ и пріемахъ управленія, онъ (законъ корана) создалъ жесточайшія раздѣленія и ненависти. Онъ не только извратилъ умы, — но изсушилъ и самую почву. Всей Малой Азіи, всей Фракіи онъ придалъ соціальный и физическій видъ Аравіи: бродячіе кочевники, которые грабятъ, «стада», помѣщенныя за загородками, которыя состоятъ изъ христіанъ, и земли благодатно-плодородныя, которыя страхъ и отсутствіе безопасности превращаютъ въ безотраднѣйшія пустыни.

Существованіе халифата въ Европѣ возмутительный анахронизмъ, взывающій объ его уничтоженіи. Но разсчетъ европейскихъ державъ требуетъ, чтобы христіане не были пощажены ни отъ единаго изъ

ужасовъ, какіе хранитъ для нихъ мусульманскій режимъ. Прежде, чѣмъ войти въ домъ, недурно поджечь его, чтобы поводомъ къ вторженію была мысль о помощи. Въ продолженіе армянской рѣзни султанъ получалъ одобренія изъ двухъ дипломатическихъ канцелярій. Это значитъ, что принципъ національностей, если доводить его до его крайнихъ послѣдствій на Востокѣ, чрезвычайно уменьшаетъ область европейскихъ вожделѣній. Малые народцы, вчера лишь родившіеся на развалинахъ Турціи, имѣли несчастіе отнестись къ своей свободѣ серьезно. Они не пожелали играть въ руку канцелярій, пытавшихся привлечь ихъ къ вассальному подчиненію призракомъ освобожденія. Противодѣйствіе это составляетъ то, что именуется ихъ *неблагодарностью*. Словцо, изобрѣтенное англичанами, примѣнено было ими къ Греціи; русскіе воспользовались имъ противъ болгаръ и, ранѣе срока, противъ армянъ: «Мы не желаемъ въ Малой Азіи второй *неблагодарной* Болгаріи!» Блокада Крита и греко-турецкая война разоблачили намъ это чувство недовольства канцелярій, встрѣтившихъ помѣхи въ ихъ планахъ раздѣла.

При исключительномъ преобладаніи въ головахъ турокъ панисламитическаго безумія и сосредоточеніи всѣхъ ихъ физическихъ силъ въ милитаризмѣ, нельзя обманываться насчетъ природы ихъ послѣднихъ конвульсій. Противъ тѣхъ, кого мусульманское ослѣпленіе мѣшаетъ имъ сдѣлать своими союзниками, противъ болгаръ, сербовъ, грековъ, армянъ, подъ предводительствомъ прусскихъ офицеровъ используютъ они ихъ пушки, сабли, маузеровскія ружья и пылъ фанатизма. Прерванная годами покоя, которыя будутъ однимъ тягостнымъ ожиданіемъ, неотвратимая, къ несчастію, эра жестокостей и убійствъ должна будетъ продолжаться въ Турціи, до того далекаго дня, въ который царь, мститель за кровь христіанскую, севастократоръ, поднимающій изъ праха униженные народы и возстановляющій для Христа Восточную Имперію, отпразднуетъ побѣду свою подъ тысячелѣтними сводами Св. Софіи, въ священной позѣ Св. Георгія, поражающаго змія.

* * *

Преданіе о рожденіи Тамерлана.

Приводимое ниже преданіе о рожденіи Тамерлана (Тимура) заимствовано изъ сочиненія, озаглавленнаго «Тарихи Тимури» и написаннаго въ 1124 году гиджры (1712 г.), въ царствованіе шейбанида Мулла Заманъ-Хана. Авторъ этого сочиненія не подписалъ подъ нимъ своего имени, но, судя по слогу, коимъ книга написана, можно съ увѣренностью сказать, что авторъ этотъ былъ бухарскій таджикъ.

Что касается самого сочиненія, то оно представляетъ собою компиляцію изъ разныхъ источниковъ, трактующихъ о томъ же предметѣ, но съ нѣкоторыми варіантами, основанными, вѣроятно, на устныхъ преданіяхъ. Весьма интересны историческія справки, заключающіяся въ этомъ сочиненіи. Упоминая о какихъ-либо мѣстностяхъ или зданіяхъ, авторъ «Тарихи Тимури» во многихъ случаяхъ приводитъ параллельно съ древними названіями и современныя, а иногда описываетъ также расположеніе и внѣшній видъ данной мѣстности или зданія въ древности. Это имѣетъ несомнѣнное значеніе съ точки зрѣнія археологіи.

Въ краткомъ введеніи, которое авторъ предпосылаетъ своему труду, приводятся источники, коими онъ пользовался и въ числѣ коихъ имѣются такія общеизвѣстныя сочиненія, какъ Зеферъ-Наме, Розетусъ-Сефа, Тарихи Джихангиръ и т. п. Въ этомъ же введеніи авторъ высказываетъ, между прочимъ, слѣдующій весьма почтенный взглядъ на значеніе исторіи: «Польза, приносимая чтеніемъ и изученіемъ исторіи людямъ, занимающимся ею, заключается въ томъ, что они какъ бы переживаютъ двѣ жизни: одну — свою, другую — жизнь прошедшаго. Отъ прежнихъ царей узнается, что хорошо и что дурно и тѣмъ пріобрѣтается опытность въ дѣлахъ государственныхъ и утѣшеніе, когда читающій приходитъ въ отчаяніе отъ превратностей сего міра».

Что касается перевода приводимаго ниже отрывка изъ «Тарихи Тимури», то я старался придерживаться въ немъ возможно ближе къ подлиннику и сохранить, насколько это допустимо, цвѣтистыя и образныя выраженія восточной рѣчи.

В. Клеммъ.

Преданіе о рожденіи Тимура (Тамерлана).

Историки передаютъ, что отецъ Тимура былъ Тургай-Ханъ-Багадуръ изъ потомковъ Караджаръ-Нуяна, двоюроднаго брата Темучина, который теперь извѣстенъ подъ именемъ Чингизъ-Хана. Когда Чингизъ-Ханъ вернулся изъ персидскаго погрома и прибылъ въ свою столицу въ Могулистанѣ, Каракорумъ, то назначилъ своего любимаго сына, Джагатай-Хана, правителемъ Ферганы и Мавера-ан-нахра (странъ лежащихъ восточнѣе Аму-Дарьи), приставивъ къ нему своего визиря, Караджаръ-Нуяна, и отправивъ вмѣстѣ съ нимъ людей изъ 32 племенъ. Такимъ образомъ джагатайцы сдѣлались знатными. Теперь ихъ называютъ Аймаками. Джагатай избралъ своею столицею Кашгаръ, предоставивъ Ма-вера-ан-нахръ Караджаръ-Нуяну. Потомки Джагатая изъ поколѣнія въ поколѣніе царствовали въ Ферганѣ и Ма-вера-ан-нахрѣ, пока не дошла очередь до царствованія Біянъ-Кули-Хана, сына Дуванъ-Хана.

Въ 720 году гиджры (1320 г.) Казанъ-Ханъ, извѣстный подъ именемъ Меликъ-Шаха, царствовалъ въ Бухарѣ. Въ то время въ Бухару прибылъ знаменитый Шейхъ Сейфуддинъ. Жители Бухары стали его учениками и послѣдователями и Всевышній благословилъ ишана такимъ богатствомъ, что у него было на конюшнѣ 700 лошадей разныхъ мастей. Казанъ-Ханъ былъ такой тиранъ, что если онъ требовалъ къ себѣ кого либо изъ высокопоставленныхъ лицъ или изъ мѣстныхъ жителей, то данный субъектъ, прежде чѣмъ отправиться къ хану, составлялъ духовное завѣщаніе. Нѣкоторые люди жаловались ишану, но послѣдній приказывалъ имъ потерпѣть. Узнавъ объ успѣхахъ ишана, Меликъ-Шахъ приказалъ, доставить его къ себѣ, говоря: «зачѣмъ оказывается такой почетъ этому нищему?» Посланный, прибывъ къ ишану, отъ страха не могъ вымолвить ни слова. Когда онъ, наконецъ, передалъ порученіе, ишанъ разгнѣвался и послалъ въ отвѣтъ Эмиру слѣдующее четверостишіе: «Доколѣ будетъ простираться твоя несправедливость? Ты постоянно притѣсняешь сердца людей. Если ты, злодѣй, не измѣнишь своего поведенія, то, я говорю тебѣ, смерть угрожаетъ тебѣ». Передавая это письмо посланному, ишанъ сказалъ: «не вскрывай этой бумаги, иначе ты ослѣпнешь». Посланецъ былъ человѣкъ умный и не вскрывъ бумаги, передалъ ее Казанъ-Хану. Прочитавъ бумагу, ханъ

пришелъ въ ярость и сказалъ: «дерзость этого негодяя дошла до того, что онъ пишетъ мнѣ такое четверостишіе». Затѣмъ онъ приказалъ осѣдлать лошадь, съ тѣмъ, чтобы отправиться къ Шейху и казнить его. Приближенные старались отговорить его, но онъ не послушался. Шейху доложили, что ханъ приближается и ежеминутно доставляли ему свѣдѣнія. Ишанъ приказалъ, чтобы человѣкъ бросилъ яблоко на воздухъ; «сколько оборотовъ оно сдѣлаетъ до его прибытія», сказалъ онъ, «столько мудрости проявитъ Господь». Затѣмъ онъ сталъ наблюдать и послѣ нѣкотораго времени сдѣлалъ знакъ, сказавъ: «Богъ великъ!» Между тѣмъ Казанъ-Ханъ достигъ Геле-Джуя, проѣхавъ два моста и вступалъ на третій, когда крестьянинъ одинъ поднесъ ему въ подарокъ корзину яблоковъ. Ханъ, сидя на лошади, протянулъ руку, схватилъ одно яблоко и сталъ имъ играть. Вдругъ яблоко упало на барабанъ, лошадь испугалась, онъ упалъ и сломалъ себѣ шею. Всѣ знали, что это случилось по милости Шейха и всѣ жители и знатные пришли и пали къ его ногамъ. Послѣ этого люди затруднялись, кого избрать царемъ. Нѣкоторые рѣшили, что Шейхъ достоинъ быть царемъ, но ишанъ на это не согласился. Въ теченіе года онъ проживалъ въ монастырѣ Азадъ-Шейхъ на востокѣ отъ Бухары. Люди приходили и обращались за совѣтомъ и правосудіемъ къ ишану. Никто не слышалъ объ искахъ и никто никого не обижалъ.

Наконецъ люди пришли къ Шейху и доложили, что царство не можетъ существовать безъ князя: «съ шести сторонъ Цари услышали, что въ Бухарѣ нѣтъ князя и собираются покорить ее. Что ты на это скажешь?» Ишанъ сказалъ: «возьмите мой посохъ; кому онъ придется по росту, того изберите въ цари, хотя бы онъ былъ пастухомъ». Этотъ отвѣтъ никого не удовлетворилъ и люди снова пришли съ докладомъ. Ишанъ сказалъ: «идите въ сторону Нуратинскихъ горъ и зовите Біянъ-Кулихана; кто бы вамъ ни встрѣтился, примѣрьте ему этотъ посохъ». Послѣ этого жители Бухары, горя желаніемъ увидѣть царя, взяли посохъ Шейха и обошли область; всякому, кто имъ встрѣчался, они примѣряли посохъ, но никому онъ не пришелся впору. Они справлялись о Біянѣ-Кулиханѣ, но ничего о немъ не слышали. Дѣло Біянъ-Кулихана заключалось въ слѣдующемъ.

Когда дядя его Меликъ-Шахъ воцарился, хану было 18 лѣтъ. Меликъ-Шахъ приказалъ его казнить, но министры тайно заплатили палачу и дали юношѣ возможность бѣжать. Съ тѣхъ поръ онъ блуждалъ и пришелъ къ Нуратинскимъ горамъ. Въ то время въ Бухарѣ находилось племя Ирлатъ. Однажды ханъ замѣтилъ, что коршунъ, поднявшись на воздухъ, выронилъ что-то тяжелое изъ клюва; онъ увидѣлъ, что это красный кошелекъ полный денегъ, взялъ его и вошелъ въ ставку Ирлатовъ. Одинъ человѣкъ узналъ кошелекъ и пришелъ къ помощнику Эмира Ирлатскаго, ибо кошелекъ принадлежалъ послѣднему. Эмиръ Муидъ сказалъ: «я у источника совершалъ омовеніе и у меня пропалъ кошелекъ; вѣроятно ты его укралъ». Ханъ разсказалъ случай съ коршуномъ, но онъ этому не повѣрилъ и нѣкоторое время содержалъ хана въ заключеніи. Тѣмъ не менѣе ханъ своего состоянія не открылъ и не сказалъ, что онъ царевичъ. Ночью онъ увидѣлъ во снѣ Шейхуль-Алема, а проснувшись, порвалъ оковы и убѣжалъ. Прибывъ въ Геугамъ, онъ сѣлъ подъ одною стѣною, какъ чужестранецъ, и плакалъ. Одна пожилая женщина, мужъ которой былъ пастухомъ, приняла его къ себѣ какъ сына. Черезъ нѣсколько дней человѣкъ этотъ заболѣлъ. Ханъ взялъ пастушескую палку и цѣлый годъ былъ пастухомъ, пока не появились люди изъ Бухары. Однажды онъ увидѣлъ, что идетъ толпа, призывая Біянъ-Кулихана. Онъ удивился и отъ страха молчалъ. Люди подошли къ нему и спросили: «юноша, не видѣлъ ли ты Біянъ-Кулихана?» Онъ спросилъ: «какое имѣете вы къ нему дѣло?» Они разсказали ему о приказаніи Шейха и дали ему въ руку посохъ, который пришелся ему по росту. Они призадумались, какъ сдѣлать царемъ пастуха, но одинъ изъ нихъ сказалъ: «я слышалъ, что Шейхъ говорилъ, чтобы сдѣлать царемъ того, къ кому подойдетъ посохъ, хотя бы онъ былъ пастухомъ». Затѣмъ между ними находился одинъ изъ ноукеровъ (слугъ) Меликъ-Шаха, который, по приказанію послѣдняго, семь лѣтъ содержалъ Біянъ-Кулихана въ заключеніи; этотъ узналъ его и палъ къ его ногамъ.

Словомъ, они его привезли въ Бухару. Самъ Шейхъ выѣхалъ ему навстрѣчу, украсили городъ и посадили хана на бухарскій престолъ Онъ правилъ съ такою справедливостью, что описать нельзя.

Біянъ-Кулиханъ царствовалъ 30 лѣтъ и былъ настолько справедливъ, что не выѣзжалъ даже на охоту, дабы не обижать птицъ. Однажды царь спросилъ у одного маслобойщика, сколько масла получается изъ одного кунджутнаго зерна? Онъ отвѣтилъ: «такое количество, что можно смазать ноготь». Затѣмъ онъ спросилъ его о намазѣ (молитвѣ) и постѣ; тотъ не съумѣлъ отвѣтить. Тогда онъ приказалъ его казнить. Сынъ маслобойщика былъ муллою; онъ сказалъ: «о, Ханъ, мой отецъ не учился вслѣдствіе притѣсненій твоего дяди Казанъ-Хана, ибо онъ приказалъ, чтобы не учились въ мектабахъ, я же по твоей справедливости сталъ муллою, ибо ты издалъ приказъ: горе тому, кто не отдастъ въ школу своего сына».

Теперь мы дошли до исторіи Тургай Бахадура. Раньше было упомянуто, что онъ изъ рода Караджара. По сообщенію свѣдующихъ людей, въ то время званіе визиря не принадлежало болѣе его семейству, но онъ былъ богатъ и всѣми почитаемъ. — То мѣсто, гдѣ проживалъ Тургай, называютъ и теперь въ Шахрисябзѣ «Тургаемъ». Въ то время

70 собакъ съ золотыми ошейниками охраняли его стада. Самъ онъ былъ человѣкъ сильной комплекціи и смуглолицый.

Въ то время въ Бухарѣ былъ муллою Садрушшеріе, авторъ книги «Шерхи викае». Однажды онъ сидѣлъ въ кругу учениковъ, какъ вдругъ вошелъ странникъ и сказалъ: «отдай замужъ твою дочь Некіе-бешимъ, ибо отъ нея родится сынъ-покоритель міра». Мулла сказалъ: «о дивана (дуракъ) почемъ ты это знаешь»? Онъ отвѣтилъ: «мнѣ извѣстны сокровенныя тайны». Садрушшеріе приказалъ заключить его въ каменный домъ (тюрьму), а самъ отправился къ хану и доложилъ объ этомъ происшествіи. Ханъ приказалъ привести странника. Но случилось, что посланные за нимъ люди, отворивъ Абхане (темницу), нашли вмѣсто странника дочь Садрушшеріе связанною. Люди изумились, а дѣвушка оказалась сумасшедшею и сколько ни читали надъ нею молитвъ, она не поправлялась. Въ концѣ концовъ ее повезли къ Шей-хуль-Алему. Ишанъ улыбнулся и сказалъ: «тотъ странникъ былъ святой духъ; отъ этой дѣвушки родится хорошій и доблестный сынъ». Къ дѣвушкѣ тутъ же вернулся разсудокъ отъ чести свиданія съ ишаномъ. Послѣдній сказалъ: «я самъ выдамъ замужъ эту дѣвушку». Садрушшеріе отвѣтилъ: «какъ вамъ будетъ угодно». Когда стало извѣстно, что ишанъ предрекъ дѣвушкѣ, то со всѣхъ сторонъ за нею стали свататься сановники и ученые, но Шейхъ говорилъ постоянно, что мужъ ея еще не прибылъ въ Бухару. Наконецъ люди стали поговаривать, что самъ Шейхъ женится на ней.

Теперь послушайте о Тургай-Бахадурѣ. Однажды онъ охотился въ Шахрисябзской степи и погналъ передъ собою серну. Серна бросилась въ стадо и, пробѣжавъ черезъ него, скрылась. Бахадуръ взглянулъ на стадо и увидѣлъ, что волкъ разорвалъ одну овцу. Онъ пустилъ въ волка стрѣлу, а затѣмъ разбудилъ заснувшаго пастуха и сталъ его бить. Пастухъ сказалъ: «не бей меня, Эмиръ, я видѣлъ для тебя хорошій сонъ». Бахадуръ сказалъ: «разскажи, какой ты видѣлъ сонъ».— «Я видѣлъ», сказалъ пастухъ, «что человѣкъ, одѣтый въ зеленое платье, мнѣ кричалъ: скажи твоему хозяину, чтобъ онъ отправился къ Шейхуль-Алему и женился на дочери Садрушшеріе, ибо отъ нея родится сынъ покоритель міра». — Бахадуръ сказалъ: «ты отъ страха обманываешь меня». «О, Бахадуръ», отвѣтилъ пастухъ, «я никогда не слыхалъ именъ Шейха и Садрушшеріе; клянусь Богомъ, Создателемъ твореній, что этотъ сонъ хорошее предзнаменованіе». Бахадуръ, не взирая на это, хотѣлъ ударить его ногайкой. Вдругъ собака пастуха вскочила и залаяла, но Бахадуру послышалось, что она говоритъ: «онъ сказалъ правду». Онъ спросилъ пастуха: «понялъ ли ты, что сказала собака? Тотъ отвѣтилъ: «она говоритъ, что я сказалъ правду». Послѣ этого Бахадуръ повѣрилъ словамъ пастуха и приготовивъ все необходимое, отправился въ Бухару.

Въ Бухарѣ онъ заѣхалъ прямо къ Шейхъ-уль-Алему. Ишанъ въ это время молился, но замѣтилъ прибывшаго. Тургай Бахадуръ сѣлъ въ кругу суфіевъ и сталъ ждать. Наконецъ Шейхъ поднялъ голову и сказалъ: «привѣтъ тебѣ, отецъ Сахиби-крана»! [1]) (Прозвище «Сахиби-кранъ» Тимуру дано было ишаномъ, когда онъ еще не былъ зачатъ, и этотъ эпитетъ сдѣлался августѣйшимъ прозвищемъ Эмира). Тургай Бахадуръ разсказалъ странный случай съ пастухомъ. Шейхъ сказалъ: «да, сонъ пастуха вѣренъ, я для тебя сохранилъ Некіе-бегимъ, но такъ какъ я далъ обѣтъ, что раньше долженъ быть построенъ монастырь, то ты обязанъ это исполнить, дабы обѣтъ не былъ нарушенъ». Эмиръ Тургай согласился на это условіе. Тогда ишанъ сказалъ: «не печалься, человѣкъ, который этого домогается, можетъ быть освобожденъ отъ обязательства». Эмиръ палъ къ ногамъ Шейха. Ишанъ отпустилъ всѣхъ своихъ учениковъ, такъ что никого не осталось, кромѣ Эмира Тургая. Онъ приказалъ ему встать и совершить новое омовеніе. Эмиръ совершилъ омовеніе и положилъ два молитвенныхъ поклона. Тогда Шейхъ написалъ письмо и передалъ ему, говоря: «пойди на загородное кладбище Файзъ-уль-энваръ у источника Хазретъ Аюба (въ то время кладбище «Хазретъ Аюба» было внѣ крѣпости Бухары; Абдуль-Азизъ Ханъ, сынъ Обейдулла Хана, приказалъ включить его въ черту города). Когда ты придешь къ могилѣ ишана (святаго), сядь на берегу источника. Ты увидишь закрытую дверь монастыря; не бойся и, что бы ты ни услышалъ, молчи. Выйдетъ суфи и поставитъ передъ тобою посудину съ пищей; если она будетъ растительная, то отъ того сѣмени Богъ дастъ тебѣ сына, который будетъ силенъ въ шаріатѣ [2]); если же пища будетъ животная, то у тебя родится сынъ, который, кромѣ разврата и дурныхъ поступковъ, ничего дѣлать не будетъ. Съѣвъ пищу, передай мою записку суфію. Когда послѣдній войдетъ въ монастырь, ты вернись назадъ и не оборачивайся; кто бы тебѣ ни говорилъ взглянуть назадъ, не слушайся его, пока не придешь ко мнѣ».

Взявъ записку, Тургай Бахадуръ отправился. Прибывъ къ подножію городской стѣны, онъ достигъ кладбища Хазретъ-Аюбъ и увидѣлъ, что изъ купола восходитъ сіяніе къ небесамъ. До слуха его дошла пріятная музыка, стоны флейты, лютни и тамбурина. Онъ сказалъ: «хвала Богу, что это значитъ»? — Затѣмъ, онъ исполнилъ то, что ему приказалъ Шейхъ и сѣлъ на берегу источника. Вдругъ дверь отворилась и вышелъ суфи въ зеленомъ одѣяніи со скатертью и блюдомъ, которое онъ поставилъ передъ Эмиромъ. Тургаю Бахадуру сдѣлалось

[1]) Прозвище «Сахиби-кранъ» обозначаетъ человѣка, родившагося при особенно счастливомъ сочетаніи созвѣздій.

[2]) т. е. будетъ хорошій мусульманинъ.

страшно при мысли, будетъ ли пища запрещенная или дозволенная, ибо отъ этого зависѣло, какой у него родится сынъ. Когда онъ поднялъ крышку блюда, то увидѣлъ, что оно полно молока. Онъ выпилъ все молоко съ удовольствіемъ и, передавъ записку суфію, пошелъ обратно. Вдругъ онъ услышалъ за собою возгласы: Богъ великъ, Богъ всевышній, нѣтъ Бога, кромѣ Бога, Богъ великъ, хвала Ему! — Эмира объялъ трепетъ. Онъ подошелъ къ саду Шамс-уль-мулонъ, который теперь называется Намазгяхъ. Оттуда вышелъ старикъ и сказалъ: «зачѣмъ ты не оглянешься и лишаешь себя столь удивительнаго зрѣлища, повинуясь приказанію Шейха»? — Слова эти такъ подѣйствовали на Бахадура, что онъ чуть не обернулся. Вдругъ таинственный вѣтерокъ коснулся его лица, и Бахадуръ продолжалъ путь къ Шейху, а старикъ исчезъ. — Придя въ монастырь, онъ отыскалъ Шейха, покаялся ему и попросилъ прощенія. Ишанъ сказалъ: «тотъ старикъ былъ дьяволъ, да будетъ надъ нимъ проклятіе, а таинственный вѣтерокъ былъ отъ меня; еслибъ я этого не сдѣлалъ, то ты оглянулся бы и твой плодъ погибъ бы. Теперь иди и посмотри сквозь мои пальцы».

Когда Бахадуръ посмотрѣлъ, то увидѣлъ, что много людей, одѣтыхъ въ бѣлыя и зеленыя одежды, идутъ съ кирпичами и алебастромъ въ рукахъ. Шейхъ замѣтилъ ему, что это люди таинственные. Бахадуръ спросилъ: «который изъ нихъ старшина»? — Ишанъ сказалъ: «старшина ихъ умеръ и они просили меня принять это званіе». «Но, возразилъ Тургай Бахадуръ, большинство этихъ людей мнѣ извѣстно и открыто занимается ремеслами, а въ душѣ они люди таинственные». Шейхъ сказалъ: «о Тургай, еслибъ ты не обладалъ спасеніемъ, то не могъ бы на нихъ смотрѣть». Между тѣмъ таинственные люди приблизились къ Шейху, поклонились ему и сказали: «когда мы первый разъ пришли къ Вамъ, Вы не согласились принять на себя старшинство; сегодня человѣкъ Вашъ принесъ намъ письмо, въ коемъ Вы сообщаете, что, хотя и не помыслили принять старшинство, но ради просьбы Бахадура согласились, съ условіемъ, чтобы мы къ утру выстроили монастырь». За симъ таинственные люди всѣ обрадовались, сняли одежду траурную и надѣли одежду радости и занялись постройкою монастыря, такъ что къ утру строители судьбы и силы выстроили куполъ, подобный небесному своду изъ алебастра утра и кирпича солнца. Жители благородной Бухары, увидѣвъ на слѣдующій день этотъ куполъ надъ головою Хазрета, изумились и отнесли это къ числу чудесъ, сотворенныхъ Шейхомъ; но послѣдній объявилъ, что зданіе это выстроилъ Тургай Бахадуръ. Затѣмъ онъ обвѣнчалъ Тургая съ Некіе Бегимъ дервишскимъ бракомъ и въ то время, когда солнце было въ созвѣздіи Козерога, тотъ чистый зародышъ въ часъ Сатурна зародился во чревѣ своей матери.

Но передъ этимъ было еще одно происшествіе. Эмиръ Караганъ имѣлъ чинъ «Эмир-уль-улуса [1]), равняющійся нынѣшнему «Аталыкъ». Былъ онъ Кунгратъ и потому Ханъ бухарскій въ отношеніи его не пользовался никакими преимуществами, кромѣ заздравной молитвы и чеканки денегъ; все было въ рукахъ этого Аталыка. Онъ явился соискателемъ Некіе Бегимъ, вообразивъ себѣ, что она предназначена для него и произвольно отдана сынамъ Караджаръ-Нуяна. Поэтому онъ рѣшился идти войною на Шейха, сколько Ханъ бухарскій этому ни противился. Онъ посланъ къ Шейху людей съ предложеніемъ назначить мѣсто битвы. Ишанъ сказалъ: «еслибъ она была предназначена для него, то зачѣмъ онъ не явился раньше, когда дѣвушка была сумасшедшей, теперь же, когда я выдалъ ее мусульманскимъ бракомъ за Тургай Бахадура, пусть онъ попытаетъ въ отношеніи меня все, что въ его силахъ».

Собравъ войско, Эмиръ Караганъ выступилъ противъ Шейха. Когда онъ приблизился къ монастырю, Бахадуръ сказалъ: «отцы мои также были Эмир-уль-улусами и я желаю сразиться съ Караганомъ, хотя онъ и не имѣетъ себѣ равнаго въ стрѣльбѣ изъ лука». Сначала ишанъ отговаривалъ его, но Тургай Бахадуръ очень настаивалъ. Тогда Шейхъ самъ опоясалъ его и онъ выступилъ съ 400 учениками ишана въ боевомъ порядкѣ противъ Эмира Карагана.

Въ это время солнце повернуло къ полудню и свѣтило въ лицо Эмиру Тургаю, причиняя ему безпокойство. Шейхъ молился въ монастырѣ и вотъ появилась тучка и заволокла небо. Эмиръ Караганъ сразился съ войскомъ Бахадура, при чемъ знамя могилы Ишана возвышалось надъ головою Тургая. Всѣ воины послѣдняго были пѣшіе, только самъ онъ былъ верхомъ. Эмиръ Караганъ имѣлъ бѣлое знамя, красную одежду и чернаго коня. Ишанъ говорилъ Бахадуру, чтобъ онъ вызвалъ Карагана на единоборство. Онъ поступилъ согласно приказанію ишана и они съѣхались съ Караганомъ. Во время борьбы на стрѣлахъ одна стрѣла попала въ правый глазъ Бахадура и онъ упалъ съ лошади, а тотъ хотѣлъ отрубить ему голову. Суфіи доложили объ этомъ Шейху. Тогда ишанъ сдѣлалъ лукъ изъ тростника и выстрѣлилъ въ сторону Карагана. Стрѣла, пробивъ стѣну монастыря, попала злодѣю въ грудь. Люди, видѣвшіе его рану, удостовѣрили, что стрѣла пронзила его сзади и онъ упалъ мертвымъ. А Эмиръ Тургай только ослѣпъ на одинъ глазъ.

Затѣмъ прибылъ къ Шейху съ извиненіемъ Эмиръ Бухары, Біянъ-Кули-Ханъ. Ишанъ сказалъ ему: «ты въ этомъ не виноватъ».

Вскорѣ послѣ этого Тургай Бахадуръ увезъ Некіе-Бегимъ въ Шахрисябзъ.

1) Нѣчто вродѣ средневѣковыхъ феодальныхъ князей.

Въ томъ же 735 (1334) году ишанъ скончался проживъ 115 лѣтъ. Въ то время Эмиръ Тимуръ во чревѣ матери былъ шистимѣсячнымъ.

Между тѣмъ Тургай Бахадуръ ожидалъ въ Шахрисябзѣ рожденія сына.

Въ это время Біянъ-Куди-Ханъ получилъ извѣстіе, что войско Аглана Кашгарскаго приготовляется къ возстанію, и написалъ письмо въ Шахрисябзъ, чтобы собрали войско изъ Берласовъ и Керреевъ и отправились противъ Аглана для предотвращенія возстанія. Керреи были собственно тюрки, но ихъ принято называть керреями. Когда означенное письмо пришло къ Эмиру Тургаю, онъ поцѣловалъ землю и опоясался по приказанію Хана, своего сюзерена. Старшая жена его, по имени Юкунъ-Ага, была дочь Эмира Карагана, который палъ въ бою съ Тургай Бахадуромъ; ей онъ поручилъ Некіе-Бегимъ, а самъ отправился въ Кашгаръ.

Теперь начинается разсказъ о рожденіи Эмира Тимура. Некіе-Бегимъ окончила 9 мѣсяцевъ и 9 дней и настало время разрѣшенія ея отъ бремени. Но Юкунъ-Хатунъ таила злобу на Некіе-Бегимъ за то, что отецъ ея погибъ изъ за нея. Однажды она увидѣла во снѣ, что изъ за платья Некіе-Бегимъ взошло солнце, освѣтило весь міръ и, пройдя съ востока на западъ, направилось въ Индію, гдѣ и осталось. Проснувшись, она догадалась, что сопернице ея предстоитъ великое счастье. Отъ зависти она ее усыпила, а затѣмъ призвала раба, родомъ изъ племени Хезаре-Лачинъ, по имени Каидунъ, доставшагося ей по наслѣдству отъ отца, и сказала ему: «я имѣю тайну, охранителемъ которой хочу сдѣлать тебя, но смотри не выдай ея». Рабъ отвѣтилъ: «я остался отъ твоего отца и тайны твоей не выдамъ». Тогда она разсказала ему, какой она сонъ видѣла на счетъ Некіе-Бегимъ и спросила его, не можетъ ли онъ узнать его значеніе у свѣдущаго толкователя. Каидунъ возразилъ: «здѣсь нѣтъ толкователей, но я слышалъ что въ Самаркандѣ появился человѣкъ, по имени Суюликъ-Ата, который живетъ въ пещерѣ и про котораго говорятъ, что онъ разрѣшаетъ всѣ затрудненія людей». Юкунъ приласкала раба, заручилась его вѣрностью и послала его къ Суюлику. Когда рабъ прибылъ къ пещерѣ, то увидѣлъ, что Ата сидитъ и много народу ждетъ очереди, такъ что онъ только черезъ сутки достигъ до него. Онъ увидѣлъ человѣка, одѣтаго въ звѣриную шкуру и не отъ міра сего. Онъ тайно объяснилъ ему свое дѣло. Ата сказалъ: «да, въ этотъ годъ родится ребенокъ «Сахиби-кранъ», который будетъ покорителемъ міра. Я полагаю, что теперь настало время появленія его на свѣтъ. Отъ той женщины родится ребенокъ, потомки коего будутъ царствовать 130 лѣтъ, а самъ онъ покоритъ міръ и процарствуетъ 36 лѣтъ. Рабъ положилъ подарокъ передъ Атой, но послѣдній его не принялъ, сказавъ, что онъ міру далъ троекратный разводъ [1]) порвавъ съ нимъ всѣ связи.

Возвратившись домой, Каидунъ разсказалъ обо всемъ Юкунѣ. Послѣдней овладѣло пламя зависти и она сказала рабу: «не можешь ли ты околдовать Некіе и убить ее? Рабъ очень отговаривалъ ее, но безуспѣшно. Наконецъ, видя, что Юкуна изводится, и не находя другого средства успокоить ее, онъ согласился на убійство. Написавъ подложное письмо, онъ передалъ его Некіе-Бегимъ. Содержаніе письма было такое: «Отъ отца твоего, Садрушмаріе. О дочь моя! знай, что если ты скоро не пріѣдешь, то не увидишь меня во вѣки, мнѣ немного осталось жить». Некіе-Бегимъ, сгорая нетерпѣніемъ скорѣе увидѣть отца, отправилась къ Юкунѣ, объяснила ей дѣло и попросила у нея позволенія уѣхать, такъ какъ Тургай-Бахадуръ отдалъ ее на попеченіе Юкунѣ. Послѣдняя отпустила ее въ сопровожденіи двухъ служанокъ, а вслѣдъ за ними отправила раба Каидуна, чтобъ онъ покончилъ съ нею. Каидунъ по дорогѣ догналъ царицу и убилъ сначала обѣихъ служанокъ. Несчастная Некіе-Бегимъ взмолилась, говоря: «дѣдушка, какая польза тебѣ будетъ, если ты меня убьешь? во чревѣ моемъ есть ребенокъ еще недоношенный, какую вину можетъ онъ имѣть? Рабъ отвѣтилъ: «изъ-за него-то я и убью тебя, ибо онъ покоритель міра». Затѣмъ, онъ извлекъ свой мечъ и бросилъ его въ Некіе-Бегимъ. Будучи ранена, она со страха за свою жизнь бросилась въ колодезь, рабъ же наклонился надъ отверстіемъ колодца и закричалъ ей, чтобъ она скорѣе вылѣзала. Бѣдная женщина застонала. Вдругъ, по счастью Эмира Тимура, блеснула молнія съ небесъ и ударивъ въ грудь раба, разсѣкла его на двѣ части. Царица избавилась отъ его преслѣдованія, но не могла выйти изъ колодца, который былъ сухой. Случайно прошелъ мимо пастухъ, который, увидѣвъ ее, бросилъ въ колодезь веревку. Царица ухватилась за нее и пастухъ ее вытащилъ. Увидѣвъ передъ собою женщину необычайной красоты, пастухъ освѣдомился, какимъ образомъ она сюда попала. Некіе-Бегимъ отвѣтила: «я принадлежу къ племени Аймаковъ; мы ночью проходили по этой мѣстности со своимъ родомъ и я нечаянно упала въ этотъ колодезь; этотъ мертвый—мой мужъ, его убила молнія».

Пастухомъ овладѣла страсть и онъ задумалъ совершить насиліе надъ Некіе-Бегимъ, но послѣдняя взмолилась къ Богу. Вдругъ появился человѣкъ, съ виду арабъ. Услышавъ въ чемъ дѣло, онъ очень устра-

[1]) По мусульманскому закону троекратный разводъ между супругами считается окончательнымъ и послѣ таковаго супруги могутъ сойтись вновь лишь при условіи, что жена предварительно вступитъ въ бракъ съ другимъ лицомъ и получитъ отъ послѣдняго разводъ.

шилъ пастуха, а затѣмъ сказалъ: «о царица, меня зовутъ Эмиромъ-Чакуй-Верласъ и это мой пастухъ; будь моею дочерью, иди въ мой домъ, дѣти мои позаботятся о тебѣ, а затѣмъ мы розыщемъ твоихъ родныхъ и поручимъ тебя имъ». Съ этими словами онъ повелъ ее въ свой домъ и поручилъ ее своей женѣ.

Въ эту пору наступило время разрѣшенія отъ бремени Некіе-Бегимъ, въ ночь субботы 5-го Шабана 735 года, во время восхода созвѣздія рака, когда солнце было въ первой степени козерога, а луна въ 29-й степени водолея и когда оба эти свѣтила были въ связи. Послѣднее обстоятельство толкуется такъ: когда всѣ семь созвѣздій планетъ сблизятся съ восходящимъ ракомъ въ зодіакѣ козерога, то ребенокъ, родящійся въ это время, будетъ обладать счастіемъ, ибо Господь сотворилъ міръ въ такой часъ. Писатель Шерефъ-Іезди говоритъ въ своемъ Зеферъ-Наме, что три ребенка родилось при подобномъ сочетаніи созвѣздій: Искандеръ-Зуль-Карнейнъ (Александръ Македонскій), Мухаммедъ-Мустафа (Магометъ) и Эмиръ-Тимуръ. Каждые 800 лѣтъ разъ планеты сближаются въ созвѣздіи Козерога.

Передаютъ также, что мать Тимура во время рожденія послѣдняго не испытывала никакихъ мученій и не страдала подобно другимъ женщинамъ, чему весьма удивилась.

В. Клеммъ.

Оглавленіе.

	стран.
Проказа въ Китаѣ. Вмѣсто предисловія. *С. Н. Сыромятникова (Сима)*	I—VI
На помощь прокаженнымъ. Стихотвореніе. *А. К. Федорова*	1
Отрывокъ изъ моихъ воспоминаній. Очеркъ. *В. Духовской*	2
Исцѣленіе прокаженнаго. Стихотвореніе. *С. Мушрубъ-Шавердова*	11
Берлинская конференція по вопросу о проказѣ. *Барона Г. Р. фонъ-Штемпель*	13
Изъ исторіи и быта прокаженныхъ. Очеркъ. *Н. Остроумова*	16
Осень. Стихотвореніе. *И. Лодыженскаго*	40
Сказка. *В. Гейманъ*	41
Старый ятаганъ. *В. Гейманъ*	44
Ніагарскій водопадъ. Очеркъ. *Н. Грулевой*	50
Стихотворенія. I. Двѣ розы. II. Едва лишь затихнетъ дневное движенье. *Серпья Недолина*	55
Сладкая царевна. Беговадская сказка. *Н. Волынской*	57
Раскаяніе. Очеркъ. *И. Лодыженскаго*	65
Стихотворенія. I. Ночь. II. Въ селеніяхъ рая душа молодая. *А. К. Федорова*	73
Тревога въ лагерѣ на Памирахъ. Изъ походныхъ воспоминаній. *В. Колосовскаго.*	74
Стихотворенія. I. Изъ оконъ вагона. II. О, не спугивай грёзъ, моя милая. *Александра Виддинова.*	86
Сибирскіе силуэты. Очеркъ. *М. Грулева*	87
Стихотворенія. I. Застольная пѣсня. II. Изъ чащи привѣтной. *И. Лодыженскаго*	102
Паріи протестуютъ... Разсказъ. *Н. Лыкошина*	104
Стихотворенія. I. Эту ночь чуднымъ сномъ назови. II. Полно, что за слезы. *А. К. Федорова*	116
Въ клиникѣ. Разсказъ. *И. И. Карпьева-Гребарова*	117
Убійца министра. Изъ современной исторіи Бухары. *Г. Федорова*	126
Буря. Стихотвореніе. *И. Лодыженскаго*	130
Разсказы о взятіи Самарканда. *Л. Симоновой (Хохряковой)*	131
День „Вознесенія“ въ Закаспійскихъ пескахъ. Изъ путевыхъ воспоминаній. *С. Баумарта*	152
Воспоминанія Сибирскаго полиціймейстера. *Алексѣя Иванова*	155
День въ Пенангѣ. *П. Хржановскаго.*	171
Двѣ мусульманскія легенды. *М. Бродовскаго.*	185
Годъ въ Швейцаріи. Очеркъ. *А. Жемчужниковой.*	192
Разсказъ о покойномъ К. П. фонъ-Кауфманѣ. *Н. Остроумова.*	208
Что даетъ Средне-Азіатская мусульманская школа въ образовательномъ и воспитательномъ отношеніяхъ? *В. Наливкина*	215
Жизнеспособна-ли Турція? ***	279
Преданіе о рожденіи Тамерлана. *В. Клеммъ.*	304